ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 15, № 1 (2024)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 15, No. 1 (2024)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01

EASTERN ANALYTICS

Vol. 15, No. 1 (2024)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal
The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.
Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnaâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: *www.ivran.ru*

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: *https://analitika.ivran.ru*. E-mail: *analitika@ivran.ru*

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2024
© IOS RAS, 2024

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 15, № 1 (2024)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации: ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostočnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: *www.ivran.ru*

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: *https://analitika.ivran.ru*. E-mail: *analitika@ivran.ru*

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

© «Восточная аналитика», 2024
© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilia Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editoral Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries,M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V.Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцев Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

V. Belokrenitsky
Population Growth in the countries of the East:
estimates, prospects, reasons, consequences 9

E. Borisova, V. Leonov
China in the Technology Race: Pseudosatellites as an Alternative to UAVs and Spacecraft 30

A. Vorontsov
South Korea's Participation in the RCEP:
Experience of the First One and a Half Year Period 46

I. Deryugina
Multipolarity in the Global Food Market: the Role of India and Russia 62

N. Mamedova
The Economic Situation in Iran on the Eve of the 2024 Elections 77

E. Rastyannikova
Transnational corporations in the global mining complex
in the transition from globalization to fragmentation 89

L. Rudenko
Algeria, Morocco – China: Trade and Economic Cooperation (2010s) 104

Z. Solovieva
Energy transition in Tunisia: Reality and Plans 115

N. Semenova
Hong Kong Port: the former and future leader of the port industry? 127

I. Fedulov
Turkish Railways 2010–2020s 146

POLITICS

E. Dunaeva
Results of Parliamentary Elections in Iran 163

N. Zamaraeva
Pakistan – Iran: reasons for tension in 2024 177

O. Ledovskaya **The article was retracted due to a violation of scientific ethics**
Issues of Turkish immigration to Japan in Japanese-Turkish relations 192

D. Mosyakov
The reversal of Philippine policy in 2023 – from the search for compromise
with China to the escalation of tension and military confrontation in the Indo-Pacific region 208

M. Kyrchanoff
Images of the Other in the Discourse of Modern Indonesian Muslim Conservatism 234

B. Kushkhov
Speeches by the Leaders of Russia, China and Mongolia at Trilateral Meetings (2014–2022):
Comprehensive Content Analysis 245

S. Melnikova
The Nature of the Hybrid Warfare: the Case of Kashmir 253

A. Filonik
Egypt at the Crossroads 270

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

В. Я. Белокреницкий
Рост населения в странах Востока: оценки, прогнозы, причины и последствия 9

Е А. Борисова, В. А. Леонов
Китай в технологической гонке: псевдоспутники
как альтернатива БПЛА и космическим аппаратам 30

А В. Воронцов
Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода 46

И. В. Дерюгина
Многополярность на мировом рынке продовольствия: роль Индии и России 62

Н. М. Мамедова
Экономическая ситуация в Иране накануне выборов 2024 года 77

Е. В. Растянникова
Транснациональные корпорации в мировом горнодобывающем комплексе
в условиях перехода от глобализации к фрагментации 89

Л. Н. Руденко
Состояние и перспективы торгово-экономического
сотрудничества Алжира и Марокко с Китаем 103

З. А. Соловьева
Энергопереход в Тунисе: реальность и планы 115

N. Semenova
Hong Kong Port: the former and future leader of the port industry? 127

И. В. Федулов
Железные дороги Турции в 2010–2020-е годы 146

ПОЛИТИКА

Е. В. Дунаева
Итоги выборной кампании в меджлис в Иране 163

Н. А. Замараева
Пакистан – Иран: причины напряженности отношений в 2024 г. 177

О. А. Ледовская **Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом**
Вопросы турецкой иммиграции в Японию в японо-турецких отношениях 192

Д. В. Мосяков
Разворот политики Филиппин в 2023 г. – от поиска компромиссов с Китаем до эскалации
напряженности и военного противостояния в Индо-Тихоокеанском регионе 208

М. В. Кирчанов
Образы Другого в дискурсе современного индонезийского мусульманского консерватизма 234

Б. Х. Кушхов
Выступления лидеров России, Китая и Монголии
на трехсторонних встречах (2014–2022): комплексный контент-анализ 245

С. В. Мельникова
Природа гибридных войн на примере Кашмирского вопроса 253

А. О. Филоник
Египет на перепутье 270

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 316
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-009-029

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОКА: ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
enitsky@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8471-928X

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции демографической эволюции стран Азии и Африки с использованием последних данных прогноза Отдела населения ООН (пересмотр 2019 и 2022 гг.). Путем сравнения с прогнозными оценками более раннего времени выявлено, что темпы роста населения как в мире в целом, так и в плотнонаселенных странах Востока на перспективу до середины XXI в. оцениваются как достаточно высокие, хотя тренд к затуханию темпов сохраняется. Прогнозы ООН предполагают, что продолжится увеличение доли стран Востока в мировом населении. В 2022–2050 гг. наиболее быстрыми темпами будет расти численность жителей в Африке южнее Сахары, в Южной Азии, а также в Северной Африке и западной части Азии. Замедленным будет рост населения Восточной и Юго-Восточной Азии. Предполагается сокращение числа жителей не только Японии, но и Китая. В статье отмечается неуклонный рост демографического ареала мусульманских стран. Автор отмечает, что высокие темпы демографического прироста осложняют серьезные социальные проблемы стран Востока, такие как бедность, безработица, нехватка продовольствия, недостатки систем здравоохранения. Проблема демографического роста в целом остается нерешенной, разрыв между развитыми и менее развитыми государствами, относительная перенаселенность многих государств Азии и Африки усиливаются.

Ключевые слова: государства Азии и Африки, демографические прогнозы, население регионов и стран Востока, мусульманского ареала, социальные причины и проблемы

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Рост населения в странах Востока: оценки, прогнозы, причины и последствия. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):9-29. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-009-029

Original article. Economics studies

POPULATION GROWTH IN THE COUNTRIES OF THE EAST: ESTIMATES, PROSPECTS, REASONS, CONSEQUENCES

Vyacheslav Belokrenitsky
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
enitsky@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8471-928X

Abstract. The article discusses trends in the demographic evolution of countries of Asia and Africa using the latest data from the UN Population Division forecast (2019 and 2022 revisions). By comparison with the forecast estimates of earlier times, it was revealed that the population growth rates both in the world as a whole and in the densely populated countries of the

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Белокреницкий В. Я., 2024
© Восточная аналитика, 2024

East for the future until the middle of the 21st century are estimated as quite high, although the trend towards attenuation of rates remains. UN forecasts suggest that the share of Eastern countries in the world population will continue to increase. Between 2022 and 2050, sub-Saharan Africa, South Asia, as well as North Africa and Western Asia will grow most rapidly. Population growth in East and Southeast Asia will be slow. Not only in Japan, but also in China the number of residents would decrease. The article shows a steady growth of the demographic area of Muslim countries. The author underlines that the high rates of demographic growth complicate serious social problems of many Eastern countries, such as poverty, unemployment, food shortages, shortcomings in health care systems. The problem of demographic growth in general remains unresolved, the gap between developed and less developed countries, and the relative overpopulation of many countries in Asia and Africa are increasing.

Keywords: nations of Asia and Africa, demographic prospects, population of regions and countries of the East, of the Muslim world. social causes and problems

For citation: Belokrenitsky V. Y. Population Growth in the countries of the East: estimates, prospects reasons, consequences. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):9-29. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-09-029

Введение

Демография как наука, изучающая динамику численности населения, относится к числу эмпирических, основывающих свои выводы на сведениях о численности людей на планете, в различных ее регионах и странах. В другой терминологии ее можно назвать индуктивной, восходящей от частного к особенному и общему. Интерес к демографии, ее данным и заключениям на протяжении многих веков был неизменно значительным. Не является исключением и наше время, когда от численности людей, проживающих в том или государстве, во многом зависят оценки экономический мощи и военного потенциала. Помимо державного интереса, демография важна для оценки человеческих, гуманитарных проблем и потребностей.

За время после окончания Второй мировой войны мир пережил подлинный бум интереса к демографическому росту. Труды знаменитого Римского клуба, книги Р. Эрлиха, Д. Мидоуз и др. [Ehrlich, 1968; Meadows, 1972] приковали к себе внимание острой постановкой вопроса о демографическом взрыве, увеличении в геометрической прогрессии мирового населения и связанным с этим проблемам нехватки продовольствия, массового голодания, недостатка пресной воды и т. п. Ближе к концу прошлого века страхи и опасения подобного рода поубавились, несмотря на продолжавшийся в соответствии с демографическими прогнозами рост населения. Преодолеть страхи позволил научно-технологический прогресс, сдвиги в аграрной сфере, в индустриальной и информационно-коммуникационной областях.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Belokrenitsky V. Y., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Относительно недавно демографическая проблематика вновь оказалась в фокусе внимания мирового общественного мнения по противоположным причинам повсеместного снижения темпов демографического роста, более того, сокращения населения в ряде крупнейших стран мира, прежде всего в Китае, увеличения доли иждивенцев, сокращения так называемого «демографического дивиденда», т. е. выгоды от преобладания в структуре населения людей трудоспособного возраста.

В данной статье с учетом этих новых явлений, опасений и озабоченностей рассматриваются некоторые выявленные тенденции и прогнозные перспективы роста населения в странах Востока, в основном Азии и Северной Африки. В первом разделе речь пойдет о росте мирового населения на перспективу до 2050 и 2100 г. За основу взят средний вариант последнего прогноза ООН 2022 г. Во втором разделе характеризуется демографический рост по регионам с особым вниманием к тенденциям увеличения численности жителей в четырех регионах Азии и Африки. Следующий раздел посвящен прогнозам населения в отдельных странах Востока в период с 2022 по 2050 гг. Объектом четвертой части служат тенденции роста числа жителей в мусульманских странах с кратким освещением вопроса о специфике демографических процессов в ареале, где основное население исповедует ислам. В заключительном разделе сделана попытка указать на те последствия, которые наблюдаемый нами демографический рост в Азии и Африке может оказать на усугубление проблем в экономике и социально-экологической сфере.

Мировое население

Общественное мнение в мире фокусируется в последнее время на убеждении, что проблема демографического роста уже решена, на смену стремительному увеличению численности жителей на планете пришла тенденция его сокращения, повсеместного спада рождаемости, увеличения когорты престарелых людей, иждивенцев, нехватки рабочих рук и т. п. Однако ознакомление с последними публикациями Отдела населения Департамента социальных и экономических дел ООН (UN Department of Social and Economic Affairs, Population Division), в частности, пересмотр перспектив мирового населения, содержащийся в публикации лета 2022 г. [World Population…, 2022], заставляет не соглашаться с некоторыми из отмеченных выше заключений, прежде всего, об общей численности населения. Согласно пересмотру (ревизии) 2022 г. по сравнению с предшествующей оценкой, сделанной в 2019 г., рост в течение трех предстоящих десятилетий, действительно, как ожидается, будет несколько меньше. По ревизии 2022 г. число жителей дости-

гает к середине XXI в. 9687, а по ревизии 2019 г. – 9735 млн человек. Но разница между двумя прогнозными оценками всего 48 млн (0,5%). Тенденция к увеличению оценок ООН предполагаемой численности населения на середину века наблюдается на всем протяжении 2010-х гг. По ревизии 2017 г. население мира в 2050 г. должно будет составить 9,8 млрд человек, в то время как по прогнозу 2010 г. оно оценивалось в 9,1 млрд, а в 1999 г. – в 8,9 млрд [World Population… 2010; World Population Projected... 2017; World Population… 2019].

Таким образом, если сравнить прогнозные оценки, сделанные более 10 и 20 лет назад, то они отличались от нынешних не в сторону увеличения, а в сторону уменьшения. Иначе говоря, тренд в сторону понижения прогноза числа людей в мире во второй четверти XXI столетия обозначился лишь совсем недавно и по сравнению с ожиданиями недавнего прошлого он невелик [Wenberger, 2022].

Этому соответствуют и расчеты, сделанные в отношении нынешнего населения мира. Наступление того момента, когда оно достигнет 8 млрд, ожидалось на несколько лет позднее, чем наступило реально, т. е. в соответствии с подсчетами той же демографической службы ООН. Этот момент настал в середине ноября 2022 г. Согласно данным этого ведущего международного центра, население на планете за два последних десятилетия (с 2000 г.) возросло примерно на 2 млрд человек [World Population… 2022, p. 5].

Стоит напомнить, что по общепринятым сегодня подсчетам в 1900 г. мировое население равнялось округленно 1,6 млрд человек, в 1950 г. – 2,5 млрд, к 1987 г. увеличилось вдвое, до 5 млрд, а к 2000 г. приросло еще более чем на 1 млрд человек, достигнув 6,1 млрд. В первой половине XX века численность росла относительно медленно, хотя и быстрее, чем в XIX столетии и, разумеется, в более отделенные времена, а во второй половине прошлого века темпы роста круто увеличились, достигли максимума в 1962–65 гг., затем пошли на снижение, хотя абсолютные приросты продолжали возрастать до конца 1980 – начала 1990-х гг. [World Population… 2022, p. 2–3].

Округленные данные роста численности мирового населения по наиболее принятым ретроспективным оценкам и по последнему прогнозу ООН представлены в таблице 1. С начала XX в. население мира увеличилось на 6,4 млрд, а с середины прошлого века росло лавинообразно, увеличившись за 72 года на 5,5 млрд человек, т. е. почти втрое (точнее, в 2,88 раза). Если брать весь период более или менее надежных наблюдений, с начала XIX столетия, то число жителей на планете возросло более чем в восемь раз с менее 1 до 8 млрд, а через 28 лет имеет шанс увеличиться более чем в 10 раз за период наблюдений.

Таблица 1. Рост населения мира в XX – первой половине XXI в.

Годы	Численность, *млн чел.*	Среднегодовой прирост, *%*
1800	900	–
1850	1200	0,6
1900	1600	0,6
1950	2500	0,9
1987	5000	1,9
2000	6100	1,6
2010	7000	1,4
2022	8000	1,1
2030	8500	0,8
2050	9700	0,7

* Рассчитано автором с помощью таблиц Айрапетова [Айрапетов, 1967].

Источники: Historical Estimates of World Population. URL: www.popin.org/pop1998/worldlist.htm; World Population Prospects 2022. Summary of Results, p. 3–4. URL: www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf

Любопытна и динамика темпов демографического роста. Она напоминает колоколообразную кривую Гаусса (нормального распределения) с низкими значениями в начале и конце периода. Пиковые значения приходятся на эпоху демографического перехода (высокая рождаемость, низкая смертность), не закончившуюся в полной мере до сих пор.

Следует отметить, что различные прогнозные оценки численности населения на середину нынешнего столетия расходятся ненамного. Помимо ООН, прогнозированием занимаются еще несколько организаций, наиболее авторитетными среди которых считаются Институт метрики и оценок здравоохранения в Сиэтле (США) и Австрийский центр демографии и глобального человеческого капитала в Вене. Расхождения между прогнозами Отдела населения ООН и этих центров, хотя и заметны в отношении периода до 2050 г., но наибольшими являются в прогнозах до 2100 г. Оба центра, особенно австрийский, прогнозируют более низкие темпы роста. Специалисты австрийского центра полагают, что человечество в будущем не перешагнет порог в 10 млрд человек, остановившись на отметке в 9,7 млрд в 2070 г. (по среднему варианту их прогноза, взятому за основу общеевропейскими комиссиями и организациями). Между тем, по среднему варианту прогноза ООН население в мире превысит 10 млрд человек между 2050 и 2060 гг. и, достигнув пика, снизится до 10,4 млрд в 2100 г. [World Population… 2022, p. 30–31].

Расчеты на далекую перспективу остаются самыми сложными и спорными. Отдел населения ООН, как и другие демографические центры, рассчитывают обычно три варианта прогноза – высокий, средний

и низкий. На конец нынешнего столетия даже по наиболее вероятному среднему сценарию население варьируется от 8,9 до 12,4 млрд человек [World Population… 2022, p. 28].

В основе различий лежат допущения о разной скорости изменения нормы суммарной фертильности (число детей на женщину), и главная неопределенность относится к населению Африки южнее Сахары. При этом прогнозы на отдаленную перспективу носят, понятно, условный и умозрительный характер.

Здесь следует отослать читателя к глубокому анализу этой проблемы, сделанному А. В. Акимовым [Акимов, 2008]. Он разработал и успешно применил свой подход к прогнозированию на основе смены режимов демографического развития, зависящих от социально-экономической динамики, т. е. перехода от традиционного, аграрного типа хозяйства к современному, индустриальному. Выполненные с помощью такой методики расчеты показывают достаточно высокую точность и позволяют учесть не только инерционные демографические тенденции, но и предполагаемые изменения в социально-экономической сфере с учетом как демографической политики государств, так и чисто демографических подвижек, таких, например, как стареющее население [см.: Акимов, 1992; Акимов, 2014]. Вклад А. В. Акимова в разработку методики, альтернативной принятым в мире методикам продления выявленных трендов изменения базовых демографических показателей рождаемости и смертности, остается, на наш взгляд, недостаточно оцененным[1].

Необходимо при этом подчеркнуть, что весь веер прогнозных оценок, сделанных на базе общепринятых методик, зависит в основном от предположений об изменениях одного из двух факторов демографической динамики, а именно рождаемости, тогда как смертность принимается за стабильную величину с тенденцией к небольшому понижению. Между тем, опыт последних лет демонстрирует немалое значение, которое в нынешнюю эпоху могут иметь колебания в показателях смертности[2].

Первым сигналом стала эпидемия ВИЧ/СПИДа. Она носила в основном локальный характер и сказалась на демографии главным образом юга Африки. Разгар эпидемии, пришедшийся на конец XX – первое деся-

[1] Одной из причин такого положения нужно считать, по-видимому, сужение фронта исследований в нашей науке, в том числе, востоковедной, взаимосвязей между демографическими и социально-экономическими процессами. Достаточно сказать, что последней, насколько нам известно, монографическим исследованием по анализу демографических прогнозов в отношении стран Востока была работа А. Р. Вяткина [Вяткин, 1990].

[2] Значению смертности в истории посвящено множество работ. Об учете этого фактора в ретроспективных оценках по методике смены режимов демографического развития см.: [Акимов, 1992, с. 78–85].

тилетие XXI в. привел к замедлению темпов демографического роста в государствах Южной Африки. Определенное воздействие СПИД оказал на ситуацию и в других регионах Африки, а также Азии и в отдельных странах Европы, Северной и Латинской Америки.

Существенно большее значение имела пандемия коронавируса. Охватив по существу весь мир в 2020–2022 гг., COVID-19, согласно подсчетам ООН и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), унес жизни 14,9 млн человек. Полагая, что среднее число лет, условно говоря, непрожитых каждой из жертв эпидемии, равно 22 годам, потери во всемирном масштабе превышают 330 млн лет. Ожидаемая продолжительность жизни в мире упала на два года с 73 лет в 2019 г. до 71 года в 2021 г. Для восстановления предшествующей пандемии продолжительности потребуется несколько лет [World Population… 2022, p. 21–22].

Таким образом, смертность при общей еще сохраняющейся тенденции к слабому снижению может оказать серьезное воздействие на рост населения в случае нарушения линейности демографических процессов и наступления неожиданных шоков. В целом прогнозы, в том числе и роста населения, остаются лишь предположениями, с которыми безусловно считаются при разработке и планировании мер, призванных предотвратить негативные явления и обеспечить более благоприятное развитие социальных и экономических процессов, но достоверность прогнозов проверяется только с течением времени. Это в полной мере касается долгосрочных прогнозов с середины до конца нынешнего столетия и дальнейших перспектив. В литературе встречаются утверждения, что XXII и XXIII столетия будут эпохой небольшого по численности земного населения, строящиеся на базе продления существующих трендов.

Демографический рост в регионах Азии и Африки

Отдел населения ООН выделяет восемь демографических регионов, из них четыре первых охватывают страны Азии и Африки. В табл. 2 приведены данные о численности населения по регионам на 2022 г. и прогнозные оценки на 2050 г. Прогнозирование на ближайшие 28 лет относится к категории достаточно надежных, поскольку, помимо предполагаемой линейности изменений показателей рождаемости и смертности, имеет значение так называемый «популяционный момент». Он состоит в уже существующем на момент прогнозирования населении. Достоверность описывается выражением, что уже родились те представители женского пола, которые дадут жизнь новым поколениям людей. В табл. 2 содержатся сведения о подсчитанном на 2022 г. числе жителей в странах, образующих демографические регионы мира, и прогнозные оценки на середину века.

Таблица 2. Рост населения в регионах мира

Регион	2022 г.		2050 г.	
	Число жителей, *млн чел.*	Доля населения в мировом, *%*	Число жителей, *млн чел.*	Доля населения в мировом, *%*
Мир	7942	100,0	9687	100,0
Африка южнее Сахары	1142	14,4	2094	21,6
Северная Африка и Западная Азия	549	6,9	771	8,0
Центральная и Южная Азия	2075	26,1	2575	26,6
Восточная и Юго-Восточная Азия	2342	29,6	2317	23,9
Латинская Америка и Карибы	658	8,3	749	7,7
Австралия и Новая Зеландия	31	0,4	38	0,4
Океания*	14	0,2	20	0,2
Европа и Северная Америка	1120	14,1	1125	11,6

* без Австралии и Новой Зеландии

Источник: World Population Prospects 2022. Summary of Results, p. 5.
URL: www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf

Из табл. 2 следует, что наиболее крупным демографическим регионом в настоящее время является Восточная и Юго-Восточная Азия. Там проживает почти 30% мирового населения, на втором месте находится Центральная и Южная Азия – свыше четверти людей на планете, в субсахарской Африке и Европе вместе с США и Канадой проживает почти равное количество людей (по 14%). Всего же на Азию и Африку приходится 77%, свыше трех четвертей всех обитателей земли.

К середине века ситуация изменится, хотя и не кардинально. Резко вырастет население Африки южнее Сахары. Оно превысит 2 млрд человек, составив около 22% мирового населения. На 500 млн человек (округленно) увеличится численность жителей в Центральной и Южной Азии и на 220 млн в Северной Африке и Западной Азии. В то же время несколько сократится численность в Восточной и Юго-Восточной Азии, а удельный вес проживающего там населения уменьшится весьма существенно – с 30 до 24%. Общее количество жителей Азии и Африки достигнет 80%.

При этом население Европы, куда входит евразийская по существу Россия, и Северной Америки практически не изменится, хотя его доля снизится примерно на два процентных пункта – с 14 до 12%. Медленнее,

чем общемировое, будет расти население Латинской Америки и Карибского бассейна и примерно на среднемировом уровне – немногочисленное население Австралии и Океании.

Из относительно неожиданных результатов анализа данных табл. 2 надо отметить высокий среднегодовой прирост, прогнозируемый в регионе Северной Африки и Западной Азии – 1,2% (почти вдвое выше, чем в мире). Темпы роста в субсахарской Африке ожидаются на уровне в три раза выше среднемировых – 2,2%. С учетом населения в Северной Африке на весь африканский континент в середине века придется приблизительно 2,5 млрд человек – 25,5% мирового народонаселения (см. об этом также: [Щербакова, 2023, с. 1–3].

Перспективы роста населения в крупнейших странах Востока

На всем протяжении Нового времени самой крупной по числу жителей страной мира считался Китай. В начале XX в. на него, как считалось, приходилось около четверти населения (порядка 400 млн человек) [Nelson, 2014, p. 25]. При всей условности подсчетов, представление о Китае как о наиболее населенной державе подтвердилось в период после окончания Второй мировой войны и создания ООН. Не прослеживая здесь историю роста населения в Китае, также как и отдельно в других странах Востока, отметим, что и по данным последней на данный момент ревизии Отдела населения ООН 2022 г. число жителей Поднебесной было самым большим, равняясь 1 млрд 426 млн человек. Но почти столько же жителей населяло в 2022 г. и Индию (1412 млн) [World Population… 2022, p. 6].

Поскольку доклад Отдела населения об основных результатах произведенного им в 2022 г. пересмотра лишь мимоходом касается вопроса о числе жителей в отдельных странах, приходится обращаться к более полным на этот счет оценкам, содержащимся в публикации о ревизии 2019 г. Из них следует, что население Китайской Народной Республики на 2019 г. оценивалось в 1 млрд 434 млн человек., т. е. было на 8 млн больше, чем по данным на 2022 г. Кроме того, в эту цифру не входят данные о Гонконге как Специальном административном районе Китая (7,5 млн) и другом САР – Макао (0,64 млн, не говоря уже о китайской провинции Тайвань (23,8 млн).

Столь заметный пересмотр данных о китайском населении вызывает вопросы. Согласно прогнозу, опубликованному в ревизии 2019 г., число жителей в материковой части Китая должно было расти вплоть до 2030 г., оцениваясь на тот год в 1464 млн и только к 2050 г. незначительно уменьшилось бы до 1402 млн человек. Между тем, по пересмотру 2022 г. оно уже снизилось по сравнению с 2019 г.

Из отсутствия каких-либо объяснений в публикациях Отдела населения ООН можно сделать предположение, что на оценках 2022 г. сказался эффект от пандемии коронавируса, которая начала свое «шествие» по миру с Китая и серьезно, по всей видимости, отразилась на демографической ситуации в нем. Еще один вывод, который напрашивается из сопоставления данных двух пересмотров, сделанных демографами ООН, состоит в том, что не стоит абсолютизировать точность расчетов как на текущий момент, так и на перспективу.

Последнее очевидно и в отношении населения второй крупнейшей страны мира, Индии. Еще в начале XX в. число жителей там существенно уступало китайскому, оцениваясь в 300 с небольшим млн человек [Петров, 1978, с. 20]. На протяжении XX столетия разрыв между ними уменьшался. Индия неуклонно приближалась по числу жителей к Китаю, что объяснялось во многом тем, что коммунистический Китай проводил жесткую политику по ограничению рождаемости (установка «одна семья один ребенок»). Индия лишь однажды (в середине 1970-х гг.) использовала административные меры по стерилизации [Dyson, A Population, p. 234–238], полагаясь главным образом на комплексную политику, способствующую понижению высокой рождаемости.

Сохранявшиеся несмотря на эту политику достаточно высокие темпы демографического роста при накопленной массе населения (популяционный момент) делали неизбежным обгон Индией Китая, хотя еще не так давно считалось, что он произойдет лишь в 2030-х гг. Более поздние прогнозы относили момент выхода Индии на первое место по числу жителей на планете к 2027 г. Однако по самым последним расчетам этот в определенной мере исторический сдвиг наступил уже в апреле 2023 г. [Демоскоп Weekly, 987–988, с. 1].

В самом этом факте много условного. «За кадром» (т. е. за рамками доступных ныне в интернете публикаций) остается база расчетов по населению в отдельных государствах. Что касается населения Индии, то проведение очередной (раз в 10 лет) переписи населения в 2021 г. было отложено, и до сих пор неизвестно, когда она состоится. Следовательно, оценки численности людей в Индии делаются на основе предположений о выявленных трендах, опирающихся в основном на национальную статистику. Вопрос доверия к ней, как в случае с Индией, так и в других случаях, остается открытым, поскольку демография нередко становится инструментом электоральной и вообще всей внутренней политики.

Кстати, на примере соседнего с Индией Пакистана, помимо этого обстоятельства, хорошо видно, что национальные статистические органы нередко «подгоняют» данные о населении под наиболее благоприятные с их точки зрения ожидания, связанные с одобрением от

международных организаций, прежде всего, ООН. Со своей стороны, чиновники этих организаций заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать эффективность поддерживаемых ими мер по снижению роста населения в бедных странах. Так, перепись населения Пакистана по политическим мотивам была проведена после перерыва в 19 лет в 2017 г. До обнародования ее результатов считалось, что темпы роста пакистанского населения плавно снижались до менее 2% в год. Однако перепись показала, что между 1998 и 2017 г. среднегодовой прирост равнялся 2,4%, и данные о численности пришлось корректировать в сторону повышения. В начале 2023 г. в Пакистане была организована новая перепись, на сей раз цифровая, с использованием ряда новых научно-технических приемов и инструментов. Ее предварительные результаты дали еще более высокий темп роста – 2,55% в год. Население страны по этим данным превысило 241 млн человек, что на 7 млн больше, чем по ревизии ООН 2022 г.

Пакистан, по данным ООН, переместился с 6-го на 5-е место в мире, уступая в Азии, помимо Китая и Индии, только Индонезии (275 млн). По прогнозу на 2050 г. пакистанское население возрастет до 366 млн, обойдя индонезийское (317 млн), но останется на том же, 5-м месте, пропустив на 4-е стремительно рвущуюся вперед Нигерию, крупнейшее государство Африки.

Перемены в страновой «табеле о рангах» на середину века соответствуют отмеченной в предыдущем разделе закономерности возрастания численности и повышения удельного веса африканского населения и снижения абсолютных и относительных размеров Восточной и Юго-Восточной Азии. Помимо Нигерии в десятку наиболее крупных по населению стран мира в 2050 г. должны войти Демократическая Республика Конго и Эфиопия. Южноазиатская Бангладеш переместится с 8-го места в 2022 г. (170 млн) на 10-е (204 млн).

Таким образом, в пятерке самых густонаселенных стран Азии останутся Индия, Китая, Пакистан, Индонезия и Бангладеш, которые далеко отстоят по этому показателю от следующих за ними Ирана и Турции, где число жителей будет на уровне, близком к 100 млн человек.

Из других прогнозируемых подвижек сто́ит для полноты картины отметить сохранение США на 3-м месте с численностью граждан округленно в те же 375 млн, что и в Нигерии, а также перемещение России с 9-го места на 15-е, при относительно небольшом сокращении численности – со 145 до 133 млн. В соседних с Россией государствах Европы ожидается уменьшение числа жителей на 20% и более. Фактор иммиграции во многом объясняет рост населения в США, а также в Англии, Франции и Канаде. Меньшее значение этого фактора ответственно, по всей

видимости, за прогнозируемое по ревизии 2019 г. снижение численности граждан в Германии, Италии и Испании [World Population… 2019, p. 21–22].

Увеличение демографического ареала мусульманских государств

Прежде чем развивать эту тему, отметим особое значение мусульманского ареала для России. В нашей стране, согласно данным переписей и с учетом временно проживающих, насчитывается не менее 20 млн мусульман. Имеются обширные регионы – Урало-Поволжье и Северный Кавказ, где мусульмане преобладают, в последнем регионе – почти абсолютно. С юга Россию «подпирает» регион, состоящий из государств с мусульманским большинством – Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. За этой полосой, непосредственно примыкающей к бывшим границам СССР, располагается арабо-мусульманский пояс, а еще дальше африканские государства со значительным населением, исповедующим ислам.

Мусульманский ареал с демографической точки зрения принадлежит к самому быстро растущему среди цивилизационных по религиозному основанию. В 1950 г. число мусульман оценивалось в 300–350 млн, а на начало 2020-х г., т. е. спустя примерно 75 лет, в 1,6 млрд человек. Причем это консервативная оценка, встречаются и существенно более высокие. Но даже согласно такой, более или менее правдоподобной цифре, численность возросла в 4–4,5 раза[3].

Возникает вопрос: за счет чего? Долгое время считалось, что виной всему запрет на использование противозачаточных средств, запрет абортов и других мер, способствующих снижению фертильности. Но как показали международные форумы, как ооновские, так и мусульманские, происходившие в конце прошлого века, в частности Конференция по народонаселению в Каире в 1994 г., ни мусульманские богословы, во всяком случае основная их часть, ни государства, даже такие как Иран при аятолле Хомейни, не выступают против использования контрацептивов. Специальные исследования показали, что в мусульманской среде нет каких-либо обычаев, запрещающих регулирование зачатий, и даже аборты допустимы до определенного момента в развитии плода. Таким образом, мусульманский мир демонстрирует вполне рациональный подход к планированию семьи на индивидуальном уровне. Следовательно, причины быстрого роста лежат в социальной плоскости.

При этом есть причины общего характера. Известно, что все традиционные аграрные общества ценят многочисленные семьи. Это повышает социальные и экономические возможности семей и кланов. Осо-

[3] О демографической истории и демографическом будущем исламского мира см., в частности, статьи автора: [Белокреницкий, 2011; Белокреницкий, 2014].

бенно приветствуется рождение и воспитание мальчиков как будущих кормильцев, защитников и продолжателей рода. Первый общий фактор быстрого роста населения мусульманских государств в эпоху после окончания Второй мировой войны, таким образом, коренится в социально-экономической сфере, в господствующих там аграрных отношениях, а по мере урбанизации еще и полуаграрных, на стыке сельской и городской местности (феномен «рурурбанизации», сельской урбанизации).

Второй общий фактор – социально-политический. Большая семья в сохраняющем архаичные черты обществе – это главная защита, иногда чисто физическая, от чужаков, а также возможность продвинуться по социальной лестнице вверх, вслед за одним членом семьи следуют другие. К специфическим для мусульманского общества факторам нужно отнести обычай всеобщего вступления в брак, практику многоженства и замужества вдов. Эти нормы отличают мусульман в Индии, например, от индуистов и христиан. В то же время многоженству не следует придавать большое значение, оно распространено только среди богатых обеспеченных мусульман, да и то исторически в снижающейся мере, а вот замужество вдов играет немалую роль.

Еще одна в какой-то мере специфическая для мусульман черта – распространенность кузенных браков, брачных союзов между родственниками. Они позволяют сохранить в рамках одного семейно-родственного клана земельную собственность, фамильные драгоценности и всю недвижимость. Разумеется, это опять же характерно для традиционного аграрного строя вообще, но поскольку земля плюс вода и скот наиболее дефицитны в зонах традиционного расселения мусульман, в широкой Афразийской полосе от западных берегов Атлантического Океана до Средней Азии и Великой индийской пустыни (так назывались ныне прилегающие к р. Инд с востока громадные пустынные и полупустынные территории, ныне известные как пустыни Тхар и Чолистан), то более всего распространены традиции кузенных браков среди мусульман. Более того, они защищают представительниц женского пола от небрежения, попустительского отношения к их жизни, поскольку женщины сохраняют достояние рода, выходя замуж за его представителя, своего двоюродного или, реже, троюродного брата.

Такие кузенные браки весьма распространены, например, в Пакистане и сохраняют значение в жизни не только земельной аристократии, но и среди всей богатой, занимающейся бизнесом элиты[4]. Вместе с тем, женщина в браке стремится обычно к тому, чтобы иметь большое

[4] При этом опасности близкородственных браков, как правило, осознаются, но не считаются достаточными, чтобы отказаться от традиционной практики, подкрепленной реальными социальными и экономическими выгодами [Armytage, 2022, p. 94].

число детей, особенно мальчиков. С увеличением числа сыновей возрастает ее домашний и социальный статус, так что в старости она обычно пользуется любовью детей и уважением окружающих.

Таким образом, комплекс причин, как специфических, так и нет, способствовали бурному росту мусульманского населения во второй половине прошлого века. Ему способствовало также снижение смертности, в первую очередь, от инфекционных болезней. С начала нового столетия стали усиливаться признаки замедления демографического роста и в мусульманском ареале. Ряд западных исследователей, например, французы Ю. Курбаж и Э. Тодд посвятили свой известный труд доказательству тезиса о конвергенции цивилизаций, и в его подтверждение приводили данные о снижении фертильности среди мусульман [Courbage, Todd, 2011].

Таблица 3. Рост населения мусульманских государств Ближнего Востока и Западной Азии

Государства	2019 г., *млн чел.*	2030 г. *млн чел.*	2050 г. *млн чел.*	Среднегодовой прирост 2019–2059 гг., *%*
Турция	83,4	89,1	97,1	0,5
Иран	82,9	92,7	103,1	0,7
Египет	100,4	120,8	160,0	1,5
Тунис	11,7	12,8	13,8	0,6
Алжир	43,1	50,4	60,9	1,1
Марокко	36,5	40,9	46,2	0,8
Судан	42,8	55,2	81,1	1,9
Сирия	17,1	26,7	33,1	2,2
Ирак	39,3	50,2	70,9	1,9
Саудовская Аравия	34,3	39,3	44,6	0,9
Йемен	29,2	36,4	48,1	1,7

Источник: World Population Prospects 2019. Data Booklet, p. 16–17.
URL: https://population.un.org/wpp/publications/files/wpp2018_databooklet.pdf

Хотя снижение темпов роста населения в странах с мусульманским большинством, несомненно, наблюдается, но такая тенденция, во-первых, в целом соответствует трендам по большинству стран, исключая лишь главным образом многие африканские, а во-вторых, она не столь значительна, чтобы изменить общий демографический тренд, характерный для исламского ареала. Это наглядно видно из данных табл. 3, взятых из пересмотра мирового прогноза ООН 2019 г. Следует иметь

в виду, что прогнозные данные строятся на базе тенденций, выявленных в период наблюдения. Иными словами, тренды прошлого (показатели рождаемости и смертности) «опрокидываются» в будущее.

Стоит отметить, что из 11 государств, сведения о которых представлены в табл. 3, наиболее крупным по населению по оценке на 2019 г. был Египет – более 100 млн человек. Он же географически является центральной страной условного региона, состоящего из достаточно больших (свыше 10 млн человек) государств Ближнего и Среднего Востока (Middle East). Расположенные к северу от Египта Турция и Иран вместе с ним входят в группу наиболее крупных. К средним относятся Алжир, Судан, Ирак и Саудовская Аравия, а к небольшим – Йемен, Сирия и Тунис. По прогнозу на середину века отрыв Египта от Ирана и Турции увеличится примерно на 50 млн человек, а к числу средних, обогнав Саудовскую Аравию, добавится Йемен.

Из сопоставления данных о среднегодовом приросте можно сделать вывод, что государства распадаются на два кластера. В первый, с наименьшими темпами прироста, попадают Турция, Тунис, Иран, Марокко, Саудовская Аравия и Алжир, во второй – с темпами прироста от 1,5% – Египет, Йемен, Судан, Ирак и Сирия. Во всех странах, исходя из этого прогноза, рост населения продолжится до середины века, но к концу века ожидается сокращение численности в государствах первого кластера (в Турции в 2100 г. будет на 3 млн меньше жителей, чем в 2030 г.), а в странах второго кластера продолжится увеличение (в Египте до 225 млн человек).

Причины и последствия роста афроазиатского населения

Факторы роста и его воздействие на социальную, экономическую и политическую сферы оказываются достаточно тесно взаимосвязанными. Демографический переход, т. е. переход от высокой рождаемости и смертности к низкой происходит под воздействием прежде всего социально-экономических причин. При прочих равных условиях чем богаче общество, тем быстрее происходит демографический переход, чем больше занятость населения вне традиционного аграрного сектора, тем легче и быстрее происходит переход.

Понятно, что модернизация экономики приводит к созданию условий для демографического перехода. Поскольку модернизация во второй половине XX в. и первые десятилетия XXI века охватила в наибольшей степени Восточную и Юго-Восточную Азию, там и обнаружились тенденции к сокращению темпов роста и сокращению численности населения. И наоборот, в Южной Азии, где модернизация в общем и целом «пробуксовывает», оставляя за бортом огромные пласты населения, переход тор-

мозится и рост населения продолжается несмотря на уже достигнутую очень высокую его плотность.

Наиболее тяжелое положение складывается в отдельных странах южной и западной части Азии (Афганистане, Пакистане, Йемене) и северо-восточной Африке (Судане), охваченных, к тому же, политической нестабильностью и ослаблением диктуемой и реализуемой государством законности. Наихудшая ситуация с этим в Африке южнее Сахары, точнее, в некоторых из существующих там государственных образований. Таким образом, два базовых фактора ведут к ускоренному росту населения – относительная архаичность экономики (о полной архаичности говорить в наш информационный век, наверное, не приходится), ее слабый рост или стагнация и политические катаклизмы, беспорядки, терроризм, междоусобица.

Последствия быстрого роста населения проявляются в экономической, социальной и экологической сферах. Что касается экономики, то последствия, собственно, являются продолжением причин. Чем больше людей – знаменатель дроби, тем больше требуется экономический «пирог» – числитель дроби, тем тогда больше будет доход на душу населения. При демографическом росте экономика должна расти не менее быстро, при снижении такого роста – меньше может быть и рост экономики. Но на самом деле, как говаривал один известный экономист, выступая по радио, современная экономика – это «такой зверь, который растет». Другое дело, за счет чего, и каково качество роста. Но на макроуровне этими двумя аспектами роста часто пренебрегают, хотя они дают о себе знать впоследствии.

Итак, чем выше рост населения, тем выше должны быть темпы экономического роста, но демографический рост и сам является фактором роста, поскольку в молодых по населению странах Востока увеличиваются трудовые ресурсы, т. е. люди, способные трудиться, выйти на рынок труда. Это создает так называемый «демографический дивиденд», которым еще нужно воспользоваться. Трудоспособное население должно быть обеспечено занятостью, возможностью производить полезные, пользующиеся спросом товары и услуги. Быстрый и сверхбыстрый демографический рост ставит перед экономикой трудную задачу по обеспечению работой новых трудовых контингентов и по борьбе с существующей незанятостью, безработицей. Такая задача возникает перед государством как институтом, непосредственно отвечающим за национальное хозяйство.

Обычно для развитой капиталистической экономики «здоровая» норма безработицы это порядка от 3–4 до 5% рабочей силы, т. е. трудовых ресурсов, заявляющих о желании получить устраивающую их работу.

В развивающихся странах Востока она может быть выше – до 6–8%, но главное, что помимо открытой или явной безработицы основной проблемой там является скрытая безработица – занятость вне организованного, формального или документированного сектора, отличающаяся обычно неполной и негарантированной занятостью. Особенно заметна грань между явной и скрытой безработицей в промышленной сфере, где в государствах с фабричным законодательством существуют фабричный и нефабричный (цензовый и нецензовый) сектора. Основная масса трудовых ресурсов в развивающихся густонаселенных странах Азии и Африки сосредоточена вне сферы формальной занятости. Демографический рост только усугубляет проблемы с безработицей и вынужденной незанятостью трудоспособного населения.

Но без демографического роста, конечно, тоже не обойтись. Представление, что стоит ограничить рост населения, как ситуация в экономике улучшится, слишком упрощенно. На примере Китая с его политикой одного ребенка в семье можно видеть, что в относительно краткосрочной перспективе ограничение рождаемости дает нужный эффект, но в более долговременной перспективе эффект постепенно снижается и возникают проблемы, связанные с возрастными перекосами. Нужно нащупать золотую середину, которая, видимо, для каждого государства и общества и конкретного исторического момента до известной степени своя.

С демографией связана и проблема нищеты и бедности. За начальные десятилетия нынешнего столетия в решении этих проблем на мировом глобальном уровне были достигнуты немалые успехи. ООН разработала и приняла в 2000 г. программу борьбы с бедностью на период до 2015 г. (Millennium Development Goals). И эта программа достаточно успешно выполнялась. В целом по менее развитым странам, а к таковым отнесены все без исключения страны Востока, показатели абсолютной нищеты заметно снизились, сократились коэффициенты младенческой, детской и материнской смертности, улучшились бытовые условия, обеспеченность безопасной водой, современными средствами гигиены и санитарии, жилищные условия. Наиболее радикально улучшились показатели в Китае, других странах Восточной Азии, достаточно успешно выполнялась программа Тысячелетия (MDG) в Индии и некоторых других странах Южной Азии, но не во всех. Прогресс отмечен и в других регионах Востока, но с 2015 г., когда ООН приняла новую программу (Sustainable Development Goals) до 2030 г., дела пошли хуже.

Отдельный комплекс проблем, накладывающихся на рост населения, это экология. Экологическая ситуация давно уже вызывает тревогу, а в последние годы становится предметом мировых новостей. Каждую

осень Дели и другие города Северной Индии и соседнего пакистанского Пенджаба страдают от густого задымления, вызванного тем, что крестьяне и фермеры сжигают солому и другие отходы от весенне-зимнего урожая, мы бы сказали, яровых культур (в Индии и Пакистане это сезон *хариф*) и готовят поля для озимых (*раби)*. Дым заставляет закрывать школы и другие госучреждения, на улице трудно дышать, воздух отравлен.

Помимо воздуха от загрязнения страдает вода, потребление вредной, необеззараженной воды остается уделом сотен миллионов людей. Ухудшается ситуация и в целом с количеством пресной воды. В Пакистане, например, количество такой воды в расчете на душу населения за последние 75 лет уменьшилось в пять раз, опустившись ниже критического минимума – менее 1 кубометра на человека в год. Уменьшился этот показатель для Индии, Бангладеш, острой стала нехватка воды в Западной Азии и Северной Африке, в Африке южнее Сахары.

Крупнейшей природной проблемой в условиях растущего населения является потепление климата. При этом, хотя основную ответственность за выбросы углекислого газа в атмосферу несут развитые государства Запада, но велика в этом теперь и вина Китая и Индии, новых индустриальных гигантов. Изменение мирового климата в сторону потепления несет для густонаселенных стран огромные бедствия. От повышения уровня воды в Индийском океане под воду уходят прибрежные районы Мьянмы, Бангладеш, Индии и Пакистана.

Мало того, что жара становится труднопереносимой для привычных к ней с детства жителей Тропической Африки, западной и южной части Азии, она затрудняет борьбу за существование, за выживание бедных и обездоленных. Отсюда массовое стремление уехать на север, в Европу, в другие зоны более благоприятного климата.

С изменением мирового климата, его неуклонным потеплением, вызванным таянием ледников в Гренландии, Скандинавии, в Гималаях связаны, как считают специалисты, участившиеся природные бедствия, в частности землетрясения, тайфуны и наводнения. Если говорить о Южной Азии, то здесь на протяжении XXI в. наблюдается пока в основном влажный период. Последняя сильная засуха в Пакистане, Афганистане, Иране была в 2000–2002 гг. В бассейне великой по протяженности реки Инд в Пакистане в этот влажный период случились два крупнейших разрушительных наводнения в 2010 г., отчасти и в 2011, и в 2022 г. Последнее совсем недавнее наводнение затронуло 33 млн чел., пострадала примерно треть равнинной площади, смыты были целые города и деревни, погибли около 2 тыс. чел. Но обилие влаги помогло избежать общего аграрного кризиса, урожаи на неохваченной бедствием площа-

дях были выше обычных. Возникает вопрос о состоянии сельского хозяйства, когда на смену влажному придет сухой период. Нехватка поливной воды может быть катастрофической и тогда спасением может быть только импорт продовольствия.

Заключение

Представленный в статье обзор трендов демографического роста стран Азии и Африки с очевидностью свидетельствует, что проблема демографического роста в мировом масштабе решена далеко не полностью. За период, прошедший со времени осознания международным сообществом ее значения, она несколько видоизменилась, но осталась одной из реальных и трудноразрешимых. Наметившийся в середине прошлого столетия разрыв между демографическими процессами в экономически развитых и слаборазвитых странах существенно увеличился. Следствием является растущая роль регионов Африки и Азии в структуре мирового населения. В перспективе следует ожидать усиления миграционных потоков, как внутренних, из села в город, так и внешних, из менее развитых в более развитые государства. Продолжится наплыв людей из стран Востока в более благоприятные для жизни страны и регионы.

Демография, как известно, выступает одновременно и как фон, подоплёка общественных явлений, и как результат, итог процессов в социально-экономической и социально-политической областях. Рассмотренные выше тренды говорят об усугублении стоящих перед человечеством и отдельными государствами сложных проблем. Демографическая проблематика нуждается при этом в более тщательном специальном анализе.

Литература / References

1. Акимов А. В. 2300 год: глобальные проблемы и Россия. М.: Восточный Университет, ИВ РАН, 2008. 252 с. [Akimov A. V. Year 2300: Global Problems and Russia. Moscow, Eastern University, IVRAN, 2008 (in Russian)].
2. Акимов А. В. Долгосрочный глобальный демографический прогноз с использованием операционального описания демографического перехода. Обновленный вариант. М.: ИВ РАН, Институт стран Востока, 2014. 64 с. [Akimov A. V. Long-term Global Demographic Forecast Using Operational Description of Demographic Transition. A renewed variant. Moscow, IVRAN, Institute of Countries of the East, 2014 (in Russian)].
3. Акимов А. В. Мировое население: взгляд в будущее. М.: Наука, 1992. 200 с. [Akimov A. V. World Population: A Look into the Future. Moscow, Nauka (In Russian)].
4. Айрапетов А. М. Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М.: Статистика, 1967. 160 с. [Ayrapetov A. M. Tables of Estimating of Annual Rates of Growth, of Incremental Growth and Decreases. Moscow, 1967. 160 p. (in Russian)].

5. Белокреницкий В. Я. Демографическая история исламского мира (основные тренды и перспективы) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013. Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2014. С. 245–257. [Belokrenitsky V. Y. Demographic History of Islamic World (main trends and perspectives) // Works of the Branch of Historico-Philological Sciences, Russian Academy of Sciences. 2008–2013. Ed. V. A. Tishkov. P. 245–257 (In Russian)].
6. Белокреницкий В. Я. Демографическое будущее исламского мира // Исламский фактор в истории и современности. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, И. В. Зайцев, Н. Ю. Ульченко. М.: Восточная литература, 2011. С. 47–65. [Belokrenitsky V. Y. Demographic Future of Islamic World//Islamic Factor in History and Contemporary Times. Ed. by V. Y. Belokrenitsky, I. V. Zaytsev, N. Y. Ulchenko. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2011 (in Russian)].
7. Вяткин А. Р. Развивающиеся страны Востока: демографический прогноз. М.: Наука, 1990. 158 с. [Vyatkin A. R. Developing Countries of the East: Demographic Forecast. Moscow, 1990. 158 p. (in Russian)].
8. Armytage R. Big Capital in an Unequal World. The Micropolitics of Wealth in Pakistan. Karachi, Liberty Publishing, 2022. 195 p.
9. Courbage Y, Todd E. A Convergence of Civilizations. The Transformation of Muslim Societies around the World. New York: Columbia University Press, 2011. Amazon Kindle Edition.
10. Dyson T. A Population History of India. From the First Modern People to the Present Day. Oxford: Oxford University Press, 2018. Amazon Kindle Edition.
11. Ehrlich P. R. Population Bomb. San Francisco: Sierra Club Books, 1968. 201 p.
12. Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J, Behrens W. W. The Limits To Growth. New York: Universe Books. 1972. 205 p.
13. Nelson J. C. Historical Atlas of the Eight Billion: World Population History 3000 BCE to 2020. Middletown, 2017. 106 p.

Электронные источники / Electronic sources

1. Демоскоп. Weekly № 987–988, 16 мая – 29 мая 2023. URL: demoscope.ru/weekly/archives.php (дата обращения: 08.11 2023). [Demoscop. Weekly. No. 987–988, 16 May – 29 May 2023 (in Russian)].
2. Щербакова Е. Население Китая, Индии, Африки – демографическое прошлое, будущее и настоящее // Демоскоп. Weekly № 953–954, 23 августа – 5 сентября 2022. URL: demoscope.ru/weekly/archives.php (дата обращения: 08.11.2023). [Shcherbakova E. Population of India, China, Africa- Future and Present // Demoscop. Weekly. No. 953–954. 23 August – 5 September 2022 (InRussan)].
3. Historical Estimates of World Population. URL: www.popin.org/pop1998/worldlist.htm (accessed: 14.02.1999).
4. The World Population projected to reach 9.8 billion in 2050 and 11.2 in 2100 // World Population Prospects: The 2017 Revision. URL: un.org/en/desa_text.pdf (accessed: 24.08.2017).
5. Weinberger M. B. New United Nations Population Estimates and Projections. URL: populationconnection.org/article/new-united-nations-population-estimates-and-projections (accessed: 03.11.2023).

6. World Population Prospects, the 2010 Revision. URL: esa.un.org/undp/www/index.htm (accessed: 23.11.2012).
7. World Population Prospects, the 2012 Revision. URL: esa.un.prg/undp/www/unpp/p2k0data.asp (accessed: 23.11.2012).
8. World Population Prospects 2019. Data Booklet. URL: population.un.org/wpp/publications/files/wpp2018_databooklet.pdf (accessed: 21.09.2019).
9. World Population Prospects 2019: Highlights. URL: https://population.un.org/wpp (accessed: 21.09.2019)
10. World Population Prospects 2022. Summary of Results. URL: www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed: 03.11.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – д-р ист. наук, канд. экон. наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Belokrenitsky Vyacheslav Y. – Doctor of Science (Hist.), PhD (Econ.), Professor, Head of Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, IOS RAS, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 19.01.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 19.01.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 621.391
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-030-045

КИТАЙ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ГОНКЕ: ПСЕВДОСПУТНИКИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА БПЛА И КОСМИЧЕСКИМ АППАРАТАМ

Екатерина Андреевна Борисова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
bekatmail@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8620-5207

Владислав Александрович Леонов

ВИНИТИ РАН, ИНАСАН, Москва, Россия,
leonov@inasan.ru

Аннотация. Псевдоспутники (псевдокосмические аппараты) – новое направление эволюции современных средств авиакосмической техники, которое активно развивается в Китае. Предполагается, что псевдоспутники станут альтернативой беспилотным летательным аппаратам и космическим аппаратам. Развитие рынка беспилотных аппаратов привело к их активному использованию в военно-тактических целях, в том числе в разведке. Совместно с космическими аппаратами они решают ряд задач по оперативному выявлению целей противника, ретрансляции данных, навигации и т. д.

Однако, как показали реальные боевые конфликты последнего десятилетия, все эти средства получения разведданных не всегда могут обеспечивать непрерывное слежение за объектами противника и передавать в оперативном режиме получаемую информацию. Кроме того, с беспилотными летательными аппаратами эффективно борются с помощью средств радиоэлектронной борьбы и противовоздушной обороны, а со спутниками – посредством кибератак. Увеличение численности беспилотников и спутников не решает данных проблем.

Поэтому возникла необходимость в разработке принципиально новых летательных средств разведки – псевдокосмических аппаратов, которые, находясь на атмосферных орбитах или в ближнем космосе, могут быть защищены от различных атак со стороны противника. В разработке таких аппаратов лидирующее положение занимают США, Великобритания и Германия, однако Китай также начал активно разрабатывать псевдоспутники, поскольку проигрыш в информационном обеспечении не позволит ему получить ни тактическое, ни стратегическое превосходство в возможных будущих противостояниях с противником.

Ключевые слова: ПКА, БпЛА, ИСЗ, дрон, псевдоспутник

Для цитирования: Борисова Е. А., Леонов В. А. Китай в технологической гонке: псевдоспутники как альтернатива БПЛА и космическим аппаратам. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):30-45. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-030-045

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Борисова Е. А., Леонов В. А., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Original article. Economics studies

CHINA IN THE TECHNOLOGY RACE: PSEUDOSATELLITES AS AN ALTERNATIVE TO UAVS AND SPACECRAFT

Ekaterina Borisova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
bekatmail@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8620-5207

Vladislav Leonov
VINITI RAS, INASAN, Moscow, Russia,
leonov@inasan.ru

Abstract. Pseudo-satellites are a new direction in the evolution of modern aerospace technology, which is actively developing in China. It is assumed that pseudo-satellites will become an alternative to unmanned aerial vehicles and spacecraft. The development of the unmanned aerial vehicles market has led to their active use for military and tactical purposes, including in intelligence. Together with spacecraft, they solve a number of tasks for the operational identification of enemy targets, data relay, navigation, etc. As the real military conflicts of recent years have shown, all these means of obtaining intelligence cannot always ensure continuous monitoring of enemy targets and transmit the information received online. In addition, unmanned aerial vehicles are effectively combated using electronic warfare and air defense, and satellites are effectively combated through cyber attacks. Increasing the number of drones and satellites does not solve these problems.
Therefore, it became necessary to develop fundamentally new reconnaissance aircraft – pseudo-satellites, which, being in atmospheric orbits or in near space, could not be disabled. The United States, Great Britain and Germany occupy a leading position in the development of such devices, but China has also begun to actively develop pseudo-satellites, since a loss in information support will not allow it to gain either tactical or strategic superiority in possible future confrontations with the enemy.

Keywords: Pseudo-satellite, UAV, satellite, drone aircraft

For citation: Borisova E. A., Leonov V. A. China in the Technology Race: Pseudosatellites as an Alternative to UAVs and Spacecraft. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):30-45. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-030-045

Беспилотные летательные аппараты и спутники: достоинства и недостатки

В эпоху глобального информационного поля развитие технологий в разных странах идет по примерно одинаковым направлениям. Китай традиционно, беря за основу идеи, уже проработанные в других странах, создает на их базе свои альтернативные версии. Используя такую тактику, ему удалось уже стать мировой космической державой и обзавестись своей группировкой спутников разного назначения. На нынешнем

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Borisova E. A., Leonov V. A., 2024
© Восточная аналитика, 2024

витке развития аэрокосмической индустрии особое внимание уделяется границе космоса и атмосферы, в частности, стратосфере, что сказывается на развитии беспилотных летательных средств особой конструкции, способных находиться там, куда с трудом долетают самолеты – псевдоспутников. Почему сейчас так важно это направление и чем себя дискредитировали обычные беспилотники и спутники?

Разведывательные функции были одними из основных свойств искусственных спутников Земли (ИСЗ) начиная с момента их первых запусков в космос. Они подразумевали фотографирование территории противника, радиотехническую разведку, обнаружение пусков ракет и т. д. Одновременно с ИСЗ в 50-х гг. прошлого столетия начали активно развиваться беспилотные летательные аппараты (БпЛА, БЛА или «дроны»), которые в своем большинстве представляли летающие мишени для тренировки пилотов, хотя успешные опыты по применению беспилотных радиоуправляемых аппаратов были осуществлены еще после Первой мировой войны, а во время Второй мировой войны США активно применяли радиоуправляемые самолеты, несущие взрывчатые вещества [Сытин 2015]. Стоит отметить, что для ведения боевых действий транспортные средства без экипажа начали применять еще в XIX в., – это были аэростаты с часовыми механизмами для сброса бомб на противника [Kennett 1982], а сами идеи использования беспилотных транспортных средств появились, возможно, с появлением самих средств передвижения, но исторические хроники до нас просто не дошли. Однако использование надувных конструкций (баллонов и высотных аэростатов) не потеряло своей актуальности и в наши дни, причем активно использует их для получения разведданных именно Китай, маскируя такие аппараты под метеозонды[1].

Рынок БпЛА в Китае огромен. В настоящее время БпЛА применяют как в гражданских, так и в военных целях. В первом случае они используются в поисково-спасательных операциях, в эко- и геомониторинге, в логистике, в сельском хозяйстве, строительстве, кинематографе и т. д. Широко развивается индустрия игрушек. Используемые в военных целях БпЛА решают как разведывательные задачи, так и применяются для целеуказания, радиоэлектронной борьбы (РЭБ), ретрансляции данных, а также для нанесения ударов по наземным/наводным целям и перехвата воздушных целей.

Исследования в разработке военных БпЛА являются одними из приоритетных направлений, осуществляемых по заказу военных ведомств

[1] Madhani A. et al. US downs Chinese balloon, drawing a threat from China // The Associated Press, 05.02.2023. https://apnews.com/article/politics-united-states-government-china-antony-blinken-51e49202f2a0a50541cde059934c4cfb (дата обращения: 16.02.2024).

многих стран в последние годы. Это обусловлено следующими причинами:

– на порядок меньшей стоимостью БпЛА самолетного типа по сравнению с пилотируемыми самолетами, которые могут выполнять те же функции;
– существенно меньшей стоимостью обучения оператора дрона по сравнению с пилотом самолета;
– относительной безопасностью оператора беспилотного аппарата или его полным отсутствием (в автоматических БпЛА);
– снижением к требованиям по безопасности, перегрузке и надежности БпЛА;
– возможностью использования аккумуляторов, солнечных батарей и топливных элементов на основе водорода в качестве источников энергии, что существенно снижает затраты на разработку авиационных двигателей;
– отсутствием ограничений по времени для полета БпЛА.

Все эти достоинства в полной мере относятся как к беспилотным аппаратам самолетного типа, зачастую изготавливаемым в штучном исполнении, так и к обычным недорогим дронам, стоимость которых несопоставима со стоимостью производства и обслуживания самолетов, что позволяет использовать «рои» беспилотников для усиления их эффективности.

Однако широко применяемые сегодня БпЛА имеют ряд недостатков в условиях современных войн: они легко поддаются обнаружению и воздействию средствами РЭБ [Мальков и др. 2021, с. 10–16]. Каналы связи, по которым передаются управление и информация, особенно незащищенные, можно глушить, перехватывать и подменять, а каналы спутниковой связи высокой пропускной способности для ее экономии сильно ограничивают количество БпЛА, находящихся одновременно над зонами боевых действий. Это приводит к потерям БпЛА, которые становятся потенциальной мишенью для систем противовоздушной обороны (ПВО). Именно поэтому полеты дорогостоящих БпЛА самолетного типа с высокоточной техникой на борту над зонами боевых действий не осуществляются. Малые БпЛА зачастую сбиваются и уничтожаются весьма экзотическими способами – специально обученными птицами, направленным СВЧ- или лазерным излучением, пехотными снайперами и т. д.

Китай внимательно следит за опытом Специальной военной операции (СВО), а также за современными системами вооружения, применяемыми в конфликте обеими сторонами. Специфика боевых действий, которые в существенной степени характеризуются как позиционная война, обусловила потребность в быстром обнаружении целей с воз-

духа. БпЛА – как разведывательные, так и ударные – активно используются обеими сторонами конфликта и состоят из коммерческих и (или) адаптированных для тактического применения дронов, специальных БпЛА-разведчиков (SKIF – Украина и «Орлан-10» – Россия), а также средневысотных разведывательно-ударных БпЛА длительного действия (Bayraktar TB2 – Украина и «Орион» – Россия). Высокая уязвимость некоторых аппаратов сильно ограничивала возможность их использования, поэтому применяются они исключительно при благоприятных условиях. По оценкам специалистов [Zabrodskyi et al. 2022, p. 90–92], почти 90% БпЛА, которые выполняли боевые задания, были уничтожены. При этом среднее время жизни небольшого БпЛА (коптера) составляло три боевых вылета, БпЛА самолетного типа – шесть вылетов [Zabrodskyi et al. 2022, p. 90–92]. Неквалифицированное управление летательными аппаратами также способствовало росту потерь с обеих сторон. Эффективность выполнения самих боевых задач также не всегда находилась в прямой зависимости от «выживаемости» летательного аппарата. Возвращение БпЛА к месту базирования не означает выполнение поставленной задачи – полеты могли происходить без передачи данных (это связано с запретом на излучение со стороны бортовой аппаратуры на передачу данных), и даже полученные в процессе миссии сведения могли быть уже неактуальными. Частыми причинами в сбоях работы летательных аппаратов[2] являлась невысокая отказоустойчивость в их системах навигации. Однако самым массовым типом невыполнения полетного задания было нарушение управления БпЛА средствами РЭБ и ослепление датчиков (в этой работе авторами не затрагиваются характеристики и особенности эксплуатации БпЛА особого типа – так называемых барражирующих боеприпасов (ББ) или дронов-камикадзе [Литвиненко 2023, с. 89–97], а рассматриваются проблемы, связанные только с беспилотниками-разведчиками).

Космические аппараты (КА), выполняющие разведывательные функции, несмотря на условную недосягаемость для интегрированных средств РЭБ и ПВО, имеют свои недостатки: время пролета спутников, особенно находящихся на низких околоземных орбитах, над стратегически важными объектами крайне ограничено и прогнозируемо. Кроме того, они могут выводиться из строя другими объектами, находящимися в космосе (в т. ч. теми же микроспутниками-дронами), и также быть подвергнуты различным DDoS-атакам [Calcara 2022, p. 130–170]. Китай еще в 2007 г. опробовал один из методов «отключения» ИСЗ. По версии аме-

[2] Zabrodskyi M. et al. Preliminary Lessons in Conventional Warfighting from Russia's Invasion of Ukraine, February–July 2022 // SIRIUS – Zeitschrift für Strateg. Anal. V. 7 (1). P. 90–92. DOI: 10.1515/sirius-2023-1011.

риканцев, в ночь на 12 января 2007 г. с китайского космодрома Сичан в провинции Сычуань была запущена баллистическая ракета среднего радиуса действия, которая уничтожила на высоте 865 км от поверхности земли старый метеорологический спутник Feng Yun 1C, выведенный на орбиту в 1999 г.[3] Через год аналогичный опыт провели американцы, а потом и Россия. КНР и другими странами разрабатываются также иные методы выведения из строя или принудительного увода с орбиты аппаратов противника, например, с помощью механического захвата или физического воздействия лазером.

Рынок малых КА в КНР набирает обороты

Ситуация с КА несколько изменилась в начале 1990-х гг., когда началась война в Персидском заливе и США начали активно проводить новую политику в области создания и применения космических средств наблюдения высокого разрешения (одновременно с введением в эксплуатацию навигационной системы GPS). Проводимая американскими компаниями, специализирующимися на космической съемке, весьма агрессивная политика в сфере безопасности и международного сотрудничества и параллельная протекция американских интересов правительством привели к проникновению в закрытый (по сути оборонный) сектор космических услуг большого количества коммерческих предприятий. Это в свою очередь сформировало рынок малых космических аппаратов (МКА) [Клименко 2017 (1), с. 44–51] и саму концепцию орбитальных группировок из сотен недорогих КА, предоставляющих целый спектр новых информационных услуг. Такое хитрое положение дел позволило военному ведомству США под прикрытием научно-технической стратегии в области космоса получать в непрерывном и оперативном виде огромный массив полезной информации от коммерческих структур, что в существенной степени избавило Министерство обороны и ЦРУ от проблем с физическим устранением этих МКА, но при этом создало и массу новых проблем, таких как подмена или глушение сигнала, технический взлом и прочие кибератаки.

Несколько лет назад Китай также начал активно разрабатывать свою крайне амбициозную и при этом секретную космическую программу, куда стал привлекать частных предпринимателей, таких как владельцев компаний One Space Technology и Landspace Technology, и не только для того, чтобы они могли конкурировать с известными инвесторами в сфере космических технологий И. Маском и Дж. Безосом, подни-

[3] Бей своих, чтоб чужие боялись. Китай сбил ракетой собственный спутник // Lenta.ru. 19.01.2007. https://lenta.ru/articles/2007/01/19/test/?ysclid=lsolo31qmb513457402 (дата обращения: 16.02.2024).

мая престиж страны. Расширение возможностей для частного бизнеса привлекает средства венчурных фондов, напрямую связанных с технологическими гигантами, такими, как Lenovo Group или Xiaomi Corporation.

Кроме того, эту нишу могут и хотят завоевывать как начинающие стартаперы, так и не очень известные по мировым меркам компании, например, Beijing Galaxy Space Internet Technology (Galaxy Space)[4] и Zhuhai Orbita Aerospace Science & Technology Co., Ltd. (Orbita)[5]. Последняя признана лидером в разработке высоконадежных чипов и пионером в создании группировки спутников для наблюдения Земли из космоса. В настоящий момент Orbita предоставляет пользователям недорогие и эффективные спутниковые услуги с помощью хорошо сконфигурированной группировки наноспутников (спутники массой от 1 до 10 кг) дистанционного зондирования и пользуется хорошей репутацией благодаря высокому качеству своих продуктов и услуг.

Это означает, что Китай начинает становиться серьезным конкурентом для производителей МКА из США, Германии и Японии. Кроме того, заинтересованные структуры КНР по примеру США таким образом будут получать от частных компаний огромные массивы специфических данных. Это отлично понимают и в США, поэтому в январе 2021 г. Пентагон внес ряд китайских компаний в черный список, куда попала и Xiaomi Corporation, поскольку, как там считают, эти организации находятся под контролем военно-промышленного комплекса и спецслужб КНР[6]. Однако, несмотря на препятствия, Пекин намеревается стать лидером по этому направлению в сфере аэрокосмических технологий, также как это произошло в сфере производства мировой бытовой электроники. В частности, в планах Galaxy Space имеется идея создать аналог космического Интернета, который обеспечивает компания И. Маска[7]. Но в отличие от проекта Starlink представители компании планируют обеспечить Интернет на основе технологии 5G, о чем, например, в Европе сейчас могут только мечтать[8]. И, по всей видимости, Китаю это удастся.

---

[4] Galaxy Space – офиц. сайт компании. URL: http://www.yinhehangtian.cn/ (дата обращения: 19.02.2024).

[5] Orbita Aerospace – офиц. сайт компании. URL: https://www.myorbita.net/ (дата обращения: 19.02.2024).

[6] Бабаева Р. История Xiaomi: успех бренда и 11 друзей Лэй Цзюня // РБК-тренды. 22.08.2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/64c7900f9a79478106ad2ca3?from=copy (дата обращения: 19.02.2024).

[7] Jones A. China's hypersonic research to get boost from satellite startup // Space.com. 02.05.2023. URL: https://www.space.com/china-hypersonics-research-satellite-startup-galaxy-space (дата обращения: 19.02.2024).

[8] Кармак Б. В Китае создали собственный космический интернет. Он в 5 раз быстрее Starlink И. Маска // Ferra.ru, 21.01.2022. URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/v-kitae-sozdali-sobstvennyi-kosmicheskii-internet-on-v-5-raz-bystree-starlink-ilona-maska-21–01–2022.htm?ysclid=lssx18ok2p866152719 (дата обращения: 19.02.2024).

Псевдоспутники – сверхэффективное средство для ведения разведки с воздуха

Необходимость в непрерывном слежении за наиболее важными и, главным образом, подвижными объектами противника в течение длительного времени и защита от воздействия средств РЭБ/ПВО потребовали разработки принципиально новых летательных аппаратов – псевдоспутников или псевдокосмических аппаратов (ПКА), работающих на солнечной энергии или на жидком водороде и находящихся на атмосферной орбите на высотах 18 000–20 000 м. Полет летательных аппаратов на таких высотах почти полностью исключает их поражение даже в случае обнаружения.

Оптико-электронные системы съемки, в т. ч. инфракрасной и гиперспектральной (многоканальной) позволяют получать изображения поверхности земли с разрешением до 15–20 см, а также видеосъемку, что не всегда доступно даже КА. ПКА также могут выполнять съемку в режиме «неморгающего глаза» и следить за объектами, находящимися на всем участке военных действий, независимо от размера территории [Клименко 2023, с. 3–18]. Псевдоспутники в состоянии получать определенный набор и нужное количество обучающих снимков, что позволяет использовать на борту алгоритмы искусственного интеллекта для обработки информации и тем самым выполнять селекцию целей на фоне ложных (макетов/имитаторов) и замаскированных объектов, т. е. достаточно эффективно противодействовать мерам по введению в заблуждение, что почти невозможно для БпЛА и КА. Еще одной важной особенностью этого вида летательных аппаратов является возможность получения информации о рельефе местности, необходимой для движения крылатых ракет, которым характерен полет на большие расстояния на низких высотах, и раннее предупреждение о пуске баллистических и крылатых ракет, в т. ч. и над морскими районами, которые расположены на больших расстояниях от центра базирования ПКА.

Все эти особенности ПКА обусловлены не только высотой полета, но и их движением по круговым орбитам с радиусом в несколько километров, а также длительностью беспосадочного полета, которая в зависимости от широты места может составлять 6–12 месяцев [Клименко 2023, с. 3–18]. Помимо прочего ПКА могут выполнять функции ретрансляторов, т. е. использоваться в линии ПКА–ПКА или ПКА–КА, а также быть связующим звеном в системе БпЛА–КА или группировки КА и воздушных средств наблюдения. Это позволяет размещать наземные станции сбора и обработки информации на очень больших расстояниях от зоны военного конфликта.

Краткая хроника начала разработок псевдокосмических аппаратов

Активная разработка этих летательных аппаратов началась более десяти лет назад и сейчас аэрокосмическая промышленность США, Великобритании, Германии, Италии и Китая ведет активные исследования в этой области. Безусловным лидером здесь являются США, обладающие наибольшим парком авиационных средств наблюдения, однако КНР, как мировая космическая держава, также пытается перехватить пальму первенства в этой сфере, разрабатывая свои собственные летательные аппараты данного класса. Прототипы ПКА начали появляться в США еще в 80-х гг. XX в. [Клименко 2017 (2), с. 72–77], но первый реально работающий аппарат был показан лишь в 1994 г. Тогда NASA представило свой ПКА Pathfinder с размахом крыльев в 29,5 м и взлетной массой в 252 кг. Он мог подниматься на высоту в 22,5 км. Первые же упоминания об испытании Китаем беспилотных летательных аппаратов самолетного типа в стратосфере появились только в 2017 г., что показало его отставание от американцев более чем на 40 лет.

Разрабатываемый NASA проект в дальнейшем модернизировался, и вариант на водородных топливных элементах – Helios HP – уже имел размах крыла в 75 м и взлетную массу 2,3 т. Его предельный уровень высоты был уже 29,5 км, что стало рекордом для горизонтально летящих летательных аппаратов без реактивных двигателей.

Позднее эстафету у американцев перехватили британцы, показавшие в 2003 г. свою версию ПКА Zephyr от компании QinetiQ. Через 10 лет проект был куплен подразделением европейской Airbus Group, которая представила два варианта модели. Первая имеет размах крыльев 25 м и небольшую массу – всего 75 кг. В ее состав входят: полученные от американских производителей солнечные панели и литий-серные аккумуляторы (емкость 3 кВт*час), планер из ультралегкого углепластика, зарядное устройство компании QinetiQ и программно-аппаратный комплекс (автопилот). Солнечные батареи генерируют до 1,5 кВт электроэнергии, что достаточно для осуществления круглосуточного полета на высоте до 18 км. Zephyr – первый в мире ПКА, который был принят на вооружение и применяется по своему прямому назначению.

Вторым, более крупным псевдоспутником, стал Zephyr T с двумя хвостовыми балками и с увеличенным размахом крыла (33 м). Такая конструкция обеспечивает подъем в четыре раза большей полезной нагрузки (массой 20 кг, достаточной для размещения радиолокационной станции на высоте 19,5 км)[9].

[9] Федоров Е. Псевдоспутники для псевдокосмоса: в ожидании высотной революции // Военное обозрение. 10.09.2020. URL: https://topwar.ru/174941-psevdosputniki-dlja-psevdokosmosa-v-ozhidanii-vysotnoj-revoljucii.html?ysclid=lrhsxstwng821126983 (дата обращения: 27.01.2024).

Альтернативные модели появились и у Великобритании – PHASA-35 (Persistent High Altitude Solar Aircraft, долгосрочный высотный солнечный летательный аппарат), и у США – Solar Eagle, работа над которым тут же была засекречена. Проект Solar Eagle финансирует DARPA (Управление перспективных исследовательских проектов Минобороны США). В теории этот ПКА сможет оставаться в воздухе до 5 лет. На данный момент известно, что размах крыла прототипа составляет 120 м, работает он на восьми моторах и имеет литий-серные аккумуляторы, питаемые как солнечными батареями, так и водородными элементами. Его максимальная скорость – 80 км/ч. Предполагается, что он может обеспечивать наблюдение земной поверхности в зоне обзора размером не менее 900 км в течение всего времени полета на высотах 18–27 км [Клименко 2017 (2), с. 72–77].

Перечисленные проекты – лишь наиболее известные и наиболее успешные из множества других, разрабатываемых большими и малыми компаниями.

Россия тоже работает над развитием этого направления. Прототипы создаются в НПО имени С. А. Лавочкина (ПКА ЛА-252 «Аист») и в НПП «Тайбер» (ПКА «Сова»), однако о значительных прорывах пока говорить рано. Внимание потенциальных госзаказчиков пока сфокусировано на других целях, и значимость данного направления ими не осознается.

Развитие технологий псевдокосмических аппаратов в Китае

Первые сообщения об успешно проведенном испытании китайского ПКА на солнечных батареях появились в июне 2017 г. Псевдоспутник CH-T4 (серия «Цайхун» или Cai Hong) в ходе испытательного полета достиг высоты 20 км и провел в воздухе 15 часов, после чего успешно приземлился[10]. Это был результат десятилетнего труда Китайской академии аэрокосмической аэродинамики (CAAA) – дочерней компании Китайской аэрокосмической научно-технической корпорации (CASIC). Испытание проводилось в рамках программы Feiyun, целью которой является создание сети на базе дронов на солнечной энергии, способной обеспечить долгосрочную связь, а также Интернет и услуги земного зондирования из ближнего космоса. Основные компоненты конструкции выполнены из углепластика, он имеет двойной фюзеляж, размах крыльев 45 м, вес около 400 кг[11]. Аппарат оснащен восемью винтовыми двигателями, которые позволяют ему развивать скорость

[10] Воронцов Н. Китай испытал высотный беспилотник на солнечных батареях // N+1. 15.06.2017. URL: https://nplus1.ru/news/2017/06/15/ch-rainbow (дата обращения: 27.01.2024).

[11] Бочкарев А. CH-T4 – самый большой китайский БпЛА // AVIAV. 08.06.2017. URL: https://aviav.ru/ch-t4-samyj-bolshoj-kitajskij-bpla.html (дата обращения: 27.01.2024).

до 200 км/ч[12]. О том, какое оборудование было на его борту (и было ли оно вообще там), не сообщалось. Вероятнее всего, этим полетом проверялись лишь аэродинамические свойства и работа двигателей аппарата.

По словам Чжана Хунвэня, президента одного из подразделений CASIC, разрабатывающего этот псевдоспутник, в 2018 г. корпорация провела более ста испытательных полетов своих беспилотных летательных аппаратов на солнечных батареях и определила оптимальную конструкцию ПКА, а также возможности оборудования, установленного на аппарате во время полетов. Планировалось, что начиная с 2020 г. будет формироваться сеть таких псевдоспутников для демонстрации и продвижения их использования в дистанционном зондировании и телекоммуникациях[13]. Однако сообщений в прессе о новых испытаниях именно этой модели не появлялось. Также не удалось найти и информации, насколько успешно реализуется программа по формированию запланированной сети.

Проработкой идеи стратосферных псевдоспутников на солнечных батареях в это же время занималась и другая китайская группа исследователей из Корпорации авиационной промышленности Китая (AVIC), но об их крупных успехах было заявлено лишь в 2022 г.

А в октябре 2017 г. китайскими инженерами было проведено еще одно интересное испытание аппаратов, которые тоже можно условно отнести к категории псевдоспутников. Академия оптоэлектроники при Китайской академии наук в Пекине запустила два небольших дрона, размером с летучую мышь. Первый был выпущен на высоте 9 км над уровнем моря, что, строго говоря, является тропосферой, второй был поднят уже в стратосферу на высоту 25 км. Подъем беспилотников осуществлялся аэростатом, с которого они были запущены путем электромагнитного импульса, разогнавшего ПКА с 0 до 100 км/ч. Дальность полета, который дроны сами корректировали в зависимости от условий окружающей среды, составляла 100 км. Их датчики включали в себя детектор электромагнитных сигналов и устройство картографирования местности. Однако каких-либо камер на них не было, так как их наличие, по мнению разработчиков, нарушало бы аэродинамику аппаратов. БпЛА также не имели силового двигателя и дрейфовали к месту назначения как планеры[14].

---

[12] Китайский беспилотник на солнечных батареях забрался в ближний космос // Lenta.ru. 01.06.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/06/01/dron/ (дата обращения: 27.01.2024).

[13] Solar-driven drone under development // China Daily. 18.03.2019. URL: http://www.china.org.cn/business/2019–03/18/content_74582866.htm (дата обращения: 27.01.2024).

[14] China tests new spy drones in near space 'death zone' // The times of India. 31.10.2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-tests-new-spy-drones-in-near-space-death-zone-report/articleshow/61356624.cms (дата обращения: 27.01.2024)

Этот эксперимент не очень соответствовал задачам, которые сегодня ставятся для псевдокосмических аппаратов не только в связи с отсутствием камер или ретрансляционных антенн и не только потому, что один из ПКА не достиг стратосферы, но и по другим причинам. По каким, давайте разберемся.

Псевдоспутники на солнечных батареях, как альтернатива и спутникам, и военным высотным разведывательным БпЛА значительно выигрывают перед ними за счет своей низкой цены и длительности нахождения в воздухе. В их разработке делается ставка на очень легкие материалы и использование иных технологических принципов.

Первые псевдоспутники, запущенные китайцами в октябре 2017 г., действительно были дешевыми, но по техническим параметрам не дотягивали до того, что сейчас принято обозначать термином ПКА. Однако они отрабатывали альтернативные принципы наблюдения из стратосферы: этот опыт призван был оценить возможности роя небольших дешевых беспилотников, которые бы массово запускались над определенной территорией на короткое время. Проработку этой идеи подтверждает руководитель проекта профессор Янчу, заявивший: «Цель нашего исследования состоит в том, чтобы запустить сотни этих дронов за один раз, как если бы мы выпустили пчелиную или муравьиную колонию»[15].

Беспилотники, протестированные профессором Янчу и его командой, достаточно малы и не могут быть обнаружены средствами РЭБ. Это делает их идеальными шпионами-невидимками. Возможность запуска роя беспилотников позволяет следить за перемещением противника на обширных территориях без обнаружения. И, по сравнению с миллионами долларов, которые уходят на производство спутника или военного высотного беспилотника, эти небольшие портативные дроны будут стоить всего пару сотен юаней.

Однако данное направление исследований, похоже, не стало лидирующим в Китае, и проведенные в дальнейшем опыты показали, что более перспективными могут быть легкие планеры на солнечных батареях с большим размахом крыла, способные находиться в небе несколько месяцев, нести разнообразное бортовое оборудование, обрабатывать полученные данные непосредственно на борту аппарата и перемещаться на низких скоростях. То есть именно та концепция, на которую сделали ставку в западных странах и США.

В начале сентября 2022 г. совершил свой первый полет большой китайский беспилотный летательный аппарат, работающий на солнеч-

[15] China tests new spy drones in near space 'death zone' // The times of India. 31.10.2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-tests-new-spy-drones-in-near-space-death-zone-report/articleshow/61356624.cms (дата обращения: 29.01.2024).

ной энергии – Qimingxing-50, или Morning Star 50. Он приводится в движение шестью электродвигателями. Размах крыла – 50 м, высота полета – 20 км. Его более ранняя версия была испытана еще в ноябре 2018 г., но тогда размах крыла составлял всего 28 м, и этого оказалось недостаточно для стабильного полета на высоте 20 км, даже несмотря на то, что дрон весил всего 18,9 кг, т. к. был сделан из плас-тика с углеродным волокном. ПКА Qimingxing-50 был оснащен уже полным набором необходимого оборудования для разведки, мониторинга, съемки и ретрансляции связи. Разработчик – Корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC)– утверждает: «Qimingxing-50 – это первый высотный низкоскоростной беспилотник со сверхвысоким удлинением, разработанный китайской авиационной промышленностью, первый большой беспилотник, использующий двухфюзеляжную конфигурацию, а также первый полностью электрический большой беспилотный летательный аппарат с солнечной энергией в качестве единственного источника энергии, благодаря чему он может оставаться в воздухе в течение длительного времени»[16]. Заявление громкое, но почему-то упустившее существование альтернативной разработки, которая была испытана в июне 2017 г. корпорацией CASIC. Можно предположить, что аппарат ученых из CASIC не был признан удачным.

Первый полет Morning Star 50 длился всего 26 минут, поэтому на тот момент было рано судить о реальных возможностях длительного нахождения этого аппарата в стратосфере. Для сравнения, европейский Zephyr S на испытаниях в 2022 г. продержался в воздухе 64 дня, после чего, правда, разбился.

Тем не менее представителями AVIC было справедливо отмечено, что состоявшийся полет китайского аппарата будет способствовать дальнейшему развитию ключевых технологий страны в области новой энергетики, композитных материалов и управления полетом, а также повысит способность Китая выполнять задачи в ближнем космосе и на дальних рубежах. В перспективе же ПКА могут стать альтернативой традиционным КА для решения определенных задач, требующих непрерывного наблюдения.

Заключение

Новая космическая революция, связанная с развитием рынка малых спутников, используемых как в коммерческих, так и военных целях, уже

[16] Liu Xuanzun, Liu Yang China's near-space solar-powered drone that can substitute satellites makes maiden flight // Global Times. 04.09.2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1274541.shtml?id=11#:~: text=The%20Chinese%20People's%20Liberation%20Army, a%20good%20complementation%2C%20observers%20said (дата обращения: 29.01.2024).

достигла Китая, который планирует создать к 2030 г. орбитальную группировку Jilin из полутора сотен малых КА двойного назначения с аппаратурой наблюдения для разных целей на борту. Вслед за развитием рынка МКА начинается активное внедрение ПКА в странах, имеющих относительно развитую космонавтику и современное вооружение. Игнорировать развитие этого сектора летательных аппаратов и допустить однополярное доминирование в информационном пространстве, особенно, находясь в конфронтации с США, Китай не сможет, поскольку очевидно, что это может привести к неприятным последствиями в военной и военно-политической сферах – при примерном паритете в военном потенциале преимущество будет у той страны, которая будет обладать приоритетом в информационном потенциале.

Литература / References

1. Клименко Н. Н. Новая космическая революция, или Новые горизонты космических средств наблюдения в XXI веке // Воздушно-космическая сфера. 2017. № 4 (93). С. 44–51.
2. Клименко Н. Н. Первые отечественные экспериментальные псевдокосмические аппараты проходят испытания // Воздушно-космическая сфера. 2017. № 3 (92). С. 72–77.
3. Клименко Н. Н. Смена парадигмы: создание и применение псевдокосмических аппаратов как составная часть «новой космической революции» и «новой беспилотной революции» // Вестник «НПО им. С. А. Лавочкина». 2023. № 3 (61). С. 3–18.
4. Литвиненко В. И. Барражирующие беспилотники – боеприпасы // Армейский сборник. 2023. № 4. С. 89–97.
5. Мальков А. В., Шудря В. А., Гумелев В. Ю. Особенности применения БпЛА в современных войнах и способы противодействия им в тактическом звене // Техника и вооружение: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 12. С. 10–16.
6. Сытин Л. Е. Самое современное оружие и боевая техника. М.: АСТ, 2015. 656 с.
7. Calcara A. et al. Why Drones Have Not Revolutionized War: The Enduring Hider-Finder Competition in Air Warfare // International Security. 2022. V. 46. No. 4. P. 130–171. DOI: 10.1162/isec_a_00431.
8. Kennett L. A history of strategic bombing: From the first hot-air balloons to Hiroshima and Nagasaki. New York: Scribner, 1982. 222 p.
9. Zabrodskyi M. et al. Preliminary Lessons in Conventional Warfighting from Russia's Invasion of Ukraine, February–July 2022 // SIRIUS – Zeitschrift für Strateg. Anal. 2023. V. 7 (1). P. 90–92. DOI: 10.1515/sirius-2023–1011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Бабаева Р. История Xiaomi: успех бренда и 11 друзей Лэй Цзюня // РБК-тренды. 22.08.2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/64c7900f9a79478106ad2ca3?from=copy (дата обращения: 19.02.2024).

2. Бей своих, чтоб чужие боялись. Китай сбил ракетой собственный спутник // Lenta.ru. 19.01.2007. https://lenta.ru/articles/2007/01/19/test/?ysclid=lsolo31qmb513457402 (дата обращения: 16.02.2024).
3. Бочкарев А. CH-T4 – самый большой китайский БпЛА // AVIAV. 08.06.2017. URL: https://aviav.ru/ch-t4-samyj-bolshoj-kitajskij-bpla.html (дата обращения: 27.01.2024).
4. Воронцов Н. Китай испытал высотный беспилотник на солнечных батареях // N+1. 15.06.2017. URL: https://nplus1.ru/news/2017/06/15/ch-rainbow (дата обращения: 27.01.2024).
5. Кармак Б. В Китае создали собственный космический интернет. Он в 5 раз быстрее Starlink И. Маска // Ferra.ru. 21.01.2022. URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/v-kitae-sozdali-sobstvennyi-kosmicheskii-internet-on-v-5-raz-bystree-starlink-ilona-maska-21–01–2022.htm?ysclid=lssx18ok2p866152719 (дата обращения: 19.02.2024)#/
6. Китайский беспилотник на солнечных батареях забрался в ближний космос // Lenta.ru, 01.06.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/06/01/dron/ (дата обращения: 27.01.2024)
7. Федоров Е. Псевдоспутники для псевдокосмоса: в ожидании высотной революции // Военное обозрение, 10.09.2020. URL: https://topwar.ru/174941-psevdosputniki-dlja-psevdokosmosa-v-ozhidanii-vysotnoj-revoljucii.html?ysclid=lrhsxstwng821126983 (дата обращения: 27.01.2024)
8. China tests new spy drones in near space ‘death zone’ // The times of India. 31.10.2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-tests-new-spy-drones-in-near-space-death-zone-report/articleshow/61356624.cms (дата обращения: 27.01.2024).
9. Galaxy Space – офиц. сайт компании. URL: http://www.yinhehangtian.cn/ (дата обращения: 19.02.2024).
10. Jones A. China’s hypersonic research to get boost from satellite startup // Space.com. 02.05.2023. URL: https://www.space.com/china-hypersonics-research-satellite-startup-galaxy-space (дата обращения: 19.02.2024).
11. Liu Xuanzun, Liu Yang China’s near-space solar-powered drone that can substitute satellites makes maiden flight// Global Times. 04.09.2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1274541.shtml?id=11#:~: text=The%20Chinese%20People’s%20Liberation%20Army, a%20good%20complementation%2C%20observers%20said (дата обращения: 29.01.2024).
12. Madhani A. et al. US downs Chinese balloon, drawing a threat from China // The Associated Press, 05.02.2023. https://apnews.com/article/politics-united-states-government-china-antony-blinken-51e49202f2a0a50541cde059934c4cfb (дата обращения: 16.02.2024).
13. Orbita Aerospace – офиц. сайт компании. URL: https://www.myorbita.net/ (дата обращения: 19.02.2024).
14. Solar-driven drone under development // China Daily. 18.03.2019. URL: http://www.china.org.cn/business/2019–03/18/content_74582866.htm (дата обращения: 27.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисова Екатерина Андреевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Леонов Владислав Александрович – канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник ВИНИТИ РАН; научный сотрудник Института астрономии РАН, Москва, Россия

Borisova Ekaterina A. – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Leonov Vladislav A. – PhD (Physics and Mathematics), Senior Research Fellow, VINITI RAS; Research Fellow, Institute of Astronomy of the RAS, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 27.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 27.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.101.541
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-046-061

УЧАСТИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ В ВРЭП: ОПЫТ ПЕРВОГО ПОЛУТОРАЛЕТНЕГО ПЕРИОДА

Александр Валентинович Воронцов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Vorontsovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9451-3728

Аннотация. Статья рассматривает опыт участия Республики Корея в деятельности «Всестороннего регионального экономического партнёрства» (ВРЭП) в различных аспектах, в том числе на фоне невыразительного функционирования «Индо-Тихоокеанской экономической структуры» (ИТЭС), инициированной США в 2022 г. в качестве альтернативы ВРЭП. Автор приходит к выводу, что бизнес-сообщество РК по достоинству оценило масштабы ВРЭП, поверило в его перспективы и активно включилась в его деятельность. Имеются основания заключить, что по итогам первых полутора лет существования данной организации ее перспективы представляются вполне оптимистичными. В качестве глобальной мегаконструкции ВРЭП подтвердил свою эффективность, практически безальтернативность в Восточной Азии, также как и то, что ИТЭС не сумела составить ему конкуренцию на экономическом фронте.

Ключевые слова: ВРЭП, экономика Южной Кореи, ИТЭС, конкуренция, зона свободной торговли

Для цитирования: Воронцов А. В. Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):46-61. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-046-061

Original article. Economics studies

SOUTH KOREA'S PARTICIPATION IN THE RCEP: EXPERIENCE OF THE FIRST ONE AND A HALF YEAR PERIOD

Alexander Vorontsov
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Vorontsovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9451-3728

Abstract. The article examines the experience of the Republic of Korea's participation in the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) in various aspects, including against the background of the unimpressive functioning of the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) initiated by the United States in 202 as an alternative to the RCEP. The author concludes that the business community of the Republic of Korea appreciated the scale of the RCEP, believed in its prospects and actively joined its activities. There are reasons to conclude that based on the results of the first year and a half of the organization's existence, its prospects are quite optimistic. As a global mega construction, the RCEP has confirmed its effectiveness, practically without alternatives in East Asia, as well as the fact that IPEF has not been able to compete with it on the economic front.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Vorontsov A V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Keywords: RCEP, South Korea's economy, IPEF, competition, free trade zone

For citation: Vorontsov A V. South Korea's Participation in the RCEP: Experience of the First One and a Half Year Period. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):46-61. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-046-061

В ноябре 2020 г. произошло ожидаемое и долго готовившееся глобальное событие – возникло новое макроэкономическое сообщество – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в англоязычном выражении – RCEP. договор вступил в действие 1 января 2022 г.

Путь к созданию ВРЭП был длителен (15 раундов переговоров в течение 8 лет) и объективно не мог быть другим. Так как в основе этого многослойного процесса попыток сопряжения, взаимодействия, соперничества за руководство/формирование макрорегионального мирового объединения, а затем поначалу более скрытого, но в конце концов – «на финишной прямой» – прямого соревнования остались, как и обычно в последние годы, две сверхдержавы: КНР и США.

Как представляется, трезвомыслящие руководители Вашингтона, объективно оценивая существующий баланс экономических сил США в регионе, конечно, не без эмоций (вспомним заявления тех годов Б. Клинтона: «Только США, и никто другой должны писать правила торговли для Транстихоокеанского партнерства (ТТП) ...»[1] и т. д., тем не менее, пришли к пониманию реального состояния и расклада экономических сил в регионе. И произошел в известной мере драматический акт – публичный отказ Вашингтона не только возглавить, но даже участвовать в проекте ТТП, долго и энергично им продвигаемом в качестве безальтернативной доктрины восточноазиатской вариации глобализации. Конечно, это неоднозначное событие произошло не случайно. Баланс реальных потенциалов двух крупных макроэкономических проектов в борьбе давно ведущих соревнование за лидерство в Восточноазиатском регионе, который, как уже давно очевидно, стал тестом на доминирование не только в данном ключевом районе мира, но и в более глобальном измерении, в конце концов привел ситуацию к логическому завершению.

Одной из центральных составляющих нового объединения составляет уже давно оформленное сообщество стран АСЕАН и неизбежно усиливающееся их экономическое сотрудничество с КНР, которое нарастает в многообразных формах – подчеркнем, взаимовыгодных.

---

[1] Т. Едовина. ТТП позволяет Америке, а не таким странам, как Китай, писать правила игры для XXI века // Коммерсантъ. 04.02.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2907872 (дата обращения: 18.01.2024).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Воронцов А. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Различные государства, даже географически неблизкие к данной многосторонней организации, по прошествии одного года и позже высказали свой предварительные оценки произошедшего, которое дает веское основание для подведения промежуточных итогов.

Попытаемся оценить и описать эту проблему со стороны Южной Кореи, объективно одного из критически важных, если не ведущих игроков этой структуры. Не может не обращать на себя внимание в рамках данной попытки исследования проявление очевидной дихотомии – экономической целесообразности ВРЭП, остро воспринимаемой бизнес-сообществом РК, и влиянием определенно понимаемой правящей элитой экономической целесообразности в рамках политической дисциплины военно-политического союза с США.

Корректность, объективность, целесообразность создания данной макрорегиональной организации, в том числе на ее завершающей стадии, не вызывает сомнения. При этом позитивная экономическая статистика большинства стран-участников весьма убедительна. Об этом свидетельствуют результаты, в том числе по темпам восстановления роста экономики после глобальных объективных трудностей в виде пандемии COVID-19, общие как для всех государств, так и для РК.

Но в последние два года с приходом к власти в Сеуле, по оценкам самого Вашингтона, «самой проамериканской» администрации президента Юн Сок Ёля, стали если не превалировать, то активно пропагандироваться и даже внедряться принципы, свойственные сферам из иных реалий, характерных для периода новой глобальной военно-политической конфронтации, распространяющиеся в регионе не только Восточной Европы, но и Восточной Азии. И данные тенденции, постепенно, но в нарастающей степени определяющие приоритеты военно-политического мышления, похоже, больше, чем раньше начинают влиять на мышление лиц, принимающих решения в данных странах. Появляются признаки того, что в определенных ситуациях приоритет политической целесообразности начинает брать верх над экономической выгодой уже не только в Восточной Европе, но и в Восточной Азии.

Например, казалось бы, ещё 2–3 года назад не подвергавшиеся сомнению в очевидной целесообразности, подтвержденные достижениями десятилетий успешной практики деятельности существования АСЕАН, основанные в значительной мере на консенсусном принципе принятия, решения сегодня начинают подвергаться недоверию и последовательно пересматриваться хорошо известными внерегиональными игроками.

Одновременно параллельно чисто экономическим многолетним естественным путем вызревавшим интеграционным структурам в виде

ВРЭП по инициативе США мгновенно и очевидно в спешном порядке создается альтернативная по названию, но не по глубине экономического содержания инициатива типа «IPEF» (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity) – «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» (ИТЭС), первыми участниками которой стали 12 стран региона – США, Австралия, Бруней, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Республика Корея, Таиланд и Вьетнам[2]. Ряд экспертов расценивают данную чуть ли не в авральном режиме сформированную структуру как попытку Вашингтона перехватить инициативу (попросту помешать развертыванию деятельности) ВРЭП на основе «фантомных» усилий реанимации ТПП.

С одной стороны, это отражает многосторонность, многослойность и экономическую глубину развития региона АСЕАН и Восточной Азии, с другой стороны, в данном явлении отчетливо просматривается идеологическая составляющая.

Но вместе с этим, вчитываясь в экономические программы альтернативных экономических объединений, можно увидеть, прежде всего, стремление перехватить политико-экономическую повестку, а не настрой на системную работу над назревшими экономическими общерегиональными потребностями стран ВА и ЮВА, не говоря уже о перспективных программах глобального развития этих регионов мира, Более того, прослеживаются замаскированные устремления деформировать, если не деструктурировать такие состоявшиеся экономические феномены, как АСЕАН.

Экспертам, естественно, интересно проследить и проанализировать участие РК в данных структурах, их взаимное сосуществование, оценки наработанного в процессе функционирования опыта за прошедший период.

И тут прослеживаются не жестко обозначенные, но все-таки различаемые две линии подхода. С одной стороны, тесно связанные с правительством экономические структуры и обслуживающие их научные центры пытаются проявлять симпатии к ИТЭС и выискивать у него больше достоинств. С другой стороны – деловое сообщество Южной Кореи и ориентированные на них бизнес-структуры, а также исследовательские центры очевидно позитивно ориентированы на ВРЭП.

Далее рассмотрены конкретные кейсы оценки ВРЭП деловыми кругами Южной Кореи. По итогам первого года функционирования ВРЭП Агентство «Сеульские новости» опубликовало следующий обзор:

---

[2] Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? // РСМД. 03.06.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/ (дата обращения: 18.01.2024).

«С 1 января 2022 года вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Запущена Зона свободной торговли, которая имеет самое большое население в мире, самый большой экономический и торговый масштаб и самый высокий потенциал развития.

Спустя год после вступления в силу ВРЭП тенденция обратной глобализации поднимает голову, и восстановление мировой экономики также идет медленно. Как важный участник регионального экономического сотрудничества, Китай стремится возглавить высококачественную реализацию ВРЭП и устойчивое развитие региональных экономик, придавая новый импульс развитию и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мира.

Дальнейшее продвижение либерализации и удобства торговли и инвестиций ВРЭП, который охватывает все аспекты либерализации и упрощения процедур торговли и инвестиций, фокусируется на снижении тарифов, поэтому в будущем более 90% грузовых перевозок в регионе постепенно получат беспошлинные льготы. Пятого ноября прошлого года в Шанхае состоялось одно из важнейших мероприятий V Международного экономического форума в Хунцяо – форум высокого уровня «ВРЭП и открытие более высокого уровня»[3].

С внедрением ВРЭП экспортные тарифы из Beiqi Futian в Малайзию были снижены с 30% до 5%. Поскольку каждый год планируется приближаться к нулевому тарифу, считается, что это значительно повысило конкурентоспособность компаний. С января по ноябрь прошлого года Beiqi Futian экспортировала в страны-члены ВРЭП в общей сложности 13 162 автомобиля и, как ожидается, получит снижение тарифов на 22,15 млн юаней. Есть и другие примеры. Анализируется, что в Чжэцзяне ВРЭП сделал мелкие товары города Иу более конкурентоспособными. С января по ноябрь прошлого года город Иу выдал в общей сложности 5076 сертификатов происхождения RCEP на общую сумму 97,13 млн долл. США и получил совокупное снижение тарифов более чем на 6,77 млн юаней (1,246 млрд вон). Кроме того, внедрение ВРЭП облегчило торговлю и повысило удобство инвестирования.

Корейские эксперты в качестве одного из достигнутых плюсов выделяют достижение открытости между Китаем и Японией и между Японией и Кореей, которые впервые установили отношения свободной торговли через ВРЭП. Согласно статистике Министерства торговли Китая, фактические инвестиции Кореи и Японии в Китай в период с января

[3] Цой Вон-иль. Современное состояние экономического сотрудничества в регионе к 1-й годовщине реализации ВРЭП // Сеульское агентство новостей. 03.01.2023. URL: http://www.snakorea.com/news/articleView.html?idxno=643911 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

по ноябрь прошлого года увеличились на 122,1% и 26,6% соответственно по сравнению с тем же периодом прошлого года[4].

Внедрение на высоком уровне для обмена корпоративными преимуществами и стабилизации цепочки поставок ВРЭП содержит самые обширные и многосторонние правила электронной коммерции с наибольшим количеством стран-членов, заключенных в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также является соглашением об электронной торговле с самым высоким уровнем участия Китая. «Ряд удобных мер, таких как таможенное оформление и налогообложение в связи с внедрением ВРЭП, значительно повысил эффективность трансграничного экспорта электронной коммерции и еще больше снизил корпоративные расходы. С прошлого года среднемесячный экспорт электронной коммерции достиг 3000 тонн. Это цифра, которая ранее была невообразимой». Это объяснение чиновника из Guangzhou Huigou Supply Chain Co., Ltd. Ряд институциональных мер ВРЭП, таких как новые правила электронной торговли и стандарты накопления происхождения, значительно снизили производственные затраты в регионе, повысили эффективность торговли и укрепили сотрудничество в производственных цепочках и цепочках поставок в регионе.

Ребекка Гринспен, Генеральный секретарь Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), заявила, что ВРЭП вносит свой вклад в развитие мировой экономики в ситуации, когда уровень глобальной открытости продолжает снижаться, а издержки торговли растут и появляются узкие места в цепочке поставок. Она права, что Китай играет все более важную роль в продвижении глобального открытого сотрудничества и поддержании многосторонней торговой системы[5].

Неудивителен оптимизм относительно рассматриваемой темы, выражаемый китайскими аналитиками, которые по итогам первого года выделяли следующие факторы: «По данным Министерства торговли Китая, с января по ноябрь 2022 года товарооборот между Китаем и 14 другими странами-членами Всеобъемлющего регионального экономического партнерства достиг 11,8 трлн юаней, увеличившись на 7,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это составляет 30,7% от общего объема внешней торговли Китая. Экспорт Китая в другие 14 стран-членов ВРЭП достиг 6 трлн юаней, увеличившись на 17,7% в годовом исчислении, что на 5,8 процентных пункта выше общих темпов роста экспорта Китая»[6].

---

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] People's Daily of China. 30.12.2022. URL: http://kr.people.com.cn/n3/2022/1230/c203280–10190136.html (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

Таможенная служба РК также приводит данные в пользу эффективности ВРЭП для торговли Южной Кореи:

> «Таможенная служба Кореи представила анализ эффективности использования в первый год действия ВРЭП.
>
> Наибольший эффект ВРЭП выявился при импорте и экспорте в Японию.
>
> За прошедший год экспорт с использованием Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) составил 3,3 млрд долл., а экспорт – 5,6 млрд долл.
>
> Использование возможностей ВРЭП было самым высоким при импорте и экспорте в Японию, а самым большим бенефициаром было сырье, используемое для производства аккумуляторов.
>
> По странам 97,4% экспорта приходилось на тройку ведущих стран: Японию (67,3%), Китай (27,7%) и Таиланд (2,4%). В случае импорта эффективность использования для трех ведущих стран, Японии (48,3%), Китая (38,7%) и Таиланда (11,5%), составила 98,5%».

В заключении годового анализа страны было подчеркнуто:

> «Таможенная служба Кореи создала «Группу поддержки использования RCEP» в пяти главных таможнях в Инчхоне, Сеуле, Пусане, Тэгу и Кванджу, а также на таможне в Пхёнтхэке еще до вступления в силу RCEP для поддержки использования ВРЭП компаний-экспортеров.
>
> Представитель Таможенной службы Кореи заявил: «Мы продолжим сотрудничать с соответствующими организациями, такими как торговые ассоциации и KOTRA, чтобы активно пропагандировать преимущества RCEP, а также расширять экспортное консультирование 1:1 (250 → 270 сессий) и онлайн-консультации на рабочем уровне (курсы 3 → 6). Мы планируем и дальше поддерживать наши компании, чтобы они беспрепятственно использовали ВРЭП»[7].

Продолжая тему позитивного отношения к ВРЭП со стороны кругов бизнеса Южной Кореи, приведем заключения экономического блока руководства г. Тэгу, являющегося третьим/четвертым по величине промышленным гигантом страны. В декабре 2022 г. Экспортная палата Тэгу объявила о планах широкого участия предприятий и компаний города в деятельности ВРЭП, продолжая, естественно, их активность в уже заключенных многочисленных FTA (ЗСТ-Соглашение о свободной торговле), с тем, чтобы в конкурентных условиях определить для себя приоритетность указанных двух типов экономических механизмов. В итоге

[7] Отчет Таможенной службы РК. 03.02.2023. URL: https://m.newspim.com/news/view/20230201000993 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

Центр поддержки использования FTA Торгово-промышленной палаты Тэгу объявил 26 декабря о плане использования RCEP для ключевых отраслей в регионе Тэгу в качестве последующего исследования анализа влияния заключения Mega FTA на местную экономику[8].

В связи с годовщиной ВРЭП многие профессиональные экономисты РК опубликовали собственные аналитические обзоры. Среди них постоянный диктор Economics TV Ли Чжи Ён. Название ее доклада весьма характерно: «Мега-анализ FTA Кореи – Изменения в FTA из-за RCEP/IPEF/CPTTP и экологических проблем».

Отмечая особенности момента появления ВРЭП, аналитик акцентировала внимание на ряде самых принципиальных с её точки зрения:

– крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле было запущено в то время, когда глобальная экономическая торговля сокращалась из-за распространения COVID-19 и протекционизма;
– было преодолено сопротивление США, которые через своих ближайших союзников, таких как Япония и Австралия, до последней минуты убеждали Индию присоединиться в качестве члена, но Индия отказалась присоединиться к ВРЭП, сославшись на ухудшение баланса текущего счета экспорта и импорта в Китай;
– на рассматриваемый момент экспортная зависимость Кореи от Китая составляет 24% (12% от США), в частности, включая Тайвань (4%) и Гонконг (8%), которые являются панкитайскими регионами;
– Ли Чжи Ён высказала в тот момент весьма оптимистичные прогнозы: после вступления ВРЭП в силу экономический эффект для Кореи увеличится на 0,41–0,62%, а благосостояние потребителей – на 4,2–6,8 млрд долл.

Основные преимущества ВРЭП экономист выделила следующим образом:

– введение единого стандарта происхождения в регионе, совершенствования процедуры подтверждения происхождения (самосертификации), расширения преимуществ использования FTA для компаний, улучшения пресловутого эффекта «миски спагетти» в регионе;
– значительное улучшение условий для защиты авторских прав на продукцию и патенты корейских компаний;
– формирование более благоприятной среды GVC (Gloval Value Chain) для корейских компаний за счет единых стандартов происхождения и совокупного признания материалов: признаются матери-

[8] На Хо Ёнг. Экспортно-Торговая палата Тэгу объявляет о планах проверить двусторонние FTA и RCEP, чтобы определить, какие из них более выгодны // Newis. 19.12.2022. URL: https://n.news.naver.com/article/003/0011610726?sid=102 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

алами отечественного производства, даже если они закупаются и перерабатываются во всех странах, участвующих в RCEP;
– расширение возможностей для конвергенционных проектов: внедрение интеллектуальных производственных процессов в регионе АСЕАН, проекты модернизации логистики вблизи реки Меконг и т. д.; расширение возможностей для корейских компаний по выходу в различные отрасли помимо производства, например, расширение экспортной базы культурного контента;
– до сих пор многие малые и средние предприятия (МСП) Кореи не смогли должным образом использовать FTA из-за своего происхождения. Унификация правил происхождения RCEP серьезно облегчает решение проблемы неравноправного положения МСП и крупных предприятий. Как известно, каждая FTA имеет разные правила происхождения, и они замысловато переплетены таким образом, чтобы создать эффект «миски для спагетти». Чтобы получить льготы FTA, необходимо соблюдать правила происхождения.

Вместе с этим аналитик указывает и на недостатки и риски, связанные с ВРЭП. Среди них недостаточное внимание к экологическим и трудовым вопросам. Похоже, что ВРЭП является одним из торговых соглашений, недостаточно учитывающих трудовые права и вопросы охраны окружающей среды. Однако, так как вопросы защиты окружающей среды в последнее время обостряются повсеместно, многие торговые соглашения, как правило, включают соответствующие положения.

Главная причина этого недостатка кроется, по мнению автора, в том, что формированием ВРЭП руководил Китай, который имеет очень слабое регулирование по экологическим вопросам и трудовым правам. Помимо экологических вопросов, трудовые права также считаются важным фактором в торговых соглашениях. Если эти вопросы выйдут на первый план позже, есть опасения, что само торговое соглашение ВРЭП может подвергнуться резкой критике[9].

Одновременно с этим, как уже отмечалось, ряд крупных проправительственных НИИ, к которым несомненно относится Институт политических исследований «Асан», пытаются представлять анализы, подчеркивающие преимущества ИТЭС перед ВРЭП и привлекательность первого объединения перед вторым.

Доклад об участии стран Юго-Восточной Азии в IPEF выполнил старший научный сотрудник данного Института Ли Дже Хён. Его сокращенную версию опубликовал в декабре 2022 г. в интернет-газете журналист

[9] Ли Чжи Ён. Мега-анализ FTA Кореи – Изменения в FTA из-за RCEP/IPEF/CPTTP и экологических проблем. 2022.12.19. URL: https://m.blog.naver.com/lee7happy/222960242967 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

Чхве Гён Сон. Название доклада имеет смысл привести полностью: «Участие стран Юго-Восточной Азии в IPEF: между стратегической ценностью и экономическим риском».

Ученый с удовлетворением подчеркнул тот факт, что помимо семи стран Юго-Восточной Азии, участвующих в Индо-Тихоокеанском экономическом механизме (IPEF), некоторые из которых ранее уже участвовали при лидерстве Вашингтона в Всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском экономическом соглашении (CPTPP) (Малайзия, Вьетнам, Бруней и Сингапур), все эти страны проводят сбалансированную стратегию между США и Китаем, включая Индонезию, Филиппины. Д-р Ли сказал, что участие в IPEF принял участие Таиланд, что считается большим достижением.

В то же время ученый не стал скрывать коренной фактор, что «участие стран Юго-Восточной Азии в IPEF отражает стратегическую волю Соединенных Штатов к постоянному обеспечению участия США в регионе Юго-Восточной Азии, чтобы сбалансировать влияние Китая, и страны Юго-Восточной Азии стремятся противостоять растущему экономическому влиянию Китая, поэтому им нужны Соединенные Штаты». Он также не обошел стороной вопрос об устойчивости IPEF, поскольку это не экономическая инициатива, основанная на соглашениях между странами, и указал, что растущий протекционизм США также представляет собой экономический риск для стран Юго-Восточной Азии.

Д-р Ли добавил, что стимулы для экономики Юго-Восточной Азии, такие как доступ к рынку США, неясны. Вот почему страны Юго-Восточной Азии должны обеспокоиться консолидацией трафика между IPEF и существующими структурами, такими как Соглашение о свободной торговле АСЕАН, Экономическое сообщество АСЕАН, CPTPP и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

Страны Юго-Восточной Азии могут уделить как можно больше времени тому, чтобы максимизировать свои интересы, или, в худшем случае, отказаться от переговоров от имени всей группы. В переговорах с участием 14 стран, включая США, коллективный уход семи стран Юго-Восточной Азии может стать огромной потерей для США. Д-р Ли подчеркнул, что необходимо обратить внимание на переговоры в Юго-Восточной Азии в ситуации, когда Корея также участвует в IPEF.

Резюме доклада сводится к тому, что не следует отказываться от самого IPEF, а нужно максимально учитывать интересы Кореи в нем, содержание и процесс переговоров со странами Юго-Восточной Азии[10].

[10] Чхве Гён Сон. Институт политики Асан опубликовал краткий обзор участия стран Юго-Восточной Азии в IPEF // KONAS.net. 18.12.2022. URL: https://www.konas.net/article/article.asp?idx=60047 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

Вызывает уважение профессионализм и объективность д-ра Ли Дже Хёна. Выполняя заданную установку на высвечивание максимально позитивной перспективы ИТЭС, он позволил себе не камуфлировать политизированность целей ее авторов-основателей, направленных, прежде всего, на противодействие экономическим инициативам Китая, сохранение контроля США над странами ЮВА даже ценой раскола такого экономического феномена, как существующего с 1967 г. АСЕАН, о вероятности которого в экспертном сообществе сейчас говорят все чаще, если усиление противоборства с КНР заставит Вашингтон более решительно повести за собой семь стран ЮВА с более сильно выраженной проамериканской ориентацией. При этом автор не скрывает, что чисто экономические цели и выгоды участников данного объединения не являются самыми главными.

При этом нельзя не отметить, что на официальном уровне президент РК Юн Сок Ёль демонстрирует позитивное отношение как к АСЕАН, так и ВРЭП, используя соответствующую ободряющую риторику.

Принимая участие в 25-м саммите АСЕАН+3, состоявшемся в Камбодже в 2022 г., он встретился с лидерами девяти стран АСЕАН, премьер-министром Китая Ли Кэцяном и премьер-министром Японии Фумио Кисида и подчеркнул, что АСЕАН, Корея, Китай и Япония сообща ответят на различные вызовы, смогут укреплять сотрудничество для инклюзивного и устойчивого экономического роста. Он сказал, что повысит уровень открытости ВРЭП и будет активно продвигать экономическое и технологическое сотрудничество в различных областях, таких как стабилизация цепочек поставок между странами-участницами ВРЭП, усиление конкурентоспособности малого и среднего бизнеса и реагирование на изменение климата[11].

Тем не менее на практике действительность выглядит значительно сложнее и противоречивее. В международной экспертной среде сложилось убеждение, которое в упрощенном виде часто формулируется примерно следующим образом: США, особенно при администрации Дж. Байдена, поставили перед собой стратегическую задачу сформировать технологический альянс, в который уже вошли Япония и Тайвань. Сверхидея – попытаться ограничить участие Китая в международных цепочках поставок, но главное – выдавить Пекин из глобального цикла производства и продаж наиболее высокотехнологических продуктов, которыми на сегодня считаются микрочипы и аккумуляторные батареи, обеспечив собственное лидерство в упомянутых технологиях. В коали-

[11] Со Ён Чжу. Президент Юн предлагает укреплять сотрудничество по экономическому росту в АСЕАН+3... «Повышение уровня открытости ВРЭП». 12.11.2022. URL: https://n.news.naver.com/article/014/0004927084?sid=100 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

цию активно вовлекают и Южную Корею, которая с колебаниями и определенными оговорками в нее все-таки втягивается.

Что касается сферы чипов, то США попытаются объединить Южную Корею, Тайвань и Японию в рамках «альянса Fab 4 Chip», предназначенного для координации политики в области исследований и разработок, грантов и цепочек поставок. Вследствие последовательных усилий США главные южнокорейские полупроводниковые гиганты Samsung Electronics и SK Hynix постепенно сокращают производство чипов в Китае и отказываются от выпуска их наиболее современных моделей.

Южнокорейский бизнес упорно и долго пытался балансировать между Китаем и США, но в конце концов был вынужден постепенно переориентироваться на американский рынок.

Бывший министр торговли Южной Кореи Ё Хан Ку весьма фигурально обрисовал данную ситуацию: «У Китая есть рынок, а у США – технологии. Без технологии нет продукции. Если же нет рынка сбыта, то его, по крайней мере, можно попытаться найти в другом месте»[12].

Правительство США последовательно контролирует и сокращает деятельность корейских лидеров электроники Samsung и SK hynix в Китае, которые, например, получили отсрочку на год и пока что могут поставлять санкционное оборудование на свои фабрики в Китае, но в следующем году могут их лишиться подобной отсрочки, заявил в феврале этого года заместитель министра торговли США по промышленности и безопасности Алан Эстевес[13].

Похожая картина складывается и в сфере переноса Южной Кореей своего производства аккумуляторных батарей на американский рынок. Несмотря на возмущение и определенное сопротивление со стороны южнокорейского бизнеса и правительства в связи с принятием администрацией Дж. Байдена очевидно дискриминационного для производителей-южан аккумуляторных батарей «Закона о снижении инфляции» (IRA) в августе 2022 г,. американцы сумели убедить корейских партнеров, что было очень сложной задачей.

В апреле 2023 г. западные СМИ растиражировали как триумфальную новость тот факт, что «План General Motors и Samsung SDI потратить 3 млрд долл. на строительство нового аккумуляторного завода в США

---

[12] Производителей чипов из Южной Кореи заставляют выбирать между технологиями США и рынком Китая // Новости технологий, обзоры гаджетов, смартфонов, бытовой техники и автомобилей. 23.08.2022. URL: https://www.ixbt.com/news/2022/08/23/proizvoditelej-chipov-iz-juzhnoj-korei-zastavljajut-vybirat-mezhdu-tehnologijami-ssha-i-rynkom-kitaja.html (дата обращения: 18.01.2024).

[13] США ограничат производство полупроводников южнокорейских компаний в Китае. 04.02.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=73467 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

подтверждает доминирующее положение южнокорейских компаний в североамериканской цепочке поставок аккумуляторных батарей для электромобилей даже в условиях противостояния со стороны их крупнейшего конкурента – китайской компании CATL»[14].

Так что несмотря на то, что южнокорейский бизнес всегда представляет собой весьма внушительную силу в стране, к мнению которой прислушиваются все правительства, нынешняя ситуация стала несколько нестандартной в силу небывалой по меньшей мере в этом столетии близости официальных Вашингтона и Сеула.

Приведенные выше факты подтвердили, что бизнес-сообщество РК по достоинству оценило масштабы ВРЭП, поверило в его перспективы и активно включилось в его деятельность.

Имеются основания с оптимизмом оценивать итоги первого года деятельности данной организации и ее перспективы. Одним из важнейших результатов следует считать, что по большому счету в качестве глобального мега конструкции ВРЭП подтвердил свою практически безальтернативность в Восточной Азии. Во всяком случае ИТЭС ему на экономическом фронте конкуренцию не сумела составить.

За прошедшие почти три года существования организации, включая год активного функционирования, все более очевидным становится, что, будучи крупнейшим в мире торговым соглашением, ВРЭП выполняет ряд своих важнейших миссий:

– ускоряет перестройку мировой экономики от системы трех центров (США, ЕС и Япония) к новой модели с центром мировой экономики в Азии;
– продолжает широкоформатную и результативную борьбу за недопущение концентрации наиболее высокотехнологичных сфер, включая ИИ, под контролем исключительно Запада;
– набирая внутренний вес, с долей внутрирегиональной торговли свыше 60% ВРЭП становится самодостаточным центром мировой экономической силы и способствует постепенной трансформации «Глобального Юга» в более оформленный макрорегион со своей субъектностью.

Объективно нарастание влияния ВРЭП будет способствовать более благоприятному развитию и других группировок «Незападного мира» в лице ШОС, ЕААС, ССАГПЗ, БРИКС и других, консолидация которых и благожелательное взаимодействие с которыми сегодня актуальнее для России, чем ранее.

---

[14] Christian Davies and Song Jung-a. South Korean battery groups' domination of EV market in US faces China challenge // Financial Times. 26.04.2023. URL: https://www.ft.com/content/bc5ce0d8-b6b0–47a9-bbe1–9fda7f25c9fb (accessed: 16.01.2024).

В заключение нашего обзора полагаем уместным привести выводы, сформулированные в конце 2023 г. двумя экспертами авторитетного Совета по международным отношениям в Нью-Йорке относительно промежуточных итогов негласного соревнования между двумя рассматриваемыми в статье глобальными эконмическими объединениями: ВРЭП (RSEP) и ИТЭС (IPEF).

Их оценки в отношении ИТЭС весьма пессимистичны и выглядят практически как неумолимый приговор. Данные экономисты убеждены в том, что итоги почти двухлетней деятельности ИТЭС подтвердили опасения тех его критиков, которые сразу его отвергли как «пустышку».

Они отметили, что «когда президент Джо Байден запустил Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (IPEF) в мае 2022 года, он заявил, что соглашение установит "новые правила для экономики XXI века". IPEF, основанный на четырех столпах – торговле, цепочках поставок, чистой энергетике и борьбе с коррупцией, – является ответом администрации на растущее влияние Китая в регионе и желание укрепить присутствие США среди ключевых партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако на саммите в этом месяце (ноябрь 2023 г. – *А.В.*) страны IPEF не смогли заключить соглашение по торговому компоненту, в результате чего в этом документе не осталось существенного экономического компонента»[15].

Пытаясь сгладить удручающий эффект состоявшегося фиаско – неспособности сформировать фундамент заявленного Соглашения, министр торговли США Дж. Раймондо после публикации совместного заявления IPEF сделал неожиданное заявление для журналистов, заявив, что IPEF «не является и никогда не задумывался как торговое соглашение».

Вывод экспертов Совета по международным отношениям по итогам саммита ИТЭС суров, но закономерен: «Поскольку торговый компонент сейчас отсутствует, можно с уверенностью заключить, что его огромная экономическая ценность также исчезла. Без экономической основы трудно понять, почему страны IPEF будут оставаться приверженными этой системе в долгосрочной перспективе или какое альтернативное экономическое лидерство Соединенные Штаты могут предложить в Индо-Тихоокеанском регионе»[16].

---

[15] Inu Manak Manjari, Chatterjee Miller. An Indo-Pacific Economic Framework – Minus Economics. The Biden administration's attempt to shore up influence in the Indo-Pacific rings hollow without a trade pillar to IPEF // The National Interest. 30.11.2023. URL: https://nationalinterest.org/feature/indo-pacific-economic-framework%E2%80%94minus-economics-207612?utm_source=blognotification&utm_medium=email&utm_campaign=Blog%20Post%20Notification%20Asia%20Unbound&utm_term=AsiaUnbound (accessed: 16.01.2024).

[16] Там же.

Литература / References

1. Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? // РСМД. 03.06.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/ (дата обращения: 18.01.2024).
2. Ли Чжи Ён. Мега-анализ FTA Кореи – Изменения в FTA из-за RCEP/IPEF/CPTTP и экологических проблем. 2022.12.19. URL: https://m.blog.naver.com/lee7-happy/222960242967 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
3. На Хо Ёнг. Экспортно-Торговая палата Тэгу объявляет о планах проверить двусторонние FTA и RCEP, чтобы определить, какие из них более выгодны? // Newis. 19.12.2022. URL: https://n.news.naver.com/article/003/0011610726?sid=102 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
4. Отчет Таможенной службы РК. 03.02.2023. URL: https://m.newspim.com/news/view/20230201000993 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
5. Производителей чипов из Южной Кореи заставляют выбирать между технологиями США и рынком Китая // Новости технологий, обзоры гаджетов, смартфонов, бытовой техники и автомобилей. 23.08.2022. URL: https://www.ixbt.com/news/2022/08/23/proizvoditelej-chipov-iz-juzhnoj-korei-zastavljajut-vybirat-mezhdu-tehnologijami-ssha-i-rynkom-kitaja.html (дата обращения: 18.01.2024).
6. Со Ён Чжу. Президент Юн предлагает укреплять сотрудничество по экономическому росту в АСЕАН+3... «Повышение уровня открытости ВРЭП». 12.11.2022. URL: https://n.news.naver.com/article/014/0004927084?sid=100 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
7. США ограничат производство полупроводников южнокорейских компаний в Китае. 04.02.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=73467 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
8. Т. Едовина. ТТП позволяет Америке, а не таким странам, как Китай, писать правила игры для XXI века // Коммерсантъ. 04.02.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2907872 (дата обращения: 18.01.2024).
9. Цой Вон-иль. Современное состояние экономического сотрудничества в регионе к 1-й годовщине реализации ВРЭП // Сеульское агентство новостей. 03.01.2023. URL: http://www.snakorea.com/news/articleView.html?idxno=643911 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
10. Чхве Гён Сон. Институт политики Асан, опубликовал краткий обзор участия стран Юго-Восточной Азии в IPEF // KONAS.net. 18.12.2022. URL: https://www.konas.net/article/article.asp?idx=60047 (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.
11. Christian Davies and Song Jung-a. South Korean battery groups' domination of EV market in US faces China challenge // Financial Times. 26.04.2023. URL: https://www.ft.com/content/bc5ce0d8-b6b0–47a9-bbe1–9fda7f25c9fb (accessed: 16.01.2024).
12. Inu Manak Manjari, Chatterjee Miller. An Indo-Pacific Economic Framework – Minus Economics. The Biden administration's attempt to shore up influence in the Indo-Pacific rings hollow without a trade pillar to IPEF // The National Interest. 30.11.2023. URL: https://nationalinterest.org/feature/indo-pacific-economic-framework%E2%80%94minus-economics-207612?utm_source=blognotification&utm_

medium=email&utm_campaign=Blog%20Post%20Notification%20Asia%20Unbound&utm_term=AsiaUnbound (accessed: 16.01.2024).

13. People's Daily of China. 30.12.2022. URL: http://kr.people.com.cn/n3/2022/1230/c203280–10190136.html (accessed: 16.01.2024). На кор. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Vorontsov Alexander V. – PhD (History), Head of the Korea and Mongolia Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 14.08.2023.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 14.08.2023.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.101.541
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-062-076

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: РОЛЬ ИНДИИ И РОССИИ

Ирина Владимировна Дерюгина
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
irina-vd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8040-1810

Аннотация. Вызовы на глобальном продовольственном рынке, хотя и стали менее злободневными, но полностью не теряют своей угрозы. В последнее время все геополитические, экологические, стихийные, гуманитарные катаклизмы практически сразу отражаются в волатильности цен на мировом рынке. В статье оцениваются подходы Индии и России к идее многополярности, в частности, в достижении международной продовольственной безопасности. Сравнивая положение Индии и России на мировом рынке продовольствия, отмечается, что, будучи ведущими экспортерами сельскохозяйственных товаров, страны не являются конкурентами на мировых рынках, в наборе экспортных товаров они дополняют друг друга. Индия на глобальном рынке продовольственных товаров придерживается широкой диверсификации продуктов и стран-импортеров ее продукции. Основные партнеры Индии в торговле сельскохозяйственными товарами исторически находились в Азии, но сейчас усиливается внимание к странам Африки. В России также начались сдвиги в международных цепочках поставок продовольствия с упором на страны Азии и Африки. В дальнейшем перестройка глобальных цепочек поставок будет нарастать.

Ключевые слова: многополярность, мировой продовольственный рынок, сельскохозяйственные товары, внешняя торговля, Индия, Россия

Для цитирования: Дерюгина И. В. Многополярность на мировом рынке продовольствия: роль Индии и России. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):62-76. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-062-076

Original article. Economics studies

MULTIPOLARITY IN THE GLOBAL FOOD MARKET: THE ROLE OF INDIA AND RUSSIA

Irina Deryugina
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
irina-vd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8040-1810

Abstract. Although the challenges in the global food market have become less urgent, they do not completely lose their threat. Recently, all geopolitical, environmental, natural, and humanitarian disasters have been reflected almost immediately in the volatility of prices on the world market. The article evaluates the approaches of India and Russia to the idea of multipolarity, in particular in achieving international food security. Comparing the position of India and Russia in the global food market, it is noted that, being the leading exporters of agricultural goods,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Deryugina I. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

the countries are not competitors in world markets, they complement each other in the set of export goods. India adheres to a wide diversification of products and importing countries in the global food market. India's main partners in agricultural trade have historically been in Asia, but now there is increasing attention to African countries. Shifts in international food supply chains have also begun in Russia, with a focus on Asian and African countries. In the future, the restructuring of global supply chains will increase.

Keywords: Multipolarity, global food market, agricultural products, foreign trade, India, Russia

For citation: Deryugina I. V. Multipolarity in the Global Food Market: the Role of India and Russia. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):62-76. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-062-076

В последнее время сложилась ситуация, при которой все геополитические, экологические, стихийные, гуманитарные катаклизмы практически сразу оказывают влияние на мировой продовольственный рынок [Продовольственная и ресурсная безопасность 2023, с. 17–30]. Волатильность цен на пшеницу на мировом рынке в 2021–2024 гг. стала ярким тому свидетельством. График зафиксировал резкий подъем мировой цены на пшеницу, связанный с обострением геополитической обстановки в феврале 2022 г., последующее падение цены, обусловленное реакцией мирового рынка на заключение зерновой сделки и, наконец, относительная стабилизация цен на рубеже 2023–2024 гг. Причем движение цен в период падения показывало сильные колебания, реагируя на малейшие экономические и политические решения основных экспортеров зерна. И только с октября 2023 г. можно наблюдать некоторую устойчивость динамики цен (рис. 1). При этом прогнозы по ценам на мировом рынке продовольствия в целом и зерна, в частности, подтверждаются достаточно редко. Здесь надо подчеркнуть, что глобальный индекс продовольственных цен в основном зависит от движения цен на пшеницу и кукурузу, которая в мировом экспорте занимает ведущее место по сравнению с экспортом других культур. Например, в 2022 г. мировой экспорт пшеницы оценивался в 68,2 млрд долл., кукурузы – 62,9 млрд долл., риса – 30,0 млрд долл.[1]

Диверсификация поставщиков и продуктов на мировом продовольственном рынке становится имманентной необходимостью во избежание глобального продовольственного кризиса. Понятие многополярности имеет очень широкое трактование – в экономическом смысле оно подразумевает, помимо прочего, многосторонние партнерские отношения и в целом широкий гуманитарный смысл. Положение России и Индии

[1] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/ (accessed: 15.02.2024).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Дерюгина И. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

в качестве лидеров на мировом сельскохозяйственном рынке требует особого внимания к их концепциям многополярности, причем интересно рассмотреть эти концепции в перспективе обеспечения глобальной продовольственной безопасности [Страны Востока 2022, с. 301–313].

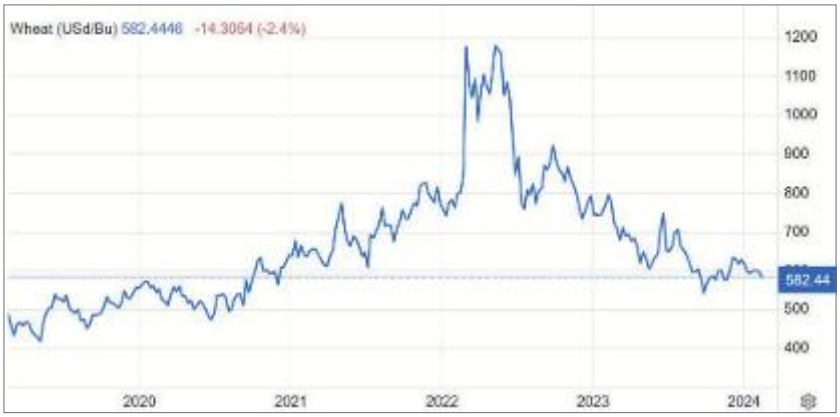


Рис. 1. Динамика цены на пшеницу (фьючерсы) на чикагской бирже (CBOT): март 2019 г. – февраль 2024 г., *цент США/бушель*

Источник: https://ru.tradingeconomics.com/commodity/wheat (дата обращения 15.02.2024)
Примечание: Цена – долл./тонна = цент/бушель ∗ 0,4325.

«В эпоху глобальных цепочек поставок, сложных человеческих взаимосвязей и стремительного развития коммуникационных технологий нельзя не подчеркнуть актуальность многополярного мира, в котором нет одной доминирующей силы, а есть несколько центров... Появление в последнее время нескольких центров роста, силы и влияния, растущая технологическая и экономическая взаимозависимость убедительно свидетельствуют о том, что сейчас формируется многополярный мир», – сказал Глава министерства обороны Индии Раджнатх Сингх на XI Московской конференции по международной безопасности[2].

Участие Индии в создании группы БРИКС в 2009 г. было, пожалуй, первым шагом к многополярности. В то время в группу объединились четыре страны: Бразилия, Россия, Индия, Китай, а в 2024 она расширилась до союза десяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии, Саудовской Аравии; на очереди присоединение еще шести стран[3].

---

[2] Глава Минобороны Индии заявил о формировании многополярного мира // РИА Новости 15.08.2023. URL: https://ria.ru/20230815/mnogopolyarnost-1890262066.html (дата обращения: 23.01.2024)

[3] Замглавы МИД Рябков уточнил, что Саудовская Аравия с 1 января официально входит в БРИКС // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240215/briks-1927534769.html (дата обращения: 15.02.2024).

Индия призывает к формированию устойчивой многополярности. Однако, оценивая позицию Индии, необходимо обратить внимание в целом на быстроразвивающиеся страны Азии, которые сегодня «фрагментированы по ряду осей». Арвинд Гупта, директор Международного фонда Вивекананды на российско-индийской конференции Клуба Валдай и Фонда Вивекананды, прошедшей 8 января 2024 г., подчеркнул, что «Россия и Индия должны внести свой вклад в развитие стабильного многополярного мира, основанного на идее гармонии в многообразии, верховенстве закона, сотрудничестве и компромиссе, в котором будет учитываться стремление всех стран к безопасности и экономическому росту»[4].

Роль Индии в обеспечении глобальной продовольственной безопасности постоянно возрастает. Индия активно участвует в таких международных инициативах, как Цели в области устойчивого развития (ЦУР) ООН, которые включают задачу покончить с голодом и достичь продовольственной безопасности к 2030 г. Страна также вносит вклад в инициативы Всемирной продовольственной программы ООН, в частности, предоставление продовольственной помощи пострадавшим от стихийных бедствий общинам. Примером растущего авторитета Индии как сельскохозяйственной державы является Индийско-африканское партнерство в области сельского хозяйства [Аграрные проблемы, 2021, с. 65–85]. Основная цель инициативы – способствовать развитию сельского хозяйства и продовольственной безопасности в странах Африке. Основное направление – обмен знаниями между фермерами Индии и Африки, сотрудничество в таких областях, как борьба с болезнями сельскохозяйственных культур[5].

Экспорт сельскохозяйственной продукции в Индии имеет стабильную тенденцию к росту. За последние три года показатель поднялся на 24% – с 41,9 млрд долл. (2020/21 г.) до 51,8 млрд долл. (2022/23 г.) (рис. 2). Индия занимала 11-е место в рейтинге крупнейших экспортеров продукции сельского хозяйства (включая сопутствующие отрасли), в 2022/23 г. на нее приходилось 3% совокупного мирового экспорта[6].

Эти успехи можно объяснить мерами, принятыми правительством для содействия экспорту сельскохозяйственных товаров. Подход правительства Индии к формированию экспортоориентированного сектора

---

[4] Новая траектория индийско-российских отношений. URL: https://dzen.ru/a/ZaVfE7okG39_qAAh (дата обращения: 15.01.2024).

[5] Gupta N. Indian agriculture: A rising force in global market // India vs Disinformation. URL: https://www.indiavsdisinformation.com/ (accessed: 24.01.2024).

[6] В 2022 году Россия вновь вошла в топ-20 мировых экспортеров продовольствия // Агро экспорт. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/в-2022-году-россия-вновь-вошла-в-топ-20-миров/ (дата обращения: 23.01.2024).

аграрного хозяйства с начала 2000-х гг. носил системный характер, был сделан акцент на создании Управления по развитию экспорта сельскохозяйственной и переработанной пищевой продукции (APEDA); разработке Аграрной экспортной политики, направленной на стимулирование производства и переработки экспортной продукции (Agriculture Export Policy); организации информационной биржи (торгового портала), специализирующейся на онлайн-торговле (Agri Exchange); переориентации части транспортно-логистической структуры для целей сельскохозяйственного экспорта; стимулировании экспорта продовольственных товаров, включая формирование производственных кластеров, которые работают на нужды экспорта, и специальных экономических зон, где осуществляется переработка экспортных сельскохозяйственных товаров [Дерюгина 2023]. А также организации сообществ фермеров-производителей, поощрения диверсификации растениеводства, повышения производительности в сельском хозяйстве за счет механизации и создания Фонда сельскохозяйственной инфраструктуры.

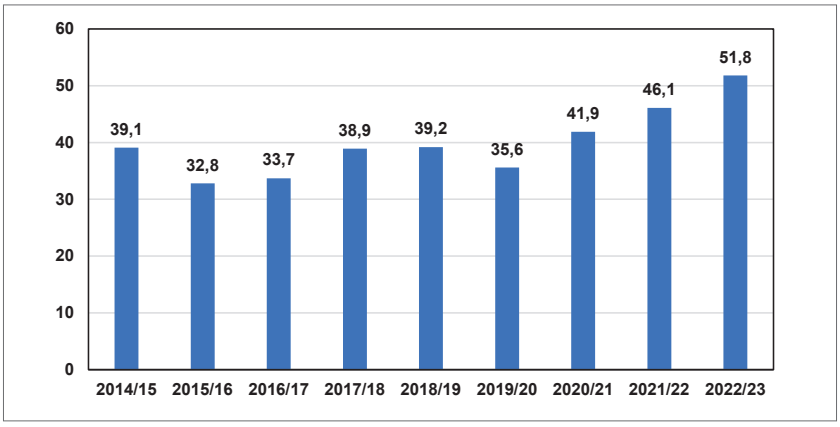


Рис. 2. Индия: экспорт сельскохозяйственных товаров, *млрд долл.*
Источник: [Economic Survey 2023, с. 116–118]

Особенностью Индии при оценке ее вклада в глобальную продовольственную безопасность является широкий ареал стран, с которыми Индия имеет внешнеэкономические связи в аграрной сфере. Крупнейшими импортерами сельскохозяйственной продукции Индии по состоянию на 2022/23 г. были США, Китай, Бангладеш, ОАЭ, Вьетнам, Саудовская Аравия, Индонезия и Малайзия. За ними следовали Иран, Таиланд, Непал, Бенин, Египет. В 2022/23 г. на США, которые были крупнейшим импортером индийской сельскохозяйственной продукции, приходилось 9,6% от общего объема аграрного экспорта Индии, на Китай – 7,5%, на Бангладеш – 6,8% (рис. 3).

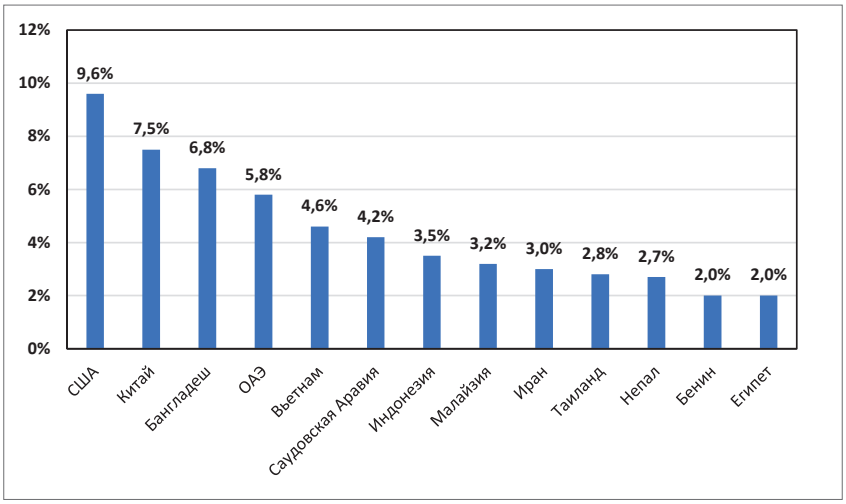


Рис. 3. Основные страны-импортеры индийской сельскохозяйственной продукции, доля в общем экспорте из Индии (2022/23), *%*

Источник: APEDA AgriExchange. URL: https://agriexchange.apeda.gov.in/indexp/18headgenReportmonth_combine.aspx (accessed: 23.01.2024)

В структуре сельскохозяйственного экспорта Индии в 2022/23 г. почти треть занимали зерновые и масличные культуры. Несмотря на временные ограничения экспорта пшеницы и риса, связанные с климатическими аномалиями 2022 г., экспорт зерновых культур в 2022/23 г. составил 32,7 млн т, в том числе 22,2 млн т риса, 7,0 млн т пшеницы, 3,5 млн т кукурузы. Именно из-за частичного эмбарго экспорт зерновых культур вырос всего на 4% по сравнению с 2021/22 г., когда было поставлено за рубеж 32,2 млн т. Хотя прирост за 2020/21–2021/22 составил более 75%[7].

Индия выступает на мировом рынке ведущим экспортером риса, на нее приходится свыше 40% всего объема мирового экспорта. Здесь следует отметить, что экспорт риса имеет специфику. На мировом рынке пшеницы подобная специфика также наблюдается, но в значительно меньшей степени. Каждая национальность в Азии и Африке предпочитает определенный сорт риса, поэтому в различные страны, как правило, экспортируются разные сорта риса. Экспорт риса из Индии подразделяется на две категории – рис басмати и весь остальной рис (не басмати). Соотношение экспорта риса басмати к всему остальному рису составляет 1:4, но мировые цены на рис басмати в среднем в три раза выше, чем на остальной рис, отгружаемый из Индии. Причем цены на рис басмати в период 2021/22–2023/24 гг. в Индии имели ярко выра-

[7] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 26.01.2024).

женную тенденцию к росту благодаря увеличивающемуся спросу со стороны импортеров на Ближнем Востоке. Основными импортерами риса басмати являются: Саудовская Аравия, Иран, Ирак, ОАЭ, Йемен. Импортерами остального риса выступают: Китай, Бенин, Сенегал, другие страны Африки[8].

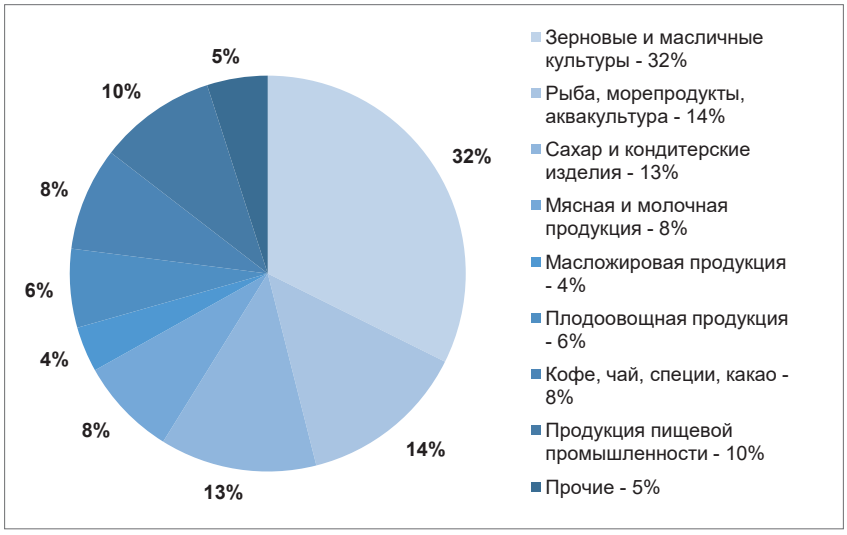


Рис. 4. Структура экспорта сельскохозяйственных товаров из Индии (2022/23 г.)
Источник: ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 26.01.2024)

На мировом экспортном рынке пшеницы Индия занимает 8-е место, а по экспорту кукурузы находится на 9-м месте. В объеме мирового экспорта пшеницы на Индию приходилось в 2022 г. около 4%, а доля Индии в мировом экспорте кукурузы составляла всего 1,5%. Экспорт пшеницы осуществляется главным образом в Бангладеш, Индонезию, ОАЭ; экспорт кукурузы – в Бангладеш, Вьетнам, Непал, Малайзию[9].

В первую очередь активное расширение экспортного сектора сельского хозяйства базировалось на: создании Управления по развитию экспорта сельскохозяйственной и переработанной пищевой продукции (APEDA); разработке Аграрной экспортной политики, направленной на стимулирование производства и переработки экспортной продукции (Agriculture Export Policy); организации информационной биржи (торгового портала), специализирующейся на он-лайн торговле (Agri Exchange) [Дерюгина, 2023].

[8] APEDA AgriExchange. URL: https://agriexchange.apeda.gov.in/indexp/18headgenReportmonth_combine.aspx (accessed: 23.01.2024).

[9] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 26.01.2024).

Особое внимание уделялось развитию рыбного хозяйства в Индии. Еще в 1972 г. было учреждено Управление по развитию экспорта морских продуктов (MPEDA) для продвижения морских продуктов на экспорт, регулирования экспорта морских продуктов и обеспечения устойчивости и качества при производстве морепродуктов. Функции MPEDA были сконцентрированы на продвижении индийских морских продуктов на международных рынках; сотрудничестве с ВТО; развитии инфраструктуры; инвестировании в новые технологии рыбного хозяйства; повышении продуктивности рыболовства, организации совместных предприятий[10].

В итоге по экспорту рыбы и морепродуктов Индия в 2022/23 г. была на 4-м месте в мире, с долей 5% от мирового объема. США и Китай в 2022/23 г. были основными импортерами индийской рыбной продукции. Следующими в рейтинге импортеров были Вьетнам, Япония и Таиланд. Экспорт рыбы и морских продуктов в 2022/23 г. оценивался в 8,1 млрд долл., что на 12% выше, чем в предыдущем году[11].

В настоящее время дальнейшее увеличение производства и экспорта морепродуктов в Индии входит в программу Голубой революции амбициозного 25-летнего плана Amrit Kaal 2047, который предполагает преобразование всей морской инфраструктуры страны.

С начала перехода к либеральной политике в 1990-х гг. индийское правительство постепенно вырабатывало стратегию экспортной диверсификации, одним из направлений которой было расширение экспорта мясной и молочной продукции. В 2022/23 г. на мировой рынок Индия поставила замороженного мяса крупного рогатого скота (буйволов) на 3,2 млрд долл., это равнялось 8% от всего объема мирового экспорта мяса крупного рогатого скота данной категории (ТНВЭД 0202). В результате на рынке данных товаров Индия занимает 4-е место в мире после Бразилии, США, Австралии[12].

В 1970-х гг. была анонсирована «Белая революция», которая впоследствии превратила Индию в крупнейшего в мире производителя молока. Основной подъем производства молока пришелся на XXI в. В 2022 г. было произведено 209 млн т молока (коровьего и буйволиного), что в два раза больше, чем в США, и в 1,5 раза больше, чем совокупно во всех странах ЕС. Индия в 2022/23 г. экспортировала молока и молочных продуктов на 590 млн долл. В натуральном выражении экспорт молока и молочных продуктов увеличился с 16 тыс. т (2000 г.) до 192 тыс. т (2022 г.)

---

[10] India Filings. URL: https://www.indiafilings.com/learn/marine-products-export-development-authority/ (accessed: 20.01.2024).

[11] MPEDA. URL: https://mpeda.gov.in/?page_id=438# (accessed: 29.01.2024).

[12] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 26.01.2024).

[Agricultural Statistics at a Glance, 2022, с. 113]. Согласно отчету, опубликованному Агентством инвестиционной информации и кредитных рейтингов (ICRA), уже с 2022/23 г. молочный сектор в Индии будет подрастать на 12–14% в год. Однако в 2022/23 г. экспорт молока и молочных продуктов не превышал 1,5% в объеме всего экспорта товаров сельского хозяйства, поэтому в планах Индии увеличивать экспорт в этом сегменте. «Индия уже превратилась в крупнейшую страну-производителя молока в мире, и ей нужно захватить зарубежные рынки для своих излишков молока … страна должна быть конкурентоспособной с точки зрения экспорта», – отметил член NITI AAYOG Рамеш Чанд[13].

Главными импортерами мясомолочной продукции из Индии были США, ОАЭ, Бангладеш Саудовская Аравия (молочные продукты), Малайзия, Вьетнам, Египет, Индонезия (мясо).

Совершенно уникальное место во внешней торговле Индии занимает продукция плодоовощного сектора. Широкая географическая структура возделывания овощей, фруктов, специй, орехов, чая в Индии, имеющей разнообразные природно-климатические зоны, позволяет стране занимать ведущие места на мировых рынках различных плодоовощной продукции. Доля экспорта чая, кофе, специй в 2022/23 г. составляла 8% от всего сельскохозяйственного экспорта, а доля плодоовощной продукции – 6% (рис. 4). Если экспорт чая, кофе, специй является традиционным для Индии, то экспорт плодоовощной продукции правительство рассматривает как средство, способное в какой-то степени победить бедность в периферийных районах страны и которое должно обеспечить устойчивый сельскохозяйственный рост.

Для стимулирования экспорта плодоовощной продукции были сформированы производственные кластеры, которые работают на нужды экспорта, а также специальные экономические зоны, где осуществляется переработка экспортных сельскохозяйственных товаров. В 20 штатах было создано 60 производственных кластеров, ориентированных на выращивание и переработку сельскохозяйственной экспортной продукции. Причем финансирование кластеров осуществляется по отдельной госпрограмме. На мировом рынке чая, кофе, специй Индия в 2022/23 г. занимала 3-е место с долей 6,5% от мирового экспорта, на мировом рынке плодоовощной продукции Индия пока занимает достаточно скромные позиции, на нее приходится 1,3% от мирового экспорта [Economic Survey 2023, с. 146]. Главные страны-импортеры индийской плодоовощ-

[13] India needs to be export competitive to capture overseas market for surplus milk // The Hindu. URL: https://www.thehindu.com/news/national/india-needs-to-be-export-competitive-to-capture-overseas-market-for-surplus-milk-niti-aayog-member/article66743398.ece (accessed: 31.01.2024).

ной продукции – ОАЭ, Бангладеш, Саудовская Аравия, Непал, Малайзия, Китай[14].

Оценив роль Индии на глобальном рынке продовольственных товаров, можно заключить, что страна придерживается широкой диверсификации продуктов и стран-импортеров, в которые поставляются сельскохозяйственные товары. Основные партнеры Индии в торговле сельскохозяйственными товарами исторически находились в Азии, но сейчас усиливается внимание к странам Африки.

Индия и Россия на глобальном рынке продовольственных товаров играют в одной лиге. Но выступая ведущими экспортерами, они на рынке практически не конкурируют, а дополняют друг друга [Дерюгина, Растянникова 2022].

В России за последнее пятилетие наблюдалось достаточно стабильное увеличение сельскохозяйственного экспорта. В 2022 г. экспорт сельскохозяйственной продукции из России достиг 41,6 млрд долл., прирост по сравнению с 2021 г. составил 12,1% (рис. 5). Среди крупнейших поставщиков продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья Россия заняла 17-е место, ее доля в совокупном мировом экспорте АПК составила 2,1%[15]. Позицию крупнейшей страны-экспортера продукции АПК в 2022 г. сохранили США, доля экспорта которых в совокупном экспорте составила 10%, 2-е место заняла Бразилия (7% от объема мирового экспорта).

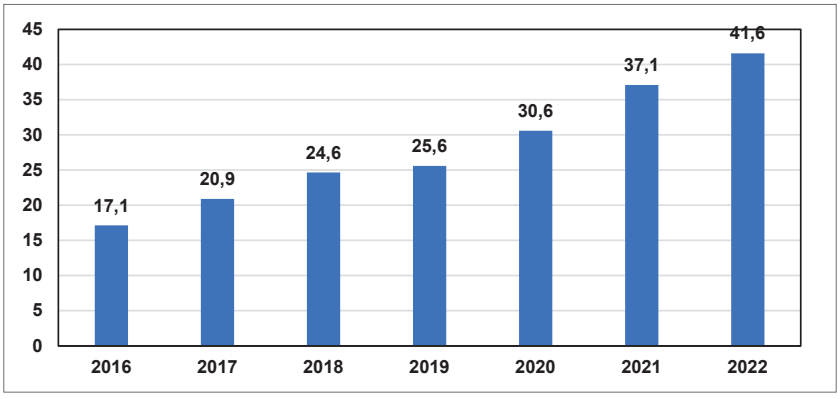


Рис. 5. Россия: экспорт сельскохозяйственных товаров, *млрд долл.*
Источник: UNCTADSTAT. URL: https://unctadstat.unctad.org (accessed: 15.09.2023)

[14] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx; APEDA AgriExchange. URL: https://agriexchange.apeda.gov.in/indexp/18headgenReportmonth_combine.aspx (accessed: 26.01.2024).

[15] Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России // Agroexport. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/в-2022-году-россия-вновь-вошла-в-топ-20-миров/ (дата обращения: 22.01.2024).

Главные импортеры российской сельскохозяйственной продукции в 2022 г. были Китай, на него приходится 12,3% всего аграрного экспорта России, и Турция (с долей 12,2%) (рис. 6). Индия и Россия имеют давнюю традицию сотрудничества во многих областях экономики, политики и гуманитарной сферы. Объём внешнеторгового оборота между странами в 2023 г. превысил 54 млрд долл., и Россия стала третьим по величине торговым партнёром Индии[16].

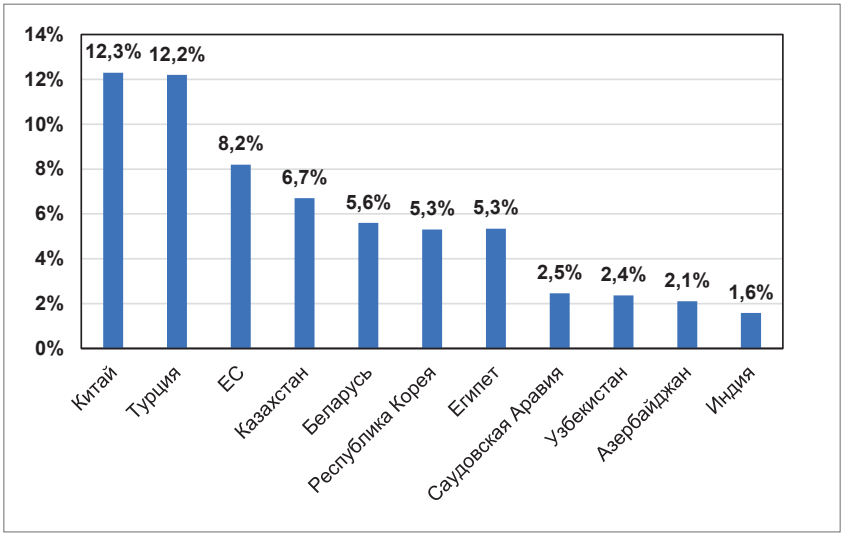


Рис. 6. Основные страны-импортеры российской сельскохозяйственной продукции, доля в общем экспорте из России (2022/23), *%*

Источник: Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России // Agroexport. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/в-2022-году-россия-вновь-вошла-в-топ-20-миров/ (дата обращения: 22.01.2024)

По данным ФГБУ «Агроэкспорт», Индия вошла в топ-10 крупнейших покупателей российских продовольственных товаров в 2023 г. Это значительный скачок по сравнению с прошлым годом, когда Индия занимала 11-е место (рис. 6). При растущем спросе на российские сельскохозяйственные продукты в Индии «за период с января по октябрь 2023 г. Россия поставила в Индию более 964 тыс. т продовольствия, что в 2,5 раза больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Индия стала крупнейшим импортером российского подсолнечного и соевого масла»[17].

---

[16] Товарооборот России и Индии вырос вдвое за 10 месяцев 2023 года. URL: https://finance.rambler.ru/economics/51997898-tovarooborot-rossii-i-indii-vyros-vdvoe-za-10-mesyatsev-2023-goda/ (дата обращения: 20.01.2024).

[17] Индия укрепляет свою позицию в мировом рынке сельскохозяйственных продуктов // РЫНОК ЗЕРНА INFO. URL: https://graininfo.ru/news/indiya-ukreplyaet-svoyu-pozitsiyu-v-mirovom-rynke-selskokhozyaystvennykh-produktov-osobenno-v-otnosh/ (дата обращения: 24.01.2024).

«Непростая геополитическая обстановка в мире привела к трансформации экспорта продукции АПК. Российские компании адаптировались к новой реальности – перестроили логистические маршруты и финансовые расчеты с контрагентами. Государство, со своей стороны, скорректировало условия предоставления господдержки и направило усилия на максимальную помощь бизнесу. Благодаря совместной работе российские компании АПК продолжают увеличивать свое присутствие на мировом продовольственном рынке, обеспечивая бесперебойность поставок и внося существенный вклад в решение проблем глобальной продовольственной безопасности», – отметил заместитель Министра сельского хозяйства РФ Сергей Левин[18].

В структуре сельскохозяйственного экспорта России в 2022 г. почти треть занимали зерновые, доля которых равнялась 32%, на втором месте была масложировая продукция (22%), а на третьем – продукция рыбного хозяйства (14%) (рис. 7).



Рис. 7. Структура экспорта сельскохозяйственных товаров из России (2022 г.)
Источник: Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России // Agroexport. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/в-2022-году-россия-вновь-вошла-в-топ-20-миров/ (дата обращения 22.01.2024)

В январе–ноябре 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. из России вырос экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья с 36,9 млрд долл. до 39,4 млрд долл., т. е. на 6,8%[19].

[18] Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России // Agroexport. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/в-2022-году-россия-вновь-вошла-в-топ-20-миров/ (дата обращения: 22.01.2024).

[19] Итоги внешней торговли России со всеми странами // Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (дата обращения: 02.02.2024).

Ключевыми импортерами российского зерна в 2022/23 г. были Турция, которая по сравнению с 2021/22 г. на 34% увеличила свою долю в общем импорте зерна из России, Египет (прирост за год 61,4%), Иран (сокращение за год на 24,3%), Саудовская Аравия (прирост 138,7%), Алжир (прирост 323,6%) (рис. 8).

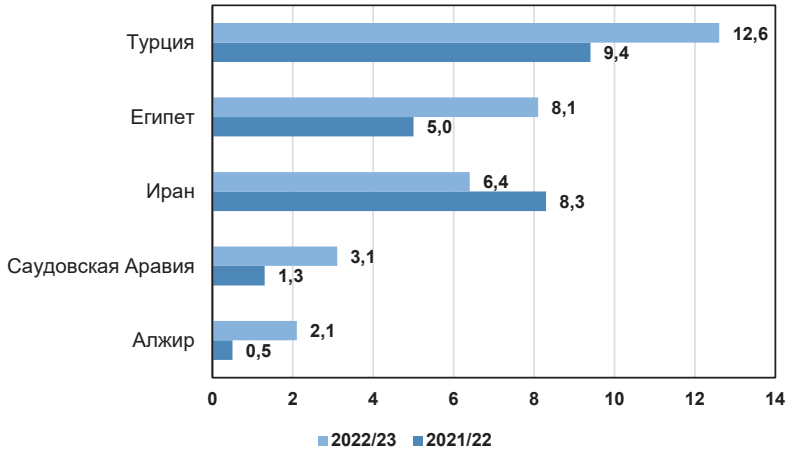


Рис. 8. Ведущие импортеры российского зерна, млн тонн

Источник: Ключевые страны импортеры российского зерна и пшеницы в сезоне 2022/23 г. // РЫНОК ЗЕРНА INFO. URL: https://graininfo.ru/news/klyuchevye-strany-importery-rossiyskogo-zerna-i-pshenitsy-v-sezone-2022–23-gg-predvaritelnye-itogi/ (дата обращения: 01.02.2024).

Основным зерном, поставляемым Россией на мировой рынок, является пшеница. На российский экспорт в 2022/23 г. приходилось 12% всего объема мирового экспорта пшеницы, и страна занимала 2-е место. Ведущими импортерами пшеницы были те же страны, что и совокупно зерновых культур, так как доля пшеницы в экспорте всех зерновых культур в 2022/23 г. равнялась 82%[20]. Масложировая продукция экспортировалась из России преимущественно в Турцию, Индию, Китай, Узбекистан. Первая тройка импортеров рыбопродукции из России в 2022 г. включала Китай, Японию, Республику Корея[21].

Российский экспорт в условиях санкций изменил свое направление – приоритетом стали торговые отношения со странами Азии, так, на торговлю с Азией теперь приходится почти 70% внешнеторгового оборота России (табл. 1).

[20] ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 01.02.2024).

[21] Названы три главных страны-импортера российской рыбопродукции в 2022 году // ВАРПЭ. URL: https://www.varpe.org/mass-media/razdel-1/nazvany-tri-glavnykh-strany-importera-rossiyskoy-ryboproduktsii-v-2022-godu/ (дата обращения: 01.02.2024).

Таблица 1. Экспорт и импорт товаров РФ по регионам

	Экспорт, *млрд долл.*			Импорт, *млрд долл.*		
	Январь–ноябрь 2022	Январь–ноябрь 2023	Изменение, %	Январь–ноябрь 2022	Январь–ноябрь 2023	Изменение, %
Весь мир	538,1	385,9	71,7	228,0	259,0	113,6
Европа	248,3	78,4	31,6	80,7	71,7	88,9
Азия	257,1	276,1	107,4	128,7	169,9	132,1
Африка	12,9	19,8	154,1	2,8	3,0	107,5
Америка	18,8	11,4	60,6	15,2	13,7	89,9

Источник: Итоги внешней торговли России со всеми странами // Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (дата обращения: 02.02.2024)

В январе–ноябре 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. экспорт в Азию вырос на 7,4%, а импорт – на 32,1%. Экспорт в Африку вырос на 54,1%, а импорт – на 7,5%. В то же время произошло сокращение экспорта в Европу на 68,4%, в Америку – на 39,4%. Также снизился импорт из Европы и Америки (табл. 1).

Таким образом, можно отметить, что сдвиги в международных цепочках поставок уже начались. В дальнейшем перестройка глобальных цепочек поставок будет нарастать.

Литература / References

1. Аграрные проблемы и новые модели экономического развития в странах Востока: коллективная монография / отв. ред. И. В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2021. 544 с. [Agrarian Problems and New Models of Economic Development in the Countries of the East: A Collective Monograph / Ed. by I. V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2021. 544 p. (in Russian)].
2. Дерюгина И. В. Аграрная экспортная политика в Индии: 2010–2020-е гг. // Международная торговля и торговая политика. 2023. Том 9. № 1 (33). С. 176–188. [Deryugina I. V. Agrarian export policy in India: 2010–2020-ies // International trade and trade policy. 2023. Volume 9. No. 1 (33). Pp. 176–188. (in Russian)].
3. Дерюгина И. В., Растянникова Е. В. Мировой рынок продовольственных и сырьевых ресурсов: Россия versus Индия // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7. С. 111–119. [Deryugina I. V., Rastiannikova E. V. The world market of food and raw materials: Russia versus India // Economics and entrepreneurship. 2022. No.7. Pp. 111–119. (in Russian)].
4. Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки: коллективная монография / отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2023. 582 с. [Food and Resource Security in Asia and Africa: A Collective Monograph / Ed. and comp. by I. V. Deryugina. Moscow, IOS RAS, 2023. 582 p. (in Russian)].

5. Страны Востока и Россия в глобальных процессах: коллективная монография / отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2022. 480 с. [The Countries of the East and Russia in Global Processes: A Collective Monograph / Ed. and comp. by I. V. Deryugina. M.: IOS RAS, 2022. 480 p. (in Russian)].
6. Agricultural Statistics at a Glance 2022 // Govt. of India. New Delhi, 2023.
7. Economic Survey 2022–23. New Delhi, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дерюгина Ирина Владимировна – канд. экон. наук, руководитель Центра аграрных исследований и продовольственной безопасности, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук, Москва, Россия

Deryugina Irina V. – PhD (Econ.), Head of The Center for Agrarian Research and Food Security, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 16.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 27.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 16.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 27.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338.1
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-077-088

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ 2024 ГОДА

Нина Михайловна Мамедова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mamedovan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4571-8206

Аннотация. Накануне парламентских выборов в Иране сложилась напряженная обстановка, которая обусловлена обострением внутриполитической борьбы и сложной экономической ситуацией. В статье предпринята попытка на основе макроэкономических показателей показать относительную устойчивость иранской экономики в преддверии выборов в меджлис и Совет экспертов, несмотря на жесткое санкционное давление. Одновременно автор показывает и наиболее «болевые точки» экономической ситуации в Иране в последние два года, поставившие страну на грань выживания в условиях ограничения связей с мировым рынком, которые государство пытается преодолевать, чтобы смягчить социальную напряженность в иранском обществе.

Ключевые слова: Иран, парламентские выборы, экономика, санкционный режим, рост ВВП

Для цитирования: Мамедова Н. М. Экономическая ситуация в Иране накануне выборов 2024 года. *Восточная аналитика.* 2024;14(1):77-88. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-077-088

Original article. Economics studies

THE ECONOMIC SITUATION IN IRAN ON THE EVE OF THE 2024 ELECTIONS

Nina Mamedova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mamedovan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4571-8206

Abstract. On the eve of the parliamentary elections in Iran, a tense situation has developed, which is due to the aggravation of the internal political struggle and the difficult economic situation. The article makes an attempt, based on macroeconomic indicators, to show the relative stability of the Iranian economy on the eve of elections to the Majlis and the Council of Experts, despite severe sanctions pressure. However, the author also shows the most "painful points" of the economic situation in Iran in the last two years, which have put the country on the brink of survival in conditions of limited connections with the world market, which the state is trying to overcome in order to alleviate social tensions in Iranian society.

Keywords: Iran, parliamentary elections, economy, sanctions regime, GDP growth

For citation: Mamedova N. M. The Economic Situation in Iran on the Eve of the 2024 Elections. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):77-88. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-077-088



Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Mamedova N. M., 2024
© Восточная аналитика, 2024

На 1 марта 2024 г. в Иране назначены выборы в меджлис (иранский парламент) и в Совет экспертов. Меджлис является нижней палатой законодательной власти, которая в значительной мере не только обеспечивает правовую основу проводимой в стране политики, но и оказывает влияние на претворение этой политики в жизнь. Особенно сильно влияние меджлиса на проведение экономической политики, во многом определяемой принимаемыми меджлисом планами социально-экономического развития и ежегодными законами о бюджете. На провозглашаемые в них цели и параметры влияет не только сложившаяся ситуация в стране, но и соотношение политических сил в иранском парламенте. Исторически в ИРИ сложилась ситуация, когда позиция меджлиса, в котором большинство мест занимали сторонники консервативных политических сил, уравновешивалась позицией правительства с преобладанием реформаторов.

Со второй половины 2021 г. впервые все высшие органы власти в Иране оказались в руках консервативных сил. Это не привело к стабильности ни в политической, ни в экономической жизни иранского общества, что делает предстоящие выборы особенно значимыми для дальнейшего развития страны в условиях санкционного давления на Иран. Важными для страны являются и выборы в Совет экспертов, который в случае ухода из жизни верховного лидера страны решает вопрос о его замене.

Безусловно, на настроение общества в условиях начавшейся предвыборной кампании, на результаты самих выборов наибольшее влияние оказывает сложившаяся в стране экономическая ситуация.

Макроэкономическая характеристика экономического положения

Ситуация в экономике Ирана остается сложной со времен санкций, введенных СБ ООН в 2010-е гг., а затем администрацией Д. Трампа после 2018 г. Еще в 2010 г. СБ ООН принял жесткую Резолюцию 1929, осложнившую отношения Ирана с большинством стран и ставшую основой введения многосторонних санкций в отношении Ирана. В 2012 г. иранские банки были отключены от межбанковской системы передачи данных SWIFT, что крайне негативно отразилось и до сих пор продолжает отражаться на внешнеэкономических связях Ирана.

Темпы развития Ирана впервые после окончания в 1988 г. ирано-иракской войны стали в 2012/13 и 2013/14 г. отрицательными (в 2012/13 г. –5,8%, в 2013/14 г. –7,9% [Мамедова 2022, с. 140]), религиозное руководство страны согласилось на переговоры с «шестеркой» стран (члены СБ плюс

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Мамедова Н. М., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Германия) о смягчении санкций в обмен на отказ от развития ядерной программа. После подписания в июле 2015 г. СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий)[1] экономическая ситуация в Иране стала заметно меняться. И уже на следующий год (в 2016/17 г.) рост ВВП Ирана составил +13,5% (в постоянных ценах) [Iran Statistical… 1401, p. 907].

Но два года роста после подписания СВПД были прерваны новыми санкциями, которые стала вводить в отношении Ирана администрация Д. Трампа вскоре после избрания его президентом США. В мае 2018 г. США вышли из СВПД и начали вводить не только ранее отмененные санкции, но и новые, причем наиболее тяжелыми для иранской экономики оказались санкции, направленные на ограничение экспорта нефти.

Иранская экономика в результате этих санкций к 2020 г. вновь оказалась в кризисе, а темпы роста ВВП стали отрицательными.

Но в 2021–22 гг. (после избрания Д. Байдена президентом США) начались переговоры в Вене о восстановлении СВПД. Результатом этих переговоров, хотя и не приведших к официальному восстановлению СВПД, стало некоторое ослабление санкционного контроля, что вновь привело к повышению темпов роста. В 2022–23 гг. это ослабление санкционного давления было приостановлено введением новых санкций. Поводом для их введения стало применение силовых методов против демонстрантов «хиджабных протестов» в Иране, широко охвативших страну осенью 2022 г., вплоть до смертных приговоров. Другим поводом стало использование Россией иранских БПЛ при проведении спецоперации на Украине, хотя их закупки были осуществлены ранее. И если в I квартале 2022 г. рост ВВП (в постоянных ценах) составлял 5,7%, то уже во II квартале опустился до 1,9% [Central Bank of IRI 1402, p. 3], то есть снизился в три раза.

Однако спрос на нефть на мировом рынке и рост цен на нее позволил Ирану увеличить ее добычу и экспорт (даже по сниженным ценам), что привело к положительным оценкам за 2022/23 г. и прогнозным оценкам на 2023/24 г. По данным ЦБ Ирана в 2022/23 г. рост ВВП (в постоянных ценах) составил 4,0%, в т. ч. в нефтяной отрасли – 10% [Central Bank of IRI 1402, p. 3]. Весной 2023 г. рост ВВП (в постоянных ценах) составил 6,2% и был обеспечен, главным образом, также ростом нефтяной отрасли – на 16,4%, при этом добыча нефти возросла на 25,6%, а рост ВВП в остальных отраслях не превысил 2,6% [Ретуш нафти «рожд» 2023].

Прогнозы на 2023 г. Всемирного банка и МВФ от октября 2023 г. также дали положительную картину динамики ВВП. МВФ считает, что ожидаемый рост за 2023 г. может составить 3,0% [World Economic Outlook 2023, p. 43], а Всемирный банк – 4,1% [World Bank. Balancing Act… 2023,

[1] СБ ООН одобрил СВПД в январе 2016 г.

р. 8]. Это – свидетельство достигнутой определенной стабильности, хотя новый конфликт в регионе, связанный с действиями ХАМАС, может изменить прогнозные оценки в целом за 2023 г. и осложнить ситуацию накануне выборов.

Таблица 1. Темпы роста ВВП Ирана (в ценах 1995 г.)

годы	% роста к предыдущему году	В т. ч. нефтяная отрасль
2017/18	+2,3	–1.1
2018/19	–3,0	–18,4
2019/20	–2,9	–36,2
2020/21	+4,1	+9,6
2021/22	+4,4	+10,1
2022/23	+4,0	+10,0
Март-май 2023 г.	+6,2	+16,4

Источник: Central Bank IRI. Economic Trends 1402. No. 112. P. 3;
The World Bank. Iran Economic Monitor. Spring/Summer 2023. P. 20

Ирану удалось обеспечить к 2023 г., хотя и со значительными колебаниями, вплоть до отрицательных показателей в годы ужесточения санкций, экономический рост. Конечно, сам по себе экономический рост не может адекватно отражать параметры экономического развития, но и в этом отношении можно констатировать некоторые положительные сдвиги.

Так, например, удалось восстановить такой показатель жизненного уровня населения как величина ВВП на душу населения по ППС. В Иране она снизилась с 17 тыс. долл. в 2010 г. до 12,7 тыс. долл. к 2017 г., но к 2022 г. восстановилась и даже несколько превысила этот уровень (до 18 тыс. долл. [GDP per capita… 2023]). По данным Всемирного банка доля бедного населения (живущего не более чем на 2,15 долл. в день) сократилась с 1,5% в 2010 г. до 1,0% в 2021 г. [World Bank. Country Profile 2023, p. 1].

Официальный уровень безработицы (на май 2023 г.) определяется однозначной цифрой – 8,2%, по данным Центрального банка Ирана (Всемирный банк дает более высокую цифру). Уровень безработицы выше среди городского населения, составляющего в настоящее время 77% всего населения страны, – 9,0% и традиционно особенно велика среди наиболее работоспособной части населения (от 18 до 35 лет) – 15,5% [Central Bank of IRI 1402, p. 1].

Стала расти, пусть и не очень высокими темпами, норма валовых накоплений, которая снизилась с 2010/11 г. до 2020/21 г. с 34,1% до 15,4%

[Мамедова 2022, с. 146], но в 2022/23 г. составила 17,4% [Central Bank of IRI 1402, p. 5 (расчет на базе постоянных цен)].

Затормозился процесс сокращения притока ПИИ, который с 5,0 млрд долл. в 2017 г. упал до 1,3 млрд долл. в 2020 г., но в 2022 г. увеличился до 1,5 млрд долл. При этом объем накопленных инвестиций остался довольно значительным – 61,6 млрд долл. в 2022 г. [World Investment Report 2023, p. 198, 202], что позволяет сделать предположение о том, что некоторые из наиболее крупных проектов с участием иностранного капитала заморожены на время, но не выведены из страны. Внешний долг страны незначителен (менее 6 млрд долл., большая часть которого представлена среднесрочными и долгосрочными заимствованиями). В 2021/22 г. и 2022/23 г. несмотря на то, что санкции США не были отменены, стала расти внешняя торговля Ирана. Если с 2010/11 г. до 2020/21 г. она снизилась с 177,0 млрд долл. [CBI 1389, p. 72] до 96,5 млрд долл., то к 2022/23 г. превысила 173 млрд долл. [Central Bank of IRI 1402, p. 14].

Т. е. с макроэкономической точки зрения, ситуация в стране к концу 2023 г. характеризуется вполне положительными показателями и может быть определена как достаточно стабильная.

Актуальные проблемы экономического положения в Иране

Но посмотрим на эту ситуацию более конкретно:

1. ***Объем ВВП***. Несмотря на положительные темпы роста ВВП в последние годы, объем ВВП страны так и не восстановился до уровня 2010/11 г. В то время размер ВВП составлял 487 млрд долл., а величина ВВП в 2022 г. определена Всемирным банком (в декабре 2023 г.) в 413,5 млрд долл. [Iran, Islamic Rep., Data 2023], реально можно ожидать роста в 2023 г. – до 425 млрд долл., но это составит всего 87,3% от уровня 2010 г.

Сложную ситуацию в экономике, несмотря на положительные темпы роста ВВП в последние четыре года, признают и руководители страны. Верховный Верховный лидер Ирана Али Хаменеи в начале 2023 г. заявил о «десятилетнем отставании» иранской экономики, объяснив это не только санкциями, но и нестабильными ценами на нефть на мировом рынке и даже плохим управлением [Кожанов 2023, с. 79]. После окончания ирано-иракской войны и перехода с начала 1990-х гг. к либеральной модели экономического развития иранская экономика в течение более чем двух десятилетий не испытывала таких кризисных шоков, как за последнее десятилетие.

2. ***Жизненный уровень***. В последнем отчете научно-исследовательского центра меджлиса говорилось, что число бедняков (на основе расчета доходов и расходов семьи из четырех человек) увеличилось

за последние десять лет на 11 млн и сейчас составляет 25 млн чел. (из 85 млн населения), т. е. достигло почти 30% всего населения страны [Бахше хосуси ра… 2023]. А главным негативным показателем положения населения к концу 2023 г. является, на наш взгляд, сокращение разрыва между домохозяйствами со средним доходом и чертой бедности. Это яркий штрих к настроению общества перед выборами.

Из-за инфляции свой защитный эффект теряют денежные субсидии, выделяемые государством нижним децилям населения для поддержания их жизненного уровня. В 2023/24 г. правительство заложило в бюджет выделение на человека, получающего субсидию, 455 тыс. риалов, но если исходить из цен 2010/11 г., размер должен быть выше более чем в десять раз. В долларовом эквиваленте субсидии еще более резко снизились. За прошедшее десятилетие, по мнению некоторых иранских экономистов, выделяемые за счет бюджета субсидии малоимущим семьям, не смогли сколько-нибудь значительно поднять их жизненный уровень [Яране-ха дар тале… 2023].

3. Согласно приведенным выше данным Центрального банка Ирана, норма накопления несколько повысилась к марту 2023 г. Но уже к лету 2023 г. из-за нового пакета санкций и коррупционных скандалов она вновь упала. Проблемой при столь низком инвестиционном коэффициенте является также повышение в Иране нормы национальных сбережений, которая при норме накопления в 17% в 2022/23 г. составила почти 32% (в 2019/20 г. составляла 25,7%) [Central Bank of IRI 1402, p. 5]. Такая большая разница с уровнем накопления говорит о том, что иранский бизнес в настоящее время не активен и не готов из-за неустойчивости экономического роста инвестировать в производство. Большая часть инвестиций в 2022/23 г. была вложена в сферу услуг.

4. Нельзя не отметить, что рост ВВП все последние четыре года был обеспечен, главным образом (как показывают данные табл. 1) нефтяной отраслью, дающей в среднем 10% роста (несмотря на санкции и продажу нефти по ценам ниже уровня мирового рынка). Поэтому можно говорить о том, что зависимость иранской экономики от нефти не сокращается. Между тем, инициированная верховным лидером страны концепция «экономики сопротивления» была нацелена на противодействие не только санкциям, но и зависимости иранской экономики от экспорта сырой нефти. Пока этого не произошло, хотя Иран сумел в годы наиболее жестких санкционных ограничений США на продажу нефти повысить долю ненефтяного экспорта, главным образом за счет увеличения продукции нефтехимической промышленности. Наиболее высокие темпы роста после нефтяной отрасли в последние четыре года произошли в обрабатывающих отраслях промышленности и в нефтеперерабаты-

вающих производствах, в т. ч. в результате введения в строй крупных НПЗ. В результате после выхода США из СВПД в 2019/20–2021/22 гг. впервые в истории Ирана нефтяной экспорт был ниже ненефтяного.

И хотя большая часть иранского бизнеса представлена частными компаниями (насколько они реально частные – это другой вопрос), нефтяная отрасль находится руках государства. В его руках поэтому находятся и основные валютные поступления. В 2022/23 г. нефтяной экспорт составил более половины (почти 57%) всего экспорта. Безусловно, это укрепляет позиции нынешней власти Ирана и политических сил, ее поддерживающих. Но нефтяные поступления не достигают досанкционного уровня, и вероятность обострения борьбы за них между ведущими политическими силами весьма велика.

5. В связи с внешней торговлей необходимо иметь в виду, что, несмотря на восстановление объемов внешнеторгового оборота, у Ирана резко сократилось число внешних торговых контрагентов. В 2012/13 г. на долю пяти стран – Китая, Ирака, ОАЭ, Афганистана и Индии приходилось 44% иранского экспорта, а в 2022/23 г. – уже 75%. В 2013/14 г. более 80% внешнего товарооборота приходилось на 17 стран, а после 2021/22 г. этот объем товарооборота сократился более чем вдвое [Новые тренды…, 2023, с. 314]. Более 70% иранского ненефтяного экспорта и импорта пришлось на 4 страны.В импорте основные позиции заняли ОАЭ (30%), Китай (26%), Турция (10%), Индия (4%). В ненефтяном экспорте Ирана на первом месте в 2022/23 г. оказался Китай (27%), затем следуют Ирак (19%), Турция (14%), ОАЭ (10%).

В нефтяном экспорте монопольным покупателем в последние годы, т. е. в период санкций, стал Китай. В ноябре 2023 г. экспорт иранской нефти в Китай достиг 1,8 млн барр./день (в досанкционный период весь экспорт нефти составлял 2,0–2,5 млн барр./день). Китай покупает теперь из Ирана нефти больше, чем из Саудовской Аравии. Поступления от продажи нефти покрывают сейчас (2023 г.) почти 75% всего импорта, что позволяет покрыть отрицательное сальдо баланса капитала и свести с положительным сальдо весь платежный баланс. По состоянию на ноябрь 2023 г. экспорт за 8 месяцев иранского года (с 22 марта по 22 ноября) ненефтяной экспорт составил 32 млрд долл., а импорт – 42,1 млрд долл., но весь дефицит (около 10 млрд долл) не только был перекрыт доходом от продажи нефти, но и получен торговый профицит в 10 млрд долл. [Донья-е эктесад, 26.11.23]. Но такая ориентированность на нефть, всего на нескольких контрагентов и на Китай, делает неустойчивой всю экономическую систему, усиливает ее зависимость от нескольких покупателей (отсюда объективная заинтересованность Ирана в торговле с Россией), и особенно от Китая.

6. Острой остается ***проблема инфляции***, недаром Али Хаменеи в своем послании по случаю 2023/24 г. провозгласил лозунг этого года как «Контроль над инфляцией и рост производства».

Таблица 2. Показатели среднегодовой инфляции (по потребительским ценам), %

Виды	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23
Общий коэффициент	41,2	47,1	46,2	46,5
Продовольствие	52,7	55,1	49,1	54,6
Табачные	23,6	34,2	33,4	28,8
Одежда, обувь	53,4	40,9	57,1	45,9
Коммун. расходы, газ, вода, электр.	26,5	31,3	46,1	48,3
Домашнее оборудование	56,8	58,7	48,0	33,3
Здравоохранение	26,0	26,3	45,5	41,9
Транспортные расходы	56,7	87,1	42,4	32,3
Связь	16,8	30,9	3,0	19,3
Культура	50,2	36,3	38,0	37,8
Образование	20,1	17,9	27,3	35,1
Рестораны, отели	50,3	33,7	64,3	80,0
Другие	44,2	47,3	42,3	38,3

Источник: Central Bank of Iran. Economic Trends 1402 (2023/24). N112. Q.1. P. 12

Инфляционные колебания прослеживаются по всем категориям, наиболее постоянно высокими являются показатели инфляции на продовольственные товары, несмотря на достигнутую самообеспеченность по многим из них. Однако наибольшее влияние на повышение цен в отношении продовольственных товаров оказывают закупки (импортные и от отечественных производителей) пшеницы и растительного масла.

Уровень инфляции на октябрь 2023 г. составил 45,5%, а в группе с низшими доходами выше – 46,5%, т. к. в их потреблении большую долю занимает продовольствие. До ноября 2023 г. рост инфляции был связан с ростом цен на продовольствие, а в ноябре – на 60% с ростом расходов на жилье, газ, воду, электричество.

7. ***Высокий уровень инфляции отражается на валютном курсе***
Введенный при Роухани постоянный курс риала (1 долл. = 42 тыс. риалов) официально отменен, во внешних операциях используется биржевой курс (NIMA), но одновременно применяются льготные курсы при импорте стратегически важных товаров – пшеницы, фармацевтики и др. Рыночный валютный курс очень неустойчив. Так, в сентябре 2023 г. он

превышал 270 тыс. риалов, а в середине октября – выше 500 тыс. риалов. По словам главы научно-исследовательского центра меджлиса в Иране на декабрь 2023 г. фактически действуют 7 различных курсов, что порождает коррупцию и осложняет внешнеэкономические связи. Продолжает действовать льготный курс в 42 тыс. риалов, главным образом для закупок медицинского оборудования, два курса (285 тыс. риалов и 375 тыс. риалов) для торговли нефтью, курс в 400 тыс. риалов используется при экспорте нефтепродуктов, курс в 385 тыс. риалов – как средневзвешенный при обмене валют, действует курс, определяемый по согласованию между импортером и экспортером, и широко используется рыночный курс – более 425 тыс. риалов [До рахи сиясатгозари… 2023]. При таком разнообразии валютных курсов осложнено планирование, составление бюджета, определение валютных средств для закупок субсидируемых товаров, даже ведение статистической отчетности.

8. Из-за продолжающих действовать ранее наложенных санкций, введенных в 2022–23 гг., и неустойчивого валютного курса сократился приток иностранных прямых инвестиций (ПИИ). Хотя падение притока ПИИ приостановилось, но в 2022 г. он составил всего 1,5 млрд долл. После ухода большинства западных компаний с иранского рынка основным поставщиком ПИИ в Иран стал Китай (до 40%). В 2022/23–2023/24 гг. все более заметное место среди зарубежных инвесторов стала занимать Россия, в частности, в обустройстве и модернизации МТК «Север–Юг». При этом Иран вкладывает свои инвестиции, главным образом, в Сирию и Венесуэлу (в модернизацию НПЗ, использующих иранскую нефть).

9. Одной из проблем последних нескольких лет стало наличие бюджетного дефицита, обусловленного и снижением налоговых поступлений и сокращением из-за санкций доходов от экспорта нефти. В госбюджет поступают не все средства от продажи нефти, а менее одной десятой. Остальные (за вычетом расходов ИННК) идут в Фонд национального развития. Если расходы ранее созданного Резервного фонда контролировались только меджлисом, то расходы из Фонда национального развития – рахбаром. Правительство не может получить из него средства ни без разрешения меджлиса, ни без без санкции верховного лидера. Из Фонда национального развития дополнительно (к бюджетным расходам) финансируются крупные инфраструктурные проекты, расходы на ВТО.

10. Реальным отражением такой неустойчивости в экономике является экономическая политика, а своеобразным отражением такой политики стала задержка (почти на два года) с принятием 7-го пятилетнего плана и бюджета на 2024/25 г. После длительных дебатов меджлисом общая часть бюджета была одобрена только 21 декабря 2023 г.

Но принятие общих положений бюджетного законопроекта не прибавило социальной устойчивости в обществе, т. к. целевые оценки бюджета крайне неопределенны. Так, в представленном правительством бюджете предполагается резкое увеличение в доходной части налогов – на 40%, что однозначно было воспринято как усиление налогов на частный сектор. Вызывает сомнение возможность увеличения бюджетных доходов за счет роста продажи государственных облигаций на 36%, учитывая имеющуюся задолженность государства собственникам этих акций и сохраняющуюся задолженность государства банковской системе.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что:

- Иран выбрался к настоящему времени из регрессии, что подтверждается, главным образом, положительными темпами роста ВВП, хотя этот рост носит скачкообразный характер.
- Но в экономике остается много проблем, которые делают неустойчивым этот проявившийся за последние три года тренд на экономический рост. Сложные взаимоотношения Ирана с лидерами мирового рынка, включенность Ирана в региональные проблемы, требующие значительных финансовых затрат, делают этот баланс между ростом и регрессией еще более хрупким. Усиливает эту неопределенность очевидная зависимость темпов роста ВВП от роста нефтяного сектора экономики.
- Иран не оказался в полной изоляции от мирового рынка, сумев нарастить внешнюю торговлю, в том числе нефтью, используя разные платежные системы, включая производимую в стране криптовалюту, переход на национальные валюты стран-контрагентов.
- Иран остается платежеспособным партнером, в том числе для России, имеющей с ним постоянный положительный торговый баланс, а также партнером со значительным экономическим и транзитным потенциалом.

Литература / References

1. Донья-е эктесад. 26.11.23.
2. Кожанов Н. А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. 2023. Т. 14 (1). С. 72–91. https://doi.org/10.46272/2587–8476–2023–14–1–72–91.
3. Мамедова Н. М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. М.: ИВ РАН, 2022. 324 с. ISBN: 978–5–907543–36–2. EDN: TKTENH.

4. Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А. С. Булатова, Н. В. Галищевой, М. А. Максаковой. М.: Аспект пресс, 2023. 505 с. ISBN: 978–5–7567–1295–7.
5. CBI. Annual Report 1389 (2010/2011).
6. Central Bank of IRI. Economic Trends 1402 (2022/23). Q.1. No. 112.
7. Iran Statistical Yearbook 1400. 1401 (2022/23).
8. World Economic Outlook: Navigating Global divergences. IMR | October 2023.
9. World Bank. Balancing Act: Jobs and Wages in the Middle East and North Africa when Crisis Hot. October 2023.
10. World Bank. Country Profile. 05.10.2023.
11. World Investment Report 2023.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Бахше хосуси ра бе тас мим гириха гярданим (Вернуть частный сектор к принятию решений) // Донья-е эктесад. 27.11.2023. URL: https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%D8%B1%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%84%D9%87–28/4023880-%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AE%D8%B5%D9%88%D8%B5%DB%8C-%D8%B1%D8%A7-%D8%A8%D9%87-%D8%AA%D8%B5%D9%85%DB%8C%D9%85-%DA%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C-%D9%87%D8%A7-%D8%A8%D8%A7%D8%B2-%DA%AF%D8%B1%D8%AF%D8%A7%D9%86%DB%8C%D9%85 (accessed: 27.11.2023). На перс. яз.
2. До рахи сиясатгозари арзи (Два пути валютной политики) // Донья-е эктесад. 11.12.2023. URL: https://donya-e-eqtesad.com./%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D8%A7%D8%B1-%D9%BE%D9%88%D9%84-%D8%A7%D8%B1%D8%B2–116/4028025-%D8%AF%D9%88-%D8%B1%D8%A7%D9%87%DB%8C-%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%AA%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1-%D8%A7%D8%B1%D8%B2%DB%8C (accessed: 11.12.2023). На перс. яз.
3. Ретуш нафти «рожд». Рост за счет нефти // Донья-е эктесад. 28.11.2023. URL: https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-100/4024261-%D8%B1%D9%88%D8%AA%D9%88%D8%B4-%D9%86%D9%81%D8%AA%DB%8C-%D8%B1%D8%B4%D8%AF (accessed: 29.11.2023). На перс. яз.
4. Яране-ха дар тале тавarром (Субсидии в инфляционной ловушке) // Донья-е эктесад. 19.09.23. URL: https://donya-e-eqtesad.com./%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-100/4003067-%DB%8C%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D9%86%D9%87-%D9%87%D8%A7-%D8%AF%D8%B1-%D8%AA%D9%84%D9%87-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D9%85 (accessed: 19.09.2023). На перс. яз.
5. GDP per capita, PPP (current international $) – Iran // World Bank Group – International Development, Poverty, & Sustainability. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=IR (accessed: 29.11.2023).
6. Iran, Islamic Rep., Data // World Bank Group – International Development, Poverty, & Sustainability. URL: https://data.worldbank.org/country/iran-islamic-rep?view=chart (accessed: 21.11.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Mamedova Nina M. – PhD (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 15.01.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 15.01.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.9
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-089-102

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В МИРОВОМ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕМ КОМПЛЕКСЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ФРАГМЕНТАЦИИ

Елизавета Викторовна Растянникова
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
e_rast@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3494-7791

Аннотация. Транснациональные корпорации (ТНК) в современных условиях выступают акторами не только международных отношений, но геополитических процессов. Последние годы показали усиление сращивания ТНК и мирового горнодобывающего комплекса. С одной стороны, ТНК на себе почувствовали воздействие геополитических процессов на сокращение поля своей деятельности. Именно ТНК стали тем звеном, на которое подействовало разрушение сложившихся глобальных цепочек поставок, что привело к ограничению глобализации и начавшемуся переходу к фрагментации. С другой стороны, в мировом горнодобывающем комплексе появляются новые агенты, цепочки поставок, которые замещают ТНК, сменившие зону деятельности по политическим причинам. В статье рассматриваются ТНК, функционирующие в странах Азии и Африки, выявляются основные изменения их деятельности в современных условиях геополитической нестабильности. В мировом горнодобывающем комплексе действуют несколько противоборствующих тенденций: во-первых, увеличиваются прямые иностранные инвестиции в новые проекты главным образом в развивающихся странах, во-вторых, глобальные цепочки поставок замыкаются внутри анклавов, формирующихся дружественными странами, в-третьих, идет борьба развивающихся стран Африки против неоколониализма, который насаждался традиционными отношениями с ТНК из развитых стран.

Ключевые слова: Транснациональные корпорации, горнодобывающая промышленность, глобализация, френдшоринг, страны Азии и Африки

Для цитирования: Растянникова Е. В. Транснациональные корпорации в мировом горнодобывающем комплексе в условиях перехода от глобализации к фрагментации. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):89-102. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-089-0102.

Original article. Economics studies

TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN THE GLOBAL MINING COMPLEX IN THE TRANSITION FROM GLOBALIZATION TO FRAGMENTATION

Elizaveta Rastyannikova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e_rast@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3494-7791

Abstract. Transnational corporations (TNCs) in modern conditions act as actors not only in international relations, but also in geopolitical processes. Recent years have shown an increase in the fusion of TNCs and the global mining complex. On the one hand, TNCs have felt the

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Растянникова Е. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

impact of geopolitical processes on the reduction of their field of activity. It was TNCs that became the link affected by the destruction of established global supply chains, which led to the restriction of globalization and the beginning of the transition to fragmentation. On the other hand, new agents and supply chains are emerging in the global mining complex, replacing TNCs that have changed their area of activity for political reasons. The article examines TNCs operating in Asia and Africa, identifies the main changes in their activities in modern conditions of geopolitical instability. There are several opposing trends in the global mining complex: firstly, foreign direct investment in new projects is increasing, mainly in developing countries, secondly, global supply chains are closing within enclaves formed by friendly countries, thirdly, there is a struggle of developing African countries against neocolonialism, which was imposed by traditional relations with TNCs from developed countries.

Keywords: Transnational corporations, mining industry, globalization, friendshoring, Asian and African countries

For citation: Rastyannikova E. V. Transnational corporations in the global mining complex in the transition from globalization to fragmentation. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):89-102. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-89-102

В 2019 г. внешняя среда деятельности транснациональных корпораций начала дестабилизироваться. Первой на нее повлияла пандемия COVID-19, которая спровоцировала нарушение глобальных цепочек поставок, далее последовало усиление геополитической нестабильности в 2022 г.

Все это ознаменовало окончание периода глобализации, переход к фрагментации, для которой характерно создание новых торгово-экономических блоков и стремление перенаправить цепочки поставок в дружественные страны. Торговая война США и Китая, санкционные войны и протекционистская политика коллективного Запада изменили конфигурацию интеграционных союзов в мировой экономике. Страны столкнулись с необходимостью выбора долгосрочных партнеров в условиях формирования многополярного мира.

В целях обеспечения национальной безопасности страны начали искать новые источники поступления сырья, изменять направления иностранного инвестирования, создавать новые логистические маршруты, стал увеличиваться решоринг. ТНК оказались вынуждены находить баланс между собственными экономическими потребностями, с одной стороны, и политическими интересами стран базирования, с другой. В частности, в 2022–2023 гг. большое количество зарубежных компаний оказалось вынуждено сменить собственника и покинуть российский рынок, имело место более 200 сделок такого рода. Как отмечала Н. Н. Цветкова, «уход ТНК из Китая наметился еще до 2022 г.» [Цветкова 2023, с. 34].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Rastyannikova E. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

В условиях подобной нестабильности роль государства в деятельности ТНК возрастает. С одной стороны, государство поддерживает собственные ТНК ради усиления их конкурентных преимуществ на мировом рынке как значимых субъектов для развития национальных экономик. С другой стороны, деятельность этих корпораций направляют на реализацию национальных интересов и обеспечение национальной безопасности. Также развитые страны повышают степень защиты своих стратегических компаний от поглощения нерезидентами [Казанцева 2023]. Однако развивающиеся страны пока активно поощряют приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [Растянникова 2023 № 11].

В развивающихся странах в транснациональных корпорациях сырьевого, топливно-энергетического, инфраструктурного комплексов высока доля государственной собственности. Это способствует поддержке компаний в кризисные периоды и реализации высокозатратных проектов. С другой стороны, для развитых стран высокий уровень государственного капитала в ТНК не характерен, здесь используются косвенные меры государственного регулирования деятельности корпораций.

В период восстановления экономик после пандемии COVID-2019 быстроразвивающиеся страны Азии, в частности страны Персидского залива, предпринимали попытки снизить долю государственного инвестирования в крупных проектах, привлекая частные инвестиции (как внутренние, так и внешние), однако пока львиная доля капитала формируется за счет государственных суверенных фондов.

В целях снижения уязвимости ко внешним угрозам ряд стран, включая Россию, Китай и США, активизировали деятельность по обеспечению технологического суверенитета. Возникла ориентация на развитие собственных производств стратегически значимых товаров и разработку технологий. В последние годы в мире появился вектор на собственное, внутригосударственное производство полупроводников и некоторых видов сырьевых товаров.

В условиях санкционных войн ТНК как проводники глобализации постепенно меняют цепочки создания стоимости и поставок, формируя такое явление как френдшоринг [Цветкова 2023]. Это направление фрагментации представляет собой перенос производства в дружественные страны с целью ослабления зависимости от поставщиков из недружественных стран. Цепочки поставок переориентируются на государства, являющиеся политическими и экономическими союзниками. Следовательно, направления зарубежного инвестирования меняются. Таким образом ТНК минимизирует потери от нарушения торговых связей в условиях санкционных режимов [Казанцева 2023].

Помимо френдшоринга, государства стимулируют решоринг (т. е. возвращение производств в страны базирования). Хотя опыт 2022–2023 гг. показал, что в результате френдшоринга и решоринга цепочки поставок удорожаются и потребители несут существенные потери.

Как отмечалось ранее, в последнее десятилетие в мире наблюдался рост прямых иностранных инвестиций преимущественно в новые (greenfield) проекты в сфере добывающей промышленности [Растянникова 2023]. Одновременно росли вложения в инфраструктурные проекты, в том числе связанные с обслуживанием добычи полезных ископаемых. В то же время в топливно-энергетическом комплексе количество проектов оставалось относительно стабильным.

В 2023 г. в России была принята Концепция технологического развития на период до 2030 г. Она нацелена на создание собственной базы, обеспечивающей производство высокотехнологичной продукции, включая микроэлектронику, высокоточные станки, робототехнику, авиакосмическую технику, беспилотники, лекарства и медицинское оборудование, телекоммуникационное оборудование. В Концепции предполагается, что уход иностранных компаний из России позволит локализовать инвестиции в высокотехнологичных отраслях, в частности благодаря тому, что российские компании «получили возможность увеличить объем продаж производимой продукции» [Концепция…].

Российские ТНК наращивают капиталовложения в Казахстане, который стал одним из крупных получателей ПИИ из РФ, а также в Узбекистане, Азербайджане. Сохраняя инвестиционную активность внутри страны, ТНК из России расширяют ПИИ в страны Африки.

Азиатские страны, вкладывая капитал во внешние проекты, стремятся к обеспечению своей ресурсной безопасности. Такие страны, как Китай, Индия становятся все более активными в проведении слияний, поглощений по всему миру. Например, за период 2000–2022 гг. доля вывезенных из Китая ПИИ увеличилась с 0,1% до 10% от всего мирового потока ПИИ, а доля накопленных ПИИ возросла с 0,4% до 7,4% от величины всех накопленных ПИИ в мире. Это позволило Китаю занять второе место в мировом рейтинге после США[1].

На начало 2024 г. из 50 ведущих мировых горнодобывающих ТНК 10 компаний базируются в Китае, 8 компаний – в Канаде, 7 компаний – в Австралии, 5 компаний – в США, по две компании – в Индии и ЮАР, по одной компании – в Саудовской Аравии, Индонезии, Казахстане[2].

[1] UNCTADSTAT. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (accessed: 01.03.2024)

[2] The TOP-50 biggest mining companies in the world // MINING.com Editor. January 12, 2024. URL: https://www.mining.com/top-50-biggest-mining-companies/ (accessed: 03.02.2024)

Однако по рыночной капитализации более четверти (26,4%) всей стоимости существующих горнодобывающих ТНК приходится на Австралию, на втором месте – США (13,5%), на третьем – Канада (13,4%), а за ними следует Китай (13,3%) [Растянникова 2023 № 3].

Китайские ТНК, действующие за рубежом, имеют разнообразную форму собственности. Например, многие государственные корпорации зарегистрировали дочерние компании на международных фондовых биржах, чтобы привлечь новый капитал для своей зарубежной деятельности. Подавляющее большинство китайских ТНК, инвестирующих в добычу полезных ископаемых за границей, получают финансирование от китайских банков. И хотя государственные корпорации имеют преимущественный доступ к государственному капиталу, частные предприятия также имеют доступ к государственному финансированию, особенно когда их зарубежные операции по добыче полезных ископаемых стратегически важны для промышленности Китая.

Число зарубежных проектов, полностью контролируемых китайскими предприятиями, ограничено. Более половины составляют партнерства с некитайскими компаниями. Китайские фирмы высоко интегрированы в глобальную инвестиционную цепочку и цепочку поставок минерально-сырьевой промышленности. Помимо создания совместных предприятий с некитайскими субъектами, китайские компании работают не изолированно от других корпоративных субъектов, а скорее транснациональные корпорации и банки могут поддерживать деловые отношения с китайскими предприятиями либо в качестве инвесторов, либо в качестве клиентов.

Китай является крупнейшим мировым импортером в добывающем секторе. Он импортирует значительную долю минеральных руд, добываемых по всему миру, поскольку собственных запасов полезных ископаемых страны недостаточно для удовлетворения спроса на промышленный металл в ключевых отраслях ее быстро развивающейся экономики, включая развитие технологий возобновляемой энергетики, в которых Китай является одним из ведущих игроков на мировом рынке. С начала 2000-х гг. китайское правительство поддерживало компании в инвестировании в минерально-сырьевые активы за рубежом. Эти инвестиции гарантируют Китаю стабильные поставки сырья и снижают зависимость страны от колебаний товарных рынков [Scungio 2021, с. 6].

Однако в последние годы появляется критика китайских международных компаний, которые работают с инвестиционными проектами в развивающихся странах с богатыми минеральными ресурсами, но с плохим руководством. Часто в этих странах эксплуатация природных ресурсов сопровождается социальными и экологическими конф-

ликтами. Местные сообщества и другие группы, представляющие общественные интересы, критикуют зарубежные китайские компании по добыче полезных ископаемых из-за ухудшения состояния окружающей среды и нарушения прав человека [Scungio 2021, с. 4].

Контроль китайских ТНК над шахтами, добывающими полезные ископаемые за рубежом, растет. Многие из принадлежащих Китаю шахт находятся в районах, затронутых конфликтами, или в странах с плохим управлением, где возникают социальные и экологические конфликты. Для примера можно перечислить следующие экологические катастрофы: на медной шахте Лас Бамбас в Перу, на бокситовом карьере Боке в Гвинее, на медном руднике Летпадаунг в Мьянме, никелевом руднике Раму Нико в Папуа-Новой Гвинее [Scungio 2021, с. 10].

Сама по себе добывающая отрасль достаточно вредоносна для окружающей среды. Из последних несчастных случаев можно упомянуть провинцию Фуцзянь в Китае, где произошла утечка в шахтном резервуаре для отходов медного рудника Цзыцзиншань. Это привело к загрязнению резервуара. Также можно отметить случай в Лаосе: добыча золота во Вьентьяне привела к загрязнению близлежащих рек большим количеством цианида, который является одним из наиболее распространенных химических веществ в горнодобывающей промышленности. Утечки цианида обычно происходят в сезон дождей. Из-за переполнения очистных сооружений цианид попал в реки через почву.

В ракурсе формирующейся многополярности безусловно важно рассмотреть развивающиеся центры добывающей промышленности, приобретающее все большую важность на мировой арене первичного сектора экономики, базирующиеся в странах Азии помимо Китая.

Индия занимает 4-е место в мире по запасам железной руды, на ее долю приходится около 8% всех существующих месторождений. Другие минеральные ресурсы включают бокситы, уголь и значительные возможности для разработки будущих открытий подземных месторождений.

В целом на горнодобывающую промышленность Индии приходится 2,5% ее ВВП. Ее подпитывает множество крупных государственных компаний, которые установили монополию на этот сектор. Крупнейшие горнодобывающие компании в стране включают Национальную корпорацию по разработке полезных ископаемых «NMDC Limited», добывающую медь, фосфориты, известняк, гипсовый бентонит, магнезит, алмазы, олово и вольфрам, «Vedanta», производящую цинк и «Hindustan Zinc», добывающую цинк, серебро и свинец. Компания «Coal India» входит в TOP-50 мировых горнодобывающих компаний[3].

[3] The TOP-50 biggest mining companies in the world // MINING.com Editor. January 12, 2024. URL: https://www.mining.com/top-50-biggest-mining-companies/ (accessed: 03.02.2024)

Благодаря столь богатым месторождениям полезных ископаемых Индия в 2023 ф. г. стала вторым в мире производителем угля (904 млн т) и стали (140,2 млн т). Первое место занимал Китай[4].

С точки зрения местных нормативных актов, в соответствии с Законом о рудниках и полезных ископаемых (разработка и регулирование) 1957 г., правительство требует концессий и взимает роялти, остаточную арендную плату и сборы, прежде чем одобрить добычу полезных ископаемых в рамках бюджетных процессов. Однако в недавнем решении Верховный суд выразил надежду на то, что в будущем право собственности на полезные ископаемые будет принадлежать владельцу земли, а не правительству штата [Beyond China…].

Стратегическое расположение страны обеспечивает удобный экспорт в Китай, Гонконг и на другие азиатские рынки. Интенсивное развитие инфраструктуры несомненно повлияло на ускорение добычи полезных ископаемых.

Саудовская Аравия. Горнодобывающий сектор Саудовской Аравии продолжает расширяться, и это предоставляет все больше возможностей для международных компаний. Ключевые минеральные ресурсы страны включают бокситы, фосфаты, золото, медь, железную руду. Государственная горнодобывающая компания Саудовской Аравии *Ma'aden* является крупнейшим производителем сырьевых ресурсов в стране и крупнейшей многопрофильной горнодобывающей и металлургической компанией на Ближнем Востоке.

В 2020 г. правительство Саудовской Аравии объявило о планах сделать горнодобывающую промышленность третьей опорой экономики, наряду с нефтью и нефтехимическим производством. Министерство энергетики, промышленности и минеральных ресурсов стремится увеличить вклад горнодобывающей промышленности в ВВП с 3 млрд долл. до 64 млрд долл. к 2030 г., а также создать более 25 тыс. новых рабочих мест в отрасли [Beyond China…].

Казахстан. Горнодобывающая промышленность Республики Казахстан – одна из наиболее конкурентоспособных отраслей государства. По общему объему добычи горных полезных ископаемых Казахстан занимает 13-е место в мире. С 1990-х гг. отрасль развивалась благодаря привлечению иностранных инвестиций. Доля ПИИ, приходящаяся на добывающую промышленность, включая добычу нефти и газа, составляет 56%. Горнометаллургический комплекс РК является не только одним из важнейших стратегических секторов экономики, но и глав-

[4] Мировое производство стали 2023 г. URL: https://smart-lab.ru/blog/981760.php; https://finance.rambler.ru/economics/52391623-indiya-rekordno-narastila-dobychu-uglya/ (дата обращения: 01.03.2024).

ным экспортным сектором. Основные экспортные поставки из Казахстана идут в Китай [Adno 2021].

Страна является мировым лидером по добыче природного урана. НАК «Казатомпром», входящая в ТОР-50 крупнейших мировых компаний, имеет статус национального оператора Республики Казахстан по импорту-экспорту урана, редких металлов, ядерного топлива для АЭС. В активы компании входит предприятия всей цепочки производства ядерного топлива – от геологоразведки, добычи, производства конечной продукции. «Казатомпром» вошел в казахстанскую программу приватизации, которая направлена на создание свободной и конкурентоспособной экономики. С 2018 г. акции компании размещены в свободном обращении на Международной бирже Астаны и на Лондонской фондовой бирже[5].

Узбекистан. Горнодобывающая промышленность Узбекистана является одним из важнейших и стратегических секторов страны. Государство занимает 8-е место в мире по добыче золота и 7-е – по добыче урана. Разработка данного ресурса в Узбекистане основана на подземном (или пластовом) выщелачивании, которое может быть более экологичным, чем традиционные открытые или подземные методы добычи, при незначительном нарушении поверхности и отсутствии образования хвостов.

Узбекистан также производит медь, серебро, уголь, фосфаты, молибден, калий, вольфрам, свинец и цинк. Он обладает большими запасами цветных, редких и рассеянных металлов.

Одними из крупнейших производителей горнодобывающей продукции страны являются государственные компании – Навоийский горно-металлургический комбинат и Алмалыкский горно-металлургический комбинат, которые Узбекистан планирует модернизировать для ускорения производства золота и меди в течение ближайших 10 лет. В рамках этого плана страна собирается модернизировать свою горнодобывающую инфраструктуру и трубопроводы. Кроме того, правительство намерено поощрять создание совместных предприятий с российскими и азиатскими компаниями в попытке улучшить минерально-сырьевой и горнодобывающий секторы страны.

Среди крупнейших инвестиционных проектов, запланированных к реализации в Узбекистане и Казахстане, можно выделить следующие:

– разработка месторождения Ёшлик-1 Алмалыкским горно-металлургическим комбинатом (Узбекистан). Окончание работ в 2024 г.;

[5] Kazatomprom IPO With Astana International Financial Center (AIX) Shows Global Appetite For Uranium // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2018/11/27/kazatomprom-ipo-with-astana-international-financial-center-aix-shows-global-appetite-for-uranium/?sh=cd9c2c7519d5 (accessed: 24.02.2024).

– промышленная разработка месторождения меди Айдарлы и строительство ГОК в Казахстане. Оператор – Айдарлы Проджект, реализация запланирована на 2027 г.;
– разработка месторождения Коксай и строительство ГОК в Казахстане. Оператор – Консолидированная строительная горнорудная компания, запуск намечен на 2026 г.;
– строительство комплекса по добыче и переработке золота на месторождении Пистали в Узбекистане. Проект реализуется Навоийским горнометаллургическим комбинатом, срок реализации – 2024 г.[6]

Малайзия. В 2022 г. вклад горнодобывающей промышленности в ВВП составил 12,1% против 13,4% в 2000 г..[7] В настоящее время государство входит в десятку крупнейших мировых производителей рафинированного и добытого олова, а также редкоземельных металлов. Кроме того, в стране действуют 98 рудников железной руды, 15 золотых приисков, 14 оловянных приисков и семь угольных шахт.

Основными местными торговыми ассоциациями горнодобывающей промышленности являются Горнорудная палата Малайзии, Рынок олова Куала-Лумпура и Ассоциация производителей оловянных изделий Малайзии.

Большинство предприятий по добыче и переработке полезных ископаемых, зарегистрированных в Малайзии, находятся в частной собственности или являются частью совместных предприятий с государственными компаниями. Иностранные инвесторы в последние годы вносили свой вклад в добывающую отрасль в основном через совместные предприятия. Такие инвестиции значительно укрепляют горнодобывающий сектор и повышают значимость страны как горнодобывающего центра.

Индонезия – еще одна страна с развитой горнодобывающей промышленностью в Азии, производящая значительные объемы угля, меди, золота, олова, бокситов и никеля. После 2016 г., когда было добыто 257 млн т угля, страна стала считаться одним из крупнейших в мире производителей и экспортеров энергетического угля. В 2023 г. добыча угля составила 690 млн т, и страна заняла в мировом рейтинге угледобывающих стран 5-е место.

Компания «Amman Mineral» (добыча меди) находится на 12-м месте среди TOP-50 ведущих горнодобывающих компаний. В число крупней-

---

[6] Журнал Глобус: геология и бизнес. https://dzen.ru/id/5e38e23c2d2f53010a80cae0 (дата обращения: 02.03.2024).

[7] Gross domestic product: GDP by type of expenditure, VA by kind of economic activity, total and shares, annual. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPComponent (accessed: 01.03.2024).

ших индонезийских операторов входят «Coal miner Bayan Resources» и «PT Merdeka Copper Gold».

Местная система долгосрочных контрактов на работу для иностранных инвестиций была заменена в соответствии с Законом о добыче полезных ископаемых 2009 г. новой региональной системой лицензирования, которая включает процедуры проведения торгов для выдачи лицензий. Эта система влияет как на иностранных, так и на отечественных инвесторов, теперь участвуют местные и провинциальные органы власти, а также центральное правительство [Beyond China...].

Африка очень богата ресурсами. По оценкам, на юге континента сосредоточены почти все мировые запасы хрома, Габон и ЮАР обладают крупнейшими в мире месторождениями марганца, в то время как Марокко и Тунис имеют большие запасы фосфатов. Также известны огромные месторождения золота, платины, алмазов, меди, железной руды, бокситов, угля и других полезных ископаемых. В целом наибольшая концентрация горнодобывающей промышленности сформировалась на юге Африки – Южно-Африканский пояс. Затем следует Медный пояс, захватывающий Замбию. Меньшая концентрация полезных ископаемых имеет место в Магрибе, что иногда называется Алжиро-Ливийским поясом. Также можно выделить Западно-Гвинейский и Восточно-Гвинейский пояса, проходящие через всю территорию Западной Африки до впадения реки Конго в Атлантический океан.

Парадокс современного развития Африки заключается в том, что континент так богат минеральными ресурсами и все же остается самым бедным в мире. Зависимость от иностранных горнодобывающих компаний, сложившаяся в колониальную эпоху, сохранялась во многих независимых государствах, за исключением случаев, когда были приняты программы национализации, такие как в Гане (1961 г.) и Замбии (1970 г.). В итоге к 1980-м гг. значительная часть нефтегазодобывающей и горнодобывающей промышленности была национализирована, и типичной формой деятельности иностранного капитала в Африке стало смешанное предпринимательство. Существует практически уникальный случай ЮАР, где крупные иностранные горнодобывающие корпорации, такие как «Anglo-American» и «Gencor», продолжают доминировать и привлекать инвестиции в горнодобывающую промышленность в том числе в других странах Африки. Однако до сих пор опасения, что в ЮАР может быть национализирована горнодобывающая промышленность, ставят под угрозу приток потенциальных ПИИ в страну[8].

[8] T. Bawden. Nationalisation of South African mining 'still a threat' // The Independent. URL: https://www.independent.co.uk/news/business/news/nationalisation-of-south-african-mining-still-a-threat-7906834.html (accessed: 01.03.2024)

Все более капиталоемкий и технологически сложный характер горнодобывающих проектов часто влечет за собой зависимость от иностранных инвестиций и персонала, что проявляется в новых формах неоколониализма.

В период 1960–1980 гг. в ряде африканских стран (Гана, Замбия, Заир, Марокко) произошла национализация и монополизация государством добывающих компаний, однако участие государства в этой отрасли не всегда решало проблемы, связанные с взаимодействием с иностранными рынками и компаниями, т. е. не могло обеспечить устойчивый рост в странах, зависящих от экспорта полезных ископаемых. Наиболее наглядным являются примеры Демократической Республики Конго и Замбии в период мировых экономических спадов 1970-х и 1980-х гг., когда произошло резкое падение цен на медь (на 50% в реальном выражении). Ситуация выправилась только к концу 1990-х гг. В целом Африка серьезно пострадала от снижения реальной стоимости ее экспорта полезных ископаемых на протяжении последней четверти века [Mining…].

В период с 1980-х до 2020-х гг. Всемирный банк предоставил гранты и займы горнодобывающему сектору на сумму 1,1 млрд долл. 15 из 17 богатых полезными ископаемыми странам континента, а также странам с низким уровнем дохода. Это дало банку значительную свободу действий для реализации его стратегического видения того, как следует организовывать добычу полезных ископаемых и управлять ею, делая упор на частный сектор.

После пересмотра нормативно-правовой базы иностранные инвестиции были привлечены для поиска новых возможностей. Объем разведочных работ в Африке увеличился с 4% от общих расходов на разведку полезных ископаемых во всем мире в 1991 г. до 17,5% в 1998 г. Общие инвестиции в горнодобывающую промышленность в Африке росли ускоренными темпами. Логика, лежащая в основе стратегии Всемирного банка в области добычи полезных ископаемых в Африке, продолжает действовать. В 2021 г. иностранные инвесторы осуществляли программы реформирования горнодобывающей промышленности в семи африканских странах, начиная от Нигера (100 млн долл.) и заканчивая Центральноафриканской Республикой (10 млн долл.). Каждая программа была направлена на институциональные и нормативные изменения, отдавая общий приоритет капиталоемкой добыче полезных ископаемых, находящейся в иностранной собственности [Mining…].

Критика ТНК имеет достаточно широкий охват – это нарушение прав человека, загрязнение экологии, недостаточное участие в социальных проектах в беднейших странах, насаждение коррупции в верхних эшелонах власти. В большой степени критика фокусируется на анклав-

ном характере горнодобывающих разработок, которые недоиспользуют местные ресурсы и управленческий талант, экспортируя полезные ископаемые в полупереработанном виде, подавляя таким образом обрабатывающую промышленность в стране-реципиенте ПИИ. Например, большая часть африканской меди поставляется в виде слитков в Европу или Японию, где она подвергается гораздо более прибыльному процессу переработки в проволоку и другие конечные продукты. Иностранные горнодобывающие компании также усиливают экспортную зависимость в странах-реципиентах и, следовательно, их подверженность глобальным экономическим кризисам. Не секрет, что наибольшая часть прибыли от добычи и переработки полезных ископаемых в странах Африки выводится в страны-доноры ПИИ. Кроме того, ТНК горнодобывающей промышленности часто рассматриваются как оказывающие коррупционное влияние на политические режимы принимающих стран, например, иностранные компании, занимающиеся добычей железной руды в Либерии, особенно до государственного переворота 1980 г. В целом ТНК обладают значительными рычагами давления на правительства принимающих стран с целью предоставления наиболее щедрых концессий на добычу полезных ископаемых. В 2017 г. 70 тыс. шахтеров, занимающихся частными разработками, были перемещены военными и полицией в Мубенде (Уганда), чтобы освободить место для горнодобывающей ТНК, зарегистрированной в Канаде [The three-stage process…].

Особенностью горнодобывающей отрасли африканских стран является ее чрезвычайно высокая трудоемкость. В частности, на трудоемкую работу приходится до 30% общего объема добычи кобальта, 25% – олова, тантала, алмазов, 20% – золота, 80% – сапфиров. В трудоемкой добыче полезных ископаемых в Африке напрямую заняты миллионы рабочих.

При сохраняющейся тенденции к высоким капитальным затратам на добычу и переработку полезных ископаемых этот сектор по-прежнему будет нуждаться в иностранном капитале. Ключевая роль горнодобывающей промышленности очевидна хотя бы потому, что с наибольшими проблемами сталкиваются такие африканские государства, как Нигер и Буркина-Фасо, которые имеют мало разрабатываемых сырьевых месторождений, они неизменно входят в число беднейших стран.

Иностранные ТНК доминируют в добывающей отрасли африканских стран доже в большей степени, чем в колониальный период. Однако недавние изменения в горном кодексе и политике, внесенные правительствами таких африканских стран, как Танзания, Демократическая Республика Конго, Сьерра-Леоне и Малави, начали постепенно противодействовать этому доминированию. Они ориентируются на Концепцию, разработанную Африканским союзом в 2009 г. для усиления связей

между компаниями горнодобывающей промышленности, находящейся в иностранной собственности, и национальными экономиками в лице правительств. Концепция также направлена на укрепление потенциала правительства по ведению переговоров с иностранными горнодобывающими корпорациями и обеспечению выгод для устойчивого развития. Но она не является фундаментальным вызовом доминирующей модели организации горнодобывающей промышленности с упором на иностранный капитал. Африка по-прежнему далека от более раннего постколониального периода 1960–1970-х гг., когда она обладала значительно бóльшим суверенитетом над ресурсами.

Литература / References

1. Казанцева Е. Г. Влияние масштабных геополитических изменений на инвестиционную активность тнк // Вестник Алтайской Академии экономики и права. 2023. № 8. С. 48–53. [Kazantseva E. G. The Impact of Large-scale Geopolitical Changes on the Investment Activity of TNCs // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 8. Pp. 48–53].
2. Растянникова Е. В. Тенденции развития мирового горнодобывающего комплекса: роль прямых иностранных инвестиций // Восточная Аналитика. 2023. № 3. С. 67–80. [Rastyannikova E. V. Trends in the Development of the Global Mining Complex: the Role of Foreign Direct Investment // Eastern Analytics. 2023. No. 3. Pp. 67–80].
3. Растянникова Е. В. Транснациональные компании стран Азии в мировом горнодобывающем комплексе // Инновации и инвестиции. 2023. № 11. С. 64–68. [Rastyannikova E. V. Transnational Companies of Asian Countries in the Global Mining Complex // Innovations and investments. 2023. No. 11. Pp. 64–68].
4. Цветкова Н. Н. Фрагментация мировой экономики и уход ТНК из России // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: сб. статей / отв. ред. и ред.-сост. Н. Н. Цветкова и С. В. Мельникова. М.: ИВ РАН, 2023. С. 21–57. [Tsvetkova N. N. Fragmentation of the World Economy and the Withdrawal of TNCs from Russia // Economic, Socio-political, Ethno-confessional Problems of Afro-Asian Countries: Collection of Articles / ed. and ed.-comp. by N. N. Tsvetkova and S. V. Melnikov. Moscow: IOS RAS, 2023. Pp. 21–57).
5. Adno Y. Mining and Metallurgical Complex of Kazakhstan: Problems and Prospects of Development. Russia and New States of Eurasia, 2021. No. II (LI). Pp. 99–114.
6. Scungio, Luis. China's global mineral rush. Learning from experiences around controversial. Chinese mining investments. Amsterdam, 2021. 95 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Концепция технологического развития на период до 2030 года РФ. URL: https://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2023/02/Kontseptsiya-tehnologicheskogo-razvitiya-na-period-do-2030-goda.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

2. African countries lost control to foreign mining companies – the 3 steps that allowed this to happen // The Conversation. URL: https://theconversation.com/african-countries-lost-control-to-foreign-mining-companies-the-3-steps-that-allowed-this-to-happen-218437 (accessed: 29.02.2024).
3. Beyond China: five up-and-coming mining hubs in Asia // Mine. URL: https://mine.nridigital.com/mine_mar20/beyond_china_five_up-and-coming_mining_hubs_in_asia (accessed: 28.02.2024).
4. Mining, Multinationals, and Development // WorldHistory. URL: https://www.world-history.biz/sundries/30003-mining-multinationals-and-development.html (accessed: 26.02.2024).
5. The Three-stage Process Through which African Resource Sovereignty Was Ceded to Foreign Mining Corporations // Review of African Political Economy. URL: https://roape.net/2023/11/16/the-three-stage-process-through-which-african-resource-sovereignty-was-ceded-to-foreign-mining-corporations/ (accessed: 28.02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Растянникова Елизавета Викторовна – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Rastyannikova Elizaveta V. – PhD (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 08.03.24.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 13.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 08.03.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 13.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.92
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-103-114

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АЛЖИРА И МАРОККО С КИТАЕМ

Людмила Николаевна Руденко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
l-rudenko22@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4629-1889

Аннотация. Существенные сдвиги, которые произошли в течение последних двух десятилетий в глобальных экономических и геополитических трендах, создают новые возможности для экономической диверсификации арабских стран, расширения их внешнеэкономических связей и привлечения инвестиций. Одним из путей для ускорения экономического развития в динамично меняющихся условиях государства региона Ближнего Востока и Северной Африки видят в укреплении партнерских отношений с Китаем и, в частности, в участии в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Другое ее название «Новый шелковый путь».

Главной целью данной статьи является подведение некоторых итогов торгово-экономических связей Алжира и Марокко с Китаем в 2010-е годы, при этом исследуются основные сферы сотрудничества и наиболее важные проекты, на которых базируется их взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии взаимовыгодного партнерства. Кроме того, представляется весьма актуальной задачей изучение дополнительных стимулов, которые дает участие арабских стран в реализации «Нового шелкового пути» для выполнения ими основных целей, заложенных в стратегических программах экономического развития, которые одобрены в большинстве стран арабского региона. В то же время они стремятся извлечь выгоду из благоприятных условий для ведения бизнеса, а также экспертизы и опыта, предоставляемых КНР.

Статья посвящена исследованию различных аспектов торгово-экономических сотрудничества Алжира и Марокко с Китаем в последние два десятилетия. Необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период арабо-китайская торговля и экономические связи в целом заметно расширились и укрепились, чему во многом способствовало выдвижение КНР в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» ("The One Belt, One Road" – BRI).

Прежде всего в статье автор рассматривает состояние торгово-экономических связей Алжира и Марокко с КНР в нулевые годы. Однако основное внимание в работе отведено исследованию различных аспектов торгово-экономического сотрудничества в рамках новой китайской инициативы. Важное место при этом занимает анализ целей BRI, а также роли арабских государств в их реализации. В то же время автор исследует приоритетные сферы двусторонних экономических связей, рассматривает наиболее важные проекты, которые были осуществлены в Алжире и Марокко при содействии Китая. Особый акцент в статье делается на взаимную заинтересованность рассматриваемых государств в дальнейшем развитии торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Алжир, Марокко, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, «Новый шелковый путь», 2000–2010-е годы, итоги, перспективы

Для цитирования: Руденко Л. Н. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Алжира и Марокко с Китаем. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):103-114. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-103-114.



Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Руденко Л. Н., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Original article. Economics studies

ALGERIA, MOROCCO – CHINA: TRADE AND ECONOMIC COOPERATION (2010s)

Lyudmila Rudenko
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
l-rudenko22@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4629-1889

Abstract. The article is devoted to the study of various aspects of trade and economic cooperation of Algeria and Morocco with China in the 2000–2010s. It is important to note that during the period under review, trade and economic ties between the Arab states and China significantly expanded and strengthened. This was largely facilitated by the promotion of the People's Republic of China in 2013 of "The One Belt, One Road Initiative- BRI" (its other name is "The New Silk Road").
The author examines in the article the state of trade and economic ties of Algeria and Morocco with China in the zero years. However, the main attention in the article is devoted to the study of various aspects of trade and economic cooperation between these countries in the framework of the new Chinese initiative. The researcher analyses the goals of the BRI, as well as the role of the Arab states in their implementation. At the same time, the author explores the priority areas of the Algeria-Chinese and Morocco-Chinese cooperation and the most important projects that implemented in these Arab states with Chinese participation. The author places particular emphasis on the mutual interest of the states in the development of trade and economic cooperation.
The main purpose of this article is to summarize some of the results of trade and economic relations between Algeria and Morocco with China in the 2010s, while exploring the main areas of cooperation and the most important projects on which their mutually beneficial partnership is basing. In addition, it seems a very urgent task to study the additional incentives that the participation of the Arab countries in the implementation of the "New Silk Road" provides for them to fulfill the main goals laid down in strategic economic development programs that are approved in most countries in the Arab region. At the same time, they are seeking to benefit from the favorable business environment, as well as the expertise and experience provided by the People Republic of China (the PRC).

Keywords: Algeria, Morocco, China, trade and economic cooperation, "The New Silk Road", results, prospects

For citation: Rudenko L. N. Algeria, Morocco – China: Trade and Economic Cooperation (2010s). *Eastern Analytics*. 2024;14(1):103-114. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-103-114.

Введение

Процесс расширения и укрепления торгово-экономических связей арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки (далее БВСА) заметно ускорился в конце 1990-х годов. Этому в значительной степени способствовало осознание лидерами КНР и государств БВСА взаимных интересов в развитии сотрудничества в различных сферах экономики

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Rudenko L. N., 2024
© Eastern Analytics, 2024

и торговли. За последние двадцать пять лет китайские государственные и частные компании подписали значительное количество соглашений и контрактов с арабскими странами, которые предусматривают развитие торгово-экономического сотрудничества в таких областях как энергетика, инфраструктура, технологии и др.

Новый импульс торгово-экономические связи между арабскими странами и Китаем получили после выдвижения в 2013 году председателем КНР инициативы "The Belt and Road Initiative" (далее в тексте BRI), также известной как "The One Belt, One Road Initiative" («Один пояс, один путь») и "The New Silk Road" («Новый шелковый путь») [Chatzky, McBride 2019, pp. 3–7]. В настоящее время BRI представляет собой, пожалуй, самую крупную в мире площадку для международного бизнес-сотрудничества и включает две основные составляющие: сухопутную (the Overland Silk Road Economic Belt) и морскую (the Maritime Silk Road). Последняя, в частности, как предполагается, будет сочетать расширение морского торгового трафика путем развития портов, расположенных вдоль Индийского океана, в регионе Юго-Восточной Азии и в Европе, с созданием различных торгово-экономических коридоров. В рамках BRI планируется сооружение сети железных дорог, энергетических трубопроводов, скоростных автомагистралей, пограничных таможенных пунктов, телекоммуникационных линий, портов, аэропортов, а также строительство пятидесяти экономических зон. Большинство инфраструктурных сетей будет простираться от Восточной Азии до Европы [Chatzky, McBride 2019, pp. 3–7]. Главные приоритеты сотрудничества изложены в "BRI White Paper" и сводятся к следующему: координация политики в сфере двусторонних торгово-экономических связей, пути улучшения экономического взаимодействия, устранение препятствий для торговли между странами-участницами, финансовая интеграция [Chatzky, McBride 2019, pp. 3–7].

В январе 2021 г. кабинет министров Китая определил роль проекта BRI в качестве платформы для китайской глобальной коммерческой активности. Банки КНР (в том числе the China Export-Import Bank и the China Development Bank), государственные фирмы, а также правительственные фонды (например, the Silk Road Fund) осуществляют значительную долю китайского зарубежного финансирования и инвестирования[1].

Объем торговли арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки с Китаем в 2021 г., согласно оценке, составил 288 млрд долл. (в 2020 г. 213,5 млрд долл.) Китайские инвестиции и финансирование в других формах строительства объектов в рассматриваемых государ-

[1] Middle East and North Africa-China Relations. R47482 // Every CRS Report. 23.03.2023. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/R47482.html (accessed: 16.01.2024).

ствах в 2013–2021 гг. оценивается в 128,9 млрд долл. В частности, в 2013–2017 гг. Китай предоставил этим странам 103,6 млрд долл. в виде займов[2].

Правительства арабских государств БВСА стремятся получить от сотрудничества с Китаем (торговли, инвестиций, займов и других форм финансирования) существенные экономические дивиденды, в частности, в качестве альтернативы по отношению к более жестким условиям, предлагаемым западными торгово-экономическими партнерами и международными финансовыми институтами.

Китай, развивая связи с арабским миром, как представляется, ищет, в первую очередь, надежный доступ к энергетическим ресурсам региона БВСА, а также учитывает экономические интересы китайских компаний и их коммерческие и инвестиционные возможности. Кроме того, в политике КНР по отношению к арабским странам не последнюю роль играет стремление обеспечить безопасность своим экономическим интересам.

Алжир – Китай

Общие соображения, касающиеся развития торгово-экономических связей арабских стран с Китаем в последние три десятилетия, находят отражение в сотрудничестве Алжира с Китайской Народной Республикой.

Двусторонние отношения между Алжиром и Китаем берут начало с Афро-азиатской конференции в Бандунге в 1955 г., затем последовало установление дипломатических отношений в 1958 г.

В 2018 г. Алжир присоединился к проекту BRI, а в 2022 г. обе страны подписали два новых важных документа: 1) план совместной реализации инициативы BRI; 2) трехлетний план сотрудничества в ключевых областях экономики (2022–2024)[3].

В этой связи необходимо напомнить, что Алжир (так называемый спящий гигант Северной Африки) является крупнейшей экономикой региона и крупным экспортером газа и нефти. Эта страна по подтвержденным запасам природного газа занимает 10-е место в мире, а по доказанным резервам нефти – 16-е[4]. В период 2016–2021 гг. на сектор углеводородов приходилось 19% валового внутреннего продукта (ВВП) Алжира, 95% товарного экспорта и 38% бюджетных доходов[5].

---

[2] Middle East and North Africa-China Relations. R47482 // Every CRS Report. 23.03.2023. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/R47482.html (accessed: 16.01.2024).

[3] Algeria, China sign two plans to strengthen comprehensive strategic partnership // People's Democratic Republic of Algeria. Ministry of Foreign Affairs and National Community Abroad. URL: https://mfa.gov.dz/press-and-information/news-and-press-releases/algeria-china-sign-two-plans-to-strengthen-comprehensive-strategic-partnership (accessed: 16.01.2024).

[4] Algeria // U. S. Congressional Research Service. 28.07.2020. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11116/15 (accessed: 16.01.2024).

[5] The World Bank in Algeria. Overview. 30.05.2023. URL: https://www.worldbank.org/en/country/algeria/overview (accessed: 16.01.2024).

Алжир стремится диверсифицировать свою экономику с целью расширения источников доходов и улучшения перспектив для занятости, особенно для молодых людей, учитывая высокую долю молодежи в общей численности населения страны. Уровень алжирской безработицы в 2021 г. находился на отметке в 12,7% рабочей силы, этот показатель среди алжирцев в возрасте от 15 до 24 лет составлял 31,9%[6].

Резкое падение валового внутреннего продукта в 2020 г. в результате локдауна, связанного с COVID-19, и снижение доходов от углеводородов привело к замедлению темпа экономического роста. В результате в официальном рейтинге Всемирного банка статус Алжира был понижен до страны с уровнем дохода ниже среднего[7].

В 2021 г. значительное улучшение ситуации в нефтегазовом секторе способствовало постепенному восстановлению экономики после спада, вызванного пандемией. Так, ВВП вырос на 3,4% после падения на 5,1% в 2020 г.[8] В рассматриваемый период ускорился также прирост ВВП Алжира (исключая углеводородный сектор), поддержанный увеличением частного потребления и снижением объема импорта. Кроме того, благоприятная ситуация в сельскохозяйственном производстве и в отраслях обрабатывающей промышленности, ориентированных на внутреннее потребление и сектор услуг, оказали положительный эффект на оживление экономической активности в стране.

В 2022 г. заметно улучшилось состояние платежного баланса Алжира благодаря росту мировых цен на энергоносители. Так, положительное сальдо баланса счета текущих операций, согласно оценке, достигло приблизительно 5,7% ВВП по сравнению с дефицитом в 2,9% в 2021 г.[9] Несмотря на снижение внутреннего инвестирования и политику ограничения импорта ввоз товаров в страну вырос на 7,4% в 2022 г. вслед за ростом глобальных товарных цен[10].

Международные резервы Алжира по состоянию на конец 2022 г. увеличились до 61,7 млрд долл. США (т. е. их достаточно для импорта товаров и услуг в течение 16,3 месяца). Ожидается, что дефицит бюджета республики значительно сократится: с 7,2% ВВП в 2021 г. до 0,9% в 2022 г.[11] Столь оптимистичный прогноз базируется на росте доходов от добычи и экспорта углеводородов и налоговых платежей вопреки повышению государствен-

---

[6] Ibid.

[7] Calabrese J. "The New Algeria" and China // Middle East Institute. 26.01.2021. URL: https://www.mei.edu/publications/new-algeria-and-china (accessed: 16.01.2024).

[8] The World Bank in Algeria. Overview. 30.05.2023.

[9] Ibid.

[10] Ibid.

[11] The World Bank in Algeria. Overview. 30.05.2023.

ных расходов (включая повышение заработной платы в государственном секторе, издержки на новый проект по уменьшению безработицы и увеличению продовольственных субсидий и пособий по безработице).

Государственный долг Алжира оценивался в 50,9% ВВП на конец 2022 г., а инфляция – в 9,3%, что было обусловлено главным образом ростом продовольственных цен. В этой связи важно подчеркнуть, что на продовольствие приходится более половины всех расходов наиболее уязвимых слоев алжирского общества, то есть рост цен затрагивает примерно 40% общей численности населения страны.

В последние два десятилетия бум в сфере добычи углеводородов позволил Алжиру продвинуться в экономическом и гуманитарном развитии. Страна инвестировала в инфраструктурные проекты, поддерживая экономический рост, внесла изменения в социальную политику, что позволило смягчить ситуацию с бедностью. Наряду с этим произошли положительные изменения в сфере образования, здравоохранения и уровне жизни. Тем не менее, Алжир, как и другие страны-нефтеэкспортеры Ближнего Востока и Северной Африки, нуждается в дальнейшей трансформации в сторону более диверсифицированной экономики с целью повышения уровня занятости (особенно учитывая важность решения проблемы с молодежной занятостью).

Алжирское правительство предпринимает шаги, направленные на стимулирование иностранного и местного инвестирования. В частности, был принят новый закон, регулирующий сектор углеводородов (Hydrocarbon Law), который частично отменяет ограничения на иностранное владение местными компаниями. Оно также работает над подготовкой нового закона о денежном обращении и кредитовании (Money and Credit Law) и нормативного акта о государственно-частном партнерстве. План развития страны, принятый в сентябре 2021 г., предусматривает постепенный переход к экономической модели, базирующейся на развитии частного сектора. При этом в качестве приоритетных ставятся задачи рационализации государственных расходов, поощрения товарного экспорта (помимо вывоза газа и нефти), существенного улучшения бизнес-среды, включая реформирование государственных банков и предприятий. В то же время алжирское правительство определило, что приоритетное внимание будет отдаваться следующим ключевым сферам: солнечная энергетика, добыча фосфатов, золота и железной руды[12].

В 2021 г. экспорт Китая в Алжир составил 6,35 млрд долл. В число основных товаров, поставляемых КНР в республику, вошли: металли-

[12] Hamaizia A. Rebalancing Algeria's Economic Relations with China // Chatham House – International Affairs Think Tank. 03.12.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/2020/12/rebalancing-algerias-economic-relations-china (accessed: 16.01.2024).

ческие трубы (312 млн долл.), пассажирские и грузовые суда (211 млн долл.), вакцины и др. (288 млн долл.) При этом важно подчеркнуть, что экспорт КНР в Алжир вырос со 176 млн долл. в 1995 г. до 6348 млн долл. в 2021 г., то есть в 36 раз[13].

Что касается Алжира, то объем его экспорта в Китай в 2021 г достиг 961 млн долл. В номенклатуру алжирского вывоза в КНР входили, в частности, следующие товары: сырая нефть и нефтепродукты (702 млн долл.), нефтяной газ (176 млн долл.), стальные полуфабрикаты (51,5 млн долл.).[14] Алжир в 2021 г. экспортировал товаров в КНР в стоимостном выражении почти в 36 раз больше чем в 1995 г.[15]

Однако необходимо учитывать, что резкий рост товарооборота между двумя странами в указанный период произошел с достаточно низкого базового уровня и стал результатом постепенного развития в Алжире процесса внешнеэкономической открытости, от которого получили выгоду не только Китай, но и другие партнеры АНДР. Важно также отметить, что несмотря на то, что сырая нефть и нефтепродукты доминируют в алжирском экспорте в Китай, европейские страны были и остаются главными покупателями углеводородов Алжира.

Торгово-экономические связи между рассматриваемыми двумя странами заметно расширились и укрепились после подписания в 2014 г. соглашения о всестороннем стратегическом партнерстве (the Agreement of the Comprehensive Strategic Partnership). В результате китайские компании и предприятия в последние два десятилетия участвовали в реализации различных государственных проектов в Алжире стоимостью более 70 млрд долл.[16] Инвестиции КНР (включая стоимость заключенных контрактов) в Алжире в 2005–2020 гг. составили 23,85 млрд долл., включая такие флагманские проекты, как скоростная автомобильная дорога «Восток – Запад» (the East-West Highway), Большая мечеть Алжира (the Grand Mosque of Algeria). Контракт стоимостью в 7 млрд долл. на строительство более половины скоростного шоссе протяженностью в 1216 км, соединяющего алжирскую границу с Марокко и Тунисом, также был отдан китайскому консорциуму CITIC–CRCC.

Строительство нового алжирского аэропорта при содействии КНР было завершено в 2019 г. Китайские компании были также вовлечены в сооружение Центрального порта Алжира (the Algeria central port) и порта El Hamdania, который превратился в крупнейший региональный хаб.

---

[13] China/Algeria // The Observatory of Economic Complexity. URL: https:/oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/dza (accessed: 18.01.2024).

[14] Ibid.

[15] Ibid.

[16] Calabrese J. "The New Algeria" and China.

Наряду с этим фирмы КНР построили десятки тысяч единиц социального жилья, что позволило снизить остроту этой проблемы в Алжире.

Кроме того, алжирское правительство стремится развивать информационную инфраструктуру и повышать уровень цифровизации в стране, опираясь на содействие Китая. Так, Huawei, ZTE-corporation и Beidou наряду с менее крупными игроками уже работают на алжирском рынке и способствуют укреплению информационно-коммуникационного сектора республики.

Дальнейшее расширение торгово-экономических связей между Алжиром и Китаем в целом отвечает интересам развития обеих стран в обозримом будущем, по мнению руководства обеих стран. Фактически с середины 2000-х гг. Алжир находится среди основных государств с точки зрения международной китайской строительной деятельности. В то же время АНДР не является важным объектом для зарубежного инвестирования Китая. Дело в том, что китайские компании предпринимали строительные проекты на контрактной основе так называемого сервисного обеспечения (on a service-provision contractual basis). Это означает, что они не являлись собственниками и не были вовлечены в долгосрочный менеджмент и, таким образом, технически не могут считаться «инвесторами».

Согласно the China Global Investment Tracker (CGIT), совокупная инвестиционная активность Китая концентрировалась главным образом в секторах транспорта и недвижимости Алжира[17]. Что касается энергетического сектора, то три крупнейшие государственные энергетические корпорации Китая (the China National Petroleum Corp. – CNPC, the China Petroleum & Chemical Corp. – SINOPEC и the China National Offshore Oil Corp. – CNOOC) ведут активную деятельность в Алжире в течение почти двух десятилетий. Однако они не доминируют на алжирском рынке. Помимо них в этой стране в настоящее время присутствует примерно два десятка иностранных нефтяных компаний, которые реализуют более тридцати крупных проектов. Кроме того, почти шестьдесят международных нефтегазовых сервисных фирм обеспечивают обслуживание главной нефтяной алжирской компании Sonatrac и ее филиалов (ни одна из них не является китайской).

В заключение необходимо отметить еще одну важную особенность сотрудничества между Алжиром и Китаем. Несмотря на вклад, который КНР вносит в развитие экономики Алжирской Республики, алжирцы критикуют китайские компании за то, что они не создают рабочие

[17] China Global Investment Tracker. January 2021. URL: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 18.01.2024).

места для местного населения, так как обычно привозят своих работников, число которых, по данным на конец 2020 г., составляло около 50 тыс. человек[18].

Марокко – Китай

В последние два десятилетия, помимо Алжира, который занимает лидирующие позиции в торгово-экономических связях Китая со странами Северной Африки, китайское присутствие заметно расширилось в Марокко, обладающей важной геостратегической локацией.

Прагматизм является наилучшим определением для описания современных отношений между Марокко и Китаем, поскольку каждая из двух сторон осознает их значимость и, следовательно, пытается использовать имеющиеся выигрышные моменты. Так, привлекательность Марокко для Китая повышают, в частности, развитые связи королевства со странами Персидского залива, его членство в Африканском союзе, дипломатическая близость со странами, расположенными южнее Сахары (Sub-Saharan Africa).

Марокко была первой страной в регионе Северной Африки, подписавшей меморандум о взаимопонимании с Китаем в контексте китайской инициативы «Один пояс, один путь». Это важное решение оказало позитивный эффект на марокканскую экономику, так как в королевстве начали действовать китайские компании, число которых постоянно увеличивалось. Китай также начал осуществлять инвестиции Марокко. Так, уже в 2016 г. общий объем вложений КНР в экономику королевства вырос на 195% в 2016 г. по сравнению с 2011 г.[19]

Товарооборот между Китаем и Марокко достиг в 2018 г. 5,3 млрд долл. против 4 млрд долл. в 2016 г. Однако подавляющая его часть приходилась на китайский экспорт в королевство. Удельный вес КНР в общем марокканском импорте вырос в 2019 г. до 10,4% (в 2014 г. – 7,5%)[20]. В рассматриваемый период объем экспорта Марокко в Китай оставался на достаточно низком уровне. В то же время страны Европейского союза ввозили более половины марокканского импорта, а около двух третей их экспорта приходилось на королевство. Таким образом, они продолжали оставаться крупными партнерами Марокко.

---

[18] Hamaizia A. Rebalancing Algeria's Economic Relations with China // Chatham House – International Affairs Think Tank. 03.12.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/2020/12/rebalancing-algerias-economic-relations-china (accessed: 16.01.2024).

[19] Çalışkan G. China-Morocco Relations // ANKASAM | Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi. 03.04.2021. URL: https://www.ankasam.org/china-morocco-relations/?lang=en (accessed: 16.01.2024).

[20] Ibid.

В 2022 г. китайский экспорт в Марокко увеличился в 14 раз по сравнению с 2018 г. и составил 74 млрд долл.[21] Его структура выглядела при этом следующим образом (в млн долл.): электрооборудование, включая электронное – 1200; ядерные реакторы, бойлеры – 709; транспортные средства (исключая железнодорожный и трамваи) – 294; мебель, светильники, полуфабрикаты для строительства – 290; изделия из железа и стали – 282; кофе, чай и специи – 245; пластики – 241; одежда – 203.

Основными статьями экспорта Марокко в Китай в рассматриваемый в статье период являлись электронное оборудование (включая микросхемы), полупроводниковые приборы, изолированные электропровода. Далее следуют полезные ископаемые, текстиль, сельскохозяйственная продукция[22].

В нулевые годы, согласно сообщениям средств массовой информации, более чем тридцать китайских компаний участвовали в реализации ряда проектов в Марокко. В частности, в 2011 г. был подписан меморандум о понимании с China Exim Bank о строительстве скоростной автомагистрали, госпиталей в различных районах королевства, а также последнее получило от КНР 150 млн юаней на осуществление восьми строительных проектов в столице страны Рабате[23].

В 2016 г. Марокко объявило о сделке стоимостью в 10 млрд долл., которая предусматривала создание нового экономического центра на Севере страны при содействии китайских компаний и международных организаций, включая авиационную компанию Haite Group, Morocco-China International и BMCE Bank of Africa[24].

Развитие связей с Китаем является неотъемлемой частью внешнеэкономической стратегии Марокко. Иными словами, королевство стремится привлечь максимальное число партнеров в страну с целью диверсификации экономики, привлечения иностранного инвестирования, развития торговых отношений.

Однако современная геополитическая напряженность, наряду с дезорганизацией глобальных цепочек поставок, послужили триггером (как и в большинстве стран мира) роста цен, что привело, в свою очередь, к повышению уровня инфляции до 8,3% по состоянию на конец

---

[21] Strange A. China's Development Finance to Africa: A Media-Based Approach to Data Collection. Center for Global Development. Working Paper 323, April 2013. URL: https://www.cgdev.org/sites/default/files/chinese-development-finance-africa_0.pdf (accessed: 16.01.2024).

[22] The Atlas of Economic Complexity. URL: https://atlas.cid.harvard.edu/ (accessed: 16.01.2024).

[23] Strange A. China's Development Finance to Africa...

[24] Eljechtimi A., Laessing U. Morocco Hopes to Attract $10 Billion in Investment to New Tech City // Reuters. 02.07.2019. URL: https://www.reuters.com/article/us-morocco-china/morocco-hopes-to-attract-10-billionin-investment-to-new-tech-city-idUSKCN1TW3UF/ (accessed: 16.01.2024).

2022 г.[25] Руководство Марокко предприняло ряд мер для смягчения социально-экономических последствий повышения цен на продовольствие и энергию, которые включали, в частности, субсидирование основных видов продуктов питания и поддержку системы регулирования цен. В результате удалось стабилизировать цены на товары и услуги, на которые приходится почти одна четверть средних расходов домохозяйств страны. Эти шаги потребовали мобилизации дополнительных государственных расходов в объеме почти 2% ВВП[26].

Несмотря на трудности, вызванные засухой и ростом цен (что привело к повышению уровня инфляции в 2022 г.), согласно оценке, экономический рост в Марокко ускорился в 2023 г. до 3,1%, благодаря восстановлению активности основных секторов экономики[27]. Тем не менее все еще сохраняются риски, связанные с некоторым замедлением торгово-экономического взаимодействия с основными торгово-экономическими партнерами Марокко, в том числе и с Китаем, а также с новыми потенциальными климатическими шоками.

Литература / References

1. Chatzky, A., McBride, J. China's Massive Belt and Road Initiative // Council on Foreign Relations. 21.02.2019. 12 p. URL: https://www.wita.org/wp-content/uploads/2019/02/China%E2%80%99s-Massive-Belt-and-Road-Initiative-_-Council-on-Foreign-Relations.pdf.
2. Algeria // U. S. Congressional Research Service. 28.07.2020. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11116/15 (accessed: 16.01.2024).
3. Algeria, China sign two plans to strengthen comprehensive strategic partnership // People's Democratic Republic of Algeria. Ministry of Foreign Affairs and National Community Abroad. URL: https://mfa.gov.dz/press-and-information/news-and-press-releases/algeria-china-sign-two-plans-to-strengthen-comprehensive-strategic-partnership (accessed: 16.01.2024).
4. Calabrese J. "The New Algeria" and China // Middle East Institute. 26.01.2021. URL: https://www.mei.edu/publications/new-algeria-and-china (accessed: 16.01.2024).
5. China/Algeria // The Observatory of Economic Complexity. URL: https:/oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/dza (accessed: 18.01.2024).
6. China Global Investment Tracker. January 2021. URL: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 18.01.2024).
7. Eljechtimi A., Laessing U. Morocco Hopes to Attract $10 Billion in Investment to New Tech City // Reuters. 02.07.2019. URL: https://www.reuters.com/article/us-

[25] Morocco Economic Monitor, Winter 2022/23. Responding to Supply Shocks // The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/morocco/publication/morocco-economic-monitor-winter-2022-2023 (accessed: 16.01.2024).

[26] Ibid.

[27] Ibid.

morocco-china/morocco-hopes-to-attract-10-billionin-investment-to-new-tech-city-idUSKCN1TW3UF/ (accessed: 16.01.2024).

8. Hamaizia A. Rebalancing Algeria's Economic Relations with China // Chatham House – International Affairs Think Tank. 03.12.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/2020/12/rebalancing-algerias-economic-relations-china (accessed: 16.01.2024).
9. Middle East and North Africa-China Relations. R47482 // Every CRS Report. 23.03.2023. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/R47482.html (accessed: 16.01.2024).
10. Morocco Economic Monitor, Winter 2022/23. Responding to Supply Shocks // The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/morocco/publication/morocco-economic-monitor-winter-2022-2023 (accessed: 16.01.2024).
11. Strange A. China's Development Finance to Africa: A Media-Based Approach to Data Collection. Center for Global Development // Working Paper 323. April 2013. URL: https://www.cgdev.org/sites/default/files/chinese-development-finance-africa_0.pdf (accessed: 16.01.2024).
12. The Atlas of Economic Complexity. URL: https://atlas.cid.harvard.edu/ (accessed: 16.01.2024).
13. The World Bank in Algeria. Overview. 30.05.2023. URL: https://www.worldbank.org/en/country/algeria/overview (accessed: 16.01.2024).
14. Çalışkan G. China-Morocco Relations // ANKASAM | Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi. 03.04.2021. URL: https://www.ankasam.org/china-morocco-relations/?lang=en (accessed: 16.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Руденко Людмила Николаевна – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Rudenko Lyudmila N. – PhD (Econ.), Senior Research Fellow, Center for Arab and Islamic studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 14.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 13.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 14.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 13.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 620.9
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-115-126

ЭНЕРГОПЕРЕХОД В ТУНИСЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЛАНЫ

Зоя Александровна Соловьева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
zsolov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7596-3712

Аннотация. Ископаемые виды топлива (природный газ и нефть) преобладают в энергобалансе Туниса. Рост потребления энергии на фоне снижения национальной добычи углеводородного сырья вызывает нарастание дефицита энергобаланса, усиливает зависимость от импорта топлива. Наряду с климатическим фактором – необходимостью сокращения выбросов парниковых газов, основным эмитентом которых является энергетика – это способствует энергетическому переходу в Тунисе. Основными его направлениями являются развитие возобновляемой энергетики и повышение энергоэффективности экономики. Эти задачи включены в различные планы, разработанные в стране, в том числе на длительную перспективу. Однако на фоне существующей ситуации в энергетике, роль в которой ВИЭ весьма мала, возможность реализации поставленных целей энергоперехода вызывает определенные сомнения.

Ключевые слова: Энергобаланс, ископаемые виды топлива, эмиссия парниковых газов, возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, ветровая энергетика, биомасса, зеленый водород

Для цитирования: Соловьева З. А. Энергопереход в Тунисе: реальность и планы. *Восточная аналитика.* 2024;14(1):115-126. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-115-126

Original article. Economics studies

ENERGY TRANSITION IN TUNISIA: REALITY AND PLANS

Zoya Solovieva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
zsolov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7596-3712

Abstract. Fossil fuels (natural gas and oil) dominate the energy balance of Tunisia. The growth of energy consumption and decreasing national production of hydrocarbon raw materials causes a growing deficit in the energy balance and increases dependence on fuel imports. Along with the climate factor – the need to reduce greenhouse gas emissions, the main emitter of which is the energy sector – this contributes to the energy transition in Tunisia. Its main thrusts are the development of renewable energy and improving the energy efficiency of the economy. These objectives are included in various plans developed in the country, including for the long term. However, in the existing situation in the energy sector, in which the role of RES is very small, the possibility of realizing the set objectives of the energy transition raises certain doubts.

Keywords: Energy balance, fossil fuels, greenhouse gas emissions, renewable energy, solar energy, wind energy, biomass, green hydrogen

For citation: Solovieva Z. A. Energy transition in Tunisia: Reality and Plans. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):115-126. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-115-126



Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Соловьева З. А., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Под энергетическим переходом понимается процесс глобальных изменений в структуре производства и потребления топлива. Считается, что в истории человечества произошло несколько энергетических переходов: от повсеместного использования дров в качестве основного источника энергии к углю, затем от угля к нефти и газу, в настоящее время мир переживает новый этап – замену ископаемых видов топлива возобновляемыми источниками энергии. Необходимо отметить, что на каждом следующем этапе не происходит полной отмены использования основных видов топлива предыдущего, фактически осуществляется постепенное расширение номенклатуры источников энергии, и в конце концов новые источники энергии становятся преобладающими. Если предшествующие энергопереходы занимали длительные периоды времени – около столетия – то предполагается, что сейчас этот процесс должен осуществляться ускоренными темпами, при этом в качестве сроков его реализации называются 2030–2050-е гг.

Основным толчком к началу современного этапа энергетического перехода, по мнению ряда специалистов, стала угроза неблагоприятных климатических изменений из-за нарастания объемов выбросов парниковых газов, более 70% которых в мировом масштабе обеспечивается энергетикой. Наряду с этим, если на предыдущих этапах энергоперехода важнейшими и определяющими стимулами были причины технологического и экономического порядка, то в настоящее время этот процесс во многом связан с факторами геополитического характера и, соответственно, весьма политизирован. Помимо сложностей с вопросами энергетической безопасности на современном этапе энергоперехода существуют значительные противоречия между развитыми и развивающимися странами по вопросам темпов и приоритетов его осуществления, технологических особенностей и проблем финансового обеспечения, а также определенные моменты непредсказуемости в части возможных сбоев в экономической деятельности, которые могут стать последствиями энергетического транзита. Встает вопрос перенастройки цепочек поставок сырья – особую важность приобретает доступность тех видов минерального сырья, которые необходимы для развития возобновляемой энергетики (например, медь, литий) и которые присутствуют в ограниченных масштабах. Соответственно будет усиливаться экономическая (а также политическая и даже вооруженная) борьба за контроль над соответствующими месторождениями (что уже видно на примере Африки, где значительно усилилась конкуренция крупнейших держав, в том числе европейских, США, Китая).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Solovieva Z. A., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Процесс энергетического перехода подразумевает, помимо процесса декарбонизации, повышение энергоэффективности мирового хозяйства (снижение затрат энергии на производство единицы конечного продукта), децентрализацию энергоснабжения (то есть приближение источников энергии к потребителю), а также цифровизацию (в том числе в управлении энергосистемами). Принимая во внимание эти особенности современного энергетического транзита, следует признать, что он фактически представляет собой не только преобразование мировой энергетической системы, но и переход всего хозяйства на новый технологический уровень.

Прошло уже десять лет (если считать с 2013 г., когда в стране был организован Фонд для целей энергетического перехода), а то и более длительный срок (если взять за исходную точку дату принятия Плана по развитию солнечной энергетике – 2009 г.), как энергетический транзит объявлен в числе важнейших стратегических задач развития Туниса. Одним из основных факторов, делающих этот процесс жизненно необходимым для страны, стал нарастающий дефицит энергобаланса, который с 7% в 2010 г. возрос до 50% в 2019–2022 гг.[1] Это негативно влияет на энергобезопасность Туниса, особенно в условиях резких колебаний цен на углеводороды на мировом рынке.

Возросший дефицит энергобаланса связан, прежде всего, с преобладанием в нем ископаемых видов топлива. При общем увеличении потребления первичной энергии с 89 до 117 ТВт-ч за 2000–2022 гг., в 2019 г. их доля в структуре потребления первичных энергоресурсов составляла более 90% (41% приходилось на нефть и нефтепродукты, 49% на газ, 1% – уголь). Немногим менее 10% был удельный вес возобновляемых источников энергии, однако такая сравнительно высокая их доля на 89% обеспечивалась за счет переработанной биомассы, до трети которой составляла традиционная биомасса (древесина и другие растительные остатки), используемая в домохозяйствах для обогрева и приготовления пищи; остальное приходилось на ветровую и солнечную энергию, в сумме обеспечивавшие менее 10% производства энергии[2]. Необходимо заметить, что не всегда включение биомассы в категорию зеленой энергии выглядит обоснованным, поскольку использование древесного угля приводит к вырубке лесов (что и происходит в некоторых северных

[1] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021. P. 12. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jun/IRENA_RRA_Tunisia_2021_FR.pdf?rev=1cab255a16d245b1b06e3bbcdf6178a1 (accessed: 30.01.2024).

[2] IRENA. Tunisia Energy Profile. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Africa/Tunisia_Africa_RE_SP.pdf (accessed: 30.01.2024).

и восточных районах Туниса) и вызывает эмиссию углеводородов при его изготовлении и использовании.

Еще выше был удельный вес ископаемых видов топлива в структуре выработки электроэнергии – в 2022 г. он составил 95,6%, преимущественно за счет природного газа. В Тунисе доступ к использованию электроэнергии имеет практически 100% населения. Рост числа потребителей, развитие хозяйственной деятельности вызывают заметный рост общего объема потребления электроэнергии в стране – за 2000–2022 гг. оно возросло с 9,96 ТВт-ч до 20,28 ТВт-ч, т. е. более, чем в два раза; увеличилось и подушевое потребление электроэнергии с 9004 кВт-ч в 2000 г. до 9524 кВт-ч. В 2021 г. Одновременно несколько снизилась энергоемкость ВВП – с 1,24 до 0,93 кВт-ч/долл. за 2000–2018 гг.[3]

В структуре общего конечного потребления энергии в Тунисе преобладали нефть и нефтепродукты (53%), природный газ (17,8%), электроэнергия (16,3%), биомасса (12,5%); на долю ВИЭ приходилось 0,8% (данные за 2018 г.)[4]

Итак, в ситуации с производством и потреблением энергии в стране прослеживаются следующие тенденции: увеличение как производства, так и потребления энергии, опережающий рост спроса на энергию по сравнению с ее предложением и соответствующее нарастание дефицита, составившего в 2019 г. 5672 тыс. т н. э. (нефтяного эквивалента), преобладание ископаемых видов топлива в структуре топливно-энергетического баланса при сравнительно высоком удельном весе биомассы.

В течение длительного времени Тунис имел возможность использовать собственные углеводороды в качестве основного источника энергии. В 60-х гг. прошлого века в стране были обнаружены запасы нефти, ее добыча ведется в заливе Габес и на юге Туниса. В 1980 г. производство сырой нефти составляло 110 тыс. бар/день, что с избытком обеспечивало внутреннее потребление (52 тыс. бар/день); к 1988–89 гг. объемы добычи и потребления сравнялись (около 81 тыс. бар/день), а в 2018 г. размеры потребления уже более, чем в два раза превышали добычу (97 и 41,6 тыс. бар/день соответственно). Месторождения постепенно истощаются, добыча продолжает сокращаться (в 2023 г. было извлечено немногим менее 35 тыс. бар/дань). При существующих темпах извлечения нефти ее запасов хватит примерно на 12 лет[5]. Тунис все в большей степени

[3] Tunisia. Energy Country Profile. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/tunisia (accessed: 30.01.2024).

[4] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021, P. 21.

[5] Tunisia Oil. URL: https://www.worldometers.info/oil/tunisia-oil/ (accessed: 01.02.2024).

вынужден опираться на импорт нефти и нефтепродуктов для удовлетворения внутреннего спроса.

По оценкам, имеющихся в стране запасов природного газа при теперешних темпах добычи должно хватить на 13 лет. Основную его часть извлекают на шельфовом месторождении Мискар в заливе Габес, однако добыча постепенно сокращается. В 2019 г. было добыто 1,8 млрд куб. м газа, импорт в том же году составил 4 млрд куб. м.[6] Поставки газа осуществляются из Алжира (в большей мере по регулярным коммерческим соглашениям, частично в качестве платежей за транзит газа по газопроводу ТрансМед, проходящему из Алжира в Италию по тунисской территории). В среднем ежегодно Тунис импортирует до 65% потребляемого газа.

Оплата импорта углеводородов, стоимость которого в 2019 г. превысила 9,9 млрд тунисских динаров (ТД), тяжелым бременем ложится на бюджет страны[7].

Другим важнейшим фактором, повлиявшим на принятие стратегии энергетического перехода в Туниса, несомненно, стал климатический фактор. В представленном в 2021 г. обновленном варианте по Национально-определяемому вкладу в сокращение эмиссии парниковых газов в рамках Парижского соглашения Тунис декларировал планируемое снижение выбросов на 45% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2010 г., что выражается в уменьшении показателя подушевой эмиссии с 7 до 2,4 т CO_2 за этот период. Сектором, в котором будет осуществляться основное сокращение выбросов (72%), должна стать энергетика[8].

В настоящее время Тунис производит 0,08% мировых выбросов парниковых газов (ПГ), располагаясь на 100-м месте в списке стран-эмитентов. Общий объем эмиссии возрос с 29,7 млн т CO_2-эквивалента в 2000 г до максимального значения 46,8 млн т в 2015 г., снизившись затем до 37,1 млн т CO_2-эквивалента в 2020 г. Энергетический сектор был ответствен за 67,8% общего объема[9].

В период 2010–2020 гг. наблюдались разнонаправленные тенденции в росте ВВП страны и изменениях объема выбросов ПГ энергетическим сектором – в то время, как ВВП увеличился на 7%, эмиссия сократилась на 2%; соответственно произошло снижение на 1% углеродоемкости

---

[6] Газовая промышленность Туниса. 2022–10–03. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/1058/ (дата обращения 30.01.2024).

[7] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021, P. 20.

[8] Update of the Nationally Determined Contribution of Tunisia. Executive summary of the 1st Updated NDC of Tunisia. October 2021. P. 8, 9. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022–08/CDN%20-%20updated%20executive%20summary.pdf (accessed: 19.10.2023).

[9] Tunisia Climate Change Data. URL: https://www.climatewatchdata.org/countries/TUN?end_year=2020&start_year=1990 (accessed: 20.10.2023).

тунисской энергетики. По оценкам тунисских специалистов, 43% этого снижения было достигнуто за счет совершенствования работы в производстве электроэнергии, 33% в результате улучшения общей энергоэффективности хозяйства, 24% в результате развития возобновляемой энергетики[10].

Природные условия Туниса благоприятствуют развитию зеленой энергетики. Продолжительность солнечного сияния практически на всей территории страны превышает 3000 часов в год, а в южных районах составляет 3200–3400 часов в год. Прямая солнечная радиация колеблется в пределах 1800–2600 кВт-ч/м^2/год. Этот показатель является определяющим для оценки потенциала для развития технологии концентрации солнечной энергии – он должен превышать 2000 кВт/ч/м^2/год для того, чтобы сооружение крупных гелиостанций, работающих по этой технологии, было экономически оправданным[11].

Средняя суммарная солнечная радиация на единицу горизонтальной поверхности служит надежным средством оценки ресурсов для фотоэлектрических солнечных установок; этот показатель колеблется от 4,2 кВт-ч/м^2/день на северо-западе Туниса до 5,8 кВт-ч/м^2/день на крайнем юге. При таких благоприятных условиях производительность солнечных фотоэлектрических систем в Тунисе может быть весьма высокой.

Наиболее подходящие для сооружения ветропарков районы расположены в центре и на юге Туниса, в окрестностях Бизерты и Набеля; здесь скорость преобладающих ветров на высоте 80 м превышает 7 м/сек. По оценкам, возможные площади для размещения ветровых установок составляют до 32,2 тыс. кв. км без учета офшорных территорий.

Неплохие перспективы имеет производство электроэнергии на основе переработки биомассы. По оценкам Национального агентства по управлению отходами (ANGED), Тунис производит около 6 млн т органических отходов в год (в том числе 2,2 млн т бытовых отходов, 2,2 млн т отходов сельского хозяйства и пищевой промышленности, 1 млн т от переработки оливкового масла и др.). По оценкам ANGED, в результате переработки всей массы отходов возможно вырабатывать до 1000 ГВт-ч электроэнергии в год[12].

---

[10] Republique Tunisienne. Strategie de Developpement Neutre en Carbone et Resilient aux Changements Climatiques a l'Horizon 2050. Octobre 2022. P. 18. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Strat%C3%A9gie%20de%20d%C3%A9veloppement%20neutre%20en%20carbone%20et%20r%C3%A9silient%20-%20Tunisie.pdf (accessed: 20.10.2023).

[11] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021, P. 35.

[12] Republique Tunisienne. Agence Nationale pour la maitrise de l'energie. URL: https://www.anme.tn/fr/content/biomasse-1#:~: text=En%20se%20r%C3%A9f%C3%A9rant%20au%20bilan, production%20du%20bois%20de%20charbon (accessed: 05.02.2024).

Развитие возобновляемой энергетики и повышение эффективности работы энергетического сектора – главные направления энергоперехода в Тунисе. Основные его задачи сформулированы в Плане развития солнечной энергетики Туниса (Plan Solaire Tunisien), первый вариант которого был разработан в 2009 г. Впоследствии он несколько раз пересматривался в сторону повышения амбициозности поставленных целей и намечаемых показателей; последний вариант был принят в 2016 г. и рассчитан на период до 2030 г. В соответствии с ним к 2030 г. удельный вес возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в производстве электроэнергии должен составить 30% при суммарной установленной мощности 3815 МВт (в том числе около 51% солнечной генерации, 46% – ветровой, остальное – за счет использования биомассы). На 2015 г. общие плановые капиталовложения должны были превысить 9,4 млрд долл., в том числе 7,5 млрд долл. в реализацию проектов ВИЭ и около 2 млрд долл. в совершенствование энергосистемы страны. Примерно треть инвестиций ожидалось со стороны частного сектора[13].

В реальности по данным на 2022 г., общая установленная мощность зеленой генерации в Тунисе составила 358 МВт, а доля ВИЭ в выработке электроэнергии не превышала 2,4%. Если учесть не законченные, но уже начатые проекты в области ВИЭ, а также те, по которым объявлены тендеры, к 2030 г. мощность установок по производству зеленой энергии может возрасти до 1840 МВт[14] (что, однако, в два раза меньше запланированного показателя).

По данным на 2021 г. установленные мощности возобновляемой энергетики распределялись следующим образом: 60% приходилось на ветровую генерацию, 23% – солнечную, 16% – гидроэнергетику, остальное обеспечивало использование переработанной биомассы[15].

Ветровая энергетика развивается в Тунисе с 1990-х гг. На начальном этапе распространение получили небольшие ветровые установки для удовлетворения энергетических потребностей сельских домохозяйств. В 2000 г. была введена в строй первая крупная ветровая электростанция мощностью 10 МВт. Положительные результаты этого проекта способствовали дальнейшему прогрессу в сфере ветровой генерации. Крупный ветропарк был сооружен на северо-востоке страны в Сиди Дауд; в 2008 г.

---

[13] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021, P. 32.

[14] La Transition Energetique en Tunisie: Contraintes actuelles et potentiels futurs. Forum Ibn Khaldoun pour le developpement. 25.01.2023. P. 1. URL: https://forumibnkhaldoun.org/blog/2023/01/24/la-transition-energetique-en-tunisie-contraintes-actuelles-et-potentiels-futurs/ (accessed: 30.01.2024).

[15] IRENA. Tunisia Energy Profile.

он достиг проектной мощности 55 МВт. В 2012 г. были введены в эксплуатацию еще два ветропарка со 143 ветровыми турбинами в районах Метлина и Бизерты общей мощностью 190 МВт. Заметим, что в соответствии с тунисской стратегией энергоперехода к 2030 г. установленная мощность ветровой генерации должна составить 1700 МВт[16].

В сфере солнечной энергетики в Тунисе преобладает солнечная генерация на основе фотовольтаики. Фотоэлектрические батареи получили распространение в сельской местности в начале 2010-х гг., где они использовались в домохозяйствах для приготовления пищи, обогрева, снабжения питьевой водой. В 2014 г. общая численность сельских домохозяйств, использующих солнечную энергию, немного превышала 13 тыс. В дальнейшем, по мере расширения охвата территории страны централизованными электросетями, необходимость в установке фотоэлектрических батарей снизилась. Впоследствии появились установки более крупного масштаба, подсоединенные к общей энергосистеме Туниса, стимулом к их развитию стало принятие в 2009 г. закона, разрешившего самостоятельное производство электроэнергии из возобновляемых источников и осуществление с 2010 г. соответствующей программы PROSOL, в рамках которой бытовые потребители зеленой энергии могли рассчитывать на погашаемые кредиты и субсидии из Фонда энергетического перехода. На конец 2019 г. общая численность фотоэлектрических систем, подключенных к низковольтной сети, превысила 3,6 тыс. 90% их приходилась на жилой сектор. В условиях продолжающегося роста тарифов на электроэнергию и значительном снижении цен на фотоэлектрические установки, это оказывается выгодным для бытовых потребителей солнечной энергии. В 2011–2019 гг. в Тунисе было создано пять предприятий по производству фотоэлектрических батарей[17].

Несмотря на подходящие условия (наличие больших свободных площадей в пустынных районах страны с высоким уровнем солнечной радиации) строительство солнечных электростанций по технологии концентрации солнечной энергии (CSP) не получило развития в Тунисе. В отличие от других возобновляемых источников энергии, технология CSP предусматривает возможность использования накопителей энергии, помогая тем самым решить проблему прерывистой выработки электроэнергии и способствуя интеграции ВИЭ в общую энергосистему страны; однако она является более технически сложной и требует более квалифицированного обслуживания.

---

[16] Republique Tunisienne. Agence Nationale pour la maitrise de l'energie. URL: https://www.anme.tn/fr/content/eolien (accessed: 05.02.2024).

[17] IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021, P. 36.

В 2012 г. были начаты предварительные исследования в рамках проекта сооружения крупной гелиостанции мощностью 50–100 МВт в районе населенного пункта Акари. При содействии специалистов МБРР к 2018 г. была подготовлена техническая документация, сделан обзор экономических и финансовых условий для осуществления проекта и его включения в систему электроэнергетики Туниса. Исследование подтвердило экономическую обоснованность проекта. Однако о дальнейшей судьбе проекта Акари данных нет. К 2030 г. тем не менее планируется обеспечить введение в строй 450 МВт новых мощностей по технологии CSP[18].

Монополистом в сфере тунисской энергетики является государственная компания Societe Tunisienne de l'Electricite et de Gaz (STEG – Тунисское общество электроэнергии и газа). Она контролирует до 92% установленных мощностей страны. Ее дочерняя фирма STEG ER (Energie renouvelable) работает в сфере финансирования проектов зеленой энергетики. Единственным независимым участником в энергетическом секторе выступает Carthage Power Company, в управлении которой находится электростанция комбинированного цикла мощностью 470 МВт.

В начале 2023 г. представители Министерства энергетики, добывающей и обрабатывающей промышленности Туниса объявили о том, что с целью ускорения процесса энергетического перехода планируется увеличить мощности зеленой энергетики до 1700 МВт к 2025 г., для чего будет объявлен ряд тендеров на осуществление проектов в этой сфере, а именно сооружение около десяти гелиостанций мощность до 100 МВт каждая и восьми ветровых электростанций мощностью по 75 МВт. Общая стоимость проектов оценивается в 1,6 млрд долл.[19]

Говоря о перспективах энергетического перехода в Тунисе, нельзя не упомянуть компанию TuNur, позиционирующую себя как «независимую фирму, работающую в Европе и Африке в сфере выработки и передачи зеленой энергии, производства зеленого водорода»[20] со штабквартирой в столице Туниса и сотрудничающую с предпринимателями Италии, Франции, Великобритании. В 2017 г. ею был разработан проект строительства термодинамической гелиостанции на юге страны с целью ее дальнейшей интеграции в энергосистему Туниса, а также поставок электроэнергии в Европу, для чего планируется проложить подводный кабель по дну Средиземного моря в Италию. Ожидается, что про-

---

[18] Republique Tunisienne. Ministere de l'Industrie, des Mines et de l'Energie. URL: https://www.energiemines.gov.tn/fr/themes/energies-renouvelables/strategie-objectifs-et-orientations/ (accessed: 07.02.2024).

[19] N. Orto. Tunisia's Plan for Renewable Energy: Chances and Challenges. 03.03.2023. URL: https://fanack.com/economy/features-insights/tunisias-plan-for-renewable-energy-chances-and-challenges~255716/ (accessed: 30.01.2024).

[20] TuNur. URL: https://www.tunur.tn/ (accessed: 07.02.2024).

ект ElMed, финансируемый совместно тунисской STEG и итальянской компанией при финансовой поддержке Всемирного банка и ЕС, будет осуществлен к 2028 г. Он позволит передавать часть излишков зеленой электроэнергии в Европу, в то же время получая оттуда необходимую электроэнергию в периоды ее дефицита.

TuNur также имеет амбициозные планы в области производства зеленого водорода и зеленого аммиака в Тунисе с целью их использования в стране и экспорта в страны Европы (Италию, Австрию и Германию) по т. н. "SouthH2 Corridor" (водородопроводу из Туниса на европейский континент)[21].

Представляется, что подобные планы в настоящее время выглядят мало реалистичными, поскольку Тунис не обладает пока ни достаточным производством зеленой энергии (в случае производства зеленого водорода методом электролиза), ни избытками природного газа (для выработки на его основе голубого водорода), чтобы обеспечить собственные, а тем более экспортные потребности в этом виде чистого топлива.

Первостепенную роль должен сыграть энергетический переход в процессе достижения климатической нейтральности Туниса к 2050 г. В 2022 г. в стране была разработана и принята Стратегия углеродно-нейтрального и климатически устойчивого развития на период до 2050 г., в которой ставятся задачи развития возобновляемой энергетики, повышения энергоэффективности хозяйства (в частности, за счет реформирования энергопотребления на транспорте, в жилом секторе), цифровизации энергетического сектора. В документе указываются конкретные задачи на период 2020–2050 гг. – так, установленная мощность зеленой энергетики должна составить 18 ГВт[22]. В качестве одного из условий указывается на необходимость стратегического партнерства со странами, достигшими успехов в данной области, в частности с ЕС. Определенные перспективы для этого открывает подписание летом 2023 г. Меморандума о взаимопонимании между Тунисом и ЕС, в котором одним из пунктов предусмотрено сотрудничество в области зеленой энергетики (в том числе производства зеленого водорода), что должно ускорить процесс энергоперехода в Тунисе к взаимной выгоде всех участников[23].

По данным Стратегии, расходы из госбюджета на заявленные цели реформирования экономики в направлении климатической устойчиво-

---

[21] TuNur. URL: https://www.tunur.tn/tunisias-national-green-hydrogen-strategy/ (accessed: 07.02.2024).

[22] Republique Tunisienne. Strategie de Developpement Neutre en Carbone et Resilient aux Changements Climatiques a l'Horizon 2050. Octobre 2022. P. 32.

[23] The European Union and Tunisia: political agreement on a comprehensive partnership package. 16.07.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_3881 (accessed: 08.02.2024).

сти в период 2021–50 гг. составят 22,69 млрд долл. (0,02% ежегодных расходов бюджета в 2021–2030 гг. и 0,03% в дальнейшем)[24]. Понятно, что осуществление амбициозных программ, в частности, в сфере ВИЭ, потребует дополнительных финансовых средств. Для этого будет создан Национальный фонд по адаптации и устойчивости, задачей которого станет мобилизация и распределение поступающих из различных источников финансовых ресурсов. Руководство Туниса рассчитывает на активное участие международных доноров и частных национальных инвесторов.

В настоящее время участие частных инвесторов в проектах возобновляемой энергетики недостаточно. Существует целый ряд перспективных вариантов активизации участия частного сектора: развитие рынков капитала (зеленые облигации и углеродный рынок), финансирование на основе совместного государственно-частного партнерства, исламский банкинг. Препятствиями выступают отсутствие прозрачности в отношении рентабельности и трудности с оценкой рисков подобных проектов, длительные сроки их окупаемости. Новая нормативная база и государственные стимулы будут иметь ключевое значение для направления частных финансовых средств в зеленый рост. И, конечно, основным условием является политическая и социальная стабильность в стране, благоприятная для инвесторов экономическая ситуация – всего этого пока не хватает Тунису.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Газовая промышленность Туниса. 2022.10.03. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/1058/ (дата обращения 30.01.2024).
2. The European Union and Tunisia: political agreement on a comprehensive partnership package. 16.07.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_3881 (accessed: 08.02.2024).
3. IRENA. Tunisia Energy Profile. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Africa/Tunisia_Africa_RE_SP.pdf (accessed: 30.01.2024).
4. IRENA 2021. Republique Tunisienne. Evaluation de l'etat de preparations aux energies renouvelables. Juin 2021. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jun/IRENA_RRA_Tunisia_2021_FR.pdf?rev=1cab255a16d245b1b06e3bbcdf6178a1 (accessed: 30.01.2024).
5. N. Orto. Tunisia's Plan for Renewable Energy: Chances and Challenges. 03.03.2023. URL: https://fanack.com/economy/features-insights/tunisias-plan-for-renewable-energy-chances-and-challenges~255716/ (accessed: 30.01.2024).
6. Republique Tunisienne. Agence Nationale pour la maitrise de l'energie. URL: https://www.anme.tn/fr/content/biomasse-1#:~: text=En%20se%20r%C3%A9f%C3-

[24] Republique Tunisienne. Strategie de Developpement Neutre en Carbone et Resilient aux Changements Climatiques a l'Horizon 2050. Octobre 2022. P. 70.

%A9rant%20au%20bilan, production%20du%20bois%20de%20charbon (accessed: 05.02.2024).

7. Republique Tunisienne. Agence Nationale pour la maitrise de l'energie. URL: https://www.anme.tn/fr/content/eolien (accessed: 05.02.2024).
8. Republique Tunisienne. Ministere de l'Industrie, des Mines et de l'Energie. URL: https://www.energiemines.gov.tn/fr/themes/energies-renouvelables/strategie-objectifs-et-orientations/ (accessed: 07.02.2024).
9. Republique Tunisienne. Strategie de Developpement Neutre en Carbone et Resilient aux Changements Climatiques a l'Horizon 2050. Octobre 2022. P. 18. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Strat%C3%A9gie%20de%20d%C3%A9veloppement%20neutre%20en%20carbone%20et%20r%C3%A9silient%20-%20Tunisie.pdf (accessed: 20.10.2023).
10. La Transition Energetique en Tunisie: Contraintes actuelles et potentiels futurs. Forum Ibn Khaldoun pour le developpement. 25.01.2023. URL: https://forumibnkhaldoun.org/blog/2023/01/24/la-transition-energetique-en-tunisie-contraintes-actuelles-et-potentiels-futurs/ (accessed: 30.01.2024).
11. Tunisia Climate Change Data. URL: https://www.climatewatchdata.org/countries/TUN?end_year=2020&start_year=1990 (accessed: 20.10.2023).
12. Tunisia Oil. URL: https://www.worldometers.info/oil/tunisia-oil/ (accessed: 01.02.2024).
13. TuNur. URL: https://www.tunur.tn/ (accessed: 07.02.2024).
14. Update of the Nationally Determined Contribution of Tunisia. Executive summary of the 1st Updated NDC of Tunisia. October 2021. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022–08/CDN%20-%20updated%20executive%20summary.pdf (accessed: 19.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Соловьева Зоя Александровна – канд. экон. наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Solovieva Zoya A. – PhD (econ.), Research Fellow, Center for Arab and Islamic studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 14.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 28.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 14.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 28.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2227-5568 (Print)

Original article. Economics studies
УДК 338(510)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-127-145

HONG KONG PORT: THE FORMER AND FUTURE LEADER OF THE PORT INDUSTRY?

Nelli Semenova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
semenovanelli-2011@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7872-8972

Abstract. The special status of Hong Kong and the specifics of its historical development have an impact on the current state of the economy, including the port development of the Special Administrative Region of the People's Republic of China. The article analyzes the place of Hong Kong in the global and regional port systems, the history of the economic and political formation of Hong Kong, the economic indicators of the port over a thirty-year period.
*Investigating the cau*ses of the economic decline, the author comes to the conclusion that the reasons for the weakening of the economy of Hong Kong container ports are a combination of several factors, including increased competition within and outside the industry, especially from the port cities of mainland China, the expansion of buyers' opportunities for air and rail transportation, etc. The problem of Chino-American trade significantly increases these risks. Ports in China and other countries are becoming more competitive, putting pressure on Hong Kong. Despite the fact that the global rating of Hong Kong Port has declined in recent years, it has not lost its status as a center of high-quality logistics services. On the contrary, in the face of increasingly fierce competition from nearby ports, the container traffic of Hong Kong ports is still among the top ten in the world, reflecting its reliable logistics infrastructure and professional logistics service capabilities.

Keywords: Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, history, port economy, economy, development prospects

For citation: Semenova N. K. Hong Kong Port: the former and future leader of the port industry? *Eastern Analytics*. 2024;(1):127-145. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-127-145

Научная статья. Экономические науки

ПОРТ ГОНКОНГА: БЫВШИЙ И БУДУЩИЙ ЛИДЕР ПОРТОВОЙ ОТРАСЛИ?

Нелли Кимовна Семенова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
semenovanelli-2011@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7872-8972

Аннотация. Особый статус Гонконга и особенности его исторического развития оказывают влияние на современное состояние экономики, в том числе портовое развитие Специального административного района Китайской Народной Республики. В статье анализируется место Гонконга в глобальной и региональной портовой системе, истории экономического и политического становления Гонконга, экономических показателей порта за тридцатилетний период.



Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Семенова Н. К., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Исследуя причины экономического спада, автор приходит к выводу, что причинами ослабления экономики контейнерных портов Гонконга является совокупность нескольких факторов, в том числе усиление конкуренции внутри и за пределами отрасли, особенно со стороны портовых городов материкового Китая, расширение возможностей покупателей для авиа- и железнодорожных перевозок и т. д. Проблема китайско-американской торговли существенно увеличивает эти риски. Порты Китая и других стран становятся более конкурентоспособными, оказывая давление на Гонконг. Несмотря на то, что глобальный рейтинг порта Гонконга в последние годы снизился, он не утратил статуса центра качественных логистических услуг, напротив, в условиях все более жесткой конкуренции со стороны близлежащих портов контейнерные перевозки портов Гонконга по-прежнему входят в десятку лучших портов мира, что отражает надежную логистическую инфраструктуру и возможности профессионального логистического обслуживания.

Ключевые слова: Гонконг, специальный административный район Китайской Народной Республики, история, портовое хозяйство, экономика, перспективы развития

Для цитирования: Семенова Н. К. Порт Гонконга: бывший и будущий лидер портовой отрасли? *Восточная аналитика.* 2024;14(1):127-145. (На англ. яз.). https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-127-145

With more than 150 years of maritime development history, Hong Kong has become one of the largest maritime centers in the world, which plays a decisive role in the functioning of the modern global maritime industry. International Shipping Centers (MSC) are important port cities that distribute shipping resources on a global scale based on high-quality port facilities, advanced logistics systems and key geographical points provided by high-quality delivery services. From an economic standpoint, ports play a significant role in the comprehensive growth of cities and possess the potential to exert a significant stimulative effect on the economy of the interior. As a hub connecting various modes of transport, such as railways, highways, aviation and pipelines, ports are an indispensable component of the transport network. At the same time, ports are the gateway for the foreign trade of a country or region. The efficiency of ports is directly related to the effectiveness of foreign economic cooperation. In addition, the development of ports is closely linked to the economic security of the country. Ports initiate the socio-economic growth of the region and serve as centers of social activity. Ports are also a major source of employment.

Today, Hong Kong is one of several hub ports serving the Southeast and East Asian regions and is an economic gateway to mainland China. The port is part of the Maritime Silk Road, which runs from the Chinese coast through the Suez Canal to the Mediterranean Sea and from there to the Upper Adriatic region of Trieste, which is connected by rail to Central and Eastern Europe.

Taking into account its special status, features of historical development, and influence on the current state of the world and regional economies, including in the port sector and maritime transport system, Hong Kong is a sought-after

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Semenova N. K., 2024
© Eastern Analytics, 2024

site for scientific research. Domestic scientific thought mainly examines general issues relating to Hong Kong, in particular: the role of Hong Kong in the context of economic processes in the Asia-Pacific region (APR) [Fainshmidt, Fedorenko, 2020, pp. 133–150], Hong Kong as a financial gateway to China [Litvinova, 2021, pp. 237–245] and as a global financial center [Shkaruppa, Mustafin, 2020, pp. 205–213], features of economic activity in the SAR PRC Hong Kong [Ivshin, Kremleva, Bochkov, 2018, pp. 303–312], and political future of Hong Kong [Stepanov, 2020, pp. 21–30]. More specialized topics are also explored, for example, the peculiarities of the formation of an urban agglomeration in the Pearl River Delta [Glazunov, Chichinova, 2021, p. 90–101], the interaction of the economies of Hong Kong and mainland China [Novopashin, 2015], legal issues of environmental regulation of shipping activities in Hong Kong [Nozdrina, Novikov, Slabkaya, 2022, pp. 492-498], etc. Hong Kong itself, as one of the leading seaports, is not given enough attention in the domestic bibliography. Foreign, especially Chinese, studies of the port cluster of the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area [Ding, at all, 2023, pp. 1577–1588] and its participation in the global shipping network [Wang, Chen, Wei, 2022, pp. 236–246] are more widely represented.

Hong Kong's place in the global and regional port system

Table 1. Capacity indicators and port capacity growth coefficients of the economies of the East Asian Port System 2000-2020, MM TEU (data rounded)

№	Year / Economy	2000	2010	2020	Growth rate, 2020/2000 (%)	Growth rate, 2020/2010 (%)
1.	China	41,00	131,99	245,10	498	86
2.	Singapore	17,10	29,15	36,87	116	26
3.	Republic of Korea	9,03	18,52	28,43	215	53
4.	Malaysia	4,64	16,84	26,66	475	58
5.	Japan	13,10	18,97	21,39	63	13
6.	Hong Kong (PRC)	18,10	23,60	17,33	–4	–27
7.	Taiwan (PRC)	10,51	12,50	14,59	39	17
8.	Indonesia	3,80	9,01	14,03	269	56
9.	Vietnam	1,19	5,89	12,42	944	111
10.	Thailand	3,18	6,82	10,21	221	50
11.	Philippines	3,03	5,59	7,51	148	34
12.	Cambodia	0,25	0,29	0,76	205	167
13.	North Korea	–	–	–	–	–

Symbols: «*»– data for 2007, previously container handling
was not carried out in the ports of Cambodia; «-» – no data.

Source: compiled and calculated by the author according to: [Hai Shi Chu, 2022;
The World Bank Group, 2022; The World Bank Group, 2023; Port of Hong Kong in Figures, 2005;
Gan Kou Ji Hai… 2021; Wang Baixun, 2014, pp. 135–166].

The Hong Kong Special Administrative Region (SAR) of the People's Republic of China (香港) and the port of the same name are located in the heart of the Far Eastern Trade Route in the center of the rapidly developing Asia-Pacific region. Hong Kong, the recent world leader in the port industry, is ranked 6th in the regional ranking of the East Asian Port System as of 2020. [tab. 1].

Despite the decline in indicators, Hong Kong, as of June 2022, ranked second in the Asia-Pacific region in terms of the economic competitiveness index [Business World, 2022] and 5th globally. Also, Hong Kong has been a world-famous offshore market and financial center with deep international influence for many years and occupies leading positions in international ratings of the maritime transportation industry and related industries:

- 4th place in the tonnage of deadweight of registered vessels (205,092 MM deadweight tons), the share of the total global deadweight of Hong Kong in 2021 was 9.6%, an increase of 1.8% by 2020 [Unctad, 2022];
- 5th place in the ranking of the largest ship-owning economies in terms of the share in the carrying capacity of the world fleet with an indicator of more than 11 % [Clarkson's Research, 2021; Unctadstat, 2021(1)];
- 6th place in the ranking of leading economies according to the Index of Linear Shipping Services by the results of Q4 2021; by the results of Q2 2022, the port of Hong Kong moved to 10th place [Unctadstat, 2021 (2)];
- 7th place in the world ranking of the leading economies in terms of container ports cargo traffic [Lloyd's List, 2021] and in the ranking of container ports of the world in terms of capacity (9th in 2020, 8th in 2019) [Unctadstat, 2021 (3); Statista, 2022; 2021 Quan Qiu...];
- 9th place in the ranking of the largest ship-owning economies [Clarkson's Research, 2021];
- 10th place in the ranking of economies in terms of the number of ship arrivals at ports and the average time spent in port [Clarkson's Research, 2021; Unctadstat, 2021 (4)];
- Hong Kong Orient Overseas Container Lines (OOCL has been part of the COSCO Group since 2018; author's note) was named the "Best Shipping Line - Intra-Asian" [OOCL, 2021] at the Asian Freight, Logistics and Supply Chain (AFLAS) Awards ceremony in 2021 [Alphaliner, 2022];
- 32nd place (23rd in 2020) in the list of leading ports by cargo turnover [Quanqiu Shofa, 2021].

Hong Kong as an International Shipping Center (ISC)

Hong Kong was part of the first wave of industrial countries, the so-called "Asian tigers", and has been in a leadership position in the port sector for decades. The Port of Hong Kong is one of the region's important hub ports and a

transit port on the mainland, receiving approximately 60% of the route's total container throughput. With an average throughput of 67 K TEU per day, the Port of Hong Kong is one of the busiest ports in the world. In total, Hong Kong received 62,477 K flights of ocean and river vessels in 2021 [tab. 2].

The Port of Hong Kong provides container liner services with frequent sailings and extensive coverage. Hong Kong is home to 800 maritime companies providing a variety of maritime services. There are approximately 270 international container ships every week, connecting almost 600 destinations around the world. "One Belt, One Road" covers 150 countries around the world, and the port of Hong Kong has sea freight connections with more than 90 of them. Hong Kong International Airport is the busiest international cargo airport in the world. In 2021, approximately 120 airlines operated flights between Hong Kong International Airport and approximately 150 destinations worldwide (including approximately 15 mainland destinations) [Gang Kou Ji Jian…].

Based on the results of 2022, MSC Hong Kong ranks 32nd in 2021 and 23rd in 2020 in the ranking of the largest ports in the world in terms of cargo turnover, with an indicator of 213.73 MM tons (-14.3% by 2020) [Quanqiu Shofa, 2021; tab. 1] and 9th place in terms of container throughput with an indicator of 16.69 MM TEU [Marine Department SAR, 2023], 17.77 MM TEU in 2021 (-1.1% by 2020) [Lloyd's List, 2021; tab. 2], of which about 14.6 MM TEU were handled at the Kwai Tsing Container Terminal, the remaining 3.2 MM TEU were handled at transshipment operations and other terminals [Hai Shi Chu, 2023].

Being located in the Special Administrative Region of the same name, the port of Hong Kong does not participate in the national ranking of Chinese ports, but provides separate statistics according to which the indicators of the port of Hong Kong tend to decline [tab. 2].

The Hong Kong Special Administrative Region Government and the Mainland Government are working together to improve cross-border transport infrastructure to cope with increasingly close mutual economic cooperation and growing demand for cross-border passenger and freight transport. The Shenzhen Bay Highway Bridge and the Sheung Shui Lok Ma Chau Line, the Hong Kong-Zhuhai-Macao Bridge [Sou Hu, 2022], and the Guangzhou-Shenzhen-Hong Kong High-Speed Railway were built and put into operation.

With the growth of mainland ports and the congestion and high costs of Hong Kong ports, shippers gradually began to use mainland ports to ship goods directly, and Hong Kong trade evolved from transshipment trade to offshore trade (accounting for 13–14% of total Hong Kong trade) [Wang Luwen, 2017]. This means that the rate of added value of offshore trade is much lower than that of local exports and re-exports of products.

Table 2. The main Hong Kong port statistics for 2016–2020

Indicator	2016	2020	2021	Year-on-year percentage change, %	
				2020–2021	2016–2021
Total ship arrivals:	185 011	87 831	62 477	–28.9%	–19.5%
Ocean vessels:	16 256	22 001	27 642	–26.1%	–10.1%
marine cargo vessels	16 096	21 871	25 869	–26.4%	–9.1%
ocean passenger vessels	1773	130	160	+23.1%	–38.2%
River vessels:	157 369	65 830	46 221	–29.8%	–21.7%
cargo	72 810	58 996	45 058	–23.6%	–9.2%
passenger	84 559	6834	1163	–83.0%	–57.6%
Volume of ships arriving (thous. t)	521 638	433 702	302 260	–30.3%	–10.3%
ocean vessels	409 453	347 507	245 125	–29.5%	–9.8%
river vessels	112 186	86 195	57 135	–33.7%	–12.6%
Capacity of containers (thousand TEU)	19 813	17 969	17 798	–1.0%	–2.1%
At the parking place:					
Kwai Tsing	15 203	14 456	14 580	+0.9%	–0.8%
Other	4 609	3 513	3 219	–8.4%	–6.9%
By type of transport:					
sea	13 565	12 458	13 316	+6.9%	–0.4%
river	6248	5511	4482	–18.7%	–6.4%
Port cargo throughput (thous. t)	256 730	249 286	213 731	–14.3%	–3.6%
sea	164 084	149 174	149 256	+0.1%	–1.9%
river	92 646	100 111	64 475	–35.6%	–7.0%
Cross-border ferries, including cruise passenger transportation (thousand passengers)	29 113	1 260	357	–71.7%	–58.5%
Passenger transportation at sea ferry terminals:	24 952	844	0	–100.0%	–100.0%
Macau	20 704	698	0	–100.0%	–100.0%
Mainland China	4 248	146	0	–100.0%	–100.0%

Source: compiled by the author according to: [2021 Xiang Gan Gan Kou…]

Hong Kong is a free port and has a free trade policy. There are no trade barriers here. Import and export procedures are convenient, and there is no need to pay customs duties, which is rarely practiced in other ports in the world. These are the most important advantages of Hong Kong logistics.

Hong Kong's port economy

The maritime and port industries contributed HK$35.4 billion to Hong Kong's total domestic product (GDP) in 2020. This accounted for 1.4% of the total economic output of the Hong Kong SAR economy. Among them, the port and related segment accounted for about 35%, while the share of the shipping and maritime business services sectors in the industry was about 55% and 9%, respectively [Transport and Logistics Bureau, 2022; fig. 2a].

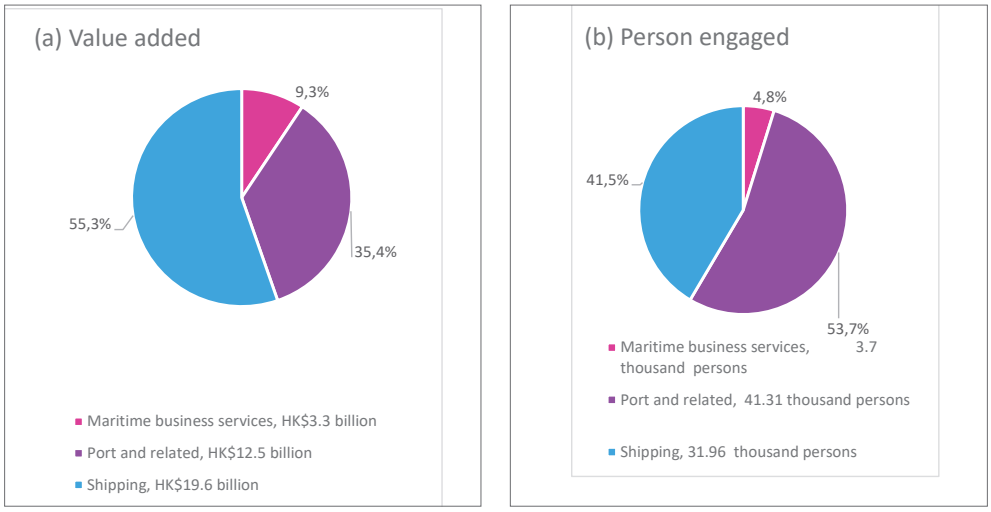


Fig. 1. Economic contribution of the Hong Kong maritime and port industry by sector in 2020. (a) Value added. (b) Persons Engaged (data rounded)
Source: [Transport and Logistics Bureau, 2022]

In 2020, Hong Kong's maritime and port industry employed 76.98 K people, accounting for 2.1% of total employment. Within this sector, ports and related services, shipping and maritime businesses accounted for about 54%, 42% and 5%, respectively of the total industry volume [fig. 2b].

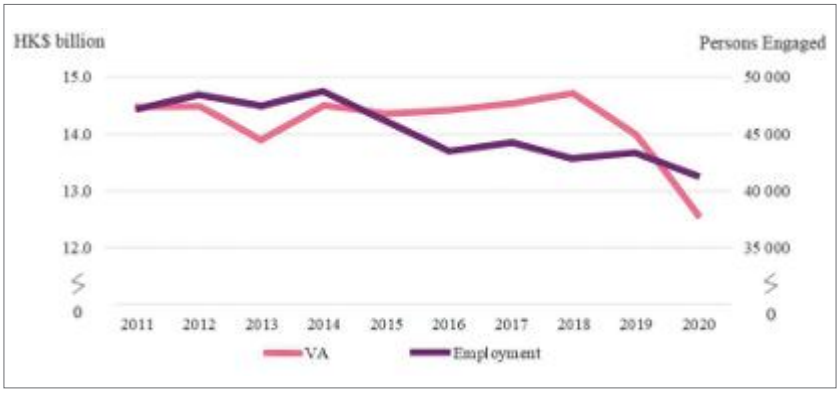


Fig. 2. Value added (VA) and employment of the port and related sector, 2011–2020, billion HK$ (Hong Kong dollar), K (K) persons
Source: [Transport and Logistics Bureau, 2022]

The port and port-related sector generated HK$12.5 billion annually, accounting for 0.5% of Hong Kong's GDP (2020). As the largest employer in the maritime and port industry, 41.31 K people were hired, accounting for 1.1% of Hong Kong's total employment. The notable decline in value added (VA) in

2020 was mainly due to lower container throughput during the pandemic, as well as an increase in the share of transshipment and empty containers at the Port of Hong Kong [fig. 3].

The shipping sector contributed HK$19.6 billion to Hong Kong's GDP in 2020, representing 0.8% of the economy. It employed about 31.96 K people, which is 0.9% of the total employment in Hong Kong [fig. 3]. The notable increase in business performance was primarily driven by higher freight rates amid supply chain disruptions caused by COVID-19.

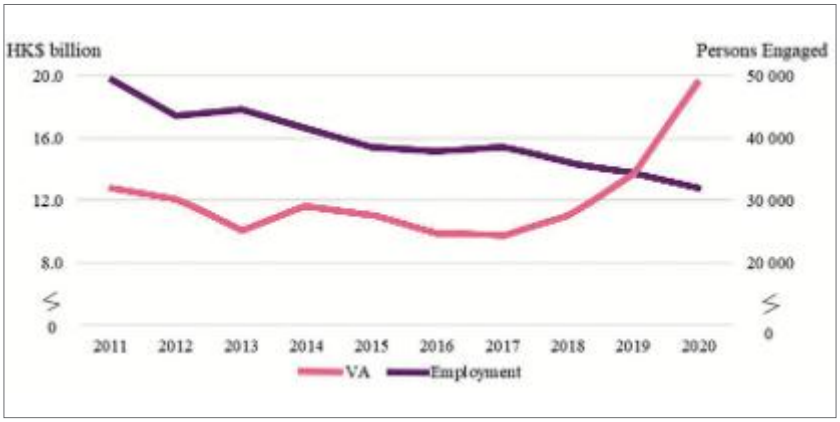


Fig. 3. Value added (VA) and employment of the shipping sector, 2011-2020, billion HK$ (Hong Kong dollar), thousand (K) persons

Source: [Transport and Logistics Bureau, 2022]

The maritime business services sector contributed HK$3.3 billion to Hong Kong's GDP in 2020, equivalent to 0.1% of the economy. However, ship finance remained the largest sub-sector in terms of VA, followed by shipbuilding and ship repair, which are the largest employers in this sector. The maritime business services sector employed 3.7 K people in 2020, representing 0.1% of Hong Kong's total employment.

As for the direct activities of the ports of Hong Kong, namely the throughput of sea cargo, based on the observation of dynamics for the period 1993–2021 [tab. 3], it is obvious that for sea freight unloaded, there is an uneven positive dynamic of the indicator in physical terms from 68.2 MM tons in 1993 to 84.7 MM tons in 2022, which is an increase of about 24% over the period, or about 0.83% of the average annual increase in the indicator. The largest volume of sea freight unloaded by capacity in the port of Hong Kong for the period 1993–2021 was recorded in 2014, when the figure was 130.5 MM tons. The lowest value for the period was recorded in 1993 (68.2 MM tons) [tab. 3].

Table 3. Dynamics of Hong Kong port cargo throughput and ocean cargo throughput in 1993–2022 (MM metric tons, %)

Year	Port cargo throughput						Ocean cargo throughput					
	Remove		Install		Total		Remove		Install		Total	
	1MM metric tons	Rate of change, %	1MM metric tons	Rate of change, %	1MM metric tons	Rate of change, %	1MM metric tons	Rate of change, %	1MM metric tons	Rate of change, %	1MM metric tons	Rate of change, %
1993	80.0	+13.4	38.1	+18.3	118.1	+14.9	68.2	+15.8	27.87	+13.7	96.1	+15.2
1994	92.8	+16.0	48.2	+26.4	141.0	+19.4	76.7	+12.4	34.3	+23.0	111.0	+15.4
1995	101.8	+9.6	54.1	+12.4	155.9	+10.6	87.1	+13.5	40.1	+17.1	127.2	+14.6
1996	100.9	–0.8	56.4	+4.1	157.3	+0.9	86.7	–0.4	39.2	–2.4	125.8	–1.1
1997	107.5	+6.5	61.7	+9.5	169.2	+7.6	92.0	+6.1	41.4	+5.6	133.3	+5.9
1998	106.9	–0.6	60.3	–2.3	167.2	–1.2	90.1	–2.0	37.4	–9.6	127.5	–4.4
1999	106.3	–0.5	62.5	+3.7	168.8	+1.0	88.6	–1.6	39.6	5.9	128.2	+0.6
2000	106.9	+0.6	67.7	+8.3	174.6	+3.4	88.0	–0.7	42.9	+8.4	130.9	+2.1
2001	110.5	+3.3	67.7	+0.05	178.2	+2.0	88.5	+0.6	42.2	–1.8	130.7	–0.2
2002	119.7	+8.4	72.8	+7.4	192.5	+8.0	93.4	+5.6	44.9	+6.4	138.3	+5.8
2003	128.6	+7.4	79.1	+8.6	207.6	+7.8	99.4	+6.3	49.3	+9.8	148.6	+7.5
2004	134.9	+4.9	86.0	+8.8	220.9	+6.4	104.6	+5.3	54.0	+9.6	158.6	+6.7
2005	141.0	+4.5	89.2	+3.7	230.1	+4.2	106.7	+2.0	54.8	+1.4	161.5	+1.8
2006	141.5	+0.4	96.7	+8.4	238.2	+3.5	106.6	–0.1	59.6	+8.9	166.2	+2.9
2007	141.3	–0.2	104.1	+7.7	245.4	+3.0	109.4	+2.7	67.9	+13.9	177.4	+6.7
2008	146.0	+3.3	113.4	+8.9	259.4	+5.7	110.2	+0.7	69.8	+2.7	180.0	+1.5
2009	139.3	–4.6	103.7	–8.6	243.0	–6.3	105.6	–4.2	56.0	–19.7	161.6	–10.2
2010	154.3	+10.7	113.6	+9.5	267.8	+10.2	114.5	+8.4	67.6	+20.7	182.0	+12.6
2011	157.8	+2.3	119.6	+5.3	277.4	+3.6	120.2	+5.0	74.7	+10.6	194.9	+7.1
2012	154.7	–2.0	114.6	–4.2	269.3	–2.9	117.5	–2.3	71.4	–4.5	188.9	–3.1
2013	162.3	+4.9	113.8	–0.7	276.1	+2.5	116.1	–1,2	68.2	–4.5	184.2	–2.4
2014	184.2	+13.5	113.6	–0.2	297.7	+7.9	130.5	+12.5	66.8	–2.0	197.3	+7,1
2015	152.8	–17.0	103.8	–8.6	256.6	–13.8	112.2	–14.1	56.4	–15.6	168.6	–14.6
2016	150.8	–1.3	106.0	+2.1	256.7	+0.1	110.3	–1.7	53.8	–4.6	164.1	–2.7
2017	174.6	+15.8	107.0	+1.0	281.6	+9.7	118.9	+7.8	58.0	+7.9	176.9	+7.8
2018	159.5	–8.6	99.0	–7.4	258.5	–8.2	109.8	–7.6	54.7	–5.8	164.6	–7.0
2019	170.9	+7.2	92.4	–6.7	263.3	+1.8	111.2	+1.2	50.2	–8.2	161.3	–2.0
2020	169.9	–0.6	79.4	–14.1	249.3	–5.3	103.6	–6.8	45.6	–9.1	149.2	–7.5
2021	134.9	–20.6	78.8	–0.7	213.7	–14.3	97.5	–5.9	51.8	13.6	149.3	+0.1
2022	121.1	–10.3	71.0	–9.9	192.1	–10.1	84.7	–13.1	45.3	–12.5	130.0	–12.9

Source: compiled by the author according to:
[Zheng Fu Tong Ji Chu (2023 (1), Zheng Fu Tong Ji Chu (2023 (2)]

By sea freight in the busy port of Hong Kong for the period 1993–2021, there is an overall uneven positive dynamic of the indicator in physical terms from 27.9 MM tons in 1993 to 45.3 MM tons in 2022, which is about 62.4% of the increase over the period, or about 2.08% of the average annual increase in the indicator. The largest volume of loaded sea freight by throughput in the port of Hong Kong for the period 1993–2021 was recorded in 2011, when the figure was 74.7 MM tons. The lowest value for the period was recorded in 1993 (27.9 MM tons) [tab. 3].

In terms of the total throughput of maritime cargo at the port of Hong Kong for the period 1993–2021, accordingly, there is also an overall uneven positive dynamic of the indicator in natural values from 96.1 MM tons in 1993 to 130 MM tons in 2022, which is about a 35.3% increase over the period, or about a 1.18% average annual increase in the indicator. The largest volume of total sea cargo throughput in the port of Hong Kong for the period 1993–2021 was recorded in 2014, when the figure was 197.3 MM tons. The lowest value for the period was recorded in 1993 (96.1 MM tons) [tab. 3].

The coronavirus (COVID-19) outbreak has caused a deep shock to the global economy, including the Hong Kong economy. As many countries went into lockdown, industrial production slowed, leading to major supply chain route cancellations, and also impacting maritime logistics. Congestion at ports has become commonplace, with container ships arriving at their destinations with significant delays. A significant amount of the world's container ship capacity was not utilized. This, in our opinion, mainly explains the sharp decline in performance at the port of Hong Kong in the period 2020–2022.

According to the Hong Kong Census and Statistics Department's ship, port cargo and container statistics for the fourth quarter of 2022 [Zheng Fu Tong Ji Chu, 2023 (1)], the port's cargo throughput fell by 11.0% in the fourth quarter of 2021 (-11.9% in 4Q 2021, -9.5% in 4Q 2020) compared to the same period of the previous year to 48.1 MM tons. Among them, inbound port cargo and outbound port cargo decreased by 11.7% and 9.9% (-15.6% and -4.8% in 2021), respectively, compared to the fourth quarter of 2021, to 30.1 MM tons and 18 MM tons [Sina Corp, 2022; tab. 4].

The total cargo turnover (river and sea cargo) of the port for the full year 2022 decreased by 10.23% (-14.3% in 2021) from the 2021 indicators and amounted to 192.1 MM tons (213.7 MM tons in 2021). Among them, the volume of incoming and outgoing port cargo decreased by 10.33% and 10.08% (-20.6% and -0.7% in 2021), respectively, from the previous year, reaching 121.06 MM tons and 71.04 MM tons (134.9 MM tons and 78.8 MM tons in 2021) (tab. 4). According to data for the 1st and 2nd quarters of 2023, the total cargo turnover (river and sea cargo) amounted to 41.2 MM tons and 44.5 MM tons, which demonstrates a decrease in indicators of 2.8 and 14.9%, respectively.

This allows us to conclude that the rate of decline in indicators is decreasing. Therefore, the data does not show that the complex geopolitical environment in the Taiwan Strait is affecting the operation of the Hong Kong port.

Table 4. Port of Hong Kong cargo throughput in 2018–2022, quarterly (thousand (K) metric tons, %)

Remove/install		Remove port cargo throughput		Install port cargo throughput		Total port cargo throughput	
Year	Season	thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %	thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %	thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %
2018	1	40 612	+1.6	25 079	–4.3	65 691	–0.7
	2	41 605	–5.1	24 495	–5.3	66 100	–5.2
	3	37 325	–15.4	24 373	–9.0	61 698	–13.0
	4	39 968	–14.3	25 084	–10.8	65 052	–13.0
Total for the year:		*159 509*	*–8.6*	*99 032*	*–7.4*	*258 541*	*–8.2*
2019	1	36 988	–8.9	22 073	–12.0	59 061	–10.1
	2	44 463	+6.9	24 842	+1.4	69 304	+4.8
	3	43 708	+17.1	23 468	–3.7	67 175	+8.9
	4	45 775	+14.5	22 000	–12.3	67 775	+4.2
Total for the year:		*170 933*	*+7.2*	*92 382*	*–6.7*	*263 315*	*+1.8*
2020	1	39 015	+5.5	18 150	–17.8	57 165	–3.2
	2	47 671	+7.2	19 785	–20.4	67 456	–2.7
	3	42 902	–1.8	20 426	–13.0	63 328	–5.7
	4	40 342	–11.9	20 994	–4.6	61 337	–9.5
Total for the year:		*169 931*	*–0.6*	*79 355*	*–14.1*	*249 286*	*–5.3*
2021	1	31 941	–18.1	17 233	–5.1	49 174	–14.0
	2	34 283	–28.1	20 729	+4.8	55 012	–18.4
	3	34 636	–19.3	20 870	+2.2	55 506	–12.4
	4	34 043	–15.6	19 995	–4.8	54 038	–11.9
Total for the year:		*134 904*	*–20.6*	*78 827*	*–0.7*	*213 731*	*–14.3*
2022	1	27 672	–13.4	14 735	–14.5	42 406	–13.8
	2	32 618	–4.9	19 656	–5.2	52 274	–5.0
	3	30 709	–11.3	18 641	–10.7	49 350	–11.1
	4	30 065	–11.7	18 009	–9.9	48 074	–11.0
Total for the year:		*121 064*	*–10.33*	*71 041*	*–10.08*	*192 104*	*–10.2*
2023	1	26 201	–5.3	15 019	+1.9	41 219	–2.8
	2	28 345	–13.1	16 158	–17.8	44 504	–14.9

Source: compiled by the author according to: Zheng Fu Tong Ji Chu (2023 (2))

At the end of 2022, the total cargo turnover (river and sea cargo) of the port of Hong Kong slightly slowed down the rate of decline. The negative dynamics amounted to -10.23%, and in physical units, they amounted to 192.1 MM tons (tab. 4). Among them, incoming port cargo and outgoing port cargo decreased by 10.33% and 10.08%, respectively, compared with 2021, reaching 121.1 MM tons and 71.0 MM tons [tab. 4].

Among port cargo, the volume of sea cargo in 2022 decreased by 12.9% compared to 2021 to 129.99 MM tons. In 2018, the decrease in sea cargo was 7%, in 2019 – 2%, in 2020. -7.5%; 2020: an increase of 0.1%; 2022: the decline in sea freight turnover significantly exceeded the five-year average and amounted to 12.9% [tab. 5, tab. 3].

Among port cargo, sea cargo recorded a decrease of 18.4% in the fourth quarter of 2022 (an increase of 2.6% in 2021) compared to the fourth quarter of 2020 to 37.8 MM tons [tab. 5].

Among port cargo, sea cargo in the fourth quarter of 2022 decreased by 18.4% compared to the fourth quarter of 2021 to 30.9 MM tons, while river cargo increased by 6.1% during the period. In the fourth quarter of 2021 to 17.2 MM tons [Zhitong Caijing, 2023; tab. 5]. When comparing data for the 1st and 2nd quarters, there is a decrease of 12.3 and 13%, respectively, compared to the same period in 2022, which is from 2018 to 2023 and records the largest percentage decline in the indicator. Which indicates a decrease in maritime traffic activity in the Hong Kong area due to the tense situation in the Taiwan Strait in 2023.

The main loading countries/regions that recorded double-digit declines in the weight of cargo arriving at ports (Q4 2022) were South Korea (-42.8%), Taiwan (-41.7% by 2021), Singapore (-27.5%), Vietnam (-18.4%), and the USA (-16.1%). Among outbound port cargoes, the top unloading countries/regions with double-digit weight declines were Australia (-37.9%), the US (-35.5%), Taiwan (-30.4%), Japan (-24.1%), Vietnam (-19.9%), and Thailand (-13.6%) [Zhitong Caijing, 2023].

The main loading countries/regions that recorded double-digit declines in the weight of cargo arriving at ports (Q4 2022) were South Korea (-42.8%), Taiwan (-41.7% by 2021), Singapore (-27.5%), Vietnam (-18.4%), and the USA (-16.1%). Among outbound port cargoes, the top unloading countries/regions with double-digit weight declines were Australia (-37.9%), the US (-35.5%), Taiwan (-30.4%), Japan (-24.1%), Vietnam (-19.9%), and Thailand (-13.6%) [Zhitong Caijing, 2023].

Based on the composition of cargo arriving at the port of Hong Kong in Q4 2022, compared to the same period in 2021, the main cargoes with a double-digit weight loss are oil, petroleum products and their products (-20.4% by 2021), artificial resins and plastics (-13.9%), stone, sand and gravel (-13.2%) and

engineering products (-10.0%). Among the cargoes leaving the port, the main cargoes with double-digit weight changes were stone, sand and gravel (up 18.5% by 2021) and machinery and equipment (-32.2%) [Zhitong Caijing, 2023].

Table 5. Sea cargo capacity of Hong Kong Port in 2018–2022, quarterly (K metric tons, %)

Transportation method				Shipping			
Remove/install		Remove port cargo throughput		Install port cargo throughput		Total port cargo throughput	
Year	Season	Thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %	Thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %	Thousand metric tons	Year-on-year percentage change, %
2018	1	27 051	–5.8	13 591	–2.9	40 641	–4.8
	2	28 637	–7.4	13 605	–11.5	42 242	–8.8
	3	26 711	–9.4	13 756	–5.4	40 468	–8.1
	4	27 478	–7.6	13 720	–2.7	41 198	–6.0
Total for the year:		109 878	–7.6	54 672	–5.8	164 550	–7.0
2019	1	25 084	–7.3	12 273	–9.7	37 357	–8.1
	2	29 530	+3.1	12 749	–6.3	42 279	+0.1
	3	27 246	+2.0	12 533	–8.9	39 779	–1.7
	4	29 293	+6.6	12 617	–8.0	41 910	+1.7
Total for the year:		111 152	+1.2	50 172	–8.2	161 324	–2.0
2020	1	24 897	–0.7	10 768	–12.3	35 665	–4.5
	2	27 911	–5.5	11 342	–11.0	39 253	–7.2
	3	25 795	–5.3	11 607	–7.4	37 402	–6.0
	4	24 974	–14.7	11 881	–5.8	36 855	–12.1
Total for the year:		103 577	–6.8	45 597	–9.1	149 174	–7.5
2021	1	22 401	–10.0	11 784	+9.4	34 185	–4.1
	2	24 907	–10.8	13 374	+17.9	38 281	–2.5
	3	25 445	–1.4	13 528	+16.5	38 972	+4.2
	4	24 707	–1.1	13 112	+10.4	37 819	+2.6
Total for the year:		97 459	–5.9	51 797	+13.6	149 256	+0.1
2022	1	20 618	–8.0	10 521	–10.7	31 140	–8.9
	2	22 366	–10.2	12 302	–8.0	34 669	–9.4
	3	21 658	–14.9	11 665	–13.8	33 323	–14.5
	4	20 022	–19.0	10 836	–17.4	30 858	–18.4
Total for the year:		84 664	–13.1	45 324	–12.5	129 989	–12.9
2023	1	18 148	–12.0	9 167	–12.9	27 315	–12.3
	2	19 767	–11.6	10 384	–15.6	30 151	–13.0

Source: compiled by the author according to: [Zheng Fu Tong Ji Chu (2023 (1)]

Among the cargoes that arrived at the port for the whole of 2022 compared to 2021, the main goods that recorded a double-digit weight loss were stone, sand and gravel (-20.2%), artificial resins and plastics (-15.9 %), oil, petroleum products and their products (-14.8%) and coal, coking coal and briquettes (-13.8%). Among outgoing port cargoes, the main cargoes whose weight decreased by half were stone, sand, and gravel (-27.2%), machinery and equipment (-23.2%) [Zhitong Caijing, 2023].

As for the container turnover of the port of Hong Kong, at the end of 2022, the port handled 16.69 MM TEU, which is 6.3% less than for the whole of 2021. Among them, the number of loaded containers decreased by 10.5% to 13.32 MM TEU, and the number of empty ones increased by 15.5% to 3.37 MM TEU. Among loaded containers, incoming and outgoing containers fell by 6.6% and 14.7%, respectively, to 7.25 MM TEU and 6.07 MM TEU. Amid them, the number of sea containers decreased by 16.1% compared to 2021 to 9.37 MM TEU, while the number of river containers increased by 6.2% to 3.95 MM TEU [Zhitong Caijing, 2023].

Based on the number of ships arriving at the Port of Hong Kong in 2022, the number of ocean-going ships increased to 16,735 (+2.9% by 2021), but their total capacity decreased by 0.8% to 243.2 MM tons. At the same time, the number of inland river vessels arriving in Hong Kong increased to 50,055 (+8.3% by 2021), and their total capacity also increased by 15.3% to 65.8 MM net tons. This confirms the thesis about the smooth transition of the PRC economy from an external to an internal "circuit" [Salitsky, Semenova, 2021, pp. 14–22].

One of the reasons for the significant negative dynamics, especially regarding maritime transport, seems to be the complex geopolitical situation in the regional port system under the influence of the "Taiwan Question".

Conclusion

The reasons for the weakening of Hong Kong's port economy are a combination of several factors, including increased competition within and outside the industry, especially from port cities in mainland China, as well as increasing buyer opportunities for air and rail transport. The issue of Sino-US trade significantly increases these risks. Ports in China and elsewhere are becoming more competitive, putting pressure on Hong Kong.

The expert community is exploring the reasons for the decline in economic, and, in particular, port, indicators. Various versions are discussed [Sou Hu, 2016; Wang Jian, 2016]. In our opinion, a combination of actions and factors, many of which at one time led Hong Kong to prosperity, over time became the causes of stagnation in the economy. And the following objective events have the most serious impact on these processes.

Firstly, even before reunification with mainland China, the economy of Hong Kong was developed, and the observed stagnation and decline of some indicators is an inevitable result of historical development and, to one degree or another, is observed in many countries where "hypertrophied development of the financial sector and successes in the political and economic control over the periphery were relegated to the background by industrial capital and the real sector" [Salitsky, Semenova, 2021, pp. 14–22].

Secondly, globalization has changed the original structure of industry and trade in East Asia, and Hong Kong's economy has difficulty adapting to these changes due to its service industry orientation, which also causes difficulties in integrating with the real economy on the mainland.

Third, the opening of mainland China to the outside world resulted in Hong Kong losing its status as the mainland's entrepôt trading center. With the growth of mainland ports and the congestion and high costs of Hong Kong ports, shippers gradually began to use mainland ports to ship goods directly. Hong Kong trade has evolved from transshipment trade to offshore trade, which accounts for about 14% of Hong Kong's total trade. The added value of offshore trade is much lower than that of local exports and re-exports of products.

Fourthly, in addition to the announced long-term trends, force majeure situations have a significant downward impact on the activities of the port of Hong Kong. One of them, caused by the COVID-2019 pandemic, has already been practically leveled out. But it was replaced by an even more unpredictable situation, namely, the tense situation in the Taiwan Strait provoked by the collective West.

It remains to be hoped that Hong Kong will soon again have the opportunity to demonstrate its unique advantages, namely economic freedom and openness. Hong Kong's unique status as a financial and commercial center cannot be changed. Hong Kong has been a world-renowned offshore market and financial center with deep international influence for many years. The mainland's powerful resources are also unmatched in Hong Kong, and further development in the future is only possible through mutual integration. The PRC leadership is doing a lot of work [The Government…, 2022] to maintain Hong Kong's status as an international maritime center.

Overall, as the situation between Russia and Ukraine continues and inflation in Europe and the US remains high, Hong Kong's export performance to the European and US markets is under pressure. In contrast, Hong Kong's export prospects to the ASEAN market are relatively bright. Mainland China's economic recovery is accelerating, and restrictions on cross-border land transport between Hong Kong and the mainland have already been lifted, which should ease some of the pressure on Hong Kong's exports. It is believed that Hong Kong's export performance should improve in the second half of 2023.

Литература / References

1. Ding W., Chen Z., Wang R., Xue T., Yao, H. (2023). The Review and Prospect of the Development of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Port Cluster and Its River-Sea Intermodal Transport System. In: Li Y., Hu Y., Rigo P., Lefler F. E., Zhao G. (eds) Proceedings of PIANC Smart Rivers 2022. PIANC 2022. Lecture Notes in Civil Engineering, vol. 264. Springer, Singapore. Pp. 1577–1588. DOI: 10.1007/978-981-19-6138-0_139.
2. Fainshmidt R. I., Fedorenko D. O. (2020). The transformation of the Hong Kong's role in the context of economic processes in the Asia-Pacific region. Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 133-150. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-133-150.
3. Glazunov D. A., Chichinova A. L. (2021). Features of urban agglomeration formation in the Zhujiang Delta. Bulletin No. 3 (136) of L. N. Gumilyov. Barnaul: Altai State University. Pp. 91-101. (In Russ.) DOI: 10.32523/2616-6887/2021-136-3-91-101.
4. Ivshin M. S., Kremleva D. D., and Bochkov D. A. (2018). Peculiarities of conducting economic activity in the special administrative region of China - Hong Kong (Xiang Gan). Society, science, and innovations (NPK-2018). Collection of articles from the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference: in 3 volumes. Vyatka State University. Pp. 303-312. (In Russ.)
5. Litvinova Y. G. (2021). Hong Kong as China's Financial Gateway. Society and State in China. Volume LI Part 1, No. 40 (1). Pp. 237-245. (In Russ.) DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-237-245.
6. Novopashin M. A. (2015). Major types of economic correlation between Hong Kong and mainland China, Magister Dixit. № 1(17). (In Russ.) URL: https://cyberleninka.ru/article/v/formy-vzaimodeystviyaekonomik-gonkonga-i-materikovogo-kitay.
7. Nozdrina N. A., Novikov A. V., and Slabkaya D. N. (2022). Legal regulation of administrative and criminal liability for pollution by ships in coastal waters: a generalization of the experience of Hong Kong. Matters of Russian and International Law. Vol. 12, Is. 9A. Pp. 492-498 (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2022.93.68.066.
8. Salitsky A. I., Semenova N. K. (2021). Two circuits: China defined with globalization // Asia and Africa today. № 9. Pp. 14–22 (in Russ.). DOI: 10.31857/S03215075001-6587-7.
9. Shkaruppa E. S., Mustafin T. (2020). Formation and development of Hong Kong as a global financial center. Methodological aspects of the study of the modern world economic system. Moscow. Pp. 205-213. (In Russ.)
10. Stepanov N. S. (2020). Economic and political future of Hong Kong // Finance and Management. № 2. Pp. 21-30. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7802.2020.2.33443.
11. Wang Baixun (2014). The Rise of International Shipping in East Asia // Ritsumeikan International Affairs. Vol. 12, pp. 135–166.
12. Wang Q., Chen W., and Wei C. (2022). Participation of the global shipping network in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. Tropical Geography [J], 42(02). Pp. 236–246. DOI: 10.13284/j.cnki.rddl.003431

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. 2021 Quan Qiu 30 Da Ji Zhuang Xiang Gang Kou 2021全球30大集装箱港口 (The world's top 30 container ports in 2021) (in Chinese). URL: https://www.bansard.com/cn/news/global – top – 30 – container – ports – 2021. (accessed: 15.10.2023).
2. 2021 Xiang Gan Gan Kou Tong Ji Nian Bao 2021香港港口統計年報 (2021 Hong Kong Port Statistics Annual Report) (in Chinese). https://www.mardep.gov.hk/en/fact/pdf/portstat_ast_2021.pdf (accessed: 19.10.2023).
3. Alphaliner (2022). TOP 100. URL: https://alphaliner.axsmarine.com/PublicTop100/ (accessed: 17.10.2023).
4. Business World (2022). PHL competitiveness ranking improves. URL: https://www.bworldonline.com/top-stories/2022/06/15/455047/phl-competitiveness-ranking-improves/ (accessed: 12.10.2023).
5. Clarksons Research (2021). Shipping Review and Outlook. URL: https://www.crsl.com/acatalog/shipping-review-and-outlook.html (accessed: 14.10.2023).
6. Gan Kou Ji Hai Shi Tong Ji Zi Liao Wen Jian Cun Dan 港口及海事統計資料-文件存檔 (Port and Maritime Statistics-Document Archive). Xiang Gan Gan Kou Tong Ji Shu Zi Yi Lan 香港港口统计数字一览 (Hong Kong port statistics at a glance 2021) (in Chinese). URL: https://www.mardep.gov.hk/hk/fact/portstat_archive.html (accessed: 12.10.2023).
7. Gang Kou Ji Jian Wan Shan Ji Di Li Wei Zhi Yu Yue 港口基建完善及地理位置優越 (The port infrastructure is perfect and the geographical location is superior) (in Chinese). URL: https://www.hkmpb.gov.hk/tc/world-class-hub-port.html (accessed: 18.10.2023).
8. Hai Shi Chu 海事處 (Marine Department) (2022). Xiang Gang Te Be Xing Zheng Qu Zheng Fu 香港特別行政區政府 (Marine Department. Hong Kong Special Administrative Region People's Republic of China) (in Chinese). URL: https://www.mardep.gov.hk/hk/fact/pdf/2000.pdf (accessed: 12.10.2023).
9. Hai Shi Chu 海事處 (Marine Department) (2023). Xiang Gang Bian Lan 香港便览 (Hong Kong Fact Sheet) // Xiang Gang Te Be Xing Zheng Qu Zheng Fu 香港特別行政區政府 (Government of the Hong Kong Special Administrative Region) (in Chinese). URL: https://www.mardep.gov.hk/sc/fact/pdf/thefacts_sc.pdf (accessed: 18.10.2023).
10. Lloyd's List (2021). One Hundred Ports. URL: https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/-/media/lloyds-list/imag es/top-100-ports-2021/top-100-ports-2021-digital-edition.pdf (accessed: 15.10.2023).
11. Marine Department SAR (2023). Ranking of Container Ports of the World (As at 22.09.2023). URL: https://www.mardep.gov.hk/en/fact/pdf/portstat_2_y_b5.pdf (accessed: 18.10.2023).
12. OOCL (2021). Named «Best Shipping Line – Intra-Asia» at the 2021 Asian Freight, Logistics and Supply Chain (AFLAS) Awards. URL: https://www.oocl.com/eng/pressandmedia/pressreleases/2021/Pages/1Nov2021.aspx (accessed: 17.10.2023).
13. Port of Hong Kong in Figures (2005). Edition. URL: https://www.mardep.gov.hk/en/fact/pdf/portstat_pamphlet05.pdf (accessed: 12.10.2023).
14. Quanqiu Shofa: 2021 Nian Quanqiu 50 Da Gankou Paiming Gongbu 全球首发：2021年全球50大港口排名公布 (World premiere: The ranking of the world's top 50 ports in 2021 is announced) (in Chinese). URL: (accessed: 17.10.2023).

15. Sina Corp (2022). Xiang Gan Tong Ji Chu: 2021 Nian Di Si Ji Xiang Gan Gan Kou Ho Wu Tun Tu Liang Wei Wan Gong Dun Tong Bi Xia De 香港统计处：2021年第四季香港港口货物吞吐量为5400万公吨 同比下跌11.9% (Hong Kong Census and Statistics Department: Hong Kong port cargo throughput in the fourth quarter of 2021 was 54 MM metric tons, a year-on-year decrease of 11.9%) (in Chinese). URL: https://finance.sina.com.cn/stock/hkstock/hkstocknews/2022-03-04/doc-imcwipih6638586.shtml (accessed: 24.10.2023).
16. Sou Hu 搜狐 (Sohu) (2016). Shanghai Zi Mao Qu Zai Xiangang Shuailo Ma? 上海自贸区会让香港衰落吗? (Will the Shanghai Free Trade Zone make Hong Kong decline?) (in Chinese). URL: https://www.sohu.com/a/110908029_114901 (accessed: 27.10.2023).
17. Sou Hu 搜狐 (Sohu) (2022). «Jiao» Rong Gou «Tong» Jiao Tong Fa Zhan Da Jian Nei Di Yu Xiang Gan Tong Xin Qiao «交»融 沟«通»—交通发展搭建内地与香港同心桥 («Communication», integrated communication and «connection» - transportation development builds a concentric bridge between the Mainland and Hong Kong) (in Chinese). URL: https://www.sohu.com/a/562925196_100031334 (accessed: 20.10.2023).
18. Statista (2022). Container throughput at ports worldwide from 2012 to 2021 with a forecast for 2022 through 2025 (in MM TEUs). URL: https://www.statista.com/statistics/913398/container-throughput-worldwide/#:~:text=In%202021%2C%20global%20container%20throughput,compared%20with%20the %20previous%20year (accessed: 15.10.2023).
19. The Government of the Hong Kong SAR (2022). Enhancing Hong Kong's status as an international maritime center. URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202202/23/P2022022300422.htm (accessed: 30.10.2023).
20. The World Bank Group (2022). Container port traffic, Indonesia (TEU, 20-foot equivalent units). URL: https://data.worldbank.org/indicator/IS.SHP.GOOD.TU?end=2020&start=2000 &view=chart (accessed: 12.10.2023).
21. The World Bank Group (2023). World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators# (accessed: 12.10.2023).
22. Transport and Logistics Bureau (2022). Study on the Economic Contribution of the Maritime and Port Industry in 2020. URL: https://www.hkmpb.gov.hk/document/Study_on_Economic_Contribution_of_Maritime_and_Por.pdf (accessed: 21.10.2023).
23. Unctad (2022). Maritime transport and infrastructure // Review of Maritime Transport 2021. Chapter 2: URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021ch2_en.pdf (accessed: 14.10.2023).
24. Unctadstat (2021 (1)). Merchant fleet by country of beneficial ownership. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView. aspx?ReportId=80100. (accessed: 14.10.2023)
25. Unctadstat (2021 (2)). Liner shipping connectivity index. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId =92. (accessed: 14.10.2023).
26. Unctadstat (2021 (3)). Maritime transport. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView. aspx?ReportId= (accessed: 14.10.2023).
27. Unctadstat (2021 (4)). Container port throughput, annual. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=13321 (accessed: 17.10.2023).

28. Wang Jian 王建 (2016). Xiangang Jingzi Weihe Changzi Shuaitui? 香港经济为何长期衰退? (Why is Hong Kong's economy in recession for a long time?) (in Chinese). URL: https://finance.sina.cn/zl/2016-02-18/zl-ifxprucs6186801.d.html (accessed: 29.10.2023).
29. Wang Luwen (2017). Liang Xiang Shuju Jieshi Hong Kong Shuailo Zhenzheng Yuanyin 王律文:两项数据揭示香港衰落真正原因 (Wang Luwen: Two data reveal the real cause of Hong Kong's decline) (in Chinese). URL: https://hqsbonline.wordpress.com/2017/09/09/王律文:两项数据揭示香港衰落真正原因争鸣/ (accessed: 20.10.2023).
30. Zheng Fu Tong Ji Chu 政府統計處 (Census and Statistics Department) (2023 (1)). Xiang Gang Te Be Xing Zheng Qu Zheng Fu 香港特別行政區政府 (Census and Statistics Department of the Government of the Hong Kong Special Administrative Region) Hai Yun Ho Wu Tun Tu Liang 海運貨物吞吐量 (Ocean cargo throughput) (in Chinese). URL: https://www.censtatd.gov.hk/tc/ web_table.html?id=86# (accessed: 24.10.2023).
31. Zheng Fu Tong Ji Chu 政府統計處 (Census and Statistics Department) (2023 (2)). Xiang Gang Te Be Xing Zheng Qu Zheng Fu 香港特別行政區政府 (Census and Statistics Department of the Government of the Hong Kong Special Administrative Region) Gan Kou Ho Wu Tun Tu Liang 港口貨物吞吐量 (Port cargo throughput) (in Chinese). URL: https://www.censtatd.gov.hk/tc/web_table.html?id=410-55110 (accessed: 24.10.2023).
32. Zhitong Caijing 智通财经 (Zhitong Finance) (2023). Xiang Gang 2022 Nian Di Si Ji Gang Kou Ho Wu Tun Tu Liang Wei 4810 Wan Gong Dun Tong Bi Xia De 11.0% 香港2022年第四季港口货物吞吐量为4810万公吨 同比下跌11.0% (Hong Kong's port cargo throughput in the fourth quarter of 2022 was 48.1 MM tonnes, a year-on-year decrease of 11.0%) (in Chinese). URL: https://m.zhitongcaijing.com/content/detail/886011.html (accessed: 26.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Семенова Нелли Кимовна – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Semenova Nelly K. – PhD (Polit.), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 18.12.2023.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 18.12.2023.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 656.2(560)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-146-161

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ТУРЦИИ В 2010–2020-е ГОДЫ

Илья Викторович Федулов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ivran408@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3621-8234

Аннотация. В последнее время в Турции строятся новые скоростные дороги, происходит реконструкция существующих путей, проводятся работы по электрификации и устройству систем сигнализации и связи. Спроектированы, построены и введены в эксплуатацию первые отечественные пассажирские поезда и локомотивы.

В статье рассматривается текущее состояние инфраструктуры и подвижного состава железных дорог Турции, изменения, произошедшие с начала 2010-х годов. Приведены данные о доле железных дорог в пассажиропотоке и во внешнеэкономической деятельности. Делается попытка анализа соответствия железнодорожной инфраструктуры современным требованиям перевозок пассажиров и грузов.

Ключевые слова: Турция, железные дороги, электрификация, подвижной состав, пассажирооборот, транзит

Для цитирования: Федулов И. В. Железные дороги Турции в 2010–2020-е годы. *Восточная аналитика.* 2024;14(1):146-161. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-146-161

Original article. Economics studies

TURKISH RAILWAYS 2010–2020s

Ilia Fedulov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ivran408@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3621-8234

Abstract. The new high speed railways are being built in Türkiye. Existing tracks are being reconstructed, and work is being carried out on electrification and installation of signaling and communication systems. The turkish passenger trains and locomotives were designed, built and put into operation.

The article examines the current state of infrastructure and rolling stock of turkish railways, changes that have occurred since the beginning of the 2010s. Data are provided on the share of railways in passenger traffic and in foreign economic activity. An attempt is made to analyze the compliance of the railway infrastructure with modern requirements for the transportation of passengers and goods.

Keywords: Türkiye, Railways, Electrification, Rolling Stock, Passenger Transportation, Transit

For citation: Fedulov I. V. Turkish Railways 2010–2020s. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):146-161. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-146-161

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Fedulov I. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Железные дороги Турции в последние годы переживают подъем: строятся новые железнодорожные пути между городами, в городах строятся новые линии метро и линии пригородных поездов, для сокращения стоимости грузовых перевозок, снижения времени перевозок и оптимизации транспортных услуг строятся новые логистические центры в различных частях страны, проводится модернизация существующих железнодорожных путей и многое другое.

Схема железных дорог Турции на декабрь 2023 г. приведена на рисунке 1.

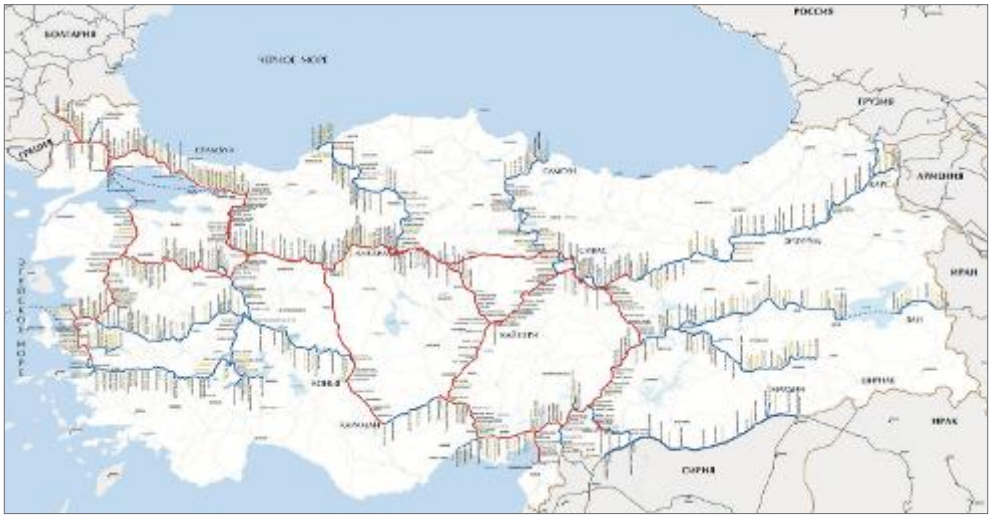


Рис. 1. Схема железных дорог Турции на декабрь 2023 г.

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. 2024 Şebeke bildirimi. Haritalar – sürüm 8.2. S. 87

Роль железных дорог во внешней торговле страны

Турция в последние годы стремится играть все большую роль в перенаправлении транзитных маршрутов с Востока на Запад через свою территорию. «Срединный коридор», связывающий Китай с Европой и проходящий мимо территорий России и Ирана, но через территорию Турции, в текущих геополитических условиях для некоторых потребителей транспортных услуг может оказаться предпочтительным.

Железные дороги Турции в транзите грузов могут играть более заметную роль. Во внешней торговле Турции железные дороги также могут играть значимую роль, обеспечивая быструю и надежную доставку грузов.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Федулов И. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Однако в настоящее время во внешней торговле железные дороги занимаю очень незначительную роль (см. таблицу № 1). Максимальное значение в 1,07% – доля от стоимости всего импорта было достигнуто железными дорогами в 2021 г., а максимальное значение в доле экспорта чуть менее 1% (0,97%) – в 2022 г. за рассматриваемый период с 2013 г. по 2022 г. Доля железных дорог во внешней торговле не только значительно меньше доли автомобильного и, тем более, морского транспорта, но и авиационного транспорта. Так, сумма импорта железнодорожным транспортом в 2021 г. был меньше импорта авиационным транспортом в 9 раз (2 891 млн долл. против 26 057 млн долл.), а в 2023 г. разница увеличилась до 27 раз (1996 млн долл. против 53 840 млн долл.) [1].

Таблица 1. Импорт/экспорт железнодорожным транспортом, *тыс. долл.*

Год	Импорт			Экспорт		
	Всего, *тыс. долл. США*	Железные дороги, *тыс. долл. США*	% от всего импорта	Всего, *тыс. долл. США*	Железные дороги, *тыс. долл. США*	% от всего экспорта
2013	260 822 803	1 784 905	0,68	161 480 915	994 652	0,62
2014	251 142 429	1 253 892	0,50	166504 862	964 170	0,58
2015	213 619 211	1 434 902	0,67	150 982 114	861 740	0,57
2016	202 189 242	1 768 602	0,87	149 246 999	673 816	0,45
2017	238 715 128	1 294 504	0,54	164 494 619	699 915	0,43
2018	231 152 483	1 299 419	0,56	177 168 756	753 544	0,43
2019	210 345 203	1 447 897	0,69	180 832 722	971 021	0,54
2020	219 516 807	2 144 863	0,98	169 637 755	1 287 765	0,76
2021	271 425 553	2 891 134	1,07	225 214 458	1 648 442	0,73
2022	363 710 111	2 967 903	0,82	254 169 748	2 457 286	0,97

Источник: Taşıma şekillerine göre ithalat, 2013–2023 (genel ticaret sistemi). 29.11.2023. URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=M9nnqLBA8I2DWrVwIYBKHx8v/M3W0J60Ayv/bsj6xHQutCmk2jqGw2osixi3d7eA; https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=twgIUU0K5kMXnqaqORKFiKcEQR72EFpWmSJgX4I6oALJT5ZR3KQwEtzSeg1SJdpp

На рис. 1 хорошо видно, что железные дороги в настоящее время не в полной мере могут раскрыть транзитный потенциал Турции. Связь с такими соседними странами как Болгария, Греция, Иран и Грузия – есть, с Арменией дорога закрыта после начала Первой Карабахской

[1] Taşıma şekillerine göre ithalat, 2013–2023 (genel ticaret sistemi) // Turkish Statistical Institute (TURKSTAT). 31.01.2024. URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=5B0vedKHtzmeTHWp38f9Lxv9SwX56QconYoPogZBsj30fppkFUa4zR2YgI0sYylH (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

войны, с Сирией дорога закрыта из-за гражданской войны в Сирии. Следует отметить, что связь с Ираном ограничена возможностями железнодорожной паромной переправы по озеру Ван в Восточной Анатолии.

Роль железных дорог в пассажиро- и грузообороте внутри страны

Внутри страны по перевозке пассажиров железные дороги значительно проигрывают автомобильному транспорту. На рис. 2 приведены изменения пассажиропотока с 2012 по 2022 гг. на автомобильном и ж/д транспорте в млн пассажиро-километров.

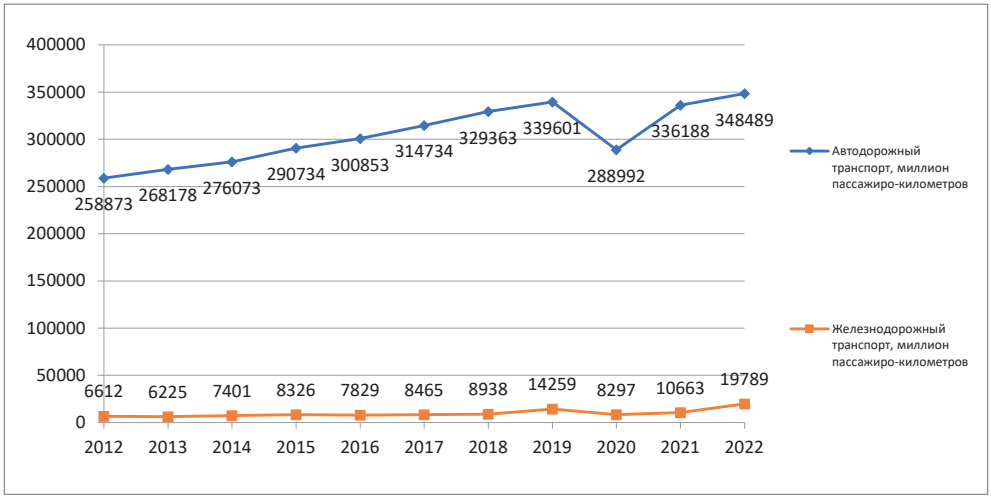


Рис. 2. Перевозка пассажиров автомобильным и железнодорожным транспортом, *млн пассажиро-километров*

Источник: Passenger transport – OECD Data // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://data.oecd.org/transport/passenger-transport.htm#indicator-chart; Passenger Transportation by Railways // Turkish Statistical Institute (TURKSTAT). URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=iBFnfSVifKSAkFEQj4Io9UiO5mktl1V5llV4wrAIKyYxUEmFBFTQ6AKSiqNaOsra

Динамика перевозок пассажиров и грузов в абсолютных величинах – тыс. пассажиров и тыс. т с 2012 по 2022 гг. приведена в таблице 2.

В табл. 2 и на рис. 2 хорошо видно резкое уменьшение пассажиропотока в 2020 г. – в период эпидемии COVID-19, затронувшей и Турцию. В разгар эпидемии COVID-19 28 марта 2020 г. было прекращено движение всех пассажирских поездов (региональных и высокоскоростных), кроме железнодорожных городских систем «Marmaray» в Стамбуле и «Başkentray» в Анкаре[2]. Грузовое движение сохранялось. Однако уже 28 мая 2020 г.

[2] Yolcu Tren seferleri geçici bir süre için durduruldu // ULAŞTIRMA MEMUR-SEN. 28.03.2020. URL: https://www.ulastirmamemursen.org.tr/yolcu-tren-seferleri-gecici-bir-sure-icin-durduruldu (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

было возобновлено высокоскоростное пассажирское движение с некоторыми ограничениями [3]. В частности, было уменьшено количество рейсов между городами Стамбулом, Анкарой и Коньей (всего 16 рейсов в день), уменьшена загрузка поездов на 50%, отменены перемена мест внутри поезда и предоставление питания. Следует отметить, что пассажирское движение на региональных линиях было восстановлено значительно позже, когда были сняты все ограничения, связанные с COVID-19.

Уменьшения в перевозке грузов в пандемийное время не произошло, однако рост перевозок в 2022 г. не был значительным.

Таблица 2. Перевозка пассажиров и грузов по ж/д Турции

Год	Кол-во пассажиров, *тыс.*	Изменение к предыдущему году, *%*	Перевозка грузов, *тыс. т*	Изменение к предыдущему году, *%*
2012	120 646		25 666	
2013	107 646	-11	26 597	4
2014	153 600	43	28 747	8
2015	182 759	19	25 878	-10
2016	176 631	-3	25 886	0
2017	182 790	3	28 469	10
2018	185 010	1	31 673	11
2019	246 013	33	33 536	6
2020	**148 314**	**-40**	**34 552**	**3**
2021	191 600	29	38 157	10
2022	318 114	66	38 897	2

*** Примечание: с 2013 г. перевозки пассажиров в транспортной системе «Marmaray» (İstanbul), а с 2018 в транспортной системе «Başkentray» (Ankara) включены в общую статистику пассажирских перевозок.

Источник: Türkiye İstatistik Kurumu (TÜİK). Demiryolları Uzunluğu, Tren, Yolcu, Yük Taşımaları ve Ton Kilometre. URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=11kshbpCLFZa48LxXjOxWXeJSnsgLFuoRA92FUNPjwz3XL4NBw60Ks7xlEVOB44M.

Как видно из рисунка 3, с 2015 г. начинается превышение пассажиропотока на высокоскоростных линиях. В 2022 г. пассажиропоток составил 3244 млн пассажиро-километров на высокоскоростных линиях против 2490 млн на основных линиях. В 2012 г., т. е. 10 лет назад ситуация была обратной: 2035 млн пассажиро-километров на основных линиях и 914 млн на высокоскоростных линиях.

[3] Covid-19 nedeniyle durdurulan tren seferleri yeniden başladı. 28.05.2020 // TRT Haber: Son Dakika Haberler ile Türkiye'nin Haber Kaynağı. URL: https://www.trthaber.com/foto-galeri/covid-19-nedeniyle-durdurulan-tren-seferleri-yeniden-basladi/26238/sayfa-1.html (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

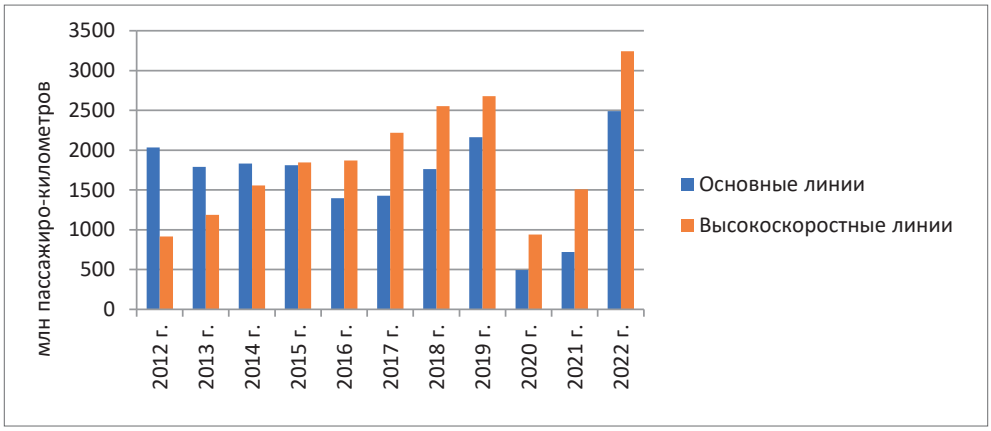


Рис. 3. Пассажирооборот скоростных и обычных линий, *млн пассажиро-километров*

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2018–2022. T. 3.1.5.

Состояние инфраструктуры и подвижного состава железных дорог

Соответствие железнодорожной инфраструктуры современным требованиям – определяющий фактор использования железных дорог в проекте повышении значимости Турции как транспортного коридора между Востоком и Западом. Наличие с одной стороны отлаженной системы морских перевозок и с другой стороны наличие старых однопутных железнодорожных путей, уменьшаю шансы использовать железнодорожный транспорт Турции в региональной и глобальной логистике. Также устаревшая инфраструктура тормозит экономическое развитие регионов Турции.

В таблице 3 приведен такой показатель как длина главных линий железных дорог (высокоскоростных и дорог стандартной скорости). Для дорог стандартной скорости (основные) показана протяженность электрифицированных участков.

Визуально уровень электрификации и распределение электрифицированных участков по территории страны можно оценить по рисунку 1, где показано разным цветом разделение на электрифицированные и неэлектрифицированные участки (красным и голубым цветом соответственно).

Из таблицы 3 мы видим, что без учета высокоскоростных линий протяженность существующих электрифицированных линий только в 2021 г. превысила длину неэлектрифицированных линий, хотя проводились работы по электрификации основных линий и до 2012 г. (в таблице 3 приведен период с 2012 г.).

Таблица 3. Длина турецких железных дорог (главные линии) и их электрификация

Год	Неэлектрифицированные	Электрифицированные			Всего, *км*
	Основные, *км*	Основные, *км*	Высокоскоростные линии, *км*	Скоростные линии, *км**	
2012	6802	2840	872	–	9642
2013	6796	2922	872	–	9642
2014	6757	3330	1184	–	10 087
2015	6708	3423	1184	–	10 131
2016	6275	3856	1184	–	10 131
2017	6041	4166	1184	–	10 207
2018	5531	4784	1184	–	10 315
2019	5308	5070	1184	–	10 378
2020	5233	5145	1184	–	10 378
2021	***5169***	***5377***	1184	204	10 546
2022	5054	5597	1212	204	10 651

* Под термином «скоростные линии» понимаются линии, способные пропускать поезда со скоростью 160–200 км/ч.

Источник: Length of railways, train kilometers, tonne kilometers and freight transport // Turkish Statistical Institute (TURKSTAT). URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=RkIe/hfGO8j/1PAuqfISqxVNBaqvZ4wQFqwi0EhO2tGfem5Ma0QhA/Zi7FgyNqnf

Данные о работах по электрификации в 2022 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4. Текущие рабочие проекты по электрификации линий в 2022 г.

Линия	Общая длина участка, *км*	Физический прогресс работы на 2022 г., *%*
Ханлы–Четинкая (Hanlı–Çetinkaya)	87	88
Торбалы–Ёдемиш–Чатал–Тире (Torbalı–Ödemiş–Çatal–Tire)	78	80
Кёсекёй–Гебзе (Köseköy–Gebze) 3-й, 4-й и 5-й пути	37	25
Алаюнт–Афьонкарахисар–Конья (Alayunt–Afyonkarahisar–Konya)	440	5
Всего	642	–

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. Faaliyet Raporu 2022. S. 121

В декабре 2023 г. были завершены работы по электрификации линии Ханлы–Четинкая [4]. Ожидается, что благодаря использованию электроэнергии на этом маршруте будет сэкономлено топлива на 277 млн лир ежегодно, и предотвращено около 67 тыс. т выбросов углекислого газа. Кроме того, вес грузового поезда между Кайсери и Сивасом может быть увеличен до 1800 т.

Интересно отметить, что Турция была одной из первых стран в мире, выбравших электрификацию напряжением 25 кВ, частотой 50 Гц в середине 50-х гг. XX в.

Одним из значимых факторов, определяющих конкурентоспособность железнодорожного транспорта, является тип шпал в рельсовой решетке. Деревянные шпалы сильно ограничивают вес и скорость поездов, особенно грузовых. В таблице 5 приведены длины путей с бетонными и старыми деревянными шпалами.

Таблица 5. Типы шпал на основных линиях железных дорог (без высокоскоростных участков)

	2012		2017		2022	
Тип шпал	Длина пути с указанным типом шпал, *км*	% от общей длины путей	Длина пути с указанным типом шпал, *км*	% от общей длины путей	Длина пути с указанным типом шпал, *км*	% от общей длины путей
Бетон	7546	86	8635	96	9094	98
Дерево	1224	14	388	4	141	2

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2008–2012, S. 27; T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2013–2017. S. 41; T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2018–2022. S. 33

Из таблицы 5 видно, что за последние 5 лет была проведена замена деревянных шпал на бетонные всего на 247 км основных путей. Можно отметить недостаточную интенсивность замены шпал на существующих линиях в настоящее время. Вероятно, это связано с концентрированием сил и средств на интенсивное строительство новых высокоскоростных магистралей, приносящее быстрый политический эффект.

Такие показатели верхнего строения пути как величина уклона и радиус кривых также имеют большое значение для оценки качества инфраструктуры железнодорожной линии. Чем больше уклон и меньше радиус кривой существующего пути, тем медленнее максимальная скорость поезда и тем меньше максимальный вес поезда. Или же наличие

[4] Hanlı-Çetinkaya hat kesiminin elektrifikasyon altyapisi tamamlandi // TCDD. 14.12.2023. URL: https://www.tcdd.gov.tr/haberler/hanli-cetinkaya-hat-kesiminin-elektrifikasyon-altyapisi-tamamlandi [Режим доступа: с турецкого ip-адреса] (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

участка с большим уклоном требует привлечения дополнительного локомотива для проводки поезда по этому участку (что используется на Восточном полигоне в России). К тому же маленький радиус кривых приводит к интенсивному износу колесных пар, что до настоящего времени является второй по величине статьей затрат на железных дорогах после топлива [5]. По сравнению с 2012 г. общая длина кривых с радиусом от 200 до 500 м выросла с 1576 км 1957 км (при том, что в 2022 г. остаются участки с крайне маленьким радиусом до 200 м общей длиной 13 км). Длины участков пути с большим уклоном (больше 20,1 тысячных) в 2022 г. составили 345 км против 220 км в 2012 г.

В общем, следует отметить, что железнодорожные линии восточнее г. Сиваса в сторону Армении, Ирана, Ирака и Сирии не были модернизированы для возможного пропуска современных грузов с приемлемой скоростью по транспортным коридорам, таких как Срединный Путь или планируемому коридору Индия–Ирак–Турция–Европа.

Эффективность работы железной дороги также зависит от количества мостов, тоннелей и водопропускных труб, а также величины допустимой нагрузки на ось, ограничивающей пропуск современных грузов.

В таблицах 6 и 7 приведены характеристики эксплуатируемых тоннелей, мостов и водопропускных труб.

Таблица 6. Действующие тоннели на железнодорожных линиях

Длина тоннеля, *м*		2012 г.	2022 г.		
		Всего	Основные линии	Высокоскоростные линии	Всего
1–1000	ед., *шт*	770	740	18	758
	Общая длина, *м*	146 239	152 165	7748	159 913
1001–2000	ед., *шт*	21	27	6	33
	Общая длина, *м*	26 473	36 488	8645	45 133
2001–3000	ед., *шт*	3	6	4	10
	Общая длина, *м*	6432	13 066	9749	22 815
3001–4000	ед., *шт*	3	4	4	8
	Общая длина, *м*	10 592	13 965	14 920	28 885
4001–5000	ед., шт	1	3	3	6
	Общая длина, *м*	4905	14 029	12 343	26 372

[5] Onur Uysal. Özel sektör tereddütlü: Ne istiyorlar? (Частные компании колеблются: чего они хотят?) // Rail Turkey Tr – Türkiye'nin demiryolu haber ve yorum sitesi. 18.10.2023. URL: https://tr.railturkey.org/2023/10/18/ozel-sektor-tereddutlu-ne-istiyorlar/ (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

Длина тоннеля, *м*		2012 г.	2022 г.		
		Всего	Основные линии	Высокоскоростные линии	Всего
5001 и больше	ед., *шт*	1	2	–	2
	Общая длина, *м*	5476	17 897	–	17 897
Всего	ед., *шт*	799	782	35	817
	Общая длина, *м*	200 117	247 610	53 405	301 015

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2008–2012. M. 3.1.12. S. 28; T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2018–2022. M. 2.2.11. S. 34.

Таблица 7. Действующие мосты и водопропускные трубы и их конструкционные материалы на железнодорожных линиях

Материал мостов и водопропускных труб		2012 г.	2022 г.					
		Всего	Основные линии		Высокоскоростные линии		Всего	
		Мосты и водопропускные трубы	Мосты	Водопропускные трубы	Мосты	Водопропускные трубы	Мосты	Водопропускные трубы
Сталь	кол-во, *ед.*	1306	567	264	1	–	568	264
	Общая длина, *м*	29 068	22 299	950	23	–	22 322	950
Железобетон	кол-во, ед.	11 733	989	10 184	97	750	1086	10 934
	Общая длина, *м*	34 238	27 446	22 312	16 445	1712	43 891	24 024
Каменные	кол-во, *ед.*	12 487	289	12 106	–	1	289	12 107
	Общая длина, *м*	24 662	9010	14 504	–	1	9011	14 505
Всего	кол-во, *ед.*	25 526	1845	22 554	98	751	1943	23 305
	Общая длина, *м*	87 968	58 755	37 767	16 468	1713	75 223	39 480

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2008–2012. M. 3.1.14. S. 29; T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2018–2022. M. 2.2.14. S. 36.

Уменьшение количества действующих тоннелей длиной до 1000 м в 2022 г. по сравнению с 2012 г. объясняется тем, что для спрямления пути были построены новые тоннели в районах Центральной и Восточ-

ной Анатолии (т. н. региональные Дирекции № 4 и 5 – участки железной дороги с центрами управления в городах Сивас и Малатья) [6].

В 2022 г. в эксплуатации находится 598 тоннелей старше 51 года, а в 2012 г. число таких тоннелей составляло 632 ед.

Таблица 8. Изменение количества мостов и водопропускных труб на высокоскоростных и обычных линиях по величине нагрузки на ось с 2012 по 2022 гг.

Нагрузка на ось, *тс*	Параметр	2012 г.	2022 г.	
		Мосты и водопропускные трубы*	Мосты	Водопропускные трубы
13,5	Кол-во, *шт.*	55	5	50
	Общая длина, *м*	218	98	120
15,5	Кол-во, *шт.*	82	2	80
	Общая длина, *м*	265	159	106
18,0	Кол-во, *шт.*	9	–	–
	Общая длина, *м*	12	–	–
20,0	Кол-во, *шт.*	15 563	71	1027
	Общая длина, *м*	51 936	2203	1407
22,5	Кол-во, *шт.*	9817	1865	22 148
	Общая длина, *м*	35 537	72 763	47

* В данных за 2012 г. нет отдельных данных по мостам и трубам

Источник: T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2008–2012. M. 3.1.16. S. 29; T. C. Devlet Demiryollari Işletmesi Genel Müdürlüğü. İstatistik yilliği / Annual statistics 2018–2022. M. 2.2.15. S. 37.

К 2022 г. осталось небольшое количество мостов и труб с малой осевой нагрузкой и они находятся только в управлении 7-й Региональной Дирекции: пять мостов и 50 труб с осевой нагрузкой не более 13,5 т и два моста и 80 труб с осевой нагрузкой не более 15,5 т. Но, к сожалению, количество таких мостов с 2012 г. не уменьшилось, что может свидетельствовать о малой готовности железных дорог в восточной части страны к высокоэффективному пропуску современных грузов.

Мосты на высокоскоростных линиях рассчитаны на осевую нагрузку 22,5 т.

Всего в 2022 г. в эксплуатации находилось 2254 мостов и 4132 водопропускных труб возрастом более 101 года.

[6] В железных дорогах Турции существуют 7 региональных Дирекций + Дирекция Высокоскоростных перевозок с центром в Анкаре. Центры Региональных Дирекций: 1 – Стамбул (İstanbul), 2 – Анкара (Ankara), 3 – Измир (İzmir), 4 – Сивас (Sivas), 5 – Малатья (Malatya), 6 – Адана (Adana), 7 – Афьонкарахисар (Afyonkarahisar).

Подвижной состав турецких железных дорог до недавнего времени был целиком зарубежного производства. Высокоскоростные поезда – HT65000 на базе испанского семейства скоростных поездов «Cepia» и HT80000 на базе серии «Veraro D/TR» немецкой компании «Siemens Mobility» (из серии «Velaro») [Федулов, 2023, с. 87], для городской линии «Мармарай» используются поезда TCDD E32000 южнокорейской фирмы «Hyundai Rotem». Полный перечень подвижного состава в статье не рассматривается, но следует отметить, что как магистральные, так и маневровые электровозы и тепловозы – зарубежного производства. Так, например, фирма «Arkas Rail», осуществляющая контейнерные перевозки из промышленных центров Турции (Кайсери, Анкара и пр.) в порты, закупает за 38,5 млн евро у «StadlerRail Valencia SAU» пять локомотивов типа «Stadler Euro Dual» (поставка в 2025 г.)[7]. Этот тип локомотивов оснащен одновременно дизельным и электродвигателями, при том что дизельный двигатель не является «двигателем последнего километра», а представляет собой полноценный мощный двигатель, сопоставимый по мощности с двигателями магистральных тепловозов. Ранее такие локомотивы (и позже двухдвигательные локомотивы «GE PowerHaul» транснациональной корпорации «General Electric») закупила турецкая компания «Körfez Ulaştırma», занимающая перевозками нефтепродуктов.

В мае 2023 г. состоялась первая поездка национального пассажирского электропоезда производства Turkish Railway Vehicles Industries Inc. (TÜRASAŞ)[8]. Поезд имеет алюминиевый корпус, рассчитан на максимальную скорость 160 км/ч, может проходить кривые с минимальным радиусом 150 м. Система тяги – распределенная. После запуска поезда в серию ожидается уровень локализации в 75%[9].

Также разработан в Турции и запущен в производство первый отечественный двухсистемный электровоз E5000. Тяговый двигатель, тяговый трансформатор и вспомогательная силовая установка также являются турецкими разработками и изготовлены в Турции. Максимальная скорость – 140 км/ч[10].

---

[7] Arkas'tan 38.5 Milyon Euro'luk Lokomotif Yatırımı // RayHaber | RaillyNews. 13.03.2023. URL: https://rayhaber.com/2023/03/arkastan-38–5-milyon-euroluk-lokomotif-yatirimi/ (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

[8] Türkiye's 1st domestic electric train starts operating // Daily Sabah | Latest & Breaking News from Turkey | Istanbul. 29.05.2023. URL: https://www.dailysabah.com/turkiye/turkiyes-1st-domestic-electric-train-starts-operating/news (accessed: 13.02.2024).

[9] Turkey relies on the national production of rolling stock // ROLLINGSTOCK | News and trends of railway rolling stock markets. URL: https://rollingstockworld.com/locomotives/turkey-relies-on-the-national-production-of-rolling-stock/#:~: text=According%20to%20Pez%C3%BCk%2C%20TCDD's%20current, significant%20investments%20in%20this%20sector (accessed: 13.02.2024).

[10] E5000 Elektrikli Anahat Lokomotifi // Türkiye Raylı Sistem Araçları Sanayi A. Ş. | TÜRASAŞ. URL: https://www.turasas.gov.tr/e5000-elektrikli-anahat-lokomotifi (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

Кроме того, производство собственных высокоскоростных поездов находится в планах турецкого правительства и постоянно озвучивается различными официальными лицами, включая президента Р. Т. Эрдогана.

Основные высокоскоростные дороги в стадии строительства и планируемые межгосударственные линии

В настоящее время (февраль 2024 г.) в различной степени завершенности находятся следующие проекты высокоскоростных дорог:

- Анкара–Измир;
- Халкалы–Капыкуле (Эдирне). Особенность этой трассы в том, что на ней предусматривается как высокоскоростное движение пассажирских поездов так и стандартное движение грузовых поездов до границы с Болгарией;
- Бандырма–Бурса–Енишехир–Османели для связи организации движения по маршрутам Анкара–Бурса и Стамбул–Бурса;
- Мерсин–Адана–Газиантеп;
- Караман–Улукышла (в продолжение линии Конья–Караман).

Проекты железных дорог стандартной скорости для соединения с Азербайджаном (Нахичеванской Автономной Республикой) через Карс и Ыгдыр, для нового соединения с севером Ирана также через Карс и Ыгдыр, а также проект «Путь развития» соединяющий Турцию и Ирак, находятся пока в стадии заявлений политиков и переговоров делегаций железнодорожных чиновников из соответствующих стран. Так, например, генеральный директор государственных железных дорог Турции (TCDD) г-н Хасан Пезюк 13 февраля 2024 г. заявил в Ираке, что «они обменялись мнениями с иракскими официальными лицами о том, как быстро реализовать инициативы, которые повысят эффективность проекта» [11]. Аналогичные по смыслу и практической значимости заявления были сделаны и во время визита генерального директора железных дорог Ирана и заместителя министра дорог и городского развития Ирана в Турцию в конце ноября 2023 г.

Политический фактор в строительстве железных дорог

Если работы по модернизации инфраструктуры железных дорог обычно не находят широкий отклик в медийной повестке внутри страны и во внешней политике, то такие крупные инфраструктурные проекты как строительство высокоскоростных железных дорог не только оказывают влияние на социально-экономическое развитие страны, но

[11] Basra Körfezi ‘Kalkinma Yolu’ Projesiyle Türkiye Üzerinden Avrupa’ya Bağlaniyor // TCDD – Haberler. 13.02.2024. URL: https://www.tcdd.gov.tr/haberler/basra-korfezi-kalkinma-yolu-projesiyle-turkiye-uzerinden-avrupaya-baglaniyor (accessed: 14.02.2024). На тур. яз.

и имеют большой пропагандисткий эффект. Наличие высокоскоростных железнодорожных магистралей выводит страну в круг «избранных», свидетельствует об определенном уровне развития научно-технических кадров в стране. Поэтому является естественным желанием использовать политическими партиями достижения в области строительства высокоскоростных дорог во внутренней политике, а руководством страны – использовать во внешней политике.

Запуск новых высокоскоростных маршрутов, знаковые вехи в строительстве (например, начало работ по сооружению тоннеля и т. д и т. п.) преподносится как свершение правящей Партии Справедливости и Развития (AKParti) и лично президента Турции Реджепа Эрдогана. Однако не только строительство высокоскоростных дорог используется как фактор в политической борьбе. Так, в 2019 г. перед выборами Стамбула развернулась борьба между кандидатом Бинали Йылдырым, представлявшим проправительственный Народный Альянс (правящая AKParti + националистическая MHP) и кандидатом от CHP (Республиканская Народная партия, основанная Ататюрком) Экремом Имамоглу. В этой политической борьбе использовалось строительство второго этапа городской железнодорожной линии «Мармарай» – продление линии от ст. Халкалы на европейской стороне до ст. Гебзе на азиатской стороне. Строительные работы, до этого неспешно ведущиеся с 2017 г., были активизированы в конце 2018 г. и линия была целиком открыта перед выборами [12] 12 марта 2019 г. Открытие второго этапа «Мармарая» использовалось в предвыборной агитации кандидата Б. Йылдырыма как достижение Альянса, выдвинувшего этого кандидата.

К сожалению, финансирование из госбюджета строительства метро зачастую также используется в настоящее время в политической борьбе между правящей партией и кемалистской оппозицией, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. В то же время, строительство железных дорог между городами Турции в наименьшей степени зависит от внутриполитической ситуации и вряд ли изменится после следующих президентских выборов. Хотя в начале февраля 2024 г. Р. Эрдоган сделал заявление, где фактически увязал помощь провинции Хатай, пострадавшей от землетрясения 2023 г. с поддержкой на предстоящих местных выборах кандидатов от правящей Партии Справедливости и Развития (AKParti) [13], для финансирования железнодорожной отрасли такой политический шантаж представляется маловероятным.

---

[12] Первый тур выборов мэра Стамбула состоялся 31 марта 2019 г. Результаты этого тура были отменены ЦИК. По результатам второго тура победил Экрем Имамоглу.

[13] Повестка дня Турции / Телеграм-канал. 06.02.2024. URL: https://t.me/turkeyabout/12317 (дата обращения: 13.02.2024).

Заключение

В настоящее время инфраструктурный рост железных дорог Турции происходит в основном за счет постройки новых высокоскоростных линий.

Электрификация существующих дорог осуществляется, но восток страны остается неэлектрифицирован на многих направлениях, в том числе и на межгосударственной дороге Баку–Тбилиси–Карс. Это снижает транзитный потенциал Турции в стремительно меняющихся геополитических условиях.

Турция находится в самом начале пути замещения зарубежного подвижного состава отечественными разработками. Малое количество эксплуатируемых поездов и локомотивов турецкого производства, а также малый срок их эксплуатации не позволяет сейчас сделать вывод об успешности перехода на отечественную продукцию.

Политическая значимость строительства новых, и особенно высокоскоростных дорог является положительных фактором для продолжения их финансирования. При этом реконструкция существующих дорог под современные требования перевозок грузов и пассажиров в настоящее время находится как-бы «в тени» высокоскоростных проектов и в перспективе может стать «узким местом» в железнодорожной структуре Турции как регионального транспортного коридора.

Литература / References

1. Федулов И. В. Высокоскоростные железные дороги в странах Востока – опыт строительства и эксплуатации // Восточная аналитика. № 3. 2022. С. 83–111. https://doi.org/10.31696/2227–5568–2022–03–083–111.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Повестка дня Турции / Телеграм-канал. 06.02.2024. URL: https://t.me/turkey-about/12317 (дата обращения: 13.02.2024).
2. Arkas'tan 38.5 Milyon Euro'luk Lokomotif Yatırımı // RayHaber | RaillyNews. 13.03.2023. URL: https://rayhaber.com/2023/03/arkastan-38–5-milyon-euroluk-lokomotif-yatirimi/ (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.
3. Basra Körfezi 'Kalkinma Yolu' Projesiyle Türkiye Üzerinden Avrupa'ya Bağlaniyor // TCDD – Haberler. 13.02.2024. URL: https://www.tcdd.gov.tr/haberler/basra-korfezi-kalkinma-yolu-projesiyle-turkiye-uzerinden-avrupaya-baglaniyor (accessed: 14.02.2024). На тур. яз.
4. Covid-19 nedeniyle durdurulan tren seferleri yeniden başladı. 28.05.2020 // TRT Haber: Son Dakika Haberler ile Türkiye'nin Haber Kaynağı. URL: https://www.trthaber.com/foto-galeri/covid-19-nedeniyle-durdurulan-tren-seferleri-yeniden-basladi/26238/sayfa-1.html (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.
5. E5000 Elektrikli Anahat Lokomotifi // Türkiye Raylı Sistem Araçları Sanayi A. Ş. | TÜRASAŞ. URL: https://www.turasas.gov.tr/e5000-elektrikli-anahat-lokomotifi (accessed: 13.02.2024. На тур. яз.

6. Hanlı-Çetinkaya hat kesiminin elektrifikasyon altyapisi tamamlandi. 14.12.2023 // URL: https://www.tcdd.gov.tr/haberler/hanli-cetinkaya-hat-kesiminin-elektrifikasyon-altyapisi-tamamlandi [Режим доступа: с турецкого ip-адреса] (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.
7. Onur Uysal. Özel sektör tereddütlü: Ne istiyorlar? 18.10.2023 (Частные компании колеблются: чего они хотят?) // Rail Turkey Tr – Türkiye'nin demiryolu haber ve yorum sitesi. URL: https://tr.railturkey.org/2023/10/18/ozel-sektor-tereddutlu-ne-istiyorlar/ (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.
8. Taşıma şekillerine göre ithalat, 2013–2023 (genel ticaret sistemi). 31.01.2024 // Turkish Statistical Institute (TURKSTAT). URL: https://data.tuik.gov.tr/Bulten/DownloadIstatistikselTablo?p=5B0vedKHtzmeTHWp38f9Lxv9SwX56QconYoPogZBsj30fppkFUa4zR2YgI0sYylH (accessed: 13.02.2024).
9. Turkey relies on the national production of rolling stock // ROLLINGSTOCK | News and trends of railway rolling stock markets. URL: https://rollingstockworld.com/locomotives/turkey-relies-on-the-national-production-of-rolling-stock/#:~:text=According%20to%20Pez%C3%BCk%2C%20TCDD's%20current, significant%20investments%20in%20this%20sector (accessed: 13.02.2024).
10. Türkiye's 1st domestic electric train starts operating // Daily Sabah | Latest & Breaking News from Turkey | Is-tanbul. 29.05.2023. URL: https://www.dailysabah.com/turkiye/turkiyes-1st-domestic-electric-train-starts-operating/news (accessed: 13.02.2024).
11. Yolcu Tren seferleri geçici bir süre için durduruldu. 28.03.2020 // ULAŞTIRMA MEMUR-SEN. URL: https://www.ulastirmamemursen.org.tr/yolcu-tren-seferleri-gecici-bir-sure-icin-durduruldu (accessed: 13.02.2024). На тур. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федулов Илья Викторович – канд. техн. наук, научный сотрудник, Отдел экономических проблем, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Fedulov Ilia V. – Ph.D. (Engineering), Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 27.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 04.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 27.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 04.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 324(55)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-163-176

ИТОГИ ВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В МЕДЖЛИС В ИРАНЕ

Елена Викторовна Дунаева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
elena-vd@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3492-1361

Аннотация. С первых лет установления исламской республики в Иране выборы наглядно демонстрировали реализацию принципа религиозного народовластия, заложенного в политическую систему ИРИ, и возможность адаптации ислама к современным политическим реалиям и отличались активным участием населения в предвыборной кампании, большим количеством кандидатов, представляющих основные политические течения, и высоким уровнем явки. Однако в последние годы интерес к выборам в иранском обществе снизился. Экономический кризис и падение уровня жизни как результат санкционного давления, углубляющийся раздел общества на две части: ориентированную на сохранение традиционных ценностей и требующую проведения социально-культурной модернизации, а также сужение взаимодействия между обществом и властью привели к росту недоверия к структурам власти. Недовольство большей части населения политикой консерваторов, контролирующих все ветви власти, выразилось в низкой явке на выборы, составившей 41%. Большинство голосов пришедших на выборы было отдано радикальному флангу консерваторов. Состав меджлиса окончательно определится в мае. Усиление идеологического доминирования фундаменталистов может привести к росту протестных настроений в обществе.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, выборы, меджлис, консерваторы, фундаментализм, реформаторы

Для цитирования: Дунаева Е. В. Итоги выборной кампании в меджлис в Иране. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):163-176. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-163-176

Original article. Politics studies

RESULTS OF PARLIAMENTARY ELECTIONS IN IRAN

Elena Dunaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elena-vd@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3492-1361

Abstract. Since the first years of the Islamic Republic in Iran, the elections demonstrated the realization of the principle of religious people's power and the possibility of adapting Islam to modern political realities, and characterized by active participation of the population in the election campaign, a large number of candidates representing the main political currents, and a high level of turnout. in recent years, interest in elections in Iranian society has declined. The economic crisis and the decline in living standards as a result of sanctions, the deepening division of society into two parts: oriented towards the preservation of traditional values and requiring socio-cultural modernization, as well as a narrowing of interaction between society and power led to an increase in distrust of government structures. Dissatisfaction with the Conservatives' control of

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Дунаева Е. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

all branches of government resulted in a low turnout of 41%. The majority of votes were given to the radical groups of the Conservatives. The final composition of Majlis will be determined in May. The ideological dominance of fundamentalists may lead to an increase in public protests.

Keywords: Islamic Republic of Iran, elections, Majlis, conservatives, fundamentalism, reformers

For citation: Dunaeva E. V. Results of Parliamentary Elections in Iran. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):163-176. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-163-176

Ситуация в ИРИ в преддверии выборов

Согласно Конституции ИРИ, принятой в 1979 г., каждые четыре года проводятся выборы в высший законодательный орган – Меджлис исламского совета. И с первых лет установления республики именно выборы наглядно демонстрировали реализацию принципа религиозного народовластия, заложенного в политическую систему ИРИ, и подтверждали возможность адаптации ислама к современным политическим реалиям. Активное участие населения в предвыборных кампаниях, выражавшееся в участии в митингах, пропагандистских мероприятиях партий и коалиций, и высокая явка на голосования отражали их заинтересованность в результатах выборов и свидетельствовали о народной поддержке режима. Однако в последнее пятилетие ситуация претерпела значительные изменения. Восстановление санкций после выхода США из СВПД осложнило экономическую ситуацию, значительно подорвало доверие большей части населения к либерально настроенным элитам, стремившимся к развитию отношений с Западом, что проявилось в резком снижении интереса к участию в выборных кампаниях. Параллельно происходило и усиление давления течений, представляющих интересы исламских фундаменталистов, на властные структуры, которые утверждают кандидатуры на выборы, что привело к отстранению от выборов 56% зарегистрированных кандидатов в 2020 г. Многие были дисквалифицированы по причине своих политико-идеологических убеждений или недостаточной религиозности. Проводилась политика ограничения допуска представителей альтернативных консервативному течению групп, чтобы обеспечить полную лояльность парламента правительственному курсу во внешней и внутренней политике.

В предыдущие десятилетия показатель количества не допущенных до выборов кандидатов составлял 20–35%, а в сравнении с первыми выборами в меджлис в 2023 г. этот показатель вырос в 47 раз[1]. В резуль-

[1] Показатель дисквалифицированных кандидатов от первого меджлиса до 12-го // Ettemad. 09.01.2024. URL: https://www.etemadonline.com/tiny/news-64770 (accessed: 21.03.2024). На перс. яз.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Dunaeva E. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

тате, явка на парламентские выборы в 2020 г. составила по стране – 42,6%, по Тегерану – 25,4.

За прошедшие четыре года ситуация в стране обострилась. Жесткое подавление протестной кампании осени 2022 г. и неготовность властей принять во внимание социо-культурные запросы общества привели к углублению пропасти между властью и обществом. Протестные настроения продолжают расти, но они проявляются в других формах – соцсети, надписи на стенах, мелкие формы неповиновения, а также усилившаяся в последние два года миграция из страны[2].

Стоит отметить и тот факт, что за последнее десятилетие меджлис утратил свою роль как одного из наиболее влиятельных органов в структуре политической власти страны. Если в первые два десятилетия он был трибуной резких выступлений, порой схваток между представителями реформаторского и консервативного идеологических течений, контролировал деятельность правительства, снимал с постов министров и даже неоднократно ставил вопрос о вотуме доверия президенту, то в последние годы дисквалификация многих пользующихся авторитетом и доверием политических деятелей Наблюдательным советом и выборы малоизвестных, не имеющих соответствующего опыта политической работы депутатов привела к снижению его роли во внутренней и внешней политике страны. Состав меджлиса 2020–2024 гг., который полностью контролировали консерваторы, был назван в Иране самым слабым в истории ИРИ, и, хотя он и взаимодействовал с правительством Э. Раиси, не сумел достойно проявить себя ни в период протестной кампании, ни в вопросах определения экономической политики в период обсуждения и принятия Седьмого 5-летнего плана развития ИРИ и бюджетов страны. А стремление меджлиса навязать ряд законов, ограничивающих доступ к международным интернет-ресурсам и соцсетям, ужесточение требований к соблюдению строгих исламских норм одежды в общественных местах и усиления наказаний за их невыполнение, разработка закона о повышении пенсионного возраста привели к утрате интереса иранцев, особенно в больших городах к деятельности высшего органа законодательной власти и соответственно к выборным кампаниям.

Население страны, особенно молодежь, практически не проявило интереса к выборам. Иранцы осознали, что смена во властных структурах представителей консервативной или либеральной ориентации

[2] Подробнее о миграции из Ирана в последние годы см. Дунаева Е. В. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран / Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад № 91/2023. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. С. 42.

не приводит к тем изменениям, которых требует большая часть общества. Все чаще поднимается вопрос о необходимости внесения изменений в конституцию страны и, в первую очередь, ограничение полномочий Наблюдательного совета по дисквалификации кандидатов.

Соцопросы, проводимые накануне выборов государственным центром изучения общественного мнения Мейзан, показали, что уровень участия по стране может составить 30%, по остану Тегеран – 22%, а по г. Тегерану – лишь 15%. Среди причин отсутствия интереса к выборам отмечались следующие: неэффективность деятельности меджлиса, высокий уровень коррупции в этой структуре, пессимистические оценки будущего страны. Причем, эти данные, опубликованные несколькими сайтами, через несколько часов были изъяты[3]. Такие данные не могли не вызвать беспокойства властных структур и политических элит, так как следствием низкой явки может стать недостаточный уровень легитимности избранных структур, а также нет сомнений в том, что процент участвующих в голосовании косвенно отражает уровень поддержки режима обществом. Духовный лидер аятолла А. Хаменеи в своих выступлениях неоднократно говорил о необходимости открытых, свободных выборов на конкурентной основе и настоятельно призывал иранцев к активному участию. Он заявил: «Выборы являются главной опорой Исламской Республики Иран, и решением проблем страны является участие в выборах»[4]. К участию в голосовании призывали великие аятоллы, известные представители духовенства. Однако некоторые религиозные деятели, отличающиеся особо радикальными убеждениями, подчеркивали, что неучастие в выборах для мусульманина – святотатство, так как этим он нарушает свои обязанности по шариату[5].

Расклад политических сил накануне выборов

Основными претендентами на 290 парламентских мест себя считали представители консервативного фланга, которые за последние три года взяли в свои руки руководство всеми государственными структурами. Однако за последние два года в их среде обострились разногласия, которые открыто проявлялись внутри меджлиса, в отношениях между меджлисом и правительством и особенно четко наблюдались попытки радикальных консерваторов сместить М. Б. Галибафа с поста спикера.

---

[3] Разъяснения Хабаронлайн относительно вынужденного изъятия сообщения о данных одного соцопроса // Khabaronline. 28.01.2024. URL: khabaronline.ir/xkS6L (accessed: 19.03.2024). На перс.яз.

[4] Лидер назвал участие в выборах решением проблем страны // IRNA. 18.12.2024. URL: https://ru.irna.ir/news/85390751/ (accessed:19.03.2024). На перс. яз.

[5] Аятолла Алам-оль-хода: Шариат обязует к участию в выборах // IRNA. 02.02.2024. URL: https://irna.ir/xjPGCC (дата обращения 18.03.2024). На перс. яз.

В настоящее время консерваторы разделены на несколько течений: умеренно-консервативное, или традиционалисты (sonnatgaran), неоконсерваторы (nouosulgaran) и более радикальное – фундаменталисты (tondravan), ориентирующиеся на идеи абсолютного подчинения духовному лидеру.

К консервативному флангу надо отнести и реформаторски ориентированных консерваторов-прагматиков (osulgaran-e tahavvolkhah), наиболее ярким представителем которых можно считать Али Лариджани. Однако последние в настоящее время практически не представлены в органах власти.

С началом выборной кампании стало ясно, что достичь полного единства консерваторам не удастся. Первое течение представлял на выборах Совет единства консервативных сил (Shoura-ye vahdat), который получил поддержку двух религиозных обществ – Общество борющегося духовенства и Общество преподавателей религиозных учебных заведений Кума, образованных еще в революционный период, а также старейшую партию консерваторов-традиционалистов Моталефе. Эти силы пытаются восстановить свою ведущую роль, которую занимали на политической арене в первые десятилетия ИРИ. Они опираются в основном на старые кадры – поколение, участвующее в революции. Во главе объединения стоит аятолла Мохаммад Али Мовахеди Кермани, исполнительный секретарь – министр иностранных дел правительства М. Ахмадинежада – Манучехр Моттаки.

К неоконсерваторам относятся сторонники Мохаммада Багера Галибафа и часть консерваторов, представляющих партии, созданные в начале 2000-х гг. во главе с Голям Али Хадад Аделем, который руководит Коалиционным советом сил исламской революции – ШАНА (Shoura-ye etelaf-e niruha-ye enghelab-e eslami). В ноябре 2023 г. эти два течения предприняли попытку объединения и заявили о формировании коалиции, которая получила название МАБНА – Ассоциация пробуждения революционных сил (Majma'-e bidari-ye-niruha-ye enghelab). Основной задачей на выборах они объявили предотвращение разрастания исламского радикализма. В программном заявлении акцентировалась необходимость осуществления перемен в системе управления страной. К этой коалиции примыкал и Фронт сторонников реформ под руководством мэра Тегерана Алиреза Закани, включающий в себя группировки, появившиеся в 2010-е гг. – Исаргаран, Рахпуян, изначально близкие к бывшему президенту М. Ахмадинежаду. Однако это большое объединение не получило поддержки со стороны исполнительной власти и Совета единства. По мере приближения выборов коалиция распалась.

Радикальное крыло представляет фундаменталистская партия Фронт Пайдари[6] (Jabhe-ye paydari) во главе с Садегом Махсули, выходцем из «Урмийского кружка» ближайших сторонников М Ахмадинежада. Она имеет влияние в правительстве, структурах исполнительной власти, контролирует Радио и телевидение ИРИ. Активно продвигает идею проведения чисток в госаппарате и системе образования с целью удаления всех недостойных, «недостаточно революционных» и преданных системе велаят-е факих. Они рассчитывали получить около 170 депутатских мест и установить контроль над меджлисом, на место спикера посадить Мортазу Ага Техрани[7], а в 2025 г. добиваться президентского кресла для «своего» кандидата, вероятно, уже не для Э. Раиси, действия которого с их стороны подвергаются критике.

Вторая группа радикального крыла представлена созданной год назад министром дорог и градостроительства Мехрдадом Бозрпашем партией Шариан – сокращенно от Shabake-ye rahbordi-ye-niruha-ye-enghelab – Стратегическая сеть революционных сил. Ее задача – привлечение молодежи в радикальное течение. Она развернула широкую деятельность в школах, учебных заведениях с упором на лозунги справедливости, борьбы с аристократизмом. Руководитель партии – Абульгасем Джараре. Члены высшего совета партии отличаются очень радикальными высказываниями: «Иран – это страна членов партии аллаха (хезболлахи)»[8]. Духовным наставником этой группы можно считать Хамида Ресаи.

Шариан в преддверии выборов вошла в коалицию с несколькими другими группами неоконсерваторов нового поколения и образовала с ними «Народную коалицию сил революции» – сокращенно «EMNA», поставив во главу списка Хамида Ресаи.

Либеральные силы долго не могли выработать тактику поведения на выборах. На первом этапе – этапе предварительной регистрации – количество кандидатов от этих партий было незначительно. Среди реформаторских и центристских группировок (miyanerou) превалировало убеждение в том, что их кандидаты будут не допущены до выборов. Ряд реформаторских партий призвали к бойкоту выборов. Однако

---

[6] Полное название – Фронт верности исламской революции.

[7] М. Ага Техрани – религиозный деятель, последователь аятоллы Месбаха Йазди, один из основателей партии Пайдари, с 2012 по 2020 г. генеральный секретарь этой партии, депутат меджлиса 11-го созыва, руководитель комиссии по культуре. Избран в 12-й меджлис.

[8] Кто та женщина, которая сказала: «Иран принадлежит тем, кто из партии аллаха» // Asr-e Iran. 05.11.2023 https://www.asriran.com/fa/news/915292/%D8%B2%D9%86%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%DA%AF%D9%81%D8%AA-%D8%A7%DB%8C%D9%86-%D9%85%D9%85%D9%84%DA%A9%D8%AA-%D9%85%D8%A7%D9%84-%D8%AD%D8%B2%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D9%84%D9%87%DB%8C-%D9%87%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%DA%A9%DB%8C%D8%B3% (accessed: 21.03.2024). На перс. яз.

некоторые – Каргозаран, Эттемад-е мелли, Неда-йе ираниян и центристская Этедал ва тоусее[9] после обращения Х. Роухани о важности участия в выборах представили своих кандидатов, сделав ставку на маленькие города, в которых избиратели оценивают кандидата не по его идеологическим убеждением, а по его авторитету и возможностям представить интересы округа в парламенте и добиться каких-либо привилегий. Поскольку ни реформаторы, ни центристы не смогли представить кандидатов во всех округах, между ними начались консультации о взаимодействии.

В этом году на выборы зарегистрировалось почти 25 тыс. кандидатов, из которых 55% были дисквалифицированы на провинциальном уровне. Среди «снятых с дистанции» были не только либералы, но и умеренные консерваторы, депутаты меджлиса, бывшие министры и руководители высшего звена. Большинство кандидатов от либерального фланга не были допущены к выборам. Такое массовое отстранение кандидатов вызвало отрицательную реакцию в политическом сообществе. Поднимался на обсуждение вопрос о том, что такая ситуация может грозить бойкотом выборов со стороны населения. Хотя анализ итогов выборных кампаний в ИРИ свидетельствует о том, что низкая явка всегда приводила к победе консервативных сил, так как их электорат – это традиционные слои, четко следующие указаниям своего религиозного наставника, Наблюдательный совет пересмотрел решения местных комиссий по допуску кандидатов. Более двух тысяч дисквалифицированных ранее кандидатов были допущены до участия, причем по некоторым кандидатурам решения были пересмотрены только за 48 часов до начала голосования. Среди допущенных к выборам 60% составляли консерваторы, 30% – независимые, 10% – реформаторы и центристы.

Либеральные силы после длительных переговоров и согласований сформировали общий список по Тегерану и выдвинули 1,5 тыс. представителей на местах. Возглавил коалицию «Голос народа» (Seda-ye mellat) известный политический деятель Али Мотаххари[10]. Этот список поддержали представители нескольких реформаторских партий, центристы и объединение бывших депутатов меджлиса, ориентирующихся на консерватора-прагматика, бывшего спикера меджлиса А. Лариджани. Эти течения ставили своей целью сформировать активное меньшинство в меджлисе, противостоящее консерваторам. Они в основном делали ставку на победу своих кандидатов в мелких избирательных округах, с тем чтобы оказывать влияние на политику правительства, особенно

[9] Этедал ва тоусее – партия, бывшая опорой правительства Х Роухани.

[10] Первоначально А. Мотаххари не был допущен до выборов, но Наблюдательный совет пересмотрел это решение.

во внешнеполитической сфере и добиваться снятия санкций. Часть реформаторских партий выступила с обращением, в котором заявила о бойкоте выборов, что вызвало резкую критику даже в либеральных кругах. В ответ группа из 110 общественных активистов, деятелей культуры, представителей СМИ выступила с письмом, в котором указывала на необходимость создания благоприятной среды для решения основных вопросов между властью и обществом и с этой целью рекомендовала отказаться от бойкота выборов, т. е. не противопоставлять себя власти[11]. В то же время либерально настроенные силы, идущие на выборы, сомневались в том, что электорат, который традиционно оказывает им поддержку, придет на избирательные участки.

Призывы к бойкоту выборов активно раздавались среди иранской эмиграции на Западе, что было использовано консервативными кругами в своей предвыборной пропаганде. Мобилизуя свой электорат, они неучастие в выборах увязывали с предоставлением возможности внешним силам для активного вмешательства во внутренние дела страны. Радикальные реформаторы пропагандировали идею бойкота выборов в своих СМИ.

По мере приближения выборов стало ясно, что готовность реформаторов и центристов конкурировать с консерваторами и выход на выборы от их коалиции более полутора тысяч кандидатов насторожили предвыборные штабы консервативных партий. В последние дни до голосования последние попытались объединить усилия и выработать общий список по Тегерану и крупным городам. Даже в первые дни официальной пропагандистской кампании было не ясно, кого из кандидатов выдвигают по Тегерану. Только за пять дней до голосования ситуация прояснилась: М. Б. Галибаф и Г. А. Хадад Адель договорились с Фронтом пайдари о формировании единого списка, который возглавил сам Галибаф. Причем, накануне выборов именно Пайдари прилагали немало усилий для дискредитации нынешнего спикера с тем, чтобы не допустить его на место руководителя нового меджлиса, подняв на обсуждение вопрос о пребывании его сына в Канаде. Хотя список Галибаф – Коалиционный совет – Пайдари был согласован, одновременно появились другие списки кандидатов от Пайдари во главе с М. Ага Техрани. Совет единства не примкнул к этой коалиции и выступал отдельно. Его список возглавлял М. Моттаки.

Поскольку традиционно в небольших городах и сельских округах на выбор кандидата не оказывает влияния его связь с тем или иным

[11] Обращение 110 реформаторов по поводу выборов 1402 г. // Alef. 18.02.2024. URL: https://www.alef.ir/news/4021128042.html (accessed: 18.03.2024). На перс. яз.

политико-идеологическим течением, то основная борьба политических коалиций разворачивается в Тегеране и крупных городах. Официально в Тегеране было выставлено шесть листов для голосования, в первых трех из них кандидатуры повторялись:

1. Лист «Фронта революции» во главе с М. Б. Галибафом – от коалиции неоконсерваторов, Коалиционного совета и Пайдари.
2. Лист «Народ» – от коалиции ЭМАНА во главе с Х. Ресаи.
3. Лист Совета единства во главе с М. Моттаки.
4. Лист «Фронта утро Ирана» во главе с Х. Ресаи от коалиции нескольких небольших групп умеренно консервативной и радикально консервативной направленности.
5. Лист «Голос народа» во главе с А. Мотаххари – коалиция умеренно либеральных сил.
6. Лист «Широкая коалиция деятелей образования и культуры» (Etelaf-e bozorg-e farhangiyan).

Помимо этих списков можно было проголосовать за более, чем полторы тысячи кандидатов, выставивших свои кандидатуры вне зависимости от партийных списков.

Итоги выборов в меджлис

1 марта 2024 г. прошли выборы в меджлис и параллельно проводилось голосование в 6 состав Совета экспертов – органа, который по Конституции ИРИ имеет право контролировать деятельность духовного лидера, снимать его с поста и избирать нового вали факиха[12].

Согласно официальным данным, явка на выборы составила 41% в среднем по стране – это самый низкий уровень явки за всю историю исламской республики. В городе Тегеран проголосовало лишь 24% имеющих право голоса. Самая низкая явка на выборы была отмечена в останах Курдистан (30%), Альборз (30%), Тегеран (34%), Центральный (36%). Только в восьми останах из 31 уровень участия превысил 50%[13]. Проправительственные СМИ такой низкий показатель связывают с недовольством населения сложной экономической ситуацией в стране, однако, согласно приводимым данным, процент проголосовавших в останах с наиболее низким уровнем жизни был более высоким: Кохгилуйе и Боюр-Ахмад – 64%, Южный Хорасан – 64%, Чахармахаль и Бахтиярия – 55,5%[14]. Очевидно, что низкий уровень участия отражал недовольство иранцев политикой властей не только в экономической сфере,

[12] В данной статье подготовка и итоги выборов в этот орган власти не рассматриваются.

[13] Уровень участия в выборах с разбивкой по останам // ISNA. 03.03.2024. URL: isna.ir/xdQHbV (accessed: 20.03.2024). На перс. яз.

[14] Там же.

но и в связи с ужесточением контроля над общественной и политической жизнью путем усиления исламизации и несоблюдения демократических принципов, заложенных в Конституции, что особенно ярко проявилось в ходе выборных кампаний. Представители современных средних слоев проигнорировали выборы, выразив такой позицией недоверие власти. Нельзя не отметить, что в определенной степени низкая явка стала следствием проводимой ираноязычными западными каналами кампании по пропаганде бойкота выборов.

При подсчете голосов выяснилось, что количество испорченных бюллетеней велико и по приводимым в отдельных СМИ данных составило 5–7% по стране, по Тегерану до 13%[15]. Это можно оценить также как форму проявления недовольства граждан или протестное голосование.

Низкая явка на выборы привела к тому, что было избрано только 245 депутатов из 290. 10 мая будет проводиться второй этап выборов, в ходе которого решится судьба еще 45 мест. Впервые за историю ИРИ 16 кандидатов по Тегерану из 30 не смогли набрать необходимые 20% голосов, и было избрано только 14, причем уровень их поддержки тегеранцами в сравнении с предыдущими кампаниями оказался минимальным. Сопоставление данных о количестве пришедших на выборы и поданных за кандидатов голосов, по оценкам некоторых политологов и социологов, может свидетельствовать о том, что количество испорченных бюллетеней в Тегеране оказалось значительно больше заявленных 13%, и даже называют цифру в 27–30%. Аналогичная ситуация наблюдалась в городе Йазд[16].

Поскольку основные списки кандидатов на выборах были представлены консервативным флангом, попытавшимся накануне выборов максимально объединить свои усилия, он и получил большинство депутатских мест – 150. В его руках останется контроль за этим органом власти. Однако его три течения уже активно начали борьбу между собой за лидерство в новом меджлисе.

Наиболее ярко позиции трех группировок отражают итоги выборов по Тегерану. Наибольшее количество голосов набрали представители Фронта Пайдари, группы Шариан и объединения ЭМНА, отличающиеся фундаменталистскими взглядами – Сейед Махмуд Набавиян, Хамид Ресаи – оба сторонники жесткой исламизации общества, политики и системы образования.

---

[15] Министр внутренних дел: 8% составляют испорченные бюллетени // Asr-e Iran. 04.03.2024. URL: asriran.com/003yn7 (accessed: 21.03.2024). На перс. яз.

[16] Самый низкий уровень участия и рост испорченных бюллетеней // Etemad. 03.03.2024. URL: https://www.pishkhan.com/news/316077#papers_images (accessed: 21.03.2024). На перс. яз.

М. Б. Галибаф, на предыдущих выборах набравший более 1 млн голосов, стал 4-м в списке избранных, получив поддержку менее 500 тыс. тегеранцев. Причем достижение М. Б. Галибафом соглашения с группой Пайдари о едином списке кандидатов вызвало недовольство в рядах его сторонников и в результате привело к тому, что никто из его близкого окружения не набрал необходимых голосов в ходе выборов. Многие аналитики итоги выборов для М. Б. Галибафа и его движения рассматривают как провальные, хотя не считают невозможным его переизбрание на пост спикера.

Остальные уже избранные депутаты также представляют фундаменталистские группы. Большинство избранных депутатов – представители молодого поколения, малоизвестные лица, что свидетельствует об активно идущем процессе смены поколений на политическом ландшафте ИРИ. Только один избранный в Тегеране депутат – М Моттаки – бывший министр иностранных дел, представляет консерваторов умеренного толка. Их список – «Совет единства» – получил очень слабую поддержку избирателей по Тегерану. По стране от этой коалиции, поддерживаемой известной религиозной организацией Обществом борющегося духовенства, определявшим политическую жизнь ИРИ вплоть до первого десятилетия XXI в., прошло 60 кандидатов, однако 45 из них были общими с другими списками. Известный политический деятель умеренных консерваторов М. Р. Бахонар, глава Исламского общества инженеров, избиравшийся ранее депутатом шести меджлисов, отказавшийся занять место в списке с Галибафом в Тегеране, поменял избирательный округ на Керман, но не получил поддержки в своем родном городе.

Это свидетельствует не только о снижении роли традиционалистов в социально-политической жизни общества на современном этапе, но и о практически полном вытеснении их из органов государственной власти ввиду сохраняющейся в их среде опоры на «революционное» поколение, отсутствие ротации кадров и новых идей.

Ослаблением позиций умеренных консерваторов, несомненно, воспользуются радикальные круги с тем, чтобы захватить руководство новым меджлисом в свои руки и взять его максимально под свой контроль, чтобы оказать влияние на президентские выборы через два года.

Абсолютное поражение в Тегеране потерпели либеральные силы. Ни один кандидат из их списка на первом этапе не прошел в меджлис. Нет шансов и во втором туре, так как представители этого списка заняли только места в шестом-седьмом десятке. Глава списка Али Мотаххари набрал лишь 6% голосов.

Не получил поддержки избирателей и руководитель партии Этедал ва Тоусеэ Мохаммад Багер Ноубахт, бывший главой Планово-бюджетной

организации в период Х. Роухани, ранее неоднократно избиравшийся в меджлис. По стране этой коалиции удалось провести 40 депутатов и еще пять человек прошли во второй тур. Все они получили поддержку преимущественно в прикаспийских районах, Западном и Восточном Азербайджане. Таким образом, количество «умеренных» в 12-м меджлисе по сравнению с 11-тым удвоится. К ним может присоединиться часть независимых кандидатов.

Провал либералов в Тегеране – политической столице страны – свидетельство полной потери ими своего электората и необходимости идейного и организационного обновления этого течения, если оно намерено вновь вернуться на политическую арену страны.

Среди избранных депутатов более 50 мест заняли независимые, чьи идеологические предпочтения пока четко не определены. После второго этапа выборов их количество может возрасти. За их голоса уже началась борьба как консервативных течений, так и депутатов из списка «Голос народа».

Новый меджлис начнет свою работу лишь в последних числах мая после проведения второго тура выборов, однако уже наблюдается конфронтация между представителями консервативных групп и проявились явные попытки радикалов не допустить переизбрания М. Б. Галибафа. Один из избранных депутатов по Тегерану, представитель руководства партии Шариан Хамид Ресаи, выступая по телевидению, открыто обличал спикера парламента, что вызвало жесткую реакцию депутатов от других спектров. Поднят вопрос о не утверждении полномочий Х. Ресаи после открытия меджлиса. Согласно принятым летом 2023 г. поправкам в Закон о выборах в парламент, депутаты нового меджлиса должны сами утвердить полномочия всех депутатов, и эта поправка дает возможность отстранить того или иного депутата, избранного народом, и тем самым оказать влияние на состав меджлиса уже по окончании выборов. Однако ввиду того, что кандидатура Х. Ресаи входила в три основных списка, которые получили большинство мест, маловероятно, что предложение о его отстранении получит поддержку избранных депутатов.

Поднимается на обсуждение и вопрос о возможных претендентах на места спикера. Среди кандидатов называются помимо М. Б. Галибафа такие имена, как С. М. Набавиян, Мортаза Ага Техрани, Х. Ресаи – все трое – представители духовенства, и М. Моттаки.

Несмотря на то, что окончательно состав меджлиса еще полностью не определился, довыборы не окажут значительного влияния на его структуру. Очевидно, что идеологическое доминирование сохранится за представителями фундаменталистского направления. Большин-

ство политологов высказывает мнение о том, что давление фундаменталистов и на меджлис, и на правительство, и на общество будет возрастать, что в свою очередь может проявиться и в усилении политического радикализма в обществе, особенно в тех слоях, которые проигнорировали выборы, тем самым выразив свое несогласие с политикой властей по закреплению исламских принципов в общественной и культурной жизни. Они составляют почти 60% населения, и в перспективе рост недовольства приведет к усилению конфликтности между обществом и властью.

Литература / References

1. Дунаева Е. В. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран / Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад № 91/2023. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Аятолла Алам-оль-хода: Шариат обязует к участию в выборах // IRNA. 02.02.2024. URL: https://irna.ir/xjPGCC (на перс. яз.).
2. Кто та женщина, которая сказала: «Иран принадлежит тем, кто из партии аллаха» // Asr-e Iran. 05.11.2023. URL: https://www.asriran.com/fa/news/915292/%D8%B2%D9%86%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%DA%AF%D9%81%D8%AA-%D8%A7%DB%8C%D9%86-%D9%85%D9%85%D9%84%DA%A9%D8%AA-%D9%85%D8%A7%D9%84-%D8%AD%D8%B2%D8%A8-%D8%A7%D9%84-%D9%84%D9%87%DB%8C-%D9%87%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%DA%A9-%DB%8C%D8%B3% (на перс. яз.).
3. Лидер назвал участие в выборах путем решения проблем страны // IRNA. 18.12.2024. URL: https://ru.irna.ir/news/85390751/ (на перс. яз.).
4. Министр внутренних дел: 8% составляют испорченные бюллетени // Asr-e Iran. 04.03.2024. URL: asriran.com/003yn7 (на перс. яз.).
5. Обращение 110 реформаторов по поводу выборов 1402 г. // Alef. 18.02.2024 URL: https://www.alef.ir/news/4021128042.html (на перс. яз.).
6. Показатель дисквалифицированных кандидатов от первого меджлиса до 12-го // Ettemad. 09.01.2024. URL: https://www.etemadonline.com/tiny/news-647703 (на перс. яз.).
7. Уровень участия в выборах с разбивкой по останам // ISNA. 03.03.2024. URL: isna.ir/xdQHbV (на перс.яз.).
8. Разъяснения Хабаронлайн относительно вынужденного изъятия сообщения о данных одного соцопроса // Khabaronline. 28.01.2024. URL: khabaronline.ir/xkS6L (на перс.яз.).
9. Самый низкий уровень участия и рост испорченных бюллетеней // Etemad. 03.03.2024. URL: https://www.pishkhan.com/news/316077#papers_images (на перс.яз.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Dunaeva Elena V. – PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 21.03.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 25.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 21.03.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 25.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК УДК 327(55 + 549.1)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-177-191

ПАКИСТАН – ИРАН: ПРИЧИНЫ НАПРЯЖЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ В 2024 Г.

Наталья Алексеевна Замараева
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
olunja@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2457-0000

Аннотация. Многочисленные группы пакистанских белуджей на протяжении многих лет выдвигали лозунги борьбы (часто вооруженной) против власти центральных правительств и федеральной армии; борьба за чистоту ислама сопровождалась гонениями на шиитов и другие этноконфессиональные группы.
Вооруженные группы белуджей активно начали формироваться с 1970-х гг. с целью добиться большей провинциальной автономии, подъема социально-экономического развития, права распоряжаться местному населения природными ресурсами и т.д.
Дополнительным вызовом властям стали частые трансграничные переходы иранских белуджей на территорию Пакистана и давно обосновавшиеся в Белуджистане иранские суннитские группировки. Они совершают нападения на пограничные силы Ирана, что вызывает напряженность в пакистано-иранских отношениях.
Несколько потоков миграции пришли в Белуджистане из иранской провинции Систан-Белуджистан, граничащей с Пакистаном. Основными причинами являются безработица и низкая производительность труда, а также плохие экономические условия. Эти потоки следует разделить, во-первых, на тех, кто добровольно мигрировал в Пакистан и расселился в различных районах страны и, во-вторых, на небольшие группы, которые незаконно пересекли границу и базируются вдоль пакистано-иранской границы; часто они выступают против шиитского правления в Иране.
Подавление федеральной администрацией сепаратистских настроений, часто с применением огнестрельного оружия, только усилило одержимость группировок белуджей идеей независимости.

Ключевые слова: Белуджистан, белуджи, Пакистан, Иран, управление границей, сепаратисты, запрещенные террористические организации

Для цитирования: Замараева Н. А. Пакистан – Иран: причины напряженности отношений в 2024 г. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):177-191. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-177-191

Original article. Politics studies

PAKISTAN – IRAN: REASONS FOR TENSION IN 2024

Natalia Zamaraeva
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
olunja@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2457-0000

Abstract. Numerous Pakistani Baloch groups have for many years raised slogans of struggle (often armed) against the authority of the central governments and the federal army; The


Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Замараева Н. А., 2024
© Восточная аналитика, 2024

struggle for the purity of Islam was accompanied by persecution of Shiites and other ethno-confessional groups.
Baloch armed groups began to actively form in the 1970s. in order to achieve provincial autonomy, increased socio-economic development, the right to manage natural resources for the local population, etc.
An additional challenge to the authorities was the frequent cross-border crossings of the Iranian Baluchis into the territory of Pakistan and the Iranian Sunni groups that had long settled in Balochistan. They carry out attacks on Iran's border forces, causing tension in Pakistan-Iran relations.
Several streams of migration came to Balochistan from the Iranian province of Sistan-Baluchistan, bordering Pakistan. The main reasons are unemployment and low productivity, as well as poor economic conditions. These flows should be divided into, firstly, those who voluntarily migrated to Pakistan and settled in various parts of the country and, secondly, small groups who illegally crossed the border and are based along the Pakistan-Iran border; often they oppose Shiite rule in Iran.
The federal administration's crackdown on separatist sentiment, often with gunfire, has only intensified Baloch factions' obsession with independence.

Keywords: Balochistan, Baloch, Pakistan, Iran, border management, separatists, Proscribed terrorist organizations

For citation: Zamaraeva N. A. Pakistan – Iran: reasons for tension in 2024. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):177-191. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-177-191

Власти Пакистана и Ирана на протяжении многих лет подчеркивают дружественные и братские узы. Однако поддерживаемая дипломатами «ровность» двусторонних отношений скрывает серьезные претензии, которые каждая сторона выдвигает другой. Одной из них остается охрана совместной границы, протяженность которой достигает 900 км.

Причин и поводов для беспокойства у столиц много: контрабанда автомобилей, наркотиков, иранской сырой нефти; незаконная торговля иностранной валютой, несанкционированные переходы границы и т. д.

17 января 2024 г. иранский беспилотник нанес ракетный удар по двум укрытиям «Джейш аль-Адль» (ДаА) / «Армия справедливости» в районе Панджгур в пакистанской провинции Белуджистан. Авиаудар Ирана по сепаратистской группировке вновь поднял градус напряженности в регионе, уже охваченном войной Израиля с ХАМАС в секторе Газа. МИД Пакистана выступил с осуждением «...неспровоцированного нарушения его воздушного пространства Ираном и удара по пакистанской территории, в результате которого погибли гражданские люди. Это нарушение суверенитета Пакистана совершенно неприемлемо и может иметь серьезные последствия...»[1]

[1] Press release. Ministry for foreign affairs. Pakistan's Strong Condemnation of the Unprovoked Violation of its Air Space. 17.01.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/pakistans-strong-condemnation-of-the-unprovoked-violation-of-its-air-space (accessed: 27.01.2024).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Zamaraeva N. A., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Исламабад в тот же день впервые за многие годы отозвал своего посла из Тегерана и приостановил все текущие или запланированные визиты на высоком уровне. Иранскому поверенному в Исламабаде был выражен протест за нарушение суверенитета Пакистана, последствия которого возлагались исключительно на Тегеран. Одновременно были усилены меры безопасности вдоль границы: развернуты дополнительные войска Пограничного корпуса и приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Инцидент стал неожиданным для Исламабада, так как произошел вскоре после встречи премьер-министра Анваарул Хак Какара с министром иностранных дел Ирана на полях Всемирного экономического форума в Давосе. Уже на следующий день, 18 января 2024 г., Пакистан предпринял серию высокоскоординированных и целенаправленных высокоточных военных ударов по укрытиям террористов в иранской провинции Систан-Белуджистан; в ходе операции «Марг Бар Сармачар» несколько террористов были ликвидированы.

Несмотря на критический уровень отношений в те дни, Пакистан подтвердил «…уважение суверенитета и территориальной целостности Исламской Республики Иран. …Таким образом, единственной целью ударов было обеспечение собственной безопасности и защита национальных интересов Пакистана, которые имеют первостепенное значение и не могут быть поставлены под угрозу»[2].

Восстановление отношений

Встает вопрос – что же представляют собой террористические и/ или сепаратистские группировки, и в частности, ДаА, которая спровоцировала очередной виток напряженности? Сформирована ориентировочно в 2012 г., из отрядов боевиков, действующих в пограничных с Ираном районах Пакистана; в прошлом заявляла об организации нескольких нападений на иранские силы безопасности. ДаА – преемница «Джандалы» / «Солдатов Бога», одной из организаций, действовавших в Белуджистане до 2018 г., в июне того года власти Пакистана признали ее террористической и внесли в список запрещенных[3].

Многолетняя напряженность на пакистано-афганском и пакистано-индийском участках границы отвлекает значительные военно-технические, людские и финансовые ресурсы. Исламабад не вправе позволить

---

[2] Press release. Ministry for foreign affairs. Operation Marg Bar Sarmachar. 18.01.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/operation-marg-bar-sarmachar (accessed: 28.01.2024).

[3] Government of Pakistan. National Counter Terrorism Authority. Islamabad. 78 Organizations Proscribed by Ministry of Interior u/s 11-B-(1) r/w Schedule-I, ATA 1997. URL: https://nacta.gov.pk/wp-content/uploads/2018/12/Proscribed-OrganizationsEng-3.pdf (accessed: 31.01.2024).

еще один конфликт на границе с Ираном. Это объясняет его позицию – всякий раз при возникновении пограничного инцидента Исламабад прилагает максимум военно-дипломатических усилий для скорейшего ослабления напряженности с Тегераном.

Стороны неоднократно подчеркивали, что «…общая граница должна быть «границей мира и дружбы»[4]. Таким образом, вопросы режима безопасности границ, предотвращения активности террористических группировок, содействия развитию приграничной торговли и сближения исламских республик являются основными пунктами переговоров военных обеих сторон.

Десятилетие 1970–1980-х гг. – новый этап в новейшей истории этнических белуджей, проживающих на территории современного Пакистана. Решение президента А. Яхья-Хана, генерала в отставке, предоставить Белуджистану статус провинции в 1972 г. – долгожданное событие. [Энциклопедия Пакистана, с. 60–61].

Исторический регион Белуджистан в настоящее время разделен между тремя странами: пакистанской провинцией Белуджистан, восточным Ираном и южным Афганистаном. Белуджистан с конца 1940-х гг. пережил несколько волн миграции, сепаратистских и повстанческих движений, цели и задачи которых отвечали конкретным историческим и социально-экономическим условиям.

Провинция занимает 44% территории страны. Несмотря на огромные размеры, она до наших дней остается малонаселенной и, главное, экономически неразвитой. Но ее земля богата россыпью полезных ископаемых – сурьма, золото, серебро, железная руда, марганец, медь, уран, сырая нефть, природный газ и т. д. [Галищева, 2018, с. 46–55].

Национальная народная пария / ННП / Национальная партия Авами, возглавляемая в 1970-е гг. опытным политиком Бизенджо, сумела убедить и объединить лидеров других белуджских племен принять участие в выборах в провинциальное собрание. ННП получила большинство и стала лидирующей в провинции.

Избрание местных представителей в законодательные органы власти было значимым не только для этнических белуджей Пакистана, но и соседнего Ирана. По совокупности причин (в их числе выборность и право голоса) часть иранских белуджей-суннитов, проживавших в пограничных с Пакистаном районах, в начале 1970-х гг. мигрировала сначала в Белуджистан и далее через внутренние районы в мегаполис Карачи на побережье Индийского океана. Это был один из массовых

[4] CJCSC Gen Raja meets Iranian president, discusses bilateral and strategic cooperation // Dawn. 02.07.2022. URL: https://www.dawn.com/news/1697807/cjcsc-gen-raza-meets-iranian-president-discusses-bilateral-and-strategic-cooperation (accessed: 01.02.2024).

потоков иранских белуджей. Со временем заметно угас их запал антииранского (читай – антишиитского) национализма.

В те годы этнические белуджи по примеру бенгальцев Восточного Пакистана (провинция вышла из состава Пакистана в 1971 г.; образована Народная Республика Бангладеш) требовали большего контроля над природными ресурсами провинции, политической автономии; раздавались призывы к выходу из состава Ирана и Пакистана под флагом формирования Великого Белуджистана. Их лозунги актуальны для части этноса и в наши дни [Белокреницкий, Москаленко, с. 265–271].

Требования создания собственного государства пакистанских белуджей звучали все громче, но одновременно усилились антишиитские настроения в пакистанском обществе; участились акты насилия против этно-конфессиональных меньшинств. Опасаясь националистических волнений, в феврале 1973 г. премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто отправил в отставку правительство, возглавляемое ННП в провинции Белуджистан. Но волнения продолжались.

И только введение главным военным администратором генералом М. Зия-уль Хаком (1977–1988 гг.) военного положения в июле 1977 г. на время блокировало подъем белуджского национализма. Призывы к отделению от Пакистана на время угасли, наступил период относительного спокойствия и в провинции, и в пакистано-иранском пограничье.

Шах Ирана Мохаммед Реза Шах Пехлеви в 1973–1977 гг. со своей стороны также опасался подъема вооруженного движения 1,2 млн белуджей в своей восточной провинции Систан-Белуджистан.

Исламская революция 1979 г. в Тегеране была встречена неоднозначно. Белуджи-сунниты Ирана выступали с резкой критикой в адрес лидера исламской революции 1979 г. аятоллы Хомейни. Ответная жесткая реакция Тегерана только усиливала суннитский радикализм по обе стороны пакистано-иранской границы.

В силу разных причин в конце 1980-х гг. в Пакистане вновь отмечен рост националистических настроений, и вновь в Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва) и Белуджистане.

Премьер-министры Беназир Бхутто и Наваз Шариф в 1990-е гг. избегали применения жестких мер, предпочитая вступать в переговоры с целью убедить боевиков отказаться от актов террора. Подобное попустительство отчасти объясняло появление в рассматриваемый период многочисленных местных и иностранных групп и группировок антифедеральной направленности.

«Сипах-и-Сахаба-Пакистана» (ССП) также известная как «Миллат-и-Исламия» (МИ) – суннитская группировка в Пакистане, заявившая о себе еще в конце 1980-х гг., боролась за «чистоту веры» и выступала против

шиитского меньшинства. Военная администрация генерала П. Мушаррафа (1999–2008 гг.) расценивала ее активность как подрыв социально-политической стабильности в провинции, что и стало причиной ее запрета в 2002 г. Однако она продолжала функционировать под другими названиями.

В 1996 г. на базе одной из ее группировок формируется «Лашкар-и-Джангви» (ЛиД), молодые боевики которой критиковали ССП за отход от первоначальных идеалов. Объектом вооруженных нападений стали хазарейцы Кветты, административного центра Белуджистана. Группировка ставила целью преобразование Пакистана в исламское государство суннитов (запрещена в 2016 г.)[5].

Антишиитская направленность иранских сепаратистских группировок находит понимание у пакистанских антифедеральных группировок. Ориентировочно в те же годы заявляет о себе «Сипах-и-Расул Аллах» («Армия Пророка Аллаха») – суннитская экстремистская группировка, действовавшая на юго-западе Пакистана. Сформированная из перешедших границу иранских белуджей, она выступала против лозунгов исламской революции Ирана; совершила одно из первых трансграничных вторжений через погранлинию на территорию иранского Систан-Белуджистана в районе Кеч, убивая иранских военнослужащих.

В начале 2000-х гг. боевики разбили лагерь для суннитских сепаратистов на территории Кулау. Их активность с годами усиливалась.

Неэффективность действий властей порождала мысли о вседозволенности у части белуджской молодежи. Ориентировочно в 2012 г формируется еще одна группировка «Джайш аль-Адл» (ДаА), состоящая в основном из этнических белуджей, проживающих по обе стороны границы. Впервые пакистанские СМИ писали о ней в октябре 2013 г. в связи с гибелью иранских военнослужащих после взрыва придорожной бомбы. Пакистан подчеркивал, что группировка не имеет организованного присутствия в провинции, но признавал, что некоторые боевики могут скрываться в отдаленных районах Белуджистана.

В ответ Иран впервые выпустил ракету по комплексу построек в Кече. Комплекс в Кулау, расположенный в 72 км к востоку от границы с Ираном, стал целью первого иранского ракетного удара в ноябре 2013 г. Тегеран настаивал, что у группировки есть укрытия в Пакистане, по которым и были нанесены удары.

Инцидент стал переломным для «Сипах-е-Расул Аллах», и чтобы не ослабить ряды сепаратизма, она объединилась с группировкой «Джун-

[5] Abdullah H. The Consortium Of Terror // Dawn. 03.02.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1084387/the-consortium-of-terror (accessed: 31.01.2024).

дулла», организованной в первые годы XXI в. с целью защиты прав белуджского меньшинства в юго-восточном Иране; о «Джундулле» СМИ писали после неудавшегося нападения на кортеж иранского президента Махмуда Ахмадинежада в декабре 2005 г. Позднее ее боевики продолжили совершать нападения на пограничные службы Ирана, захватив, например, в марте 2006 г. контрольно-пропускной пункт, расположенный между Захеданом и Заболем (Афганистан).

В те дни генералитет Ирана включил в повестку переговоров с Пакистаном вопрос о запрете «Джундуллы». В октябре 2009 г. группировка вновь совершила нападение в Пишине, на военнослужащих Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Иран впервые официально обвинил власти Пакистана не только в бездействии, но и в поддержке одного из ее лидеров Абдулмалика Риги. В феврале 2010 г. ВВС Ирана перехватили самолет, следовавший по маршруту Дубай – Кыргызстан, в котором тот летел, и принудительно посадили его. Спустя несколько месяцев Риги был приговорен к смертной казни через повешение. Группировка продолжила действовать под командованием других боевиков.

В 2013 г. в Пограничном корпусе Белуджистана был создан оперативный центр по борьбе с терроризмом.

На протяжении десятилетий в пакистанском Белуджистане в силу разных причин обстановка социальной нестабильности и повышенная опасность жизни доминировали. Нехватка людских, технических и финансовых ресурсов, отсутствие развитой сети автомобильных дорог, электричества, воды делали невозможным контроль над обширными пустынными районами провинции к югу и юго-западу от административного центра Кветты.

В 2000-х гг. возникают новые группировки пакистанских белуджей-сепаратистов, например, Армия освобождения Белуджистана (АОБ) и Белуджская Республиканская Армия (БРА). Первоначально немногочисленная БРА действовала в северных, пограничных с Афганистаном районах провинции, а целью нападений избрала военнослужащих федеральной армии Пакистана и иностранных граждан.

Выбор объектов нападений объяснялся началом строительства портовой инфраструктуры в Гвадаре силами военнослужащих и подрядных организаций, аффилированных с федеральной армией. Население выражало крайнее недовольство отказом центральных властей нанимать местную рабочую силу и отказом обсуждать планы развития Белуджистана.

Позднее возникшие внутренние разногласия в АОБ, БРА и между этими группировками лишь усилили накал террора. После запрета влас-

тями Армии освобождения Белуджистана в 2006 г. лидирующие позиции перехватил Фронт освобождения Белуджистана (ФОБ). Но традиционно группировки продолжали функционировать и в последующие годы, совершая убийства, похищая людей для выкупа, устанавливая самодельные взрывные устройства в районах Кветты, Маргата и Сангана и т. д.[6]

Остановить накал антишиитского насилия в Белуджистане в те годы представлялось невозможным. Это объясняло миграцию 300 тысяч шиитов и индусов в другие районы страны или за рубеж[7].

В конце первой – начале второй декады XXI в. антифедеральные выступления белуджских сепаратистов стали активны в обжитых северных районах провинции, в Кветте, а также Мастунге, Хуздаре и т. д.

Амплитуда подъемов и спадов пакистанских сепаратистских движений и террористических действий иранских белуджей, действующих в Пакистане, «регулируется» военными операциями федеральной армии и /или авиаударами или в последние годы ударами дронов КСИР.

В 2014 гг. командование федеральной армии совместно с Пограничным корпусом и силами безопасности провели ряд операций под общим названием Зарб-э-AZB против иностранных и местных боевиков в северных и северо-западных районах страны[8]. Основные силы армии были брошены на ликвидацию боевиков в пакистано-афганском пограничье. Но часть подразделений были переброшены в Белуджистан.

Позднее, в 2019–2020 гг. генералитет инициировал еще один проект «Безопасный город Кветта» в Белуджистане. Однако его влияние на уровень безопасности был незначительным. Сопротивлявшиеся боевики, включая членов Фронта освобождения Белуджистана, отступали в Афганистан и/или Иран[9]. Их место заняли мелкие группировки, наиболее известная среди них – Лашкар-и-Ислам.

Механизм охраны границы оставался несовершенным долгое время. Вопрос строительства заградительных сооружений, контрольно-пропускных пунктов актуален для обеих сторон. В период с 1947 по 2021 г. функционировал только один погранпереход – Тафтан–Мирджаве. И лишь недавно, в 2021 г. в ответ на требования дня стороны открыли

---

[6] Syed B. Top national security body reviews CPEC projects // Dawn. 01.06.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1336674/top-national-security-body-reviews-cpec-projects (accessed: 28.01.2024).

[7] Kasi A. 300,000 people have left Balochistan, says HRCP chief // Dawn. 13.10.2014. URL: http://www.dawn.com/news/1137636/300000-people-have-left-balochistan-says-hrcp-chief (accessed: 10.02.2024).

[8] Zarb-e-Azb improved security situation: COAS // The Nation. 24.12.2015. URL: http://nation.com.pk/national/24-Dec-2015/zarb-e-azb-improved-security-situation-coas (accessed: 25.01.2024).

[9] Hasan S. Analysis: Managing the Baloch insurgency // Dawn. 26.11.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1146969/analysis-managing-the-baloch-insurgency (accessed: 11.02.2024).

еще два – в Рамадан–Гапед и Пиши–Манд, Введение их в эксплуатацию облегчило работу персонала, современное оборудование оперативно оформляет документы; увеличилось число пересекающих границу людей, ускорились потоки товаров.

Механизм управления границей – сложный и многофункциональный, в основе его лежат Соглашения об управлении границами, подписанные сторонами несколько лет назад. Несмотря на результаты в борьбе с контрабандой, реальная опасность исходит от антигосударственных актов группировок сепаратистов, действующих на протяжении многих лет по обе стороны границы.

Вывод коалиционных войск США/НАТО из соседнего Афганистана в августе 2021 г. повлек за собой потоки афганских беженцев в Иран и Пакистан, что стало дополнительным бременем и для погранслужб, и для властей. Предотвращение незаконной иммиграции – новый вызов для обеих столиц. Тегеран еще в 2022 г. депортировал более 700 000 афганских беженцев из страны, многие из которых были высланы насильственно. Исламабад приступил к аналогичной операции только осенью 2023 г.

Исламабад и Тегеран бросали взаимные обвинения в предоставлении убежищ белуджским сепаратистам, одновременно призывая к широкому сотрудничеству в целях преодоления угрозы терроризма, трансграничной и транснациональной преступности, более широкому обмену информацией разведки между силовыми структурами двух стран. Таким образом, вопрос о необходимости совместных действий по ликвидации антигосударственных элементов и их укрытий на территории обеих стран актуален и в настоящее время.

Соблюдение Режима управления западной границей – один из важнейших приоритетов Пограничного корпуса Пакистана, расквартированного в Мардане провинции Хайбер-Пахтунхва.

Напряженность между Пакистаном и Ираном усилилась после заявления премьер-министра Индии Нарендра Моди о планах строительства порта Чабахар во время визита в Иран в мае 2016 г. В те дни это дало повод Тегерану рассматривать пакистанский порт Гвадар, один из логистических центров китайской Инициативы «Пояс и Путь» в качестве конкурента иранскому Чабахар. Расстояние между ними около 150 км по береговой линии Ормузского пролива.

Сложно сказать, связано ли с этим нападение ДаД на иранских пограничников в апреле 2017 г. в Мирьяве. МИД Ирана в те дни подал протест пакистанскому послу, заявил о недопустимости мест укрытия террористов в Пакистане, возложив ответственность за теракт на Исламабад. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф призвал власти Пакистана увеличить численность Пограничного корпуса

и гарантировать безопасность ирано-пакистанской границы, добавив, что террористическая деятельность в приграничном регионе означает, что некоторые внешние элементы обеспокоены прочными ирано-пакистанскими связями[10].

Иранские СМИ писали, что «…районы, прилегающие к восточным границам Ирана, превратились в места укрытий и лагеря подготовки террористов, которые являются наемниками Саудовской Аравии и поддерживаются США»[11].

Начальник генерального штаба вооруженных сил Ирана генерал-майор КСИР Мохаммад Хоссейн Багери Мохаммад в мае 2017 г. подтвердил готовность отдать приказ нанести ракетные удары по укрытиям террористов на территории Пакистана, если они продолжат убивать иранских пограничников. Он призвал власти Пакистана ужесточить механизм пограничного контроля, арестовать и экстрадировать террористов в Иран и закрыть их базы в Пакистане[12].

В свою очередь президент страны Хасан Роухани обратился к тогдашнему премьер-министру Пакистана Наваз Шарифу как можно быстрее выявить, установить и наказать членов террористических групп и группы Такфири, которые стоят за этим преступлением[13].

Визит министра иностранных дел Ирана в Исламабад в мае 2017 г. способствовал нормализации отношений. Стороны вновь согласились с необходимостью эффективного управления границами, пресечения незаконного оборота наркотиков и проверки незаконного трансграничного перемещения.

Однако недоверие утвердилось в пакистано-иранских отношениях. Пограничные инциденты повторялись и в последующие годы. Нападения на посты безопасности в Белуджистане стали носить скоординированный характер.

Весной 2015 г. Исламабад и Пекин подписывают ряд соглашений о строительстве транспортно-логистических объектов под общим названием «Китайско-пакистанский экономический коридор» (КПЭК), который является составной частью китайской инициативы «Пояс и Путь».

---

[10] Iran warns will hit 'militant safe havens' inside. Pakistan // Dawn. 08.05.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1331829/iran-warns-will-hit-militant-safe-havens-inside-pakistan (accessed: 02.02.2024).

[11] Iran's Top Commander Warns to Attack Terrorists' Hideouts in Pakistan // Alalam News. 08.05.2017. URL: http://en.alalam.ir/news/1965009 (accessed: 28.01.2024).

[12] Iran warns will hit 'militant safe havens' inside. Pakistan // Dawn. 09.05.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1331829/iran-warns-will-hit-militant-safe-havens-inside-pakistan (accessed: 12.02.2024).

[13] Iran's Top Commander Warns to Attack Terrorists' Hideouts in Pakistan // Alalam News. 08.05.2017. URL: http://en.alalam.ir/news/1965009 (accessed: 28.01.2024).

Поднебесная инвестировала 62 млрд долл. Именно стратегически важный глубоководный порт Гвадар на пакистанской части береговой линии Ормузского залива рассматривался как точка сопряжения сухопутных и морских путей. Через терминалы хаба планировалось направить потоки товаров и услуг вверх на северо-восток через пустыни Белуджистана до китайского Синьцзяна. Порт в устье Персидского залива гарантирует Китаю на века кратчайший путь к богатому сырой нефтью Ближнему Востоку, Африке и продовольственным рынкам стран Евросоюза.

Провинция стала координационным центром КПЭК, а управляемый Китаем порт начал обработку коммерческих грузов уже в ноябре 2016 г.

Включение Белуджистана в планы общемирового торгового трека меняло и социально-экономический ландшафт, и отношение местного населения, однако сепаратистские настроения лишь усилились.

Еще в начале 2000-х гг. планировалось построить 873 км дорожной сети; а в 2016 г. в эксплуатацию уже были введены 193 км участка автомагистрали (М-8) Гвадар–Турбат–Хошаб, построенной кампанией, аффилированной с пакистанской армией. С развитием города-порта Гвадар и проектов Белуджистан постепенно преобразовывался в центр повышенного внимания федеральных властей, местного населения и группировок боевиков.

Власти полагали, что реализация проектов КПЕК в провинции одновременно ставит целью подъем социально-экономического развития, что, в свою очередь гарантирует внутриполитическую стабильность. Местное население Белуджистана в те годы активно поддержало строительство проектов КПЭК. Инициативы развития позитивно влияли на жизнь местного населения; власти обещали улучшить систему здравоохранения, повысить социальное обеспечение, предоставить рабочие места, сокращая тем самым безработицу. По состоянию на 2016 г. около 71% людей в Белуджистане жили в бедности, в то время как в других провинциях этот показатель намного ниже. Большая часть населения Белуджистана жила в сельских районах, но только 25% деревень имеют электричество.

Федеральные власти выполняют обещание повысить социальный уровень жизни населения, но крайне и крайне медленно, что и вызывает возмущение местного населения. Сепаратистски настроенные группы населения рассматривают Китай как один из источников их несчастий. Именно китайские рабочие, по их мнению, «отнимают» у местных рабочие места и контролируют месторождения полезных ископаемых.

В ответ участились нападения на китайских рабочих с 2015 г., но не только в Белуджистане, но и во внутренних районах страны. В последние годы белуджские группировки изменили тактику и значительно укрепили свои оперативные возможности. В Карачи в 2018 г. – нападе-

ние на китайское консульство; в 2019 г. – штурм гостиницы в Гвадаре, где проживали китайские рабочие, в 2020 г. – подрыв автобуса с китайскими преподавателями Института Конфуция[14].

Озабоченность китайцев вызывает рост терроризма; с момента строительства КПЭК безопасность остается главным вызовом властей. Именно в те годы тогдашний главный министр Абдул Малик Балуч инициировал в 2018 г. процесс примирения с сепаратистами в Белуджистане и добился успехов (часть боевиков сложила оружие).

Второй целью белуджские сепаратисты выбрали силы безопасности Пакистана. Альянс трех запрещенных организаций – Фронт освобождения Белуджистана, Республиканская армия Белуджистана и Республиканская гвардия Белуджистана ***с***овершали нападения на охрану объектов в близлежащих к Гвадару районах[15].

В последние годы некоторые региональные и/или внерегиональные организации, по заявлениям обеих столиц, причастны к переброске террористов в Афганистан через Иран и Пакистан. Дополнительным вызовом властям Белуджистана и силам безопасности стали иностранные террористические группировки. Уже более десяти лет на ее территории действует запрещенная организация Исламское государство (ИГИЛ)[16].

Всплеск активности боевиков в Белуджистане совпал с эскалацией террористических нападений со стороны Движения Талибан Пакистана (ДТП, запрещена в 2009 г., но действует и в настоящее время), которые нацелены на пакистанские силы безопасности в районах племен на границе с Афганистаном.

Власти Пакистана подчеркивают, что активность антифедеральных террористических группировок, способность белуджских боевиков совершать громкие теракты невозможна без сильной внутренней и внешней сети поддержки[17].

2023–2024 гг. не стали исключением и не принесли нормализацию в пакистано-иранские отношения. Турбулентный внутриполитический период в Пакистане осложнялся масштабным избирательным процессом. 8 февраля 2024 г. к избирательным урнам пришли 128,58 млн человек. Силы безопасности и армейские подразделения были приведены в со-

---

[14] Attack on Chinese consulate in Karachi planned in Afghanistan with support of Indian agency // Dawn. 11.01.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1456906/attack-on-chinese-consulate-in-karachi-planned-in-afghanistan-with-support-of-indian-agency (accessed: 11.01.2024).

[15] Siddiqui N. 13 security personnel, 7 private guards martyred in two attacks in Ormara, North Waziristan // Dawn. 15.10.2020. URL: https://www.dawn.com/news/1585213/13-security-personnel-7-private-guards-martyred-in-two-attacks-in-ormara-north-waziristan (accessed: 31.01.2024).

[16] Запрещена на территории РФ.

[17] Hussain Z. Growing security concerns // Dawn. 09.02.2022. URL: https://www.dawn.com/news/1674118/growing-security-concerns (accessed: 11.02.2024).

стояние повышенной готовности, однако не смогли предотвратить серию терактов в основном в провинциях Хайбер-Пахтунхва и Белуджистане.

Внешнеполитические ведомство подтвердило, что «…Пакистан мирно и успешно провел всеобщие выборы, одновременно сталкиваясь с серьезными угрозами безопасности, возникающими, прежде всего, из-за терроризма, спонсируемого из-за границы»[18].

Белуджские группировки, выступавшие против федеральной власти Пакистана, громили избирательные участки, атаковали пакистанские силы безопасности, включая взрывы с дистанционным управлением и нападения с использованием тяжелого и автоматического оружия.

В прошлые годы группировки брали ответственность за срыв избирательных кампаний в провинции, критиковали избирательный процесс как инструмент увековечения «оккупации» региона[19]. Учитывая прошлые вызовы, 8 февраля 2024 г. погранпереходы на границе с Афганистаном и Ираном власти закрыли на один день[20].

Заключение

Повстанческое вооруженное сепаратистское движение в Белуджистане – часть современной истории и белуджского этноса, и провинции Пакистана.

Белуджистан – переплетение нескольких стихий: необъятные территории, россыпь полезных ископаемых, климатические потрясения, низкая плотность населения, выгодное геостратегическое положение, открывающее путь к Большой Центральной Азии.

Административно и политически неорганизованное местное население не в силах противостоять власти центральных администраций. Их борьба за социальное развитие региона часто выражается в форме вооруженного протеста, целями которого в разные годы были этнические меньшинства, иностранная рабочая сила, федеральная армия, иранские силы безопасности и т. д.

Конфликт низкой интенсивности в Белуджистане носит постоянный характер и в ближайшей перспективе не имеет финала, так как слишком много действующих сил заинтересованы в его поддержании.

---

[18] Press release. Ministry for foreign affairs. General Elections 2024. 10.02.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/general-elections-2024 (accessed: 11.02.2024).

[19] BRAS Claims 20 Attacks on Pakistani Forces and Election Campaigns in Balochistan // The Balochistan Post. 08.02.2024. URL: https://thebalochistanpost.net/2024/02/bras-claims-20-attacks-on-pakistani-forces-and-election-campaigns-in-balochistan/ (accessed: 03.02.2024).

[20] Press release. Ministry for foreign affairs. Statement by the Spokesperson on Closure of Border Crossings with Afghanistan and Iran on 8 February 2024. 07.02.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/statement-by-the-spokesperson-on-closure-of-border-crossings-with-afghanistan-and-iran-on-8-february-2024 (accessed: 08.02.2024).

Литература / References

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 265–271. [Belokrenitskiy V.YA., Moskalenko V. N. Istoriya Pakistana. XX vek. M.: IV RAN, Kraft+, 2008. Pp. 265–271 (In Russian)].
2. Галищева Н. В. Экономика Пакистана. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 46–55. [Galishcheva N. V. Ekonomika Pakistana. M.: MGIMO-Universitet. 2018. Pp. 46–55. (In Russian)].
3. Энциклопедия Пакистана. М., 1998. С. 60–61. [Entsiklopediya Pakistana. M., 1998. Pp. 60–61. (In Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resource

1. Abdullah H. The Consortium Of Terror // Dawn. 03.02.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1084387/the-consortium-of-terror (accessed: 31.01.2024).
2. Attack on Chinese consulate in Karachi planned in Afghanistan with support of Indian agency // Dawn. 11.01.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1456906/attack-on-chinese-consulate-in-karachi-planned-in-afghanistan-with-support-of-indian-agency (accessed: 11.01.2024).
3. BRAS Claims 20 Attacks on Pakistani Forces and Election Campaigns in Balochistan // The Balochistan Post. 08.02.2024. URL: https://thebalochistanpost.net/2024/02/bras-claims-20-attacks-on-pakistani-forces-and-election-campaigns-in-balochistan/ (accessed: 03.02.2024).
4. CJCSC Gen Raja meets Iranian president, discusses bilateral and strategic cooperation // Dawn. 02.07.2022. URL: https://www.dawn.com/news/1697807/cjcsc-gen-raza-meets-iranian-president-discusses-bilateral-and-strategic-cooperation (accessed: 01.02.2024).
5. Government of Pakistan. National Counter Terrorism Authority. Islamabad. 78 Organizations Proscribed by Ministry of Interior u/s 11-B-(1) r/w Schedule-I, ATA 1997. URL: https://nacta.gov.pk/wp-content/uploads/2018/12/Proscribed-OrganizationsEng-3.pdf (accessed: 31.01.2024).
6. Hasan S. Analysis: Managing the Baloch insurgency // Dawn. 26.11.2014. URL: https://www.dawn.com/news/1146969/analysis-managing-the-baloch-insurgency (accessed: 11.02.2024).
7. Hussain Z. Growing security concerns // Dawn. 09.02.2022. URL: https://www.dawn.com/news/1674118/growing-security-concerns (accessed: 11.02.2024).
8. Iran warns will hit ‘militant safe havens’ inside. Pakistan // Dawn. 08.05.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1331829/iran-warns-will-hit-militant-safe-havens-inside-pakistan (accessed: 02.02.2024).
9. Iran’s Top Commander Warns to Attack Terrorists’ Hideouts in Pakistan // Alalam News. 08.05.2017. URL: http://en.alalam.ir/news/1965009 (accessed: 28.01.2024).
10. Iran warns will hit ‘militant safe havens’ inside. Pakistan // Dawn. 09.05.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1331829/iran-warns-will-hit-militant-safe-havens-inside-pakistan (accessed: 12.02.2024).
11. Iran’s Top Commander Warns to Attack Terrorists’ Hideouts in Pakistan // Alalam News. 08.05.2017. URL: http://en.alalam.ir/news/1965009 (accessed: 28.01.2024).
12. Kasi A. 300,000 people have left Balochistan, says HRCP chief // Dawn. 13.10.2014. URL: http://www.dawn.com/news/1137636/300000-people-have-left-balochistan-says-hrcp-chief (accessed: 10.02.2024).

13. Press release. Ministry for foreign affairs. General Elections 2024. 10.02.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/general-elections-2024 (accessed: 11.02.2024).
14. Press release. Ministry for foreign affairs. Operation Marg Bar Sarmachar. 18.01.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/operation-marg-bar-sarmachar (accessed: 28.01.2024).
15. Press release. Ministry for foreign affairs. Statement by the Spokesperson on Closure of Border Crossings with Afghanistan and Iran on 8 February 2024. 07.02.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/statement-by-the-spokesperson-on-closure-of-border-crossings-with-afghanistan-and-iran-on-8-february-2024 (accessed: 08.02.2024).
16. Press release. Ministry for foreign affairs. Pakistan's Strong Condemnation of the Unprovoked Violation of its Air Space. 17.01.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/pakistans-strong-condemnation-of-the-unprovoked-violation-of-its-air-space (accessed: 27.01.2024).
17. Syed B. Top national security body reviews CPEC projects // Dawn. 01.06.2017. URL: https://www.dawn.com/news/1336674/top-national-security-body-reviews-cpec-projects (accessed: 28.01.2024).
18. Siddiqui N. 13 security personnel, 7 private guards martyred in two attacks in Ormara, North Waziristan // Dawn. 15.10.2020. URL: https://www.dawn.com/news/1585213/13-security-personnel-7-private-guards-martyred-in-two-attacks-in-ormara-north-waziristan (accessed: 31.01.2024).
19. Zarb-e-Azb improved security situation: COAS // The Nation. 24.12.2015. URL: http://nation.com.pk/national/24-Dec-2015/zarb-e-azb-improved-security-situation-coas (accessed: 25.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Замараева Наталья Алексеевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Zamaraeva Natalia A. – PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 05.03.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 14.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 05.03.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 14.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 314.74(560+520)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-192-207

ВОПРОСЫ ТУРЕЦКОЙ ИММИГРАЦИИ В ЯПОНИЮ В ЯПОНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Ольга Андреевна Ледовская
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
oaled@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-416-3132

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с иммиграцией в Японию турецких граждан и этнических граждан курдского происхождения, повлиявшие на развитие японо-турецких отношений. Анализируются проблемы турецких и курдских иммигрантов, связанные с низким уровнем признания беженцев в стране. Приводятся основные действующие законодательные положения, связанные с иммиграционной политикой в Японии, оказавшие влияние на иммиграцию турецких граждан в Японию.

Ключевые слова: турецкая иммиграция, турецкие граждане, этнические граждане курдского происхождения, низкий уровень признания беженцев

Для цитирования: Ледовская О. А. Вопросы турецкой иммиграции в Японию в японо-турецких отношениях. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):192-207. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-192-207

Original article. Politics studies

ISSUES OF TURKISH IMMIGRATION TO JAPAN IN JAPANESE-TURKISH RELATIONS

Olga Ledovskaya
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
oaled@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-416-3132

Abstract. The article discusses issues related to the immigration of Turkish citizens and ethnic citizens of Kurdish origin to Japan, which influenced the development of Japanese-Turkish relations. The problems of Kurdish immigrants related to the low level of recognition of refugees in the country are analyzed. The main current legislative provisions related to immigration policy in Japan, which affected the immigration of Turkish citizens to Japan, are presented.

Keywords: Turkish immigration, Turkish citizens, ethnic citizens of Kurdish origin, low level of refugee recognition

For citation: Ledovskaya O. A. Issues of Turkish Immigration in Japan in Japanese-Turkish Relations. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):192-207. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-192-207

Статья репрессирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

В XXI веке происходят крупномасштабные миграционные процессы, которые оказывают большое влияние на политическую, экономическую и социальную ситуацию внутри стран, а также на межгосударственные

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Ledovskaya O. A., 2024
© Eastern Analytics, 2024

отношения. Примером этому может послужить вопрос турецкой иммиграции в Японию и влияние этого процесса на политический диалог между Японией и Турцией.

В этой связи нельзя не упомянуть об определенной напряженности в двусторонних японо-турецких отношениях, возникшей в связи с новыми законодательными актами в Японии, связанными с вопросами трудовой миграции. В январе 2019 г. турецкая сторона выразила обеспокоенность в связи с новой политикой Токио в отношении трудовой миграции. Это было вызвано тем, что в декабре 2018 г. парламент Японии принял законодательные поправки, которые впервые в послевоенной истории фактически отменили запрет на использование в стране иностранной рабочей силы. Власти были намерены ввести новую систему широкого найма рабочих-иммигрантов, которых будут использовать в 14 секторах экономики, где ощущалась нарастающая нехватка рабочих рук. Это, в первую очередь, строительство, сельское хозяйство, уход за больными и престарелыми, судостроение. Иностранцам с достаточным знанием японского языка предполагалось выдавать длительные визы на срок до пяти лет без права привозить свои семьи в Японию. Еще более квалифицированным зарубежным рабочим позволялось продлевать визы без ограничения срока, вплоть до получения постоянного вида на жительство. Представители этой категории получали право приглашать в Японию свои семьи.

При этом в контексте вступившего в силу в Японии 1 апреля 2019 г. закона о предоставлении вида на жительство для иностранцев было распространено уведомление с предварительным списком стран, включавшим Турцию, из которых не будут приниматься рабочие. В связи с этим 31 января 2019 г. в МИД Турции был вызван посол Японии Миядзава Акио, и до его сведения была доведена позиция турецкой стороны в отношении того, что «такое положение дел противоречит духу стратегического партнёрства между странами, их дружественным отношениям», и была выражена надежда на то, что «в самом скором времени данное решение (о включении в список Турции – ред.) будет пересмотрено» [Посол 2019].

Эти активные действия турецкой стороны привели к тому, что Япония достаточно оперативно исключила Турцию из числа стран, из которых запрещена трудовая миграция. 2 апреля 2019 г. в коммюнике МИД Турции было выражено удовлетворение «решением властей Японии исключить Турцию из числа стран, работники которых не смогут въезжать в страну из-за вступившего 1 апреля 2019 года закона о порядке

Статья репозиторирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Ледовская О. А., 2024
© Восточная аналитика, 2024

выдачи вида на жительство. Этот шаг соответствует духу дружественных отношений между Турцией и Японией, с которой сложились исторические и долгосрочные связи» [Турция, 2019]. Таким образом. очевидно, что турецкая сторона внимательно следит за происходящими миграционными процессами в Японии, а японская сторона стремится не обострять чувствительных для Анкары вопросов.

Здесь следует остановиться на основных аспектах, связанных с иммиграцией из Турции в Японию. Число турецких граждан в Японии начало увеличиваться в начале 1990-х гг. Как отмечают японские эксперты, в 1990 г. в Японии насчитывалось всего 205 турецких граждан [Takeshita 2015, p. 196]. При этом отмечается отсутствие точных сведений о происхождении этого миграционного движения, однако предполагается, что самые ранние иммигранты из Турции были родом из города Фатса в провинции Орду в Центрально-Черноморском регионе Турции. Кроме того, существуют также этнические граждане Турции курдского происхождения, которые начали приезжать в Японию примерно в середине 1990-х гг. в результате политических проблем на родине.

В 1990-е гг. почти все турецкие и курдские иммигранты прибывали в Японию в качестве туристов. Затем, по истечении срока действия их туристических виз, они становились нелегалами среди многих других нелегальных иммигрантов, прибывших в Японию в этот период. Этому во многом способствовал экономический бум в Японии в 1980-е гг., который привлек в страну граждан мужского пола из различных азиатских стран, в том числе из Турции. Турок привлекали возможности трудоустройства и получения высокого уровня доходов. Приехавшие в Японию в качестве туристов, они затем работали без разрешений в компаниях по сносу зданий, строительстве и небольших производственных компаниях и на автомобильных заводах [Avci 2020, p. 105].

До 2010 г. число турецких и курдских просителей убежища было неопределенным. Однако после решения японского правительства в 2020 г. предоставлять разрешения на работу законно проживающим заявителям о предоставлении убежища число турецких и курдских просителей убежища начало неуклонно увеличиваться, отражая более общую тенденцию в подаче заявлений о предоставлении убежища в Японии. Заявки поступили от 94 чел. в 2009 г., а в 2017 г. – от 1195 чел. [Sirkeci 2017, p.127–144]. Граждане Турции в течение двух лет – в 2012 и 2013 гг. – возглавляли список обратившихся за убежищем в Японии.

При этом необходимо принимать во внимание внутриполитические события в Турции, повлиявшие на этот процесс. После 2013 г. политика в стране стала более поляризованной, а неудавшаяся попытка государственного переворота в июле 2016 г. привела к резкому росту иммигра-

Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

ции из Турции в 2016 и 2017 гг. [Sirkeci 2017, p. 127–144]. Несмотря на то, что государственный переворот не увенчался успехом, его последствия для турецкого общества были существенными: законодательными указами были уволены тысячи правительственных чиновников, учителей, сотрудников силовых ведомств, были проведены кадровые чистки, в частности, в МИДе Турции [Yilmaz, Turner 2019, p. 691]. У почти двухсот студентов, участвовавших в государственной стипендиальной программе, стипендии были аннулированы [Avci 2020, p. 32].

Настоящей информационной бомбой стало сообщение, что после неудавшегося переворота один из сотрудников консульства Турции в Казани сбежал в Японию [Японские дипломаты 2016]. Как отмечали эксперты, это было удивительным выбором страны для побега для турецкого гражданина, так как «власти Японии в прекрасных отношениях с Эрдоганом и, более того, крайне редко дают убежище политическим беглецам» [Японские дипломаты 2016].

Одним из факторов, способствовавших турецкой иммиграции в Японию, явилось соглашение о взаимной отмене виз между Турцией и Японией, вступившее в силу в 1958 г., которое позволяет гражданам Турции посещать Японию на срок до 90 дней без визы в туристических целях. Кроме того, в Японии действует нормативный акт, позволяющий повторное обращение и получение разрешения на работу более чем через шесть месяцев после подачи заявления о предоставлении убежища, введенный правительством в 2010 г. Как отмечают эксперты, «эти факторы способствуют предоставлению убежища мигрантам в Японии и создают особые рамки возможностей для граждан Турции» [Avci 2020, p.12].

Большинство беженцев не проходят так называемую «процедуру определения». Защита беженцев обычно требует сотрудничества между министерствами и правительственными учреждениями. Однако, руководствуясь вопросами безопасности, а не гуманитарными подходами, Министерство юстиции Японии несет единоличную ответственность за все вопросы, касающиеся беженцев: отвечает за принятие ходатайств о предоставлении убежища в целях их защиты после признания, несет ответственность за иммиграционный контроль.

Согласно исследованиям организации Amnesty International, японская политика в отношении беженцев была «несовершенной в ряде аспектов» [Avci 2020, p. 85] в результате «произвольной и чрезмерно политизированной» процедуры определения статуса, которая не соответствовала «международным обязательствам Японии» [Avci 2020, p. 85] в отношении защиты беженцев.

Пересмотр Закона об иммиграционном контроле и признании беженцев (ICRRA) в Японии в 2004 г. улучшил процесс определения статуса

Статья перархивирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

беженца в трех областях. Во-первых, было отменено «правило 60 дней». Теперь лицам, ищущим убежища, разрешалось подавать свои заявления даже по истечении 60 дней. Во-вторых, была введена система выдачи разрешений на временное пребывание, позволяющая нелегальным резидентам иметь статус законного резидента в процессе определения статуса беженца, если они подают заявление о предоставлении убежища. И, наконец, проверка статуса беженца включала в процесс административного рассмотрения деятельность консультантов. Однако этих изменений было далеко недостаточно для решения всех проблем, связанных с политикой Японии в отношении беженцев [Avci 2020, p. 87]. Тем не менее простой отмены «правила 60 дней» было достаточно, чтобы увеличить число ходатайств о предоставлении убежища, которое почти утроилось в период с 2005 по 2006 г. [Avci 2020, p. 87].

Характерной особенностью турецкой иммиграции в Японию является компактное проживание мигрантов. Создание своих анклавов, которые становятся центрами притяжения вновь прибывающих, упрощает процесс психологической адаптации, делает более доступным в финансовом отношении приезд в страну.

Турецкие граждане в Японии в основном проживают в трех префектурах: Аити (город Нагоя), префектуры Токио и Сайтама (города Вараби и Кавагути). В префектуре Аити отмечается самая высокая концентрация турок (здесь проживает треть турок в Японии). Большая часть турецких граждан, проживающих в Нагое, родом из Фатса и Орду [Takeshita, Hanaoka 2015, p. 196]. Есть выходцы и из других городов, таких как Адыяман, Стамбул и Токат, хотя их численность значительно ниже по сравнению с жителями из Орду [Takeshita, Hanaoka 2015, p. 196]. Это этнические турки, поэтому турецкие эксперты в отношении них предпочитают использовать термин «турецкие иммигранты» [Avci 2020, 105].

Большинство из них работают разнорабочими на сносе зданий, строительстве и производстве. Примечательно, что при сносе строений турецкие иммигранты создали своего рода миграционную нишу. Через социальные сети новички легко находят работу в этих секторах. Опасный и непостоянный характер этих рабочих мест делает их нежелательными для самих японцев. Кроме того, по оценкам, в Японии насчитывается 8 млн пустующих домов и ожидается, что к 2033 г. это число увеличится до 20 млн [Avci 2020, p. 162]. Таким образом, индустрия сноса зданий растет и, как ожидается, продолжит расти в будущем.

Однако предложение рабочей силы далеко не соответствует спросу в этой отрасли экономики. В результате строительная отрасль (и снос зданий) в Японии испытывает значительную нехватку рабочей силы, что, в свою очередь, облегчает возможности трудоустройства турецких

Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

иммигрантов в этих секторах японской экономики [Takeshita, Hanaoka 2015, p. 200]. Для турецких иммигрантов характерен разнообразный род занятий в Японии. Есть высококвалифицированные специалисты, которые работают на престижных должностях в Токио. Кроме того, к этому списку могут быть добавлены учителя языковых школ, государственные чиновники и научные исследователи. Кроме перечисленных сфер деятельности есть турки, владеющие сувенирными магазинами или ресторанами и барами, а также топ-менеджеры, работающие в японских компаниях. Также нельзя не признать тот факт, что растет число турецких студентов, которые находятся в Японии с целью обучения.

В Токио действуют около тридцати турецких ресторанов (кебабных), где работают повара турецкого кебаба, приехавшие в Японию по визе квалифицированного мигранта, также там находит работу низкоквалифицированный персонал из Турции. Все они посещают турецкую мечеть (официально Токийская Камия и Турецкий культурный центр)[1] в Токио, которая служит местом сбора религиозных турецких граждан и играет важную роль в объединении тюрко-турецких граждан в Японии.

Эксперты в вопросах турецкой иммиграции считают, что «благодаря наличию работы, регулярной или нерегулярной, и возможности заключения брака в Японии, опыт турецких и курдских просителей убежища в Японии можно назвать «продуктивной ограниченностью» (concept of liminality) [Avci p. 229]. Это, по их мнению, связано с тем, что «получить убежище в Японии непросто. Это длительный процесс, который, скорее всего, закончится неблагоприятным решением, поскольку уровень признания беженцев в стране невысок. Единственный результат – возвращение в Турцию или повторная подача заявления – процесс, который может занять годы» [Avci 2020, p. 229].

В 2004 г., когда японское правительство объявило «пятилетний план по сокращению вдвое числа нелегальных иммигрантов», это коснулось и турецких граждан в Японии. Число просрочивших свою визу среди них сократилось, и начиная с конца 1990-х гг. все большее их число обращалось к японским властям с ходатайством о предоставлении убежища. По мнению турецкого исследователя Юсуфа Авчи, эту тенденцию можно рассматривать как часть более широкого изменения миграционных тенденций в Японии [Avci 2020, p. 104].

В этой связи следует особо выделить проблему курдских иммигрантов в Японии. В Сайтаме и, в частности, в городах Вараби и Кавагути проживает несколько тысяч курдов из Турции. В результате растущей политической напряженности и насилия в Турции многие курды искали

[1] Имам мечети назначается управлением по делам религий Турции.

Статья перепечатана в связи с нарушением научной этики — плагиатом

убежища в Европе [Mahmod 2016]. Однако получить убежище в европейских странах из-за строгих визовых требований было возможно не для всех. В этом контексте Япония стала альтернативой Европе для курдских просителей убежища благодаря вышеназванному соглашению об отмене виз, которое позволяло гражданам Турции посещать Японию в качестве туристов на срок до 90 дней без подачи заявления на визу. Несмотря на то, что у некоторых курдов были причины ходатайствовать о предоставлении убежища в Японии в течение этого периода, они не знали о такой возможности. Кроме того, по истечении 60 дней ходатайствовать о предоставлении убежища по существовавшим в то время правилам уже было невозможно[2]. Поэтому почти все они становились нелегальными мигрантами.

Широкую огласку в Японии получили несколько случаев нелегального пребывания курдов в Японии: в 1996 г. группа курдов из Турции, получив отрицательное решение по их заявлению на получение статуса беженцев в Токио, была депортирована в Турцию. В 1999 г. они вновь прибыли в Японию и повторили свое ходатайство. В связи с этим в Турцию был направлен японский адвокат по правам человека в рамках юридических консультаций курдам с целью сбора информации о них. После их депортации в Турцию они были там задержаны [Avci 2020, p. 108]. Спустя два года после этого в 2001 г. пятеро курдских просителей убежища объявили голодовку в Иммиграционном бюро Японии в Ибараки. Среди них оказался один из просителей убежища, задержанных в Турции после депортации из Японии в 1999 г. Он вернулся в Японию в 2001 г. и вновь подал прошение о предоставлении убежища в аэропорту Нарита. Голодовка была организована для того, чтобы остановить депортацию группы в Турцию. Через неделю после начала голодовки курду было предоставлено специальное разрешение на пребывание. Следует подчеркнуть, что впервые курдскому просителю убежища было предоставлено подобное разрешение [Asakura 2001].

Внимание японской общественности к курдам, ходатайствовавшим об убежище в Японии в 2001 и 2002 гг., не было случайным, т. к. граждане Турции стали главными претендентами на получение этого статуса в течение этих двух лет.

Кроме того, в 2003 г. 30 курдских представителей направили письмо в Министерство юстиции с просьбой разъяснить причины отказа курдам в получении статуса беженца со стороны японских властей. По сути, курды потребовали предать гласности информацию о беженцах и жаловались на поведение иммиграционного персонала в Японии [Matsubara

[2] Это правило действовало до 2004 г.

Статья пераграфирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

2003]. С годами содержание под стражей и голодовки превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни курдов, ищущих убежища в Японии. В этом отношении показателен пример одного курдского просителя убежища и его брата, находившихся под стражей в Иммиграционном бюро, которые в 2003 г. начали голодовку, требуя достойного обращения и переговоров с властями.

Год спустя, в 2004 г., их история попала в заголовки газет в Японии и за ее пределами. Они снова были в центре внимания, устроив сидячую забастовку у здания Университета Организации Объединенных Наций в Токио. Они потребовали от УВКБ ООН (Управление верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев) содействия в признании их беженцами. Как оказалось, Министерство юстиции Японии направило специальную миссию в Турцию для проверки достоверности их заявлений о предоставлении убежища. Однако, позже выяснилось, что миссия сотрудничала с турецкими силами безопасности, что привело к бегству из семей, т. к. они не чувствовали себя в безопасности. [Matsubara, 2004]. Протест в форме сидячей забастовки продолжался в течение следующих 72 дней и получил значительную общественную поддержку. В августе в УВКБ ООН в Японии была подана петиция, подписанная 3000 гражданами Японии, с просьбой оказать поддержку курдским семьям. [Matsubara, 2004]. Для УВКБ ООН и НПО, работающих с беженцами в Японии, сопротивление курдских просителей убежища было радикальным и даже создало некоторые неудобства для последних [Shindo 2009]. Протестующие ожидали, что японские власти признают их беженцами или будут способствовать их переселению в третьи страны при содействии УВКБ ООН в Японии. Однако в отношении всех членов семей из Турции были изданы приказы о депортации, и все они были временно освобождены [Ito 2004]. Однако два месяца спустя Министерство юстиции Японии решило не продлевать статус временного освобождения курдов и буквально на следующий день, 19 января 2005 г. их депортировали в Турцию [Avci 2020, p. 110].

Всего за месяц до этого, в декабре 2004 г. 60 000 граждан Японии подписали и направили письмо в Министерство юстиции в поддержку курдских просителей убежища, т. к. решение правительства о депортации было совершенно неожиданным и шокирующим для японской общественности. Курды были признаны мандатными беженцами УВКБ ООН. Соответственно, их депортация вызвала огромную негативную реакцию среди японской общественности [Ito 2005]. Через два года, в январе 2006 г. с помощью НПО семья одного из курдов переселилась в Новую Зеландию, а другого – переехала в Канаду в 2007 г. [Ito 2007]. В результате упомянутых выше инцидентов курдские просители убежища стали

Статья перепечатана в связи с нарушением научной этики — плагиатом

хорошо известной группой и почти символом борьбы просителей убежища в Японии. В то же время Иммиграционное бюро при министерстве юстиции Японии продолжало придерживаться строгой иммиграционной политики и в те годы не признало ни одного курдского просителя убежища беженцем.

В этот период ходатайство о предоставлении убежища также стало возможным для граждан Турции, которые являлись этническими турками. Поэтому, помимо курдов, турки также начали ходатайствовать о предоставлении убежища в Японии. Как упоминалось ранее, это было частью более общей тенденции, имевшей место в отношении предоставления убежища в Японии, которую эксперты назвали «миграцией с предоставлением убежища» [Avci 2020, p. 111].

Как отмечают японские эксперты, есть две причины, по которым курды, ищущие убежища, продолжают приезжать в Японию, даже несмотря на то, что они не были признаны беженцами в Японии. Во-первых, поскольку система определения статуса беженца допускает повторную подачу заявлений, лица, ищущие убежища, могут продлить свое пребывание в Японии просто путем повторной подачи заявления. Во-вторых, благодаря созданию этнической общины, основанной на семейных и родственных связях, курдские просители убежища могут поддерживать друг друга, даже если они не получают официальной поддержки от правительственных и местных учреждений. Несомненно, механизмы поддержки со стороны этнических групп имеют решающее значение для лиц, ищущих убежища, и, в частности, для турецких и курдских лиц, ищущих убежища.

Хотя число турецких и курдских просителей убежища росло год от года, японские власти продолжали проводить политику непризнания ни одного турецкого гражданина в качестве беженца. В то же время причины непризнания турецких граждан становились все более очевидными. По мнению экспертов, прочные дипломатические отношения между Турцией и Японией были причиной того, что курдским просителям было трудно найти убежище в Японии [Ito 2012]. Президент Турции Р. Т. Эрдоган неоднократно выступал против предоставления убежища сторонникам Рабочей партии Курдистана[3].

В то же время на политику японского правительства в отношении турок и курдов, иммигрировавших из Турции в Японию, влияют экономические и дипломатические интересы Токио в развитии и расшире-

[3] Турецкое правительство пыталось различными способами подавить свою оппозицию, в частности в курдской диаспоре. Так, например, президент Турции Эрдоган согласился на членство в НАТО Финляндии и Швеции только при условии, что эти две страны передадут членов курдской оппозиции турецкому режиму [Rauhala et al, 2022].

Статья репозиционирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

нии партнерства с турецкой стороной. И японская, и турецкая стороны, заявляя, что внешнеполитические и стратегические политические цели Японии и Турции не пересекаются и не сталкиваются ни в каких областях, вызывающих серьезную озабоченность [Esenbel 2013], старались избегать чувствительных для них сторон двустороннего стратегического партнерства.

В городе Кавагути находится бóльшая часть курдских просителей убежища в Японии[4]. Как правило, все они выходцы из деревень Северного Курдистана. Их неустойчивый правовой статус продолжает регулярно освещаться национальными и международными средствами массовой информации, и именно здесь стали очевидны проблемы системы временного освобождения. Почти все просители убежища, даже те, кто был временно освобожден, работали, чтобы выжить в Японии. Некоторые из них даже привлекались на общественные работы, финансируемые правительством. Один из курдских просителей убежища, который был временно освобожден, объясних такой противоречивый подход японского правительства: «Япония запрещает нам работать, но все знают, что без иностранцев эта страна столкнется с массой проблем. Работников не хватает, и молодые японцы не могут выполнять эту работу. Правительство знает это лучше, чем кто-либо другой» [Wilson et al 2016].

Ставшее известным в Японии географическое обозначение «Варабистан», происходящее от названия города Вараби, стало популярным выражением, особенно после 2015 г. Название «Варабистан» использовалось для того, чтобы подчеркнуть концентрацию курдских просителей убежища в городах Вараби и Кавагути [Rich 2016].

Турецкие и курдские просители убежища регулярно привлекали к себе внимание из-за их нестабильного статуса в Японии. Этому также способствовала напряженность между представителями курдской и турецкой диаспор в сообществе беженцев в Японии. Так, в 2015 г. турецко-курдская община попала в заголовки газет Японии вследствие драки, которая вспыхнула на избирательном участке недалеко от посольства Турции в Токио во время процесса голосования на парламентских выборах, когда группа курдов вывесила курдский флаг. Вокруг посольства находились сотни турецких граждан – турок и курдов, поэтому противостояние между ними переросло в масштабное столкновение, в результате которого несколько человек получили ранения, включая сотрудников полиции [Visser 2015].

Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

[4] Кавагути – японский город с наибольшим количеством иностранцев, в том числе выходцев из Китая, Кореи, Вьетнама, Непала и Филиппин.

Произошедшее столкновение стало результатом этнополитической напряженности внутри общины. Эксперты отмечали, что в интернете происходили споры между курдами и турками, жившими в Нагое. При этом турки не имели никаких связей с курдской общиной. А в районе большого Токио у курдов и турок сложились сложные конкурентные отношения на работе. Все это привело к открытым столкновениям между членами двух общин [Avci 2020, p. 113].

Об инциденте сообщили национальные и международные агентства, что, как подчеркивает турецкий исследователь Авчи, оказало негативное влияние на имидж турецких граждан в Японии [Avci 2020, p. 113]. В этой связи интерес представляет противоположное мнение Хаммонд Келли, эксперта по Восточной Азии университета Аркадзаса, которая считает, что большинство японцев не обращают внимание на эту ситуацию, что, возможно, указывает на то, что хотя МИД Японии считает свои отношения с Турцией важными, обычные японские граждане не в полной мере осведомлены о сложностях региональной политики на Ближнем Востоке. Хаммонд отмечает, что «отсутствие знаний об исламе создает препятствия для мусульман, живущих в Японии. Большинство немусульманского населения Японии, как правило, знакомо с хорошо известными исламскими доктринальными практиками, такими как воздержание от свинины и алкоголя. Однако очень немногие люди осведомлены о мусульманском населении Японии или о том, что многие мусульмане в Японии являются выходцами из Турции. Часто изображения мусульман в СМИ похожи на голливудские изображения и подчеркивают негативные стереотипы» [Hammond 2021].

Следует отметить, что правительство Японии, понимая важность ознакомления населения страны с исламским миром, запустило ряд программ, направленных на повышение осведомленности о мусульманской религии и мусульманах. Например, в 2001 г. Коно Йохэй, который возглавлял в то время МИД Японии, представил «Инициативу Коно», (официальное название «Диалог цивилизаций с миром Ислама») – план, направленный на укрепление и развитие двусторонних отношений с мусульманскими национальными государствами при одновременном просвещении японцев в отношении так называемого «мусульманского мира». При этом следует иметь в виду, что после 11 сентября 2001 г. в Японии произошла негативная реакция в отношении мусульман и проявилась тенденция к более тесному сотрудничеству с США в борьбе с терроризмом.

Небезынтересно отметить, что многие курды получают визы посредством заключения брака с японскими гражданами, и большинство из них благодаря этому получили «специальное разрешение на пребы-

Статья репрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

вание» (Zairyū Tokubetsu Kyoka) – визы, которые должны обновляться каждые три месяца, в то время как их обращения о получении статуса беженца находятся на рассмотрении властей. Те курдские иммигранты, обращения которых были отклонены, но они отказываются быть депортированы и, как правило, проводят время в иммиграционных тюрьмах (обычно от шести до 18 месяцев) в Синагаве (Токио) или Усику (в Ибараки).

Большинство проживающих в Японии курдов говорят на диалекте курманджи курдского языка. Чтобы найти работу, курды быстро учатся говорить по-японски; курдские женщины, в основном знают только базовые (основные) фразы японского языка (приветствия, слова благодарности и т. д.). Курдские дети, родившиеся или воспитанные с раннего возраста в Японии, часто растут трехъязычными – знают курдский, турецкий и японский языки. Курды, проживающие в Японии, пользуются культурными свободами, которые открыто не допускаются в Турции: им не запрещено использовать курдские флаги, слушать курдскую музыку, разговаривать на курдском языке, и праздновать курдский национальный праздник Навроз открыто и мирно в японских парках.

Важным шагом вперед в решении проблем турецкой иммиграции в Японии явилось предоставление в августе 2022 г. статуса беженца 30-летнему курду, имевшему турецкое гражданство, что явилось первым подобным случаем в Японии. Курдскому заявителю потребовалось восемь лет, чтобы получить статус беженца. Оба его заявления о предоставлении статуса беженца, которые он подал в апреле 2014 и 2018 гг. на том основании, что курдский народ подвергался преследованиям в Турции, были отклонены. В 2019 г. он подал иск в окружной суд Саппоро с требованием отменить решение не предоставлять ему статус беженца. После того, как окружной суд решил не отменять решение, он обжаловал постановление в вышестоящем суде. В мае 2022 г. в постановлении Верховного суда Саппоро был зафиксирован факт пыток истца, поскольку у него были синяки и шрамы, не характерные для повседневной жизни.

В постановлении суда также подчеркивалась угроза его преследования в случае депортации в Турцию. В связи с этим суд пришел к выводу, что он должен квалифицироваться как беженец, и что решение не признавать его таковым было незаконным. Решение было принято окончательно, поскольку японские власти решили не обжаловать его, так как пришли к выводу, что не возникло новых обстоятельств, которые могли бы помешать турецкому гражданину получить статус беженца [Hiraoka, Tauchi 2022]. Это событие было оценено в японских СМИ «как важное решение и большой шаг вперед» [Hiraoka, Tauchi 2022].

Статья репрессирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Новая волна миграции из Турции в Японию с начала 2000 г. привела к тому, что в настоящее время в Японии проживают более 5000 человек с турецким гражданством, из них около 2000 – курдов [Igarashi 2014, p. 62–63]. По данным Министерства юстиции Японии в 2013 г. из Турции в страну въехало 13470 чел., при этом в муниципалитетах было легально зарегистрировано 3083 турка [Igarashi 2014, p. 62–63]. По оценкам сотрудников посольства Турции в Японии, общее число турок в стране составляет более 6000, если учитывать нелегальных иммигрантов [Igarashi 2014, p. 62–63]. Таким образом, как число турок, легально въезжающих в Японию, так и число легальных резидентов увеличилось более чем вдвое с 2020 г. Они включают в себя представителей всех слоев общества, в том числе даже актеров и профессиональных борцов, некоторые из которых натурализовались. В Японии находится определенное количество как турецких, так и курдских беженцев. Некоторые из них получили визы через брак с гражданином Японии, другие получили «специальное разрешение на пребывание» – визы, которые должны продлеваться каждые три месяца, пока их заявление или апелляция на получение статуса беженца находится на стадии рассмотрения[5]. Эти беженцы сталкиваются с серьезными проблемами, поскольку японское правительство принимает очень мало просьб о предоставлении убежища, что означает, что многие из этих людей живут в постоянной неопределенности в обществе, где многие не говорят на японском языке, не имеют права работать и сталкиваются с неоднозначным будущим. При этом, по мнению экспертов, турецкие и курдские просители убежища не соглашаются просто на то, чтобы их ставили в положение неопределенности и пассивности. Напротив, они активно используют свое время для улучшения качества своей жизни и прилагают упорный труд, протестуя против ограниченности продуктивной жизни в Японии [Avci 2020, p. 156–193].

Очевидно, что в целом процесс приема и интеграции иностранцев, и в частности иммигрантов из Турции, в японское общество является крайне сложным. Однако, как отмечают эксперты в области иммиграции, в Японии постепенно начинают снимать ограничения на использование зарубежной рабочей силы. По мнению Акимото Дайсуке, доктора философии, научного сотрудника Института политики безопасности и развития Стокгольмского японского центра, «Япония изменит свою политику в области иммиграции и беженцев к лучшему и будет неукосни-

[5] Число мигрантов в Японии невероятно мало для страны Большой семерки, и ожидается, что оно кардинально не изменится, оставаясь примерно 0,2% от общей численности населения архипелага с 1990-х гг. и по прогнозам до 2030 г.

Статья ретракирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

тельно соблюдать соответствующие международные нормы в области прав человека, особенно *принцип невыдворения,* который гарантирует, что «никто не должен быть возвращен в страну, где ему могут быть причинены пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание и другой непоправимый вред» [Akimoto 2021]. Премьер-министр Японии Кисида Фумио в октябре 2023 г. заявил о расширении визового режима в стране, позволяющего иностранным рабочим и их семьям оставаться в Японии на неопределенный срок, – с двух отраслей (строительство и судостроение) до 11, включая чрезвычайно напряженный сектор услуг. «Мы должны учитывать общество, в котором мы сосуществуем с иностранцами», – подчеркнул он. [Reidy 2023].

Таким образом, несмотря на то, что Япония сохраняет национальную специфику в регламентации миграционной политики, можно ожидать смягчения иммиграционного законодательства по мере нарастания проблем с трудовыми ресурсами в стране.

Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

Литература / References

1. Avci Yusuf. An Ethnographic Inquiry into Being an Asylum Seeker in Japan. The University of Sheffield, 2020.
2. Igarashi Zeliha Müge. Intimacy Crossroads: Turkish – Japanese Transnational Marriages Through Lenses of Culture, Religion and Gender. Tokyo: Waseda university, 2014.
3. Shindo, R. Struggle for citizenship: interaction between political society and civil society at a Kurd refugee protest in Tokyo // Citizenship Studies. 13(3). 2009.
4. Takeshita Sh. and Hanaoka K. Turkish Communities and Islamic Education for Children in Aichi Prefecture // International Migrants in Japan / ed. Ishikawa Yo. Victoria, Australia: Trans Pacific Press and Kyoto University Press, 2015.
5. Yilmaz, Z. and Turner, B. S. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy // British Journal of Middle Eastern Studies. 2019. Vol. 46. No. 5. Pp. 691–698. DOI: 10.1080/13530194.2019.1642662.

Электронные ресурсы / Electronic resource

1. Посол Японии вызван в МИД Турции в связи с политикой о трудовой миграции // mk-turkey.ru. 31.01.2019. URL: https://mk-turkey.ru/politics/2019/01/31/mot-posol-yaponii-vyzvan-v-mid.html (дата обращения: 15.02.2020).
2. Турция удовлетворена решением Японии по закону о трудовой миграции // mk-turkey.ru. 04.02.2019. URL: https://mk-turkey.ru/politics/2019/04/02/mot-turciya-udovletvorena-resheniem-yaponii-po.html?ysclid=lqxrpxw9nx741585952 (дата обращения: 15.02.2020).
3. Японские дипломаты официально подтвердили побег в страну одного из сотрудников Генконсульства Турции в Казани // Реальное Время. 28.07.2016. URL: https://m.realnoevremya.ru/news/38356?ysclid=lqxs5jgg4c461004671 (дата обращения: 15.02.2020).

4. Akimoto Daisuke. Japan's Changing Immigration and Refugee Policy // The Diplomat. 12.03.2021. URL: https://thediplomat.com/2021/03/japans-changing-immigration-and-refugee-policy (accessed: 20.02.2022).
5. Asakura T. Hunger-striking Kurd granted permission to remain in Japan // Japantimes.co.jp. 29.04.2001. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2001/04/29/national/hunger-striking-kurd-granted-permission-to-remain-in-japan/ (accessed: 16.03.2002).
6. Esenbel Selcuk. Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? // Middle East Insitute. 04.10.2013.URL: https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia (accessed: 20.01.2014).
7. Ito M. Japan defies U.N., deport refugees // Japantimes.co.jp. 19.01.2005. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2005/01/19/national/japan-defies-u-n-deports-refugees (accessed: 15.02.2020).
8. Ito M. Sit-ins win new home, in Canada! // Japantimes.co.jp. 08.07.2007. URL: https://www.japantimes.co.jp/life/2007/07/08/general/sit-ins-win-new-home-in-canada/ (accessed: 20.01.2010).
9. Ito M. Desperate Kurd plays final asylum card // Japantimes.co. jp. 26.05.2012. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2012/05/26/national/desperate-kurd-plays-final-asylum-card/ (accessed: 25.12.2022).
10. Hammond, Kelly. Turkey and Japan are Old Friends. Can They Foster New Beginnings? // Newlinesmag.com. 07.10.2021. URL: https://newlinesmag.com/essays/turkey-and-japan-are-old-friends-can-they-foster-new-beginnings (accessed: 15.10.2021).
11. Hiraoka Haruto and Tauchi Kosuke. Japan grants refugee status to a Kurd of Turkish nationality // Asahi Shimbun. 10.08.2022. URL: https://www.asahi.com/ajw/articles/14691992 (accessed: 10.09.2022).
12. Matsubara H. Kurdish asylum-seekers stage sit-in in Shibuya // Lapantimes.co.jp. 17.07.2004. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2004/07/17/national/kurdish-asylum-seekers-stage-sit-in-in-shibuya/ (accessed: 20.01.2010).
13. Matsubara H. Asylum seekers want answers from minister // Japantimes.co.jp. 08.04.2003. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2003/04/08/national/asylum-seekers-want-answers-from-minister/ (accessed: 20.01.2010).
14. Mahmood J. Kurdish diaspora online. New York: Palgrave Macmillan. 2016 // Springer Link. URL: https://link.springer.com/book/10.1057/978–1–137–51347–2 (accessed: 15.10.2021).
15. Rauhala E., Birnbaum M., Nakashima E. Turkey blocks start of NATO talks on Finland's and Sweden's applications // Washingtonpost.com. 18.05.2022. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/18/finland-sweden-nato-apply (accessed: 20.01.2023).
16. Reidy G. Japan is bringing in more foreign nationals than you think. // Japantimes.co.jp. 06.08.2023. URL: https://www.japantimes.co.jp/commentary/2023/08/06/japan/japan-immigration/ (accessed: 10.111.2023).
17. Rich M. Ethnic Kurds find haven, but no home, in insular Japan // Nytimes.com. 16.08.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/08/17/world/asia/japan-kurds-refugees.html (accessed: 25.12.2022).

Статья репрессирована в связи с нарушением научной этики — плагиатом

18. Sirkeci I. Turkey's refugees, Syrians and refugees from Turkey: a country of insecurity // Researchgate.net. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/312164289_Turkey's_refugees_Syrians_and_refugees_from_Turkey_A_country_of_insecurity (accessed: 15.10.2021).
19. Turkish men arrested over October brawl near embassy // Japantimes.co.jp. 01.07.2016. URL: https://www.japantimes.co.jp./news/2016/01/07/national/crime-legal/turkish-men-arrested-october-brawl-near-embassy (accessed: 15.10. 2020).
20. Visser N. Violent clash erupts in Tokyo between Turks, Kurds ahead of Turkey's election // HuffPost. 26.10.2015. URL: https://www.huffpost.com/entry/violent-clash-erupts-in-tokyo-between-turks-kurds-ahead-of-election_n_562d55f8e4b0ec-0a3894d65f (accessed: 15.10.2020).
21. Wilson T., Saito M., Funakoshi M. and Miyazaki A. (2016) Banned from working, asylum seekers are building Japan's roads and sewers // Japantoday.com. 08.08.2016. URL: https://japantoday.com/category/national/banned-from-working-asylum-seekers-are-building-japans-roads (accessed: 25.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ледовская Ольга Андреевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Ledovskaya Olga A. – PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 08.01.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 02.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 08.01.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 02.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Статья ретрагирована в связи с нарушением научной этики – плагиатом

Научная статья. Политические науки
УДК 327(599)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-208-233

РАЗВОРОТ ПОЛИТИКИ ФИЛИППИН В 2023 Г. – ОТ ПОИСКА КОМПРОМИССОВ С КИТАЕМ ДО ЭСКАЛАЦИИ НАПРЯЖЕННОСТИ И ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Дмитрий Валентинович Мосяков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
d.mosyakov@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0003-2701-3533

Аннотация. В статье рассматриваются причины резкой эскалации напряженности в Южно-Китайском море у берегов Филиппин на рубеже 2023–2024 гг. Проводится анализ внешнеполитической деятельности правительства Филиппин и президента этой страны Фердинанда Маркоса-младшего. Показывается, что его политика, направленная на военное противостояние с Китаем из-за территориальных споров, на формирование при поддержке США военного блока, направленного против КНР, самым серьезным образом влияет на положение дел на тихоокеанских пространствах, сокращает безопасность восточноазиатских государств и усиливает их противостояние.

Ключевые слова: Филиппины, Китай, Южно-Китайское море, военный блок, соглашение, конфликт

Для цитирования: Мосяков Д. В. Разворот политики Филиппин в 2023 г. – от поиска компромиссов с Китаем до эскалации напряженности и военного противостояния в Индо-Тихоокеанском регионе. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):208-233. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-208-233

Original article. Politics studies

THE REVERSAL OF PHILIPPINE POLICY IN 2023 – FROM THE SEARCH FOR COMPROMISE WITH CHINA TO THE ESCALATION OF TENSION AND MILITARY CONFRONTATION IN THE INDO-PACIFIC REGION

Dmitry Mosyakov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
d.mosyakov@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0003-2701-3533

Abstract. The article examines the causes of the sharp escalation of tensions in the South China Sea off the coast of the Philippines at the turn of 2023–2024. The analysis of the foreign policy activities of the Government of the Philippines and the President of this country, Ferdinand Marcos Jr., is carried out. It is shown that his policy of military confrontation with China over territorial disputes, the formation of a military bloc with the support of the United States directed against the PRC, has the most serious effect on the state of affairs in the Pacific spaces, reduces the security of East Asian states and strengthens their confrontation.

Keywords: Philippines, China, South China Sea, military bloc, agreement, conflict

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Mosyakov D. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

For citation: Mosyakov D. V. The reversal of Philippine policy in 2023 – from the search for compromise with China to the escalation of tension and military confrontation in the Indo-Pacific region. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):208-233. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-208-233

На рубеже 2023–2024 гг. в ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе произошли довольно неожиданные и существенные перемены, вызвавшие резкое обострение обстановки в Южно-Китайском море, череду столкновений китайских и филиппинских кораблей, переброску на Филиппины военных кораблей и новых контингентов армии США, и, в целом, переход конфликта Китая и США на более высокий и опасный для мира и стабильности в АТР-ИТР уровень. Триггером для всех этих опасных событий стало радикальное изменение внешнеполитического курса Филиппин, которые от политики поиска компромиссов с Китаем перешли к политике военного давления на КНР, рассчитывая собрать в свою поддержку военный блок совместно с США и их союзниками в Азии. При новом президенте Фердинанде Маркосе-младшем, давно и тесно связанном с американскими правящими кругами, Филиппины полностью перешли на сторону США, добровольно взяв на себя функцию их прокси-союзника, и стали активно подбирать партнеров, готовых не просто поддержать их претензии на спорные рифы и отмели, но и участвовать совместно с филиппинскими моряками в патрулировании спорных вод.

Эскалация конфликта, фактически инспирированная правительством Филиппин, сильно повлияла на ход событий в Большой Восточной Азии (БВА), резко ускорила процесс милитаризации, который стал развиваться на фоне слабеющей региональной безопасности, позволила США и их союзникам распространять здесь свою военную инфраструктуру, создавая все новые угрозы экономическому процветанию многих азиатских государств.

Такого поворота событий в Южно-Китайском море мало кто ожидал даже среди соседей Филиппин, ведь большинство аналитиков полагали, что вокруг конфликта в ЮКМ будет и дальше развиваться вялотекущая борьба с взаимными обвинениями, но без серьезной эскалации, а главная угроза миру в БВА будет связана с результатами выборов на Тайване, с победой партии местных националистов с тем, что они собирались, придя к власти, провозгласить независимость от Китая, что неизбежно вызвало бы вооруженный ответ со стороны Пекина.

Эти страхи оказались напрасными, так как хотя Демократическая прогрессивная партия (ДПП) и победила на выборах 13 января 2024 г., а ее кандидат Лай Цэндэ был избран президентом Тайваня, он не риск-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Мосяков Д. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

нул не только объявлять независимость, но даже готовить референдум об отделении от Китая. Вместо этого он предпочел сохранить статус-кво и стал говорить, что ожидает от Пекина в будущем признать «новую ситуацию» и, проявив «ответственность», понять, что «только мир принесет пользу обеим сторонам пролива»[1].

Казалось, что после всех этих заявлений тайваньских политиков и сдержанной реакции КНР на результаты выборов ситуация в регионе должна была разрядиться, ведь фактически статус-кво в отношениях КНР и Тайваня остался прежним. Но этого не произошло, так как пальма «первенства» в эскалации напряженности перешла от мятежного китайского острова (скорее всего, временно) к спорным акваториям Южно-Китайского моря (ЮКМ), где неожиданно и очень быстро стал набухать новый очаг возможного конфликта – на сей раз вокруг Филиппин и их территориальных притязаний в ЮКМ.

Все началось с того, что в мае 2022 г. в результате всеобщих выборов вместо Родриго Дутерте президентом страны был избран сын бывшего диктатора Фердинанда Маркоса – Фердинанд Маркос-младший. После этого события Филиппины постепенно стали менять свою политику. Выяснилось, что отец нового президента совсем даже не кровавый диктатор, свергнутый в результате народного восстания, как утверждали раньше, а мудрый правитель, заботившейся о своем народе и большой друг США, которые были и будут лучшим союзником Манилы. Во внешней политике перемены оказались не менее радикальными – вместо традиционной политики балансирования между США и Китаем новые власти решили безоговорочно выбрать сторону США и превратить свою страну в «непотопляемый американский авианосец». В начале февраля 2023 г. США и Филиппины заключили соглашение о доступе американских военных к четырем филиппинским военным объектам. При этом США сохранили возможность возводить инфраструктуру еще на пяти базах в этой стране. Соглашение было подписано в ходе визита на Филиппины главы Пентагона Ллойда Остина[2].

Относительно того, почему руководство Филиппин отказалось от политики балансирования между США и Китаем, свернуло переговоры с Пекином и перешло на проамериканские позиции, существуют разные точки зрения. Одна – это то, что Маркос-младший учился и жил в США и самым тесным образом связан с американской правящей эли-

---

[1] Капкан захлопнулся: Тайвань объявил войну Си Цзиньпину // Царьград. 14.01.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/kapkan-zahlopnulsja-tajvan-objavil-vojnu-si-czinpinu_946175 (дата обращения: 15.01.2024).

[2] США расширят военное присутствие на Филиппинах // Интерфакс. 02.02.2023. URL: https://www.interfax.ru/world/884313 (дата обращения: 15.01.2024).

той и готов служить ее интересам. Есть и другая версия, что его поворот к США вызван очевидным разочарованием уже филиппинской элиты тем, что сближение с Китаем так и не продвинуло интересы страны в Южно-Китайском море. Дело в том, что политика сближения с Пекином и показной антиамериканизм Дутерте, который в свое время назвал президента США Барака Обаму «сукиным сыном» за то, что тот собирался обсудить с ним права человека на Филиппинах[3], особых результатов не дали, претензии филиппинцев на то, что они считают принадлежащими им островами и акваториями, так и не были признаны руководством КНР. Спорные территории на островах Спратли, оставались под полным контролем Китая. К тому же никакие совместные проекты с китайскими компаниями по исследованию и добыче полезных ископаемых со дна Южно-Китайского моря, о чем так любил говорить Дутерте, так и не были реализованы и никакой перспективы для Филиппин так и не открыли. А ведь надежды на это были и еще в августе 2019 г. китайский лидер Си Цзиньпин на встрече с президентом Филиппин Родриго Дутерте говорил, что Китай и Филиппины, возможно, объединят усилия в разведке и разработке спорных нефтегазоносных участков недр на шельфе Южно-Китайского моря. Однако предложенный филиппинцами раздел 60 на 40 в свою пользу китайцев совершенно не устроил[4].

Еще одна причина сближения с США вызвана тем, что к власти вместе с Маркосом-младшим вернулась традиционная филиппинская, а точнее – манильская правящая элита. А эта элита всегда – и в 1935 г., когда Филиппины получили автономию в рамках США, и во время Тихоокеанской войны, и в 1946 г., когда страна получила независимость, – оставалась проамериканской, гордилась этим, ее представители в большинстве своем учились в США и даже тогда, когда в начале 90-х гг. под влиянием националистов правительство Филиппин заставило американцев покинуть их ключевые базы в стране (Субик бей и Кларкфилд), манильская элита противилась такому шагу, доказывая, что рано или поздно американцы обязательно вернутся.

И вот в середине 2023 г. этот прогноз оправдался, и сейчас можно вполне определенно сказать, что возвращение США состоялось, причем американцы вернулись не просто в рамки старых границ своего при-

---

[3] Президент Филиппин об отношениях с США: не люблю, когда мною командуют // РИА Новости, 28.11.2016. URL: https://ria.ru/20161128/1482288345.html?ysclid=ls4m75is7f515415270 (дата обращения: 15.01.2024).

[4] С. Цзиньпин & Р. Дутерте. Китай может согласиться на совместное с Филиппинами освоение спорных участков недр на шельфе Южно-Китайского моря // Нефтегаз.ру. 30.08.2019. URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/483509-s-tszinpin-r-duterte-kitay-mozhet-soglasitsya-na-sovmestnoe-s-filippinami-osvoenie-spornykh-uchastko/?ysclid=lr9aak4lua917790806 (дата обращения: 15.01.2024).

сутствия, но существенно его расширили после того, как в их распоряжение были переданы четыре новые военные базы. Правда, в соглашении было сказано, что они передаются временно – на условиях договора о расширенном оборонном сотрудничестве от 2014 г. (Enhanced Defense Cooperation Agreement), по которому Америке позволено было осуществлять ротацию войск на Филиппинах для длительного пребывания и строить и эксплуатировать объекты на филиппинских базах как для американских, так и для филиппинских вооруженных сил[5].

О том, что почти забытое при правлении Дутерте соглашение (EDCA) получило «вторую жизнь», объявили американцы в мае 2023 г. В заявлении их военного ведомства было сказано, что «США увеличат военное присутствие на Филиппинах, и разместят войска еще на четырех новых военных базах». Согласно тексту заявления, «Вашингтон должен выделить дополнительно 82 млн долларов на улучшение инфраструктуры на пяти действующих военных базах с американскими военнослужащими, а также на размещение войск на четырех новых базах» Было сказано, что они будут основаны в стратегических районах Филиппин, причем, где именно в заявлении не уточнялось[6].

По информации агентства Ассошиэйтед пресс, власти Филиппин еще до подписания официального соглашения сообщали, что США хотят получить доступ к пяти объектам на острове Лусон. Два из них находятся на севере острова рядом с Тайваньским проливом, три расположены на западном побережье, которое выходит на спорную акваторию Южно-Китайского моря[7].

На основании того, как американцы расположили свои новые военные базы на Филиппинах, можно сделать вполне определенный вывод о том, что они рассчитывают использовать территорию Филиппин для возможного участия в двух конфликтах: один – вокруг Тайваня, второй – в Южно-Китайском море. Они уже давно активно присутствуют в Восточной и Юго-Восточной Азии, постоянно провоцируя Китай вылазками своих эсминцев, которые с определенной регулярностью под предлогом защиты свободы судоходства проходят через акватории, которые

---

[5] Q&A on the Enhanced Defense Cooperation Agreement, Philippine Department of Foreign Affairs // Official Gazette of the Republic of the Philippines. 28.04.2014. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/2014/04/28/qna-on-the-enhanced-defense-cooperation-agreement/ (accessed: 16.01.2024).

[6] США договорились с Филиппинами об увеличении американского военного присутствия в стране // Коммерсантъ. 02.02.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5798762 (дата обращения: 15.01.2024).

[7] US, Philippines agree to larger American military presence // AP. 02.02.2023. URL: https://apnews.com/article/politics-district-of-columbia-lloyd-austin-philippines-china-5a7e51e66e71566ce93e0849b94efc26?utm_source=homepage&utm_medium=TopNews&utm_campaign=position_05 (accessed: 16.01.2024).

в Пекине объявили запретными, причем бывали случаи, когда они двигались буквально под дулами китайских пушек, расположенных на искусственных островах.

Одна из целей таких действий заключается в том, чтобы показать свою решимость противостоять КНР и тем самым убедить страны АСЕАН и, прежде всего, Вьетнам, как сильнейшую военную силу в регионе, присоединиться к антикитайской политике.

Пока эти попытки ожидаемого результата не дают, Вьетнам твердо выдерживает дистанцию в отношениях с США, а с Таиландом, Малайзией и Индонезией у американцев сохраняются довольно сложные отношения, только Филиппины из всех стран АСЕАН остаются участником американской «большой игры». Этим и вызван такой всплеск внимания, которое Вашингтон ныне уделяет Филиппинам. Для укрепления связей с Манилой власти США пошли даже на то, чтобы пересмотреть некоторые предыдущие подходы относительно поддержки усилий Филиппин в спорных районах ЮКМ. Ведь раньше они говорили, что спорные территории – это не их зона ответственности, что это отдельные отношения Филиппин с КНР, и в рамках договора безопасности 1951 г. они никакого участия в этих спорах принимать не намерены. Они будут защищать лишь исключительно международно-признанные границы Филиппин. Однако после серии столкновений китайских и филиппинских кораблей в октябре 2023 г. помощник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан заверил Манилу в поддержке Вашингтона при столкновениях в спорных морских акваториях. Об этом было сказано в заявлении, распространенном пресс-службой Белого дома по итогам телефонного разговора Салливана с советником по национальной безопасности Филиппин Эдуардо Аньо.

Из документа следует, что Салливан «подтвердил поддержку Соединенными Штатами филиппинских союзников после опасных и незаконных действий береговой охраны и морской полиции КНР 22 октября» в ЮКМ. Салливан и Аньо «обсудили предстоящее американо-филиппинское взаимодействие, а также пути дальнейшего углубления тесного партнерства». Помощник американского президента подчеркнул, что договор о взаимной обороне между странами «распространяется на вооруженные атаки на филиппинские государственные суда, авиацию и вооруженные силы», в том числе на корабли береговой охраны в ЮКМ»[8].

Такая позиция одного из ключевых сотрудников администрации Белого дома вполне понятна – США проводят политику постоянного

[8] Вашингтон выступил в поддержку Манилы после столкновения кораблей Филиппин и КНР в ЮКМ // ТАСС. 23.10.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19095175?ysclid=lrawuwi6v4627750581 (дата обращения: 15.01.2024).

давления на Китай и расширение их зоны ответственности на спорные территории, открывает возможность американцам в любой момент вмешаться в конфликт Филиппин и Китая, направив в зоны противостояния свои вооруженные силы от чего они раньше, несмотря на просьбы филиппинцев, всегда отказывались.

Естественно, что новые американские подходы к определению границ участия в конфликте с Китаем сильно воодушевили филиппинскую элиту и военных и стали важным импульсом и определенным оправданием в пользу резкого поворота Филиппин к военному сотрудничеству с США и к фактическому переходу на американскую сторону в конфликте с Китаем. Поразительно, насколько важным здесь оказалась личность президента Маркоса-младшего с его проамериканскими и антикитайскими взглядами, который после определенных колебаний в 2022 г. перешел свой Рубикон в 2023 г., когда резко изменил внешнеполитический курс страны и направил ее по очень опасному руслу эскалации напряженности в отношениях с КНР в расчете на поддержку США и их союзников.

Этот шаг по своему эффекту оказался подобен «первому камню», который падает с горы, провоцируя сход лавины. Разворот Маркоса-младшего к эскалации отношений с Китаем и его переход на сторону США дал импульс к таким переменам, которые за короткое время изменили весь военно-политический ландшафт Восточноазиатского региона. Конфигурация и баланс сил в ЮКМ стали меняться, а вокруг филиппино-китайского спора начала формироваться военная коалиция. Контуры ее прояснились, после встречи в Токио в июне 2023 г. Джейка Салливана со своими японскими и филиппинскими коллегами с целью, как было сказано в коммюнике, «наметить пути укрепления трехстороннего сотрудничества». Участники встречи обсудили проблемы безопасности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в том числе ядерные и ракетные программы Северной Кореи, и подтвердили необходимость поддержания мира в Тайваньском проливе, указав, что «свободный и открытый морской порядок» имеет решающее значение в Индо-Тихоокеанском регионе, «особенно учитывая односторонние попытки изменить статус-кво силой или принуждением»[9].

Как видно из вопросов, обсуждавшихся на встрече, зона ответственности вооруженных сил союзников должна охватывать не только собственно ЮКМ, как того желали филиппинцы, но и практически все клю-

[9] США, Япония и Филиппины решили укреплять трехсторонний оборонный потенциал // The Epoch Times. 20.06.2023. URL: https://www.epochtimes.ru/mir/aziya/ssha-yaponiya-i-filippiny-reshili-ukreplyat-tryohstoronnij-oboronnyj-potentsial-181118/?ysclid=lrorom5p3m362266245 (дата обращения: 15.01.2024).

чевые конфликтные точки региона. Более того, Салливан отметил, что новая трехсторонняя структура должна стать частью нескольких союзов с участием Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе, включая трехстороннее сотрудничество с Японией и Южной Кореей и четырехсторонний диалог по вопросам безопасности с Австралией, Индией и Японией[10].

Возникновение очередного военного союза с американским участием, причем первого после распада военного блока СЕАТО (South-East Asia Treaty Organization) в 1977 г., где бы участвовало юго-восточноазиатское государство, стало доказательством того, что США шаг за шагом планомерно выстраивают систему антикитайских альянсов различной конфигурации, и ставка на постепенное втягивание государств региона в этот процесс является долговременным и продуманным курсом. Как считают аналитики, в последнее время «Вашингтон активизировал усилия по укреплению альянсов в Азии на фоне все более напряженного соперничества с Китаем»[11]. Судя по январской 2024 г. публикации в *Foreign Affaires*, одна из главных американских задач состоит в том, чтобы создать коалицию стран и в случае какого-нибудь события, которое они посчитают агрессией со стороны Китая, начать конвенциональную, а не ядерную войну, которую автор статьи называет слишком разрушительной. Расчет делается на то, что «если Китай не сможет быстро достичь своих целей, то нейтральные страны Индонезия, Вьетнам, Сингапур могут объединить усилия, чтобы противостоять агрессии». Естественно, что пока участие ключевых стран АСЕАН в системе американских альянсов не более чем пожелание, к реальности отношения не имеющее, как, впрочем, и рассмотренные в статье какие-то правила и «красные линии», которых руководство КНР должно придерживаться в войне с возглавляемой американцами военной коалицией[12]. Но то, что все эти рассуждения опубликованы в ведущем американском аналитическом журнале по международной политике, говорит о том, что в Америке все более реальной видят возможность конфликта с Китаем, даже само название статьи «Готовиться к длительной войне с Китаем» указывает на то, что этот вопрос в начале 2024 г. стоит на повестке дня. Возможно, в Америке кто-то крайне влиятельный предполагает, что успешная конвенциональная война по их правилам

---

[10] Ibid.

[11] Biden dispatching Sullivan to Tokyo for talks with Japan, Philippines, South Korea officials // AP. 14.06.2023. URL: https://www.yahoo.com/entertainment/biden-dispatching-sullivan-tokyo-talks-002941245.html (accessed: 16.01.2024).

[12] Preparing for a Long War With China // Foreign Affair. 12.12.2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/united-states-big-one-krepinevich (accessed: 16.01.2024).

сможет помочь решить многие проблемы кризиса власти и общества в этой стране.

Еще одна важная проблема, вполне успешно решаемая американцами на опыте Филиппин – это поддержка обществом проамериканского и антикитайского курса. На Филиппинах осуществленный Маркосом-младшим разворот в сторону США получил довольно значительную поддержку. Естественно, против выступил бывший президент Родриго Дутерте, тесно связанный с китайским капиталом, который уже давно не обладает серьезными политическими возможностями и влиянием и опасается привлечения международным судом в качестве обвиняемого. Только отдельные и маловлиятельные политики выступили против того, что президент резко отходит от согласованной политики стран АСЕАН, суть которой в том, чтобы сохранять независимый статус и быть равноудаленными и от США, и от Китая, и самим ходом событий вновь превращает Филиппины в вассала США. Отсутствие серьезных протестов против этой политики вызвано было еще и тем, что Маркос-младший и его окружение развернули успешную пропагандистскую кампанию, смысл которой заключался в том, чтобы убедить филиппинцев, что американцы – лучшие друзья, они помогут освободить захваченные Китаем акватории в ЮКМ, где находятся богатые месторождения нефти и газа. Их использование в интересах Филиппин поможет существенно улучшить и повысить качество и уровень жизни за счет организации добычи и продажи больших запасов нефти и газа, расположенных на филиппинском шельфе.

В этих обещаниях есть свой резон, так как только район отмели Reed Bank, на которую филиппинцы претендуют, может, по оценкам специалистов, содержать довольно значительные запасы нефти и газа. По данным министерства энергетики США, в этом районе находятся запасы нефти до 5,4 млрд баррелей и газа до 55,1 трлн кубометров[13].

Но в филиппинских притязаниях речь идет не только о Reed Bank, но и о более чем 20 других участках месторождений углеводородов, право на разработку которых может быть выставлено на аукцион. Для жителей Филиппин возможность вернуть при поддержке США и других союзников всё это богатство, вероятно, единственная надежда на лучшее, так как за три с лишним десятилетия правления либералов (после устранения Фердинанда Маркоса в 1986 г.) нищета и безработица в стране сильно увеличились. Рост экономики все эти годы заметно уступал партнерам по АСЕАН – Малайзии, Таиланду и Индонезии. Ситу-

[13] Филиппины против Китая: война за нефтяную банку // Newsland. 15.07.2017. URL: https://newsland.com/post/5917091-filippiny-protiv-kitaia-voina-za-neftianuiu-banku?ysclid=lrdiwaa1wz765298987 (дата обращения: 15.01.2024).

ация усугублялась взрывным ростом преступности и наркомании. Даже настоящий террор против преступников, развернутый президентом Дутерте, когда он разрешил расстреливать наркоторговцев на месте без суда (за что получил прозвище Каратель), положения существенно не улучшило.

Поэтому в ситуации растущей бедности и расцвета преступности демагогические обещания Маркоса и его антикитайские выпады падают на вполне подготовленную почву. Сторонники американского выбора убеждают своих соотечественников, что на пути осуществления их надежд стоят китайцы, которые заявили свои права и на 80% акватории ЮКМ и на Reed Bank, в частности. Сам Маркос-младший не перестает утверждать, что у Филиппин больше прав на все эти территории и, в подтверждение этого, приводит решение постоянной палаты третейского суда в Гааге, принятое еще в июле 2016 г. по иску Филиппин. В нем сказано, что Китай не имеет оснований для территориальных притязаний в Южно-Китайском море. Суд решил, что спорные территории архипелага островами не являются и исключительную экономическую зону не образуют. Пекин ответил, что не считает действительным решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге, не признает и не принимает его, а акваторию Reed Bank и островов в архипелаге Спратли считает неотъемлемой частью китайского государства[14].

Следует отметить, что, предвидя проамериканский разворот Маркоса-младшего и его попытки привлечь на свою сторону всех союзников Америки в Восточной Азии, Китай активно занимался и продолжает заниматься расширением и укреплением своих военных баз на рифах и отмелях, превратившихся в искусственные острова, где он строит пусковые шахты для ракет, радары и прочие элементы военной инфраструктуры. И если при Дутерте правительство Филиппин смотрело на все эти действия как бы «сквозь пальцы», то с приходом Маркоса-младшего только в 2022 г. Манила направила Пекину 200 официальных протестов в связи с нарушением границ, как они считали, своих территориальных вод. На последнем Давосском форуме в январе 2024 г. Маркос-младший заявил, что «вся вина за спор лежит на Китае, на усилиях Пекина распространить свою гегемонию на Южно-Китайское море»[15].

Особое возмущение у филиппинского лидера вызвал тот факт, что китайская сторона потребовала от Филиппин «отбуксировать военный корабль, севший на мель (на самом деле филиппинцы специально его

[14] Китай обвинил Филиппины в очередной провокации // РИА Новости. 10.12.2023. URL: https://ria.ru/20231210/knr-1914884973.html (дата обращения: 15.01.2024).

[15] Филиппины меняют ориентацию // Ведомости. 27.04.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZCEr2-XFg01oY7yb (дата обращения: 15.01.2024).

там притопили, чтобы создать форпост на оспариваемых акваториях. – *Д.М.*) у рифа Жэньай (вторая отмель Томаса) и вернуть риф в первоначальное состояние»[16]. Китайские представители при этом указывают, что риф Жэньай – это часть китайского архипелага Наньша (Спратли), и обвиняют Филиппины в том, что «под предлогом замены персонала на корабле и отправки туда предметов жизнеобеспечения они доставляют на корабль строительные материалы». Стремясь помешать этому, китайские суда фактически установили морскую блокаду вокруг «Сьерра Мадре» (так называется затопленное на мелководье старое военное судно). Филиппинцы в конце 2023 г. и в начале 2024 г. несколько раз пытались к нему прорваться, но суда либо сталкивались с китайскими сторожевыми катерами, либо их обливали из брандспойтов с китайских эсминцев. В любом случае, возможности поддержать своих сидельцев на окруженном китайскими катерами корабле так и не представилось, так как решительность китайских сил ни в коем случае не допустить прорыва филиппинцев к своему морскому форпосту была очевидной. Опасаясь за жизнь моряков и свои суда, филиппинские корабли вынуждены были повернуть обратно. При этом вместо переговоров, на которых настаивал Китай[17], Маркос-младший пошел по пути эскалации конфликта и обратился за поддержкой к США и их союзникам, объясняя свои действия тем, что у него нет другого пути, чтобы вернуть территории, находящиеся под контролем КНР. Генерал Ромео Браунер – начальник Генерального штаба Вооруженных сил Филиппин – заявил: «Мы стремимся улучшить инфраструктуру всех девяти островов, особенно тех, которые уже под нашим контролем». Помимо размещения военных, в планах модернизация вооруженных сил, приобретение новых кораблей, радаров и военных самолетов»[18]. Из этого заявления и реального перевооружения армии Филиппин можно сделать вывод о том, что подготовка к более масштабному столкновению с китайскими ВМС идет полным ходом.

Мы специально так подробно рассматриваем конфликт вокруг спорных акваторий, отмелей и рифов в ЮКМ, так как именно он, а не Тайвань, довольно неожиданно, оказался в центре американо-китайского противостояния. Более того, столкновения в ЮКМ во многом не просто предопределили обострение ситуации, но и спровоцировали целую

---

[16] Китай потребовал убрать филиппинский корабль от спорных островов // РИА Новости, 07.08.2023. URL: https://ria.ru/20230807/korabl-1888561311.html?ysclid=lrhjpoyu5a571867986 (дата обращения: 15.01.2024).

[17] Там же.

[18] Филиппины усиливают военное присутствие на островах: новые шаги в напряженных отношениях с Китаем // SM News. 15.01.2024. URL: https://sm.news/news/20240115/578959/ (дата обращения: 15.01.2024).

цепь событий, которые в конечном итоге приводят к геополитическим сдвигам – формированию целой коалиции стран, готовых поддержать Филиппины и совместно с их флотом отправиться на помощь морским пехотинцам островного государства, обитающих на полузатопленном старом американском танко-десантном корабле, который был спущен на воду еще в 1944 г. в годы Второй мировой войны.

Нельзя не отметить, что огромную роль в переменах геополитического ландшафта в АТР-ИТР сыграли личные усилия и энергия президента Филиппин Фердинанда Маркоса-младшего. Мало кто ожидал, что он окажется настолько антикитайским и проамериканским. Уже его предложения еще в 2022 г. Вьетнаму и Малайзии подписать отдельный кодекс поведения сторон в ЮКМ «без Китая на фоне медленного прогресса с Пекином»[19] многие расценили как провокационное, вызвавшее огромное напряжение в отношениях стран АСЕАН с Китаем. Складывается впечатление, что Маркос-младший, скорее всего, инициативно взял на себя функции американского прокси-союзника, выполняя за США всю работу по сколачиванию антикитайского военного блока. Он отправляется с визитами и в Японию, и в Южную Корею, и во Вьетнам, приглашает австралийского премьер-министра и убеждает своих партнеров заключать соглашения о взаимной безопасности и взаимном использовании военных баз, привлекая на территорию Филиппин войска новых партнеров-союзников. Он призывает их защитить Филиппины и такими доводами придает формируемому блоку совершенно иное звучание – не американцы, исходя из своих глобальных интересов, сколачивают очередную коалицию, а филиппинцы, на которых давит Китай, и они ищут страны, которые бы их поддержали и помогли.

Особое внимание Маркос-младший и его американские кураторы уделяют привлечению в новый союз Японии, которая, по иронии судьбы, будет помогать Филиппинам сохранить контроль над «Сьерра Мадре» – кораблем, который с 1944 г. использовался в войне как раз против нее. Да и со стороны Филиппин привлечение японских военных и их расположение на территории страны выглядит довольно странно, учитывая японские зверства на Филиппинах в годы Второй мировой войны, когда в 1945 г. отступавшие японцы устроили подлинный геноцид жителей Манилы. Но сегодняшний мир не только в Европе, но и в Азии – это сплошное искажение исторической памяти, признаются только реальные интересы сегодня и сейчас. А желание президента Филип-

[19] South China Sea: Philippines asks Malaysia, Vietnam for 'our own' code of conduct amid slow progress with Beijing // South China Morning Post. 20.11.2023. URL: https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3242134/south-china-sea-philippines-asks-malaysia-vietnam-our-own-code-conduct-amid-slow-progress-beijing (accessed: 16.01.2024).

пин добиться присоединения Японии к антикитайскому блоку и с его помощью вернуть нефтегазовые месторождения настолько велико, что эти факты просто игнорируются. В интервью японским СМИ в середине декабря 2023 г. Маркос-младший предупредил, что «более напористый Китай» представляет «реальный вызов» своим азиатским соседям. Он подчеркнул необходимость создания прочных союзов с союзниками-единомышленниками, взяв за образец трехстороннее сотрудничество между Филиппинами, Японией и США[20].

Формируя антикитайский блок, президент Филиппин не только рассчитывает вернуть контроль над Reed bank, но даже и над отмелью Скарборо (Хуанъянь – кит.), которая находится под контролем Китая примерно с 2012 г. Филиппинцы подозревают, что Китай готовится построить на этом мелководье насыпной остров и превратить его в последующем в непотопляемый авианосец, расположенный в 137 км к западу от филиппинского городка Палауинг в провинции Самбалес на острове Лусон, ближайшей точки на суше[21]. Филиппинская сторона пыталась несколько раз проникнуть в акваторию этой отмели, но всякий раз встречала жесткий отпор китайских сторожевых кораблей, которые использовали брандспойты и водометы для того, чтобы остановить движение филиппинских кораблей. На отмели Скарборо китайская береговая охрана, по словам филиппинцев, якобы незаконно установила специальное заграждение, чтобы не допустить туда филиппинских рыбаков[22].

Все эти действия китайских ВМС и активность филиппинских военных, которые, по их заявлениям, «ведут подготовку специальной инфраструктуры для расположения своих военных на оспариваемых островах Спратли в Южно-Китайском море»[23] доказывают, что ситуация вокруг спорных акваторий сегодня совершенно иная, намного более острая, чем это было в период правления президента Дутерте. Тогда шли переговоры, а Си Цзиньпин во время своего визита в Манилу в ноябре 2018 г. характеризовал отношения Китая и Филиппин как «радуга после дождя», а президент Дутерте сравнил их с «ковром из цветов»[24].

---

[20] Обострение китайско-филиппинских отношений – «украинская схема» США в Южно-Китайском море // Фонд стратегической культуры. 21.12.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZYLolkkdtEieWE_R (дата обращения: 15.01.2024).

[21] Филиппины заверили, что на фото у Скарборо изображены "не рыболовные суда" // РИА Новости. 07.09.2016. URL: https://ria.ru/20160907/1476292205.html (дата обращения: 15.01.2024).

[22] Китай обвинил Филиппины в очередной провокации…

[23] Филиппины усиливают военное присутствие на островах…

[24] Китайско-филиппинские отношения словно «радуга, озарившая ковер из цветов» // Хуаньцю шибао (Китай). 23.11.2018. URL: https://inosmi.ru/20181123/244071267.html?ysclid=lral0dhk7u38582368 (дата обращения: 16.01.2024).

Сегодня от этого «цветочного мира» мало что осталось, и посол Филиппин в США Хосе Мануэль Ромуальдес в интервью японским СМИ заявляет, что стычки между филиппинскими и китайскими судами в Южно-Китайском море могут спровоцировать крупный конфликт «в любое время», и если в ЮКМ что-то произойдет, «это будет похоже на начало другой войны, мировой». Посол оценил действия Китая как «принудительные», и сказал, что единственный способ противостоять им – совместно с другими странами региона «продемонстрировать силу». По мнению посла, переговоры по деэскалации ситуации, которые прошли между лидерами Филиппин и Китая на полях саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сан-Франциско в конце 2023 г., не увенчались успехом. Он назвал позицию председателя КНР Си Цзиньпина «уклончивой»[25].

Вполне вероятно, что переговоры Маркоса-младшего и Си Цзиньпина в Сан-Франциско носили со стороны Филиппин во многом притворный характер. Маркосу-младшему нужен был только повод, чтобы Китай не стал выполнять его требования, для того чтобы объявить о новой стратегии национальной безопасности. Раньше в ней преобладали проблемы внутренней политики – борьба с прокитайскими марксистами на Севере и с исламскими сепаратистами на Юге, теперь же на первый план вышли вопросы политики внешней. Министр обороны Филиппин Теодоро сообщил, что власти приняли «всеобъемлющую концепцию обороны архипелага», которая «гарантирует, насколько это возможно, беспрепятственное и мирное исследование и эксплуатацию всех природных ресурсов» в пределах исключительной экономической зоны страны. То есть произошло то, чего не было раньше – филиппинские власти выбрали дорогу прямого и открытого конфликта с Китаем, так как исследовать и эксплуатировать природные ресурсы в ЮКМ мирно можно будет только в том случае, если Китай покинет оспариваемые территории. Без военного конфликта это просто нереально. Но на Западе поддерживают такую политику, и принятая концепция по оценке влиятельного американского журнала *The Diplomat* стала примером «более дерзкой и решительной оборонной политики Филиппин»[26].

Можно с большой долей уверенности предположить, что «дерзкой и решительной» филиппинская политика становится не сама по себе,

---

[25] Дипломат Филиппин считает, что напряженность в районе ЮКМ может привести к мировой войне // ТАСС, 13.12.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19523549?ysclid=lrawkl27fq983594818 (дата обращения: 15.01.2024).

[26] Philippines Military to Provide 'Unimpeded' Access to Sea Resources, Defense Chief Says // The Diplomat. 25.01.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/philippines-military-to-provide-unimpeded-access-to-sea-resources-defense-chief-says/ (accessed: 26.01.2024).

а благодаря тому, что Маркосу-младшему шаг за шагом удается сделать то, что не получилось у американцев – убедить страны-союзники США в необходимости поддержать Филиппины и сформировать военный неформальный союз для защиты прав на острова и отмели Южно-Китайского (или, как говорят в Маниле, Западно-Филиппинского моря), которые находятся под контролем Китая. Лидер Филиппин, естественно, при очевидной поддержке США, рассчитывает на значительные силы, которые он сможет противопоставить Китаю. Судя по его заявлениям, они будут включать в себя кроме собственно филиппинцев еще и американцев, и японцев, и австралийцев, и южнокорейцев – всех, кто согласился проводить совместные военные маневры близ китайских морских рубежей и вместе с филиппинскими судами обеспечивать патрулирование у оставшихся у них морских форпостов.

Кстати, Япония уже сейчас выступает как важный донор филиппинских ВМС, передав им некоторое время назад несколько самых современных сторожевых кораблей и усовершенствованных радаров и радиолокационных систем[27]. Токио еще и важный экономический партнер, но самое главное, что впервые после окончания Второй мировой войны Япония рассматривается как чуть ли не ключевой военный союзник. «Мы с нетерпением ожидаем заключения соглашения о взаимном доступе (на военные базы. – *Д.М.*) между обеими нашими странами, учитывая приверженность японского правительства и правительства Филиппин сохранению международного порядка, основанного на правилах и международном праве», – заявил в начале ноября 2023 г. филиппинский министр обороны Жилберто Теодоро[28]. Он также сообщил, что совместные учения филиппинских и японских войск в рамках нового двустороннего пакта о безопасности могут быть проведены уже в следующем году[29].

В свою очередь, премьер-министр Японии Фумио Кисида на встрече с Маркосом-младшим поддержал его предложение о заключении между Японией и Филиппинами соглашения о взаимном доступе и сказал, что он и президент Фердинанд Маркос-младший договорились тесно сотрудничать с Соединенными Штатами и что они «разделяют озабоченность по поводу "неприемлемых" попыток односторонне изменить статус-кво силой» в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Позиция япон-

---

[27] Япония передала Филиппинам уже второй новейший сторожевой корабль // ТАСС. 27.05.2022. URL: https://tass.ru/error/520 (дата обращения: 26.01.2024).

[28] Philippines aiming to seal "reciprocal" troop pact with Japan // Reuters. 06.11.2023. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/philippines-hopes-seal-troops-pact-with-japan-soon-2023–11–06/ (accessed: 16.01.2024).

[29] Филиппины надеются на совместные учения с японскими войсками в следующем году. 11.07.2023. URL: https://edo-tokyo.livejournal.com/12586676.html (дата обращения: 15.01.2024).

ского премьер-министра вполне предсказуема и понятна, так как соглашение о взаимном доступе, которое открывает возможность постоянного пребывания японских сил на Филиппинах, хорошо вписывается в стратегию японских правящих кругов по милитаризации страны. Сейчас эта задача вполне решаема на фоне спада пацифистских настроений и роста недоверия к России и Китаю. Достаточно сказать, что по опросу, проведенному Кабинетом министров, выяснилось, что только 5% японцев относятся к нашей стране позитивно, а остальные негативно. В этом плане Россия оказалась на последнем месте японских предпочтений, оттеснив даже Китай[30]. На фоне таких тревожных настроений в обществе, недоверия к России и Китаю, японские власти объявили, что в ближайшие пять лет Япония потратит 38 млрд долл. на закупку новых вооружений. Всего же под военные нужды к 2027 г. будет выделено 43 трлн йен (315 млрд долл.): власти постепенно увеличат военный бюджет в два раза – с 1 до 2% от ВВП, – тем самым встав на один уровень со странами НАТО. По подсчетам экспертов, к 2027 г. ежегодный оборонный бюджет Японии приблизится к 80 млрд долл. – третий по величине показатель в мире[31].

Важным союзником Маркоса-младшего выступает Австралия, которая без особых колебаний решила также вступить в группу поддержки Филиппин. И это вполне объяснимо – Австралия сегодня один из самых надежных американских союзников в Азии, участвующая совместно с США и в AUKUS, и в Quad. Так что вступление в неформальный блок в поддержку Филиппин для нее является вполне естественным выбором. В сентябре 2023 г. Канберра и Манила по итогам встречи Маркоса-младшего и главы австралийского правительства Энтони Альбанезе подписали договор об установлении стратегических партнерских отношений между двумя государствами. «Новый договор о стратегическом партнерстве, подписанный сегодня [8 сентября], укрепит двусторонние связи, существовавшие на протяжении последних 77 лет», – указал Альбанезе в заявлении, распространенном пресс-службой премьер-министра. «Работая вместе, Австралия и Филиппины смогут справиться с новыми вызовами и помочь реализовать наше видение открытого, процветающего, мирного и стабильного региона», – сказал он. В рамках стратегического партнерства Австралия и Филиппины «укрепят свое сотрудничество в области региональной и национальной безопасности». При

[30] Япония делает много символических жестов // ИКСА, 26.01.2024. URL: https://www.iccaras.ru/news/yaponiya-delaet-mnogo-simvolicheskih-zhestov.html (дата обращения: 29.01.2024).

[31] Тихоокеанский рубеж. Япония наращивает военную мощь и укрепляет союз с США. Чем это угрожает России? // Лента.ру. 03.02.2023. URL: https://lenta.ru/articles/2023/02/03/japan_new_strategy/?ysclid=lrvwpoa0e0837644276 (дата обращения: 15.01.2024).

этом австралийский лидер подчеркнул, что Австралия «полностью признает и поддерживает позицию Филиппин в споре о территориальных границах с Китаем в Южно-Китайском море». «Позиция Австралии, в том числе по вопросам, касающимся Южно-Китайского моря, останется последовательной – мы поддерживаем арбитражное решение по Южно-Китайскому морю 2016 года», – заявил австралийский премьер-министр во время выступления в Маниле[32]. Для подтверждения рождающегося военного союза и доказательства своей поддержки в апреле 2023 г. Австралия направила более 100 своих солдат для участия в совместных американо-филиппинских учениях, в которых только с американской стороны было задействовано более 12 тысяч военнослужащих[33]. Несколько позже были организованы первые совместные учения Alon-2023, а после них еще и двусторонние маневры «Карабару» на островах Чаннел, расположенных в районе Северной территории Австралии[34].

К формируемому антикитайскому блоку Маркос-младший рассчитывает подключить еще и Южную Корею, и даже Вьетнам. С Сеулом дела у него обстоят вполне успешно, несмотря на традиционное недоверие южнокорейцев к японцам и нежелание их участвовать там, где есть японцы. В ходе встречи на полях саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2022 г. Маркос-младший предложил. президенту Южной Кореи Юн Сок Ёлю поднять двусторонние отношения до уровня стратегического партнерства[35]. В ответ южнокорейский лидер заявил, что южные корейцы готовы к военному сотрудничеству с Филиппинами и его расширению[36]. Посол Южной Кореи на Филиппинах Ли Сан Хва на встрече с командующим ВС Филиппин (AFP) генералом Ромео Браунером-младшим, прошедшей в октябре 2023 г. пообещал, что сотрудничество двух стран станет более тесным в ближайшее время[37]. Кстати, обещание южнокорейского дипломата о развитии взаимных связей полностью соответствует тому,

---

[32] Австралия объявила об установлении двустороннего стратегического партнерства с Филиппинами // ТАСС. 08.09.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18682511?ysclid=lrakin9g1c963670400 (дата обращения: 15.01.2024).

[33] На глазах у президента Филиппин и посла США, американский ракетный комплекс HIMARS промахнулся 6 раз подряд. 27.04.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZEpB6lpk4UZuffNg (дата обращения: 15.01.2024).

[34] В МО Филиппин заявили о готовности нескольких стран присоединиться к патрулям США в ЮКМ // ТАСС. 18.09.2023. URL: https://news.rambler.ru/army/51435859/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.01.2024).

[35] Филиппины предложили Южной Корее поднять отношения до уровня стратегического партнерства // ТАСС. 12.11.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16307753 (дата обращения: 15.01.2024).

[36] Там же.

[37] Индонезия и Вьетнам укрепляют военное сотрудничество на фоне продолжающейся морской агрессии КНР // Indo-Pacific Defense Forum. 30.11.2023. URL: https://ipdefenseforum.com/ru/2023/11 (дата обращения: 15.01.2024).

что происходит в реальности – военное сотрудничество двух стран крепнет и развивается, причем настолько активно, что в ноябре 2023 г. филиппинское агентство новостей (*PNA*) в своем комментарии отметило, что «Южная Корея – наш ключевой партнер в деле модернизации вооруженных сил, который поставляет необходимое военное оборудование и оказывает поддержку»[38].

В настоящее время можно с большой долей уверенности говорить, что Южная Корея втягивается в антикитайский неформальный военный блок, причем уже созданы военно-политические структуры для ускорения этого процесса. Так, например, активно действует совместный комитет Южной Кореи и Филиппин по сотрудничеству в сфере обороны, в рамках которого стороны обсуждают и пути развития сотрудничества в сфере военной промышленности, проведение совместных учений, и обмен военными специалистами[39]. Вполне вероятно, что вскоре южнокорейские корабли совместно с американскими и филиппинскими приступят к патрулированию в ЮКМ.

Что не удалось Маркосу-младщему – так это перетянуть Вьетнам на свою сторону. Он очень хотел, чтобы еще одна крайне влиятельная юго-восточноазиатская страна примкнула к его лагерю. Но пока не получилось. Дело в том, что, во-первых, у двух стран есть пересекающиеся интересы и территориальные противоречия на акватории и островах, отмелях и рифах в ЮКМ. Во-вторых, у Вьетнама исторически существуют особые отношения с Китаем. Еще одной особенностью Вьетнама, причем крайне существенной, является то, что на его территории нет американских баз и войск, как, например, в Японии, Южной Корее и в Австралии. Это дает возможность Ханою проводить независимую политику в защиту национальных интересов. Все эти факторы препятствуют тому, чтобы Маркос-младший, как до него американский президент Байден, мог добиться перехода страны на проамериканские позиции, направить Вьетнам к конфронтации с Китаем в составе неформального блока поддержки Филиппин. Интересно было наблюдать, как удачливый ранее филиппинский лидер едва скрывал свое разочарование итогом визита в Ханой в январе 2024 г. Он добился лишь «дежурных» заверений в дружбе и общих ценностях, а также подписания меморандума о взаимопонимании в координации действий береговой охраны двух стран[40].

---

[38] Там же.

[39] Представители Южной Кореи и Филиппин обсудили военное сотрудничество // ИА Регнум. 19.10.2022. URL: https://regnum.ru/news/3728607 (дата обращения: 15.01.2024).

[40] Philippines, Vietnam to sign coastguard deal // The Jakarta Post. 25.01.2024. URL: https://www.thejakartapost.com/world/2024/01/25/philippines-vietnam-to-sign-coastguard-deal-html (accessed: 29.01.2024).

В связи с потрясающей активностью президента Филиппин Маркоса-младшего, который энергией и волей и с опорой на поддержку США добивается реализации своих антикитайских планов и своими действиями довольно быстро меняет внешнеполитический ландшафт огромного региона, особый интерес вызывает реакция на все эти перемены со стороны Китая. Ведь именно Пекин является главным объектом давления и угроз со стороны привлеченных Маркосом-младшим новых филиппинских союзников, которые, по словам министра обороны островного государства, «готовятся задействовать военных» для доступа к морским ресурсам[41].

В ответ на эти угрозы и перед лицом формирующегося антикитайского фронта руководство КНР демонстрирует абсолютную уверенность в своих силах и веру в справедливость и обоснованность китайских прав на спорные акватории. В медиа сфере китайские официальные лица не перестают предупреждать, что Народно-освободительная армия Китая (НОАК) в случае новых попыток прорвать блокаду и оттеснить китайских военных из спорных районов «предпримет решительные меры для защиты суверенитета и территориальной целостности страны и обеспечения регионального мира и стабильности» и уточняют, что филиппинская сторона должна решить, «как далеко она может позволить себе зайти в качестве пешки США в регионе»[42]. Китайские средства массовой информации описывают события в ЮКМ совершенно по-иному, чем это делают на Филиппинах, например, после одного из очередных столкновений судов двух стран управление морской полиции КНР обвинило филиппинских моряков в намеренном столкновении с катером китайской береговой охраны, совершавшим регулярный рейс в районе спорных островов Спратли в Южно-Китайском море.

В заявлении на сайте этого управления говорится, что группа из четырех филиппинских судов незаконно вошла в воды в районе островов Спратли недалеко от рифа Жэньай (Вторая отмель Томаса). «Береговая охрана Китая применила законные меры контроля по отношению к филиппинским судам», – говорится в заявлении. «Филиппинское судно *Unaizah Mae 1*, проигнорировав многочисленные строгие предупреждения с нашей стороны, а также нарушив "международные правила предупреждения столкновений судов в море", непрофессиональным и опасным образом сделало резкий разворот и намеренно столкнулось

[41] Defense chief: Military to be used for safeguarding Philippine access to sea resources // Benar News. 24.01.2024. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/south-china-sea-access-to-minerals-resources-01242024134037.html (accessed: 29.01.2024).

[42] Обострение китайско-филиппинских отношений – «украинская схема» США в Южно-Китайском море. 21.12.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZYLolkkdtEieWE_R (дата обращения: 15.01.2024).

с катером береговой охраны КНР, совершавшим регулярное и законное плавание», – говорится в заявлении. Уточняется, что соответствующие действия привели к повреждениям на судне, вся ответственность, по словам китайской береговой охраны, лежит на филиппинской стороне[43].

Следует также отметить, что реакция Китая на враждебные действия Японии или, например, Австралии по большей части сильно отличается от резкости в отношении опасных и провокационных действий Филиппин. В отношении этих стран в Пекине как бы указывают, что это их дело как относиться к Китаю и его политике, и в то же время постоянно сквозит удивление несоответствием их политики и высокого уровня экономических связей. В Китае недоумевают, отмечала в одной из статей газета *Global Times*, зачем Австралии эскалация, ведь экономики Австралии и Китая тесно связаны, их торговые и инвестиционные отношения являются существенными. Провинция Западная Австралия, например, поставляет в Китай более половины всего своего экспорта, что создает значительные рабочие места для региона. Впереди у двух стран много нереализованных возможностей. «Так зачем сосредоточиваться на игре с нулевой суммой и блоковой политике?» – пишет китайская газета. Она также отмечает, что Китай снял все ранее наложенные ограничения на экспорт австралийского угля, но может и вернуть их обратно[44].

В целом в ответе Китая на новые вызовы и угрозы можно выделить две совершенно разные линии поведения: с Филиппинами – жесткая и однозначная политика, а с вероятными союзниками Манилы – достаточно равновесная, с указанием на важное место и роль Китая в их торговле и процветании. Такая довольно вялая реакция наводит на мысль, что в Пекине не очень верят в реальность неформального антикитайского военного блока и стремятся отделить филиппинский кейс от отношений с Австралией, Японией и другими азиатскими державами. В Китае не хотят признавать, что конфликт с Филиппинами уже приобрел многосторонний характер, что Пекин и Манила крайне далеки от каких-то договоренностей и дело идет к еще большему расширению и разрастанию конфликта.

В странах АСЕАН, наоборот, хорошо видят угрозы, связанные с деятельностью филиппинского лидера. Филиппино-китайский конфликт, его эскалация вызывает у них большую тревогу. Ведь не вызывает сомне-

---

[43] Китай обвинил Филиппины в очередной провокации // РИА Новости. 10.12.2023. URL: https://ria.ru/20231210/knr-1914884973.html?ysclid=lraklzc85p818121955 (дата обращения: 15.01.2024).

[44] США формируют аналог НАТО против Китая. Пострадают Австралия и Филиппины // Правда.ру. 14.03.2023. URL: https://military.pravda.ru/1811085-aukus_china/ (дата обращения: 15.01.2024).

ний, что именно Филиппины довольно далеко отошли, можно даже сказать, вышли из общей линии стран АСЕАН, направленной на балансирование между США и Китаем и получение выгоды от этой политики. Фактически перейдя на сторону США, Маркос-младший бросил вызов этой общей и согласованной в рамках АСЕАН политике. Не получив поддержки со стороны Вьетнама, он позволил группе филиппинских демонстрантов разорвать вьетнамский национальный флаг перед вьетнамским посольством в Маниле, что вызвало осуждение во всех странах АСЕАН[45].

Вызов асеановскому единству оказался настолько очевидным, что вполне ожидаемым стал визит одного из лидеров АСЕАН – индонезийского президента Джоко Видодо на Филиппины и его встреча с президентом Маркосом-младшим. Между двумя странами с 1997 г. существует соглашение об обороне и безопасности, и, естественно, индонезийскому руководству было важно несколько успокоить ситуацию, попытаться убедить филиппинского президента вернуться к общеасеановской линии с тем, чтобы страны-соседи не оказались под угрозой втягивания в территориальный конфликт. Судя по всему, ему это не удалось, и после переговоров Маркос-младший заявил: «Президент Видодо и я провели плодотворную и честную дискуссию о региональных событиях, представляющих взаимный интерес, таких как события в Южно-Китайском море и сотрудничество и инициативы АСЕАН, Филиппины и Индонезия … подтвердили стремление к универсальности конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), которая устанавливает правовые рамки, регулирующие всю деятельность в мировом океане»[46].

Можно предположить, что слова Маркоса-младшего о том, что президенты провели «честную и плодотворную дискуссию» о происходящих событиях, свидетельствует, что Джоко Видодо постарался убедить филиппинского лидера в опасности его политики и в реальности угроз единству АСЕАН. Ведь своими действиями и заявлениями Маркос-младший фактически подрывает усилия АСЕАН по сохранению мира и стабильности, по недопущению внерегиональных держав к решению ключевых вопросов безопасности в ЮВА. Филиппины на практике ведут дело к серьезному конфликту в ЮКМ, фактически превращая этот регион в потенциальный источник глобального конфликта.

---

[45] Во Вьетнаме потребовали расследовать уничтожение флага страны на Филиппинах // РИА Новости. 04.08.2023. URL: https://ria.ru/20230804/vetnam-1888210822.html?in=t (дата обращения: 15.01.2024).

[46] Marcos, Widodo to boost defense cooperation // Manita Times. 11.01.2024. URL: https://www.manilatimes.net/2024/01/11/news/national/marcos-widodo-to-boost-defense-cooperation/1927517 (accessed: 16.01.2024).

Еще один интересный вопрос состоит в том, почему так легко и быстро был выстроен военный блок поддержки Филиппин. Объяснение этому дал один из американских военных аналитиков. По его словам, «если Пекин будет смотреть на Филиппины как на изолированную страну, он всегда будет думать, что у него есть преимущество. Но если рассматривать Филиппины как часть большой сети единомышленников-партнеров по безопасности, которые готовы пойти на реальные материальные жертвы ради Манилы, это сильно меняет его расчеты»[47].

Нельзя отрицать, что в настоящее время вокруг Филиппин и их территориальных притязаний собирается очень серьезная компания – США, Япония Южная Корея, Австралия, что существенно больше и мощнее, чем пресловутый AUKUS. А лидер Филиппин рассчитывает в наступившем 2024 г. привлечь к совместному патрулированию в спорных акваториях еще и Францию, Индию, Канаду, Великобританию, Новую Зеландию[48]. Не факт, что все эти страны будут согласны на такие опасные и рискованные действия, но, в любом случае, заметная консолидация вооруженных сил стран-союзников США и Филиппин все-таки выстраивается. Более того, можно сказать, что наконец-то у американцев начинает что-то получаться с реализацией их планов по формированию в ИТР нового регионального военного блока. У них долгое время ничего не выходило, не хватало убедительности и мотивации, а может быть и энергии в сплачивании всех союзников в регионе. Примером здесь может быть AUKUS, который, не получив поддержки азиатских стран, буквально «подвис в воздухе». И вот такая удача, такой энергичный и активный прокси-союзник как президент Фердинанд Маркос-младший. Кстати, его довольно успешная антикитайская агитация, когда фактически меньше чем за один год (2023) он сумел сформировать неформальный блок поддержки своей страны, показывает, насколько хрупка, зависима и непредсказуема может быть современная международная политика.

Достаточно было одному президенту одной не самой большой страны активно действовать и формировать военно-политические силы в свою поддержку, как ситуация в регионе, к удивлению большинства аналитиков, которые на это не рассчитывали, реально поменялась.

И вот теперь вокруг призывов Филиппин защитить их права в ЮКМ складывается новый военный союз. Он пока никак не формализован,

---

[47] Poll: Most Filipinos support stance of Marcos against China in sea dispute // BenarNews. 28.12.2023. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/filipinos-support-marcos-stance-china-12282023131601.html (accessed: 16.01.2024).

[48] Philippines looks to expand multinational patrols in contested waters // BenarNews. 21.12.2023. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/additional-patrols-12212023131210.html (accessed: 16.01.2024).

хотя с Филиппинами все страны, выступившие в их поддержку, имеют соглашения о совместном использовании военных баз, еще не получил никакого наименования, но то, как стремительно он формируется, как наполняются войсками, причем не только американскими, но и японскими, и южнокорейскими, и австралийскими филиппинские военные базы, где чуть ли не в постоянном режиме проходят военные маневры, свидетельствует о том, что он как раз и может стать новым и опасным фактором войны в регионе.

Электронные ресурсы / Electronic resource

1. Австралия объявила об установлении двустороннего стратегического партнерства с Филиппинами // ТАСС, 08.09.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18682511?ysclid=lrakin9g1c963670400 (дата обращения: 15.01.2024).
2. В МО Филиппин заявили о готовности нескольких стран присоединиться к патрулям США в ЮКМ // ТАСС. 18.09.2023. URL: https://news.rambler.ru/army/51435859/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.01.2024).
3. Во Вьетнаме потребовали расследовать уничтожение флага страны на Филиппинах // РИА Новости. 04.08.2023. URL: https://ria.ru/20230804/vetnam-1888210822.html?in=t (дата обращения: 15.01.2024).
4. Дипломат Филиппин считает, что напряженность в районе ЮКМ может привести к мировой войне // ТАСС. 13.12.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19523549?ysclid=lrawkl27fq983594818 (дата обращения: 15.01.2024).
5. Вашингтон выступил в поддержку Манилы после столкновения кораблей Филиппин и КНР в ЮКМ // ТАСС. 23.10.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19095175?ysclid=lrawuwi6v4627750581 (дата обращения: 15.01.2024).
6. Индонезия и Вьетнам укрепляют военное сотрудничество на фоне продолжающейся морской агрессии КНР // Indo-Pacific Defense Forum. 30.11.2023. URL: https://ipdefenseforum.com/ru/2023/11 (дата обращения: 15.01.2024).
7. Капкан захлопнулся: Тайвань объявил войну Си Цзиньпину // Царьград. 14.01.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/kapkan-zahlopnulsja-tajvan-objavil-vojnu-si-czinpinu_946175 (дата обращения: 15.01.2024).
8. Китай обвинил Филиппины в очередной провокации // РИА Новости. 10.12.2023. URL: https://ria.ru/20231210/knr-1914884973.html (дата обращения: 15.01.2024).
9. Китай потребовал убрать филиппинский корабль от спорных островов // РИА Новости, 07.08.2023. URL: https://ria.ru/20230807/korabl-1888561311.html?ysclid=lrhjpoyu5a571867986 (дата обращения: 15.01.2024).
10. Китайско-филиппинские отношения словно «радуга, озарившая ковер из цветов»// Хуаньцю шибао (Китай). 23.11.2018. URL: https://inosmi.ru/20181123/244071267.html?ysclid=lral0dhk7u38582368 (дата обращения: 16.01.2024).

11. На глазах у президента Филиппин и посла США, американский ракетный комплекс HIMARS промахнулся 6 раз подряд. 27.04.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZEpB6lpk4UZuffNg (дата обращения: 15.01.2024).
12. Обострение китайско-филиппинских отношений – «украинская схема» США в Южно-Китайском море // Фонд стратегической культуры. 21.12.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZYLolkkdtEieWE_R (дата обращения: 15.01.2024).
13. Представители Южной Кореи и Филиппин обсудили военное сотрудничество // ИА Регнум. 19.10.2022. URL: https://regnum.ru/news/3728607 (дата обращения: 15.01.2024).
14. Президент Филиппин об отношениях с США: не люблю, когда мною командуют // РИА Новости, 28.11.2016. URL: https://ria.ru/20161128/1482288345.html?ysclid=ls4m75is7f515415270 (дата обращения: 15.01.2024).
15. С. Цзиньпин & Р. Дутерте. Китай может согласиться на совместное с Филиппинами освоение спорных участков недр на шельфе Южно-Китайского моря // Нефтегаз.ру. 30.08.2019. URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/483509-s-tszinpin-r-duterte-kitay-mozhet-soglasitsya-na-sovmestnoe-s-filippinami-osvoenie-spornykh-uchastko/?ysclid=lr9aak4lua917790806 (дата обращения: 15.01.2024).
16. США договорились с Филиппинами об увеличении американского военного присутствия в стране // Коммерсантъ. 02.02.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5798762 (дата обращения: 15.01.2024).
17. США расширят военное присутствие на Филиппинах // Интерфакс. 02.02.2023. URL: https://www.interfax.ru/world/884313 (дата обращения: 15.01.2024).
18. США формируют аналог НАТО против Китая. Пострадают Австралия и Филиппины // Правда.ру. 14.03.2023. URL: https://military.pravda.ru/1811085-aukus_china/ (дата обращения: 15.01.2024).
19. США, Япония и Филиппины решили укреплять трехсторонний оборонный потенциал // The Epoch Times. 20.06.2023. URL: https://www.epochtimes.ru/mir/aziya/ssha-yaponiya-i-filippiny-reshili-ukreplyat-tryohstoronnij-oboronnyj-potentsial-181118/?ysclid=lrorom5p3m362266245 (дата обращения: 15.01.2024).
20. Тихоокеанский рубеж. Япония наращивает военную мощь и укрепляет союз с США. Чем это угрожает России? // Лента.ру. 03.02.2023. URL: https://lenta.ru/articles/2023/02/03/japan_new_strategy/?ysclid=lrvwpoa0e0837644276 (дата обращения: 15.01.2024).
21. Филиппины заверили, что на фото у Скарборо изображены «не рыболовные суда» // РИА Новости. 07.09.2016. URL: https://ria.ru/20160907/1476292205.html (дата обращения: 15.01.2024).
22. Филиппины меняют ориентацию // Ведомости. 27.04.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZCEr2-XFg01oY7yb (дата обращения: 15.01.2024).
23. Филиппины надеются на совместные учения с японскими войсками в следующем году. 11.07.2023. URL: https://edo-tokyo.livejournal.com/12586676.html (дата обращения: 15.01.2024).
24. Филиппины предложили Южной Корее поднять отношения до уровня стратегического партнерства // ТАСС. 12.11.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16307753 (дата обращения: 15.01.2024).

25. Филиппины против Китая: война за нефтяную банку // Newsland. 15.07.2017. URL: https://newsland.com/post/5917091-filippiny-protiv-kitaia-voina-za-neftianuiu-banku?ysclid=lrdiwaa1wz765298987 (дата обращения: 15.01.2024).

26. Филиппины усиливают военное присутствие на островах: новые шаги в напряженных отношениях с Китаем // SM News. 15.01.2024. URL: https://sm.news/-news/20240115/578959/ (дата обращения: 15.01.2024).

27. Япония делает много символических жестов // ИКСА, 26.01.2024. URL: https://www.iccaras.ru/news/yaponiya-delaet-mnogo-simvolicheskih-zhestov.html (дата обращения: 29.01.2024).

28. Япония передала Филиппинам уже второй новейший сторожевой корабль // ТАСС. 27.05.2022. URL: https://tass.ru/error/520 (дата обращения: 26.01.2024).

29. Biden dispatching Sullivan to Tokyo for talks with Japan, Philippines, South Korea officials // AP. 14.06.2023. URL: https://www.yahoo.com/entertainment/biden-dispatching-sullivan-tokyo-talks-002941245.html (accessed: 16.01.2024).

30. Defense chief: Military to be used for safeguarding Philippine access to sea resources // Benar News. 24.01.2024. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/south-china-sea-access-to-minerals-resources-01242024134037.html (accessed: 29.01.2024).

31. Marcos, Widodo to boost defense cooperation // Manita Times. 11.01.2024. URL: https://www.manilatimes.net/2024/01/11/news/national/marcos-widodo-to-boost-defense-cooperation/1927517 (accessed: 16.01.2024).

32. Philippines aiming to seal «reciprocal» troop pact with Japan // Reuters. 06.11.2023. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/philippines-hopes-seal-troops-pact-with-japan-soon-2023–11–06/ (accessed: 16.01.2024).

33. Philippines looks to expand multinational patrols in contested waters // BenarNews. 21.12.2023. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/additional-patrols-12212023131210.html (accessed: 16.01.2024).

34. Philippines Military to Provide 'Unimpeded' Access to Sea Resources, Defense Chief Says // The Diplomat. 25.01.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/philippines-military-to-provide-unimpeded-access-to-sea-resources-defense-chief-says/ (accessed: 26.01.2024).

35. Philippines, Vietnam to sign coastguard deal // The Jakarta Post. 25.01.2024. URL: https://www.thejakartapost.com/world/2024/01/25/philippines-vietnam-to-sign-coastguard-deal-html (accessed: 29.01.2024).

36. Poll: Most Filipinos support stance of Marcos against China in sea dispute // BenarNews. 28.12.2023. URL: https://www.benarnews.org/english/news/philippine/filipinos-support-marcos-stance-china-12282023131601.html (accessed: 16.01.2024).

37. Preparing for a Long War With China // Foreign Affair. 12.12.2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/united-states-big-one-krepinevich (accessed: 16.01.2024).

38. Q&A on the Enhanced Defense Cooperation Agreement, Philippine Department of Foreign Affairs // Official Gazette of the Republic of the Philippines. 28.04.2014. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/2014/04/28/qna-on-the-enhanced-defense-cooperation-agreement/ (accessed: 16.01.2024).

39. South China Sea: Philippines asks Malaysia, Vietnam for ‘our own’ code of conduct amid slow progress with Beijing // South China Morning Post. 20.11.2023. URL: https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3242134/south-china-sea-philippines-asks-malaysia-vietnam-our-own-code-conduct-amid-slow-progress-beijing (accessed: 16.01.2024).
40. US, Philippines agree to larger American military presence // AP. 02.02.2023. URL: https://apnews.com/article/politics-district-of-columbia-lloyd-austin-philippines-china-5a7e51e66e71566ce93e0849b94efc26?utm_source=homepage&utm_medium=TopNews&utm_campaign=position_05 (accessed: 16.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, заведующий центром Юго-Восточной Азии Австралии и Океании Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Mosyakov Dmitry V. – Doctor of Science (Hist.), Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 12.03.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 17.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 12.03.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 17.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 297.1(594)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-234-244

ОБРАЗЫ ДРУГОГО В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДОНЕЗИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3819-3103

Аннотация. В статье анализируются особенности развития и основные векторы трансформации образов и концептов Другого в политическом воображении консервативного и традиционалистского течения в современном индонезийском исламе. Показано, что активность правых мусуль 08.07.23 манских интеллектуалов содействует формированию и развитию концептов Инаковости в религиозно-центричной системе координат. Автор анализирует вклад уммы в функционирование имагологии в политической культуре современного индонезийского общества. Предполагается, что мусульманские интеллектуалы активно используют символические ресурсы политического и исторического воображения, конструируя негативные образы Других, апеллируя к образу угнетенного ислама как жертвы. В статье показана роль идеологических противоречий в плюралистическом индонезийском обществе, которые существенно влияют на стратегии консервативных мусульманских интеллектуалов как участников политического воображения и развития образов Инаковости. Предполагается, что модель политической имагологии мусульманских консерваторов предусматривает формирование и продвижение в политических и социальных пространствах индонезийского общества образов Других, включающих 1) внешних Других, угрожающих исламу в целом, 2) внутренних Других как агентов социальной модернизации и секуляризации, ослабляющих позиции и значение ислама, 3) экзистенциальных Других, которые в политическом воображении современного индонезийского исламизма редуцируются до образов Израиля и концептов сионизма. В целом в представленной статье показано, что мусульманские консерваторы и традиционалисты в современной Индонезии генерируют множественные образы Другости, используемые ими для легитимации усилий исламистов, направленных на реисламизацию индонезийского общества.

Ключевые слова: ислам, Индонезии, политическое воображение, политический ислам, исламизм, мусульманский консерватизм, образы Другого

Для цитирования: Кирчанов М. В. Образы Другого в дискурсе современного индонезийского мусульманского консерватизма. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):234-244. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-234-244

Original article. Politics studies

IMAGES OF THE OTHER IN THE DISCOURSE OF MODERN INDONESIAN MUSLIM CONSERVATISM

Maksym Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3819-3103

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kyrchanoff M. W., 2024
© Eastern Analytics, 2024

Abstract. The article analyzes the features of development and the main vectors of transformation of images and concepts of the Other in the political imagination of the conservative and traditionalist movement in modern Indonesian Islam. It is shown that the activity of right-wing Muslim intellectuals contributes to the formation and development of the concepts of Otherness in a religiously-centric coordinate system. The author analyzes the contribution of the Ummah to the functioning of imagology in the political culture of modern Indonesian society. It is assumed that Muslim intellectuals actively use the symbolic resources of the political and historical imagination, constructing negative images of the Others, appealing to the image of oppressed Islam as a victim. The article shows the role of ideological contradictions in the pluralistic Indonesian society, which influence significantly the strategies of conservative Muslim intellectuals as participants in the political imagination and the development of images of Otherness. It is assumed that the model of political imagology of Muslim conservatives provides for the formation and promotion of images of Others in the political and social spaces of Indonesian society, including 1) external Others that threaten Islam in general, 2) internal Others as agents of social modernization and secularization, weakening the position and significance of Islam, 3) existential Others, which in the political imagination of modern Indonesian Islamism are reduced to the images of Israel and the concepts of Zionism. In general, the presented article shows that Muslim conservatives and traditionalists in modern Indonesia generate multiple images of the Otherness, which they use to legitimize the efforts of Islamists aimed at re-Islamizing the Indonesian society.

Keywords: Islam, Indonesia, political imagination, political Islam, Islamism, Muslim conservatism, images of the Other

For citation: Kyrchanoff M. W. Images of the Other in the Discourse of Modern Indonesian Muslim Conservatism. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):234-244. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-234-244

Введение

Индонезия – самое густонаселенное мусульманское государство в современном мире, индонезийский ислам, также известный как ислам Нусантары, занимает особое место среди форм ислама, которые актуализировали не только общие для этой мировой религии особенности, но и интегрировали в свою структуру региональные и национальные особенности. Уникальная роль в современном индонезийском политическом исламе принадлежит консерваторам. Фундаменталистские исламские движения, в целом склонные к воспроизводству традиционалистского дискурса, настаивают на необходимости усиления ислама, его большем и открытом присутствии в политической жизни страны и системе права. Вместе с тем, понимая и осознавая исторически сложившийся секулярный характер индонезийской государственной модели, мусульманские традиционалисты вынуждены использовать умеренные и лояльные формы активности. Кроме этого, процессы демократизации, начавшиеся в 1998 г., обеспечили исламистов возможностью не только открытой, но и формально законной деятельности, фактически направленной на пропаганду исламизации индонезийского общества.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Кирчанов М. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

Исламистская агитация в современной Индонезии стала важным фактором политического воображения, связанного в одинаковой степени с формированием как концептов самости, так и образов, призванных конструировать концепты Инаковости. В центре авторского внимания в представленной статье будут идеологические предпочтения мусульманских консерваторов в современной Индонезии. Целью статьи является анализ идеологического дискурса сторонников традиционного ислама через призму развития образов политических Других. В число задач статьи входит изучение основных особенностей функционирования концептов политической и идеологической Инаковости в воображении исламистов, анализ основных идеологических предпочтений правых мусульманских интеллектуалов в формировании образов Другого, выявление перспектив развития исламистов в современной Индонезии на примере мусульманских правых консервативных групп как активных акторов политического воображения.

Мусульманские консерваторы в Индонезии: профиль сообщества

Особую роль в жизни современной Индонезии играют консервативно ориентированные мусульманские интеллектуалы. Консерваторы предпочитают группироваться вокруг традиционалистских исламских групп, которые активно продвигают в общественном мнении идеи отказа от светского права, внедрение законов шариата в общественную практику, что должно стимулировать процессы исламизации индонезийского общества. Идеологическим приоритетом для мусульманских консерваторов в современной Индонезии является именно ислам, что толкает их на конфликт с панчасилой – официальной идеологией, поддерживаемой светскими элитами.

На протяжении 2000-х – начала 2020-х гг. в Индонезии имели место тенденции постепенного усиления традиционалистских групп, идеологические предпочтения которых варьировались от умеренного политического ислама до радикального исламизма. Стимулами, которые содействовали росту исламистских тенденций в индонезийском обществе, стали процессы политической активизации мусульман, снятие существовавших раннее ограничений, что привело к реисламизации социума. Кроме того, исламисты воспользовались и теми лакунами, которые на протяжении второй половины XX в. сложились в индонезийской политической культуре. С одной стороны, слабость светских партий, которые выдвигали бы общедемократические лозунги, с другой – отсутствие левых партий позволили исламистам интегрировать в свою повестку дня те идеи, которые в других странах артикулируются светскими политическими группами левой или социал-демократической ориентации.

Для индонезийского исламизма основным политическим ориентиром является ислам, редуцируемый в массовом сознании до его основных столпов. Вместе с тем теоретики исламского консерватизма вынуждены адаптировать свою активность к вызовам модернизации, что содействует идеологизации политического радикального ислама и его трансформации в направлении одной из политических идеологий, хотя современными исследователями ислама признается, что «идеология – не единственный фактор, играющий роль в социальных движениях, идеология играет важную роль в повышении осведомленности членов движения. Идеология не является набором пассивных доктрин, но играет активную роль в повышении осведомленности о том, почему необходимы коллективные действия. Идеология играет важную роль как коллективное убеждение, как связывающая группа, которая регулирует и направляет отношения между людьми и коллективное поведение для достижения групповых целей» [Wahib 2011, p. 150]. Активность современного мусульманского консерватизма указывает на то, что теоретики руководствуются именно таким пониманием и восприятием идеологии, формируя и предлагая доктрину и программу для своих сторонников.

Таким образом, современное интеллектуальное мусульманское сообщество в его традиционалистском и консервативном сегменте в Индонезии является относительно гетерогенным, но это разнообразие условно, будучи связанным не с реальными идеологическими противоречиями, но «подстраиванием» исламистов под сложившуюся политическую конъюнктуру. Несмотря на это, консервативные мусульманские интеллектуалы стремятся участвовать в политике самостоятельно, хотя возможности для политического маневра для это этой группы ограничиваются и контролируются светскими элитами, склонными именно в них видеть основную угрозу.

В целом следует констатировать наличие в современной Индонезии тенденций к растущей активизации исламистов, хотя последние в зависимости от ситуации, институционализированной не ими, но светскими политическими элитами, будут выступать не столько в качестве самостоятельных игроков, сколько как второстепенные или подчиненные союзники тех мусульманских партий, который по причине своей умеренности смогли интегрироваться в сложившуюся систему.

Несмотря на это, мусульманские консерваторы активны в своих попытках продвижения политического ислама, чья программа активно использует ресурсы Инаковости для формирования и усиления собственного положительного образа. Критика реальных и воображаемых политических и идеологических Других со стороны исламистов стало следствием их разочарования во власти, которая, по их мнению, «осуществляет пре-

следование исламских священнослужителей и групп», что позволяет исламистам выдвигать и другие обвинения, включая приписывание «нынешнему режиму антиисламского характера» [Ginting, Wiratraman, Azca 2017], что сочетается с конспирологическими заявлении о стремлении элит возродить КПИ. Именно эти идеи, вероятно, следует воспринимать в качестве «стартовых условий» для формирования и продвижения образов Инаковости в современном индонезийском политическом исламе.

Внутренние Другие как угроза исламу в восприятии мусульманского консерватизма в современной Индонезии

Особое внимание мусульманские консерваторы уделяют продвижению образов Инаковости, которые, по их мнению, будут более заметными по мере усиления ислама в мире. Среди идеологических противников, которые подвергаются критике со стороны мусульманских консерваторов, атеисты или мусульмане, не соблюдающие религиозные предписания. Последние определяются как те, кто «любит следовать своим страстям и повиноваться нашептываниям сатаны или, наоборот, очень ленив в следовании пути Аллаха и неохотно выполняет свои религиозные обязанности, ибо вера его очень слаба»[1]. Более того, критикуя своих идеологических оппонентов, индонезийские традиционалисты настаивают, что те обречены, так как «Аллах не благословляет, не прощает и не любит неверных и помещает их в Свой ад навсегда»[2].

Среди таких противников ислама, как полагают мусульманские консерваторы, должен оказаться и бывший президент США Д. Трамп, определяемый ими как «вдохновитель исламофобии во всем мире»[3]. В целом для мусульманских консерваторов в современной Индонезии характерно теоцентричное восприятие реальности[4]. Поэтому все проблемы современной Индонезии мусульманскими консерваторами объясняются как результат антииндонезийских устремлений внешних противников, так как «капитализм и коммунизм борются за политический и экономический контроль над Индонезией»[5]. Для таких Других мусульманские кон-

---

[1] Mukhtar A. Inilah Tanda Menipisnya Iman kepada Hari Akhir // Hidayatullah. 2023. Januari 11. URL: https://hidayatullah.or.id/inilah-tanda-menipisnya-iman-kepada-hari-akhir/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[2] Hasyim S. Mengapa Muslim dan Kafir Dibedakan // Hidayatullah. 2023. Maret 1. URL: https://hidayatullah.or.id/mengapa-muslim-dan-kafir-dibedakan/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[3] Gerakan Islamophobia dan Aksi Buang Sampah Sajen Di Lokasi Musibah Semeru // Majelis Mujahidin. 2022. Januari 15. URL: https://www.majelismujahidin.com/gerakan-islamophobia-dan-aksi-buang-sampah-sajen-di-lokasi-musibah-semeru/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[4] Jalan Menuju Allah SWT // Majelis Rasulullah. 23.11.2015. URL: https://www.majelisrasulullah.org/jalan-menuju-allah-swt/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[5] Kongres Mujahidin VI: Indonesia Bersyariah Menyempurnakan Kemerdekaan Republik Indonesia // Majelis Mujahidin. 16.06.2023. URL: https://www.majelismujahidin.com/kongres-mujahidin-vi-indonesia-bersyariah-menyempurnakan (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

серваторы предусматривают возможность принятия ислама или возвращения к вере. В такой ситуации мусульманские консерваторы актуализируют опасность утраты национальной и религиозной идентичности, приводя в качестве примера Андалусию в частности и современный Запад в целом, где «натиск чужой идеологии и культуры очень массово вторгается в наших детей»[6]. Алимин Мухтар, один из идеологов современных индонезийских мусульманских консерваторов, подчеркивает, что «Андалусия – впечатляющий и печальный пример. С 97 г. по Хиджре страна была окрашена единобожием… но, начиная с 1236 г. н. э., после более чем пятивекового просвещения Европы светом Ислама, его слава была внезапно унесена и жестоко угасла. Сейчас в Андалусии мы видим только дворцы, улицы, парки и различные физические объекты, которые ясно говорят нам о том, что когда-то там существовал ислам. Но где верующие? К сожалению, они давно изгнаны»[7]. Комментируя подобные заявления исламистов, Ахмад Мунджид (Университет Гаджа Мада) подчеркивает, что они стали отражением «чрезмерного использования религии в публичном пространстве и ужесточения политики идентичности, фактически превратившись в угрозу мультикультурализму» [Munjid 2019].

Опыт истории испанского ислама активно используется как аргумент для проведения постоянной проповеди, направленной на усиление позиций ислама в обществе, в рамках которого следует «передать ислам подрастающему поколению, не позволив себе стать последним поколением, которое читает шахаду в наших домах, в наших деревнях, в наших городах, на нашем острове, в нашей стране»[8]. Подобная риторика консерваторов позволяет некоторым экспертам определять их как «салафитов» [Robby 2023]. Вместе с тем в политическом воображении мусульманских консерваторов присутствуют и более сложные образы Других, в основе которых лежит политическое и религиозное неприятие оппонентов. Консерваторы настаивают, что в мире реализуется «вводящая в заблуждение пропаганда, основанная на нашептываниях сатаны, продвигающая жестокосердие, тьму многобожия и безнравственность»[9], направленная на фальсификацию ислама, чтобы «красота его выглядела бы отвратительно, а свет прямого пути привел бы ко тьме заблуждений»[10].

---

[6] Mukhtar A. Kita Harus Wariskan Islam kepada Generasi Muda // Hidayatullah. 07.03.2023. URL: https://hidayatullah.or.id/kita-harus-wariskan-islam-kepada-generasi-muda/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[7] Ibid.

[8] Ibid.

[9] Mukhtar A. Mengapa Ada yang Dipaksa Masuk Surga Sampai Diseret? // Hidayatullah. 23.02.2023. URL: https://hidayatullah.or.id/mengapa-ada-yang-dipaksa-masuk-surga-sampai-diseret/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[10] Ibid.

Активные попытки исламистов сформировать негативный образ правящих светских элит связаны и с тем, что, по их мнению, «интересы и положение мусульман как большинства в Индонезии часто отодвигаются на второй план и даже приносятся в жертву, доказательством чего является то, что многих исламских деятелей обвиняют в том, что они являются радикальными деятелями и даже террористами» [Munjid 2019]. Такая позиция исламистов позволяет им не только продвигать негативные образы власти, но и легитимировать собственные попытки противостояния светским элитам, которые в такой логике начинают восприниматься как антиисламские.

В такой ситуации консерваторы настаивают, что критики ислама намеренно смешивают понятия «исламизм» и «терроризм»[11], стремясь, тем самым, сформировать негативный образ мусульман. В качестве средства борьбы с такой направленной против ислама пропаганды, как настаивают индонезийские мусульманские традиционалисты, является джихад, определяемый ими как «эффективный инструмент для разрушения всех этих барьеров, потому что в этом мире всегда есть высокомерные люди, которые не понимают языка, кроме насилия и борьбы за власть»[12]. В современном политическом воображении индонезийских мусульманских консерваторов в качестве Других фигурируют и индонезийские националисты, что неудивительно, так как политические элиты традиционно «рассматривают ультранационализм как ответ на рост исламского популизма в Индонезии» [Souisa, Wulandari 2013].

В феврале 2022 г. активисты Совета моджахедов вступили в конфликт с начальником штаба армии Дудунгом Абдурахманом, который высказал свои сомнения относительно того, что Аллах является арабом, что фактически означало несогласие с использованием арабского языка во время намаза. В связи с этим Мухаммад Талиб, один из лидеров Совета моджахедов, настаивал на недопустимости подобных высказываний, так как «это заявление является враждебным оскорблением в отношении религии Ислама»[13].

В целом мусульманские консерваторы активны в своих попытках сформировать крайне негативный образ политических элит, на деятель-

---

[11] Surat Terbuka: Pidato KETUM PDIP Mengagumi Komunisme dan Sosialisme // Majelis Mujahidin. 18.07.2021. URL: https://www.majelismujahidin.com/surat-terbuka-pidato-ketum-pdip-mengagumi-komunisme-dan-sosialisme/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[12] Mukhtar A. Mengapa Ada yang Dipaksa Masuk Surga Sampai Diseret? // Hidayatullah. 23.02.2023. URL: https://hidayatullah.or.id/mengapa-ada-yang-dipaksa-masuk-surga-sampai-diseret/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[13] Maklumat Majelis Mujahidin Tentang Ucapan KSAD Dudung Abdurachman // Majelis Mujahidin. 12.02.2022. URL: https://www.majelismujahidin.com/maklumat-majelis-mujahidin-tentang-ucapan-ksad-dudung-abdurachman/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

ность которых они проецируют коллективные фобии наиболее консервативного сегменты уммы. Представители правящих элит, в свою очередь, вполне осознают опасность усиления консервативного ислама, вместе с тем понимая, что вынуждены «удерживать исламистов на пути ненасилия… при обеспечении строгого надзора», хотя в обществе существует стереотип, что исламисты «могут измениться, принципиально придерживаясь по-прежнему узкого понимания джихада» [Maulana 2021]. Такая стратегия как элит, так и их исламистских оппонентов может привести к радикализации последних, если не на уровне реального участия в политической жизни, то на уровне дискурса, продвигаемого мусульманскими консерваторами.

Например, 30 раджаба 1443 г. по Хиджры (7 октября 2021 г.) Совет моджахедов в своем заявлении сформулировал претензии мусульман в отношении власти. В вину светским элитам мусульманские консерваторы ставили: 1) опасность возрождения КПИ (хотя в Индонезии деятельность коммунистических групп законодательно запрещена и в стране отсутствует Коммунистическая партия), 2) «искажение истории индонезийской нации», что, согласно сторонникам политического ислама, проявляется в доминировании светской историографии, прославлении коммунизма и занижении роли верующих, 3) перенос столицы из Джакарты в Нусантару, объявленный исламистами нерациональным и экономически невыгодным, 4) неспособность властей решить социальные и экономические проблемы, связанные с региональными диспропорциями в развитии Индонезии, 5) стремление элит заменить Ислам идеями панчасилы, 6) активное сотрудничество властей с КНР, в чем исламисты видят угрозу суверенитету[14].

Претензии консерваторов к режиму, которые в индонезийском обществе стали более заметны в рамках процессов, определяемых как «нелиберальный поворот» [Laksmana 2017], не ограничиваются этими пунктами. Мусульманские консерваторы, активизировавшиеся на волне процессов модернизации и секуляризации политического режима, оказались не только склонны критически воспринимать условно «либеральный» курс правящих элит [Jones 2017], но настаивают, что именно политические элиты виновны в упадке нравов, распространении гомосексуализма и свободных половых отношениях до брака, которые, как настаивают идеологи Совета моджахедов, активно практикуются в среде молодежи[15].

---

[14] Maklumat Umum Majelis Mujahidin: PKI Gaya Baru Bencana Ideologi NKRI // Majelis Mujahidin. 08.10.2021. URL: https://www.majelismujahidin.com/maklumat-umum-majelis-mujahidin-pki-gaya-baru-bencana-ideologi-nkri/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[15] Awwas I. S. Menteri Agama Kok Anti Agama // Majelis Mujahidin. 06.10.2020. URL: https://www.majelismujahidin.com/menteri-agama-kok-anti-agama/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

Кроме этого, в вину властям поставили неэффективность мер, направленных на борьбу с пандемией COVID-19. В связи с этим исламисты, с одной стороны, обвинили власти в том, что они проводили политику в интересах КНР, так как ограничив передвижение индонезийцев, не запретили въезд китайских рабочих[16]. С другой – мусульманские консерваторы утверждают, что первыми жертвами политических репрессий властей в период пандемии стали мусульманские активисты[17].

В целом современная позиция светских и военных элит позволяет мусульманским консерваторам обвинять власти в исламофобии. Ирфан С. Аввас, лидер «Совета моджахедов», настаивает, что «исламофобское движение в Индонезии взращивается и поощряется правящим режимом»[18], проявлением чего, по мнению сторонников консервативного ислама, является «криминализация священнослужителей, обвинения исламских радикальных элементов во внедрении в силовые структуры и вооруженные силы, восприятие учащихся религиозных школ как потенциальных террористов»[19].

Таким образом, мусульманские консерваторы формируют, поддерживают и последовательно продвигают негативный образ светской власти, подчеркивая то, что в прошлом она «имела тенденцию быть репрессивной по отношению к исламу, потому что он считался потенциальной угрозой правящему режиму». В вину светским элитам со стороны их мусульманских оппонентов и критиков ставится то, что они сформировали негативный образ политического ислама, позиционируя его сторонников как «крайне правых, диверсантов, радикалов и террористов»[20].

Выводы

Консервативные политические группы занимают особое место в современной индонезийской умме. Идеологические предпочтения мусульманских консерваторов могут отличаться по частным вопросам, но в целом большинство концепций и идей подобных движений

---

[16] Surat Terbuka: Pidato KETUM PDIP Mengagumi Komunisme dan Sosialisme // Majelis Mujahidin. 18.07.2021. URL: https://www.majelismujahidin.com/surat-terbuka-pidato-ketum-pdip-mengagumi-komunisme-dan-sosialisme/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[17] Awwas I. S. Khutbah Idul Fitri 1442 H: Teror Covid-19 Akibat Dosa Tanpa Sadar // Majelis Mujahidin. 10.05.2021. URL: https://www.majelismujahidin.com/khutbah-idul-fitri-1442-h-teror-covid-19-akibat-dosa-tanpa-sadar/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[18] Gerakan Islamophobia dan Aksi Buang Sampah Sajen Di Lokasi Musibah Semeru // Majelis Mujahidin. 15.01.2022. URL: https://www.majelismujahidin.com/gerakan-islamophobia-dan-aksi-buang-sampah-sajen-di-lokasi-musibah-semeru/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

[19] Ibid.

[20] Hentikanlah Depolitisasi dan Kriminalisasi Ulama // Majelis Mujahidin. 23.11.2021. URL: https://www.majelismujahidin.com/hentikanlah-depolitisasi-dan-kriminalisasi-ulama/ (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

и групп, которые действуют в рамках индонезийского ислама, направлено на усиление роли религии в обществе. Кроме этого, сторонниками консервативного ислама декларируется и подчеркивается необходимость предания законам шариата официального статуса в Индонезии несмотря на то, что последняя основана и построена как государство на светском праве. В этом отношении консервативные мусульмане активно вовлечены в проповедь ислама как на территории Индонезии, так и за ее пределами. В этом отношении деятельность консервативных групп исламской направленности в современной Индонезии носит явно консервативный и охранительный характер.

Поэтому основная активность таких движений направлена на консервацию и закрепление сложившихся институтов и отношений. Кроме этого, особое внимание уделяется критике проекта политической модернизации. В такой ситуации секуляризация и вестернизация общества объявляются в качестве главных оппонентов и врагов ислама, которые подвергаются современными мусульманскими консерваторами активной и последовательной критике. Острие критики со стороны мусульманских консерваторов и традиционалистов в современный Индонезии направлено против представителей меньшинств – сексуальных, национальных, этнических и религиозных. Особую роль в подобной критике занимает осуждение тех течений ислама, которые не признаются со стороны консервативных мусульман признаются классическими и каноническими. Что касается этнических оппонентов, то таковыми, по мнению консервативных мусульман, в первую очередь являются этнические китайцы, что связано с развитыми антикитайскими фобиями, которые исторически развивались в индонезийском социуме.

Тем не менее, нельзя исключать, что их активность будет носить вторичный характер, так как консервативные группы могут выступить в качестве второстепенных и младших союзников мусульманских партий, которые будут принимать участие в выборах, став основными оппонентами и конкурентами правящих кругов.

Литература / References

1. Wahib A. B. Dakwah salafi: dari teologi puritan sampai anti politik // Media Syari'ah: Wahana Kajian Hukum Islam dan Pranata Sosial. 2011. Vol. 13. No. 2. Pp. 147–161.

Электронные ресурсы / Electronic sources

2. Ginting M., Wiratraman H., Azca N. Pengepungan LBH Jakarta: akademisi merespons // The Conversation. 18.09.2017. URL: https://theconversation.com/pengepungan-lbh-jakarta-akademisi-merespons-84206 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

3. Jones S. Indonesia's Illiberal Turn. After the Ahok Case // Foreign Affairs. 26.05.2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/indonesia/2017–05–26/indonesias-illiberal-turn (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
4. Laksmana E. Apakah penggunaan istilah belokan 'illiberal' bermanfaat bagi demokrasi Indonesia? // The Conversation. 29.11.2017. URL: https://theconversation.com/apakah-penggunaan-istilah-belokan-illiberal-bermanfaat-bagi-demokrasi-indonesia-88084 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
5. Maulana I. Memahami sisi gerakan politik Jemaah Islamiyah // The Conversation. 04.12.2021. URL: https://theconversation.com/memahami-sisi-gerakan-politik-jemaah-islamiyah-172496 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
6. Munjid A. Demi Indonesia yang damai, kata kafir memang sebaiknya dihapus // The Conversation. 12.05.2019. URL: https://theconversation.com/demi-indonesia-yang-damai-kata-kafir-memang-sebaiknya-dihapus-113193 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
7. Munjid A. Di balik imbauan MUI soal salam lintas agama, ada ancaman terhadap multikulturalisme Indonesia // The Conversation. 20.11.2019. URL: https://theconversation.com/di-balik-imbauan-mui-soal-salam-lintas-agama-ada-ancaman-terhadap-multikulturalisme-indonesia-126950 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
8. Robby H. Satu abad NU: empat hal yang perlu disiapkan ormas Islam terbesar di Indonesia ini untuk memasuki usia abad ke-2 // The Conversation. 07.02.2023. URL: https://theconversation.com/satu-abad-nu-empat-hal-yang-perlu-disiapkan-ormas-islam-terbesar-di-indonesia-ini-untuk-memasuki-usia-abad-ke-2–199035 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.
9. Souisa H. Y., Wulandari P. R. Merespons populisme Islam, Presiden Jokowi mengambil arah ultra nasionalis // The Conversation. 30.10.2017.URL: https://theconversation.com/merespons-populisme-islam-presiden-jokowi-mengambil-arah-ultra-nasionalis-86409 (accessed: 15.05.2023). На индонез. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Kyrchanoff Maksym W. – Doctor of Science (Hist.), Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 08.07.2023.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 11.01.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 08.07.2023.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 11.01.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2227-5568 (Print)

Научная статья. Политические науки
УДК 327(470+510+517.3)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-245-252

ВЫСТУПЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ НА ТРЕХСТОРОННИХ ВСТРЕЧАХ (2014–2022): КОМПЛЕКСНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Борис Хабижевич Кушхов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
boris.kushkhov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5976-7749

Аннотация. В статье производится контент-анализ выступлений лидеров России, Китая и Монголии на трехсторонних встречах на полях саммита ШОС, происходивших в 2014–2022 гг. В исследовании задействованы официальные стенограммы заявлений трех сторон на русском и монгольском языках, опубликованные на правительственных порталах, а также публикации в СМИ трех стран с приведением отрывков данных выступлений. Исследование такого рода проводится с целью оценки нынешнего состояния трехстороннего диалога и процесса реализации предложенных в рамках «Экономического коридора Россия–Китай–Монголия» проектов. Делается вывод о том, что трехсторонний переговорный формат использовался в 2014–2022 гг. по большей части как средство поддержания диалога и декларирования международной общественности общих стремлений России, Монголии и Китая по трехсторонним взаимодействиям, для постулирования ключевых пунктов позиций стран по двух- или трехсторонним вопросам, а также для привлечения третьей стороны к существующим двусторонним противоречиям в отраслях и сферах, значимых для дальнейшего развития трехстороннего взаимодействия. В это же время конструктивные инициативы или предложения сторон друг к другу зачастую остаются без внимания или получают лишь формальное одобрение и поддержку.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, международные отношения, ШОС, переговоры

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Выступления лидеров России, Китая и Монголии на трехсторонних встречах (2014–2022): комплексный контент-анализ. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):245-252. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-245-252

Original article. Politics studies

SPEECHES BY THE LEADERS OF RUSSIA, CHINA AND MONGOLIA AT TRILATERAL MEETINGS (2014–2022): COMPREHENSIVE CONTENT ANALYSIS

Boris Kushkhov
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
boris.kushkhov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5976-7749

Abstract. The article provides a content analysis of the statements of the leaders of Russia, China and Mongolia at trilateral meetings on the sidelines of the SCO summit, which took place in 2014–2022. The study involved official transcripts of statements by the three parties in Russian and Mongolian, published on government portals, as well as publications in the media of

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Кушхов Б. Х., 2024
© Восточная аналитика, 2024

three countries with excerpts from these speeches. A study of this kind is carried out with the aim of assessing the current state of the trilateral dialogue and the process of implementation of projects proposed within the framework of the Russia-China-Mongolia Economic Corridor. It is concluded that the trilateral negotiation format was used in 2014–2022 mainly as a means of maintaining dialogue and declaring to the international community the common aspirations of Russia, Mongolia and China on trilateral interactions, to postulate key points of the countries' positions on two or trilateral issues, and also to attract a third party to existing bilateral contradictions in industries and areas that are significant for the further development of trilateral interaction. At the same time, constructive initiatives or proposals of the parties to each other often go unnoticed or receive only formal approval and support.

Keywords: Mongolia, Russia, China, international relations, SCO, negotiations

For citation: Kushkhov B. Kh. Speeches by the leaders of Russia, China and Mongolia at trilateral meetings (2014–2022): comprehensive content analysis. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):245-252. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-245-252

Введение

Трехсторонние встречи лидеров России, Монголии и Китая на полях саммитов ШОС являются ключевым форматом в рамках регулирования процессов в субрегиональной системе международных отношений «Россия-Монголия-Китай», а также важным узлом экономического и транспортно-инфраструктурного сотрудничества России с ее крупнейшим партнером в лице Китая. Помимо этого, создание подобного формата можно считать одним из важнейших признаков выхода многовековых отношений трех стран на принципиально новый этап. Предполагается, что анализ выступлений лидеров трех стран обладает большим потенциалом с точки зрения оценки характера взаимодействий между Россией, Монголией и Китаем.

Для проведения «контент-анализа» выступлений лидеров России, Монголии и Китая на трехсторонних встречах были изучены тезисы выступлений президента РФ В.В Путина, председателя КНР Си Цзиньпина, а также трех монгольских президентов, сменившихся за время существования данного формата переговоров: президента Ц. Элбэгдоржа, Х. Баттулги и У. Хурэлсуха, за все трехсторонние встречи с 2014 по 2022 гг. В исследовании были задействованы стенограммы встреч, размещенные на русском языке на российском государственном портале kremlin.ru, а также материалы монгольских СМИ и правительственных порталов, содержащие сведения о ходе встреч и ее результатах.

Выступления российской стороны

Самой популярной темой, неизбежно упоминаемой в выступлениях В. В. Путина в ходе трехсторонних встреч [Переговоры с… 2014; Встреча

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kushkhov B. Kh., 2024
© Eastern Analytics, 2024

с… 2015; 2016; 2018; 2019; 2022], является судьба Улан-Баторской Железной Дороги – последнего предприятия в Монголии с 50% пакетом акций в собственности Правительства РФ [Грайворонский 2011, с. 124]. Данная тема является чрезвычайно актуальной для России – монгольская сторона неоднократно заявляла о своем стремлении получить контрольный пакет акций предприятия, а также поставила под вопрос исключительные позиции АО в железнодорожной отрасли страны путем создания государственной компании «Монгольская железная дорога» [Бидний тухай 2008]. Также, попытки пересмотра позиций России в данном предприятии заключались в создании проекта обходящей Улан-Батор железной дороги «Богд хаан» [«Богдхан» төмөр замын төсөл… 2023], начинающейся и заканчивающейся на основной линии, принадлежащей УБЖД. Данный проект вызывает опасения у российской стороны, так как ставит под вопрос будущее участка основной линии, проходящей через Улан-Батор, вместе со всеми инфраструктурными объектами дороги.

Эта тема поднимается на трехсторонних встречах, вероятно, с целью привлечь к российско-монгольским разногласиям Китай, которому дальнейшее развитие данной железной дороги представляется значимым с точки зрения обеспечения транзита китайского экспорта по маршруту «Китай–Европа». Монгольская сторона, осознавая наличие интереса у Китая не столько к конкретной дороге, сколько к транзиту в целом, на последних встречах лидеров трех стран выдвигала на обсуждение свои проекты «Восточного и Западного железнодорожных коридоров» [Монгол, Орос, Хятад… 2022]. Китайская сторона, обходя различия в позициях монгольских и российских коллег по данной проблеме, декларирует свою приверженность «делу увеличения пропускной способности транспортных сетей трех стран» [Встреча с… 2022], пока воздерживаясь от поддержки одной конкретной стороны.

Тем не менее, опираясь на выводы, сделанные в ходе анализа трехсторонних отношений в качестве системы, Китай более вероятно поддержит позицию второй державы «треугольника» – России, чем малого государства – Монголии: державы «треугольника» никогда не были склонны улучшать отношения с Монголией за счет ухудшения отношений между собой.

Из аналогичных соображений о приоритетности «междудержавных» отношений для каждой из двух держав в выступлениях В. В. Путина неоднократно (2016, 2022) упоминается необходимость координации экологического партнерства сторон в контексте угроз Байкалу от гидротехнических проектов Монголии на впадающих в него реках [Встреча с… 2016; 2022]. Это также является попыткой привлечения Китая как симпатизирующего второй державе посредника в споре вокруг строительства

Монголией каскада ГЭС, способных забрать значительную часть стока в озеро Байкал.

Второй по популярности темой, которую В. В. Путин выносил за годы трехсторонних встреч на обсуждение монгольскими и китайскими коллегами, являются перспективы поставок электроэнергии из России в Китай и Монголию [Переговоры с… 2014; Встреча с… 2015; 2016; 2019; 2022]. В контексте российско-монгольской дискуссии по строительству ГЭС на притоках Байкала подобный тезис является предложением альтернативы монгольским проектам, которые не устраивают Россию. Тем не менее, если президенты Элбэгдорж и Баттулга косвенно поддерживали эту инициативу, заявляя о «необходимости создания региональных сетей электропередачи» [Монгол Улсын Ерөнхийлөгч … 2018], то уже президент Хурэлсух исключил этот пункт из заявлений монгольской стороны, внеся в нее с 2022 г. такие пункты, как «желание сотрудничать с Россией по реализации проекта ГЭС Эгийн Гол» и «успешная реализация проекта ГЭС Эрдэнэбурэн совместно с Китаем» [Монгол, Орос, Хятадын… 2022]. В последние годы Монголия решительно продвигает свои изначальные планы, зафиксированные еще в Концепции Национальной Безопасности Монголии 2011 г., в которой было прописано достижение полной энергетической самодостаточности страны к 2020 г. [Үндэсний аюулгүй байдлын… 2011, 3.2.4.2]. Никаким образом на российское предложение о поставках электроэнергии не реагирует в официальных заявлениях на трехсторонних встречах и Китай.

Третьей по частоте упоминаний темой в выступлениях президента России является развитие туризма – она упоминалась четырежды (в 2015, 2016, 2018 и 2022 гг.) [Встреча с… 2015; 2016; 2018; 2022]. При этом в активизации туристического сотрудничества в трехстороннем контексте заинтересована скорее Монголия, нежели Россия или Китай – особенно в контексте «Годов посещения Монголии», объявленных правительством этой страны [Монголд зочлох жил… 2022].

Выступления китайской стороны

«Красной линией» через все выступления председателя Си проходит тезис о «необходимости наращивать сотрудничество трех стран по линии ШОС» [Встреча с… 2015; 2018; 2019; 2022], непременно сопровождающийся упоминанием о «перспективном участии Монголии в деятельности организации на правах ее члена» [Встреча с… 2016]. Стоит напомнить, что трехсторонние встречи лидеров России, Китая и Монголии проходили сугубо на полях ежегодных саммитов ШОС, в которых монгольская сторона, не будучи членом организации, принимает участие на правах наблюдателя, используя организацию скорее как «перего-

ворную площадку». Таким образом, тезис китайской стороны контекстуально обоснован, но нацелен на склонение Монголии к членству в ШОС, которое может быть негативно встречено ее западными коллегами – так называемыми «Третьими соседями». Отсутствие непосредственной нужды в членстве, а также потенциально негативная реакция на него у ряда значимых партнеров Монголии заставляет монгольских лидеров последовательно игнорировать данный тезис китайской стороны в своих ответных выступлениях. Такой же «тактики» придерживается и российская сторона.

Помимо этого выступлениям китайского лидера свойственно последовательное сохранение абстрактных формулировок, которые могли быть актуальными и значимыми в 2014 г., на заре институционализации трехсторонних отношений, но к 2022 г. стали скорее «фразами-клише». Так, во всех выступлениях председателя Си на трехсторонних саммитах [Переговоры с… 2014; Встреча с… 2015; 2016; 2018; 2019; 2022] содержатся призывы к «активизации усилий по реализации программы развития трехстороннего коридора» [Трехсторонний экономический коридор 2016], «объединении усилий по сопряжению трех инициатив – китайского Пояса и Пути, российского проекта ЕАЭС и монгольского Степного пути» [Монголия готова… 2016]. Таким образом, из анализа выступлений Председателя КНР на трехсторонних саммитах следует то, что Китай хотя и заинтересован в реализации трехсторонних проектов с Монголией и Россией, в настоящее время занимает выжидательную позицию. Вероятно, китайская сторона надеется на дальнейшее укрепление экономической зависимости двух партнеров от себя – в частности, увеличения доли Китая в российском экспорте и дальнейшего роста внешней задолженности Монголии перед Китаем. В случае дальнейшего развития этих процессов Китай может претендовать в обозримом будущем на продвижение своего собственного видения проектов, тем самым положив конец спорам России и Монголии.

Выступления монгольской стороны

Ключевой особенностью выступлений монгольских лидеров в 2014–2019 гг. следует признать ежегодное предложение разных встреч, организаций, форумов и совещаний, призванных содействовать реализации «Экономического коридора», предполагаемых к проведению или размещению в Улан-Баторе [Переговоры с… 2014; Встреча с… 2019]. Таким образом, долгие годы монгольская сторона отстаивала в приоритетном порядке «централизм Монголии» в трехсторонних проектах. Тем не менее, несмотря на периодическую поддержку монгольских инициатив лидерами России и Китая, практически все они так и не были реа-

лизованы. В результате в выступлении президента Монголии У. Хурэлсуха на трехсторонней встрече в 2022 г. какие-либо отсылки или намеки на «централизм Монголии» отсутствовали [Встреча с… 2022].

В выступлениях монгольской стороны чаще, чем у России и Китая, прослеживается неудовлетворение темпами реализации трехсторонних проектов. Так, в 2019 г. на встрече в Бишкеке Президент Монголии Х. Баттулга заявил, что «Большая часть из 30 проектов, выделенных в рамках Трехстороннего коридора Россия–Монголия–Китай, так и не были реализованы или даже рассмотрены до уровня технико-экономического обоснования» [Встреча с… 2019].

Выводы

Таким образом, основной вывод контент-анализа заключается в том, что несмотря на успех трехстороннего формата и его новаторскую природу, в 2014–2022 гг. он преимущественно использовался сторонами не для согласования перспективных проектов, а для постулирования ключевых пунктов своей позиции по взаимодействиям трех стран. Также в отдельных случаях в его рамках предпринимались попытки привлечь третью сторону к существующим двусторонним противоречиям в отраслях и сферах, значимых для дальнейшего развития отношений трех стран. Исходя из этого, на самом раннем этапе своего существования данный формат использовался по большей части как средство поддержания «статусности» диалога и декларирования международной общественности приверженности России, Монголии и Китая развитию трехсторонних взаимодействий и контактов. В это же время, как это показывает данный контент-анализ, видение практической составляющей и приоритетов этих взаимодействий у сторон по итогам восьмилетнего периода по-прежнему совпадает не полностью.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2015) // Президент России [Meeting with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Tsakhiagiin Elbegdorj (2015) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49899 (дата обращения: 04.10.2023).
2. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2016) // Президент России [Meeting with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Tsakhiagiin Elbegdorj (2016) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52211 (дата обращения: 04.10.2023).
3. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой (2018) // Президент России [Meeting with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Khaltmagiin

Battulga (2018) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57713 (дата обращения: 04.10.2023).

4. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой (2019) // Президент России [Meeting with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Khaltmagiin Battulga (2019) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60753 (дата обращения: 01.10.2023).
5. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом (2022) // Президент России [Meeting with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Ukhnagiin Khurelsukh (2022) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69357 (дата обращения: 04.03.2023).
6. Грайворонский В. В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 122–136. [Grayvoronsky V. V. Modernization of railway transport in Mongolia and the role of Russian-Mongolian cooperation // Eastern Analytics. 2011. No. 2. P. 122–136 (In Russian)].
7. Монголия готова создать экономический коридор с Россией и Китаем // Газета Жэнминь Жибао Он-лайн [Mongolia is ready to create an economic corridor with Russia and China // Renmin Ribao Online newspaper (In Russian)]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2016/0608/c31520–9069542.html (дата обращения: 22.10.2023).
8. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2014) // Президент России [Negotiations with President of the People's Republic of China Xi Jinping and President of Mongolia Tsakhiagiin Elbegdorj (2014) // President of Russia (In Russian)]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46599 (дата обращения: 25.10.2023).
9. Трехсторонний экономический коридор Китай-Монголия-Россия будет создан на основе сотрудничества в 7 ведущих областях // Газета Жэнминь Жибао Он-лайн [The trilateral economic corridor China-Mongolia-Russia will be created on the basis of cooperation in 7 leading areas // Zhenmin Ribao Online newspaper (In Russian)]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2016/0918/c31518–9115905.html (дата обращения: 22.10.2023).
10. «Богдхан» төмөр замын төсөл // Зам, тээврийн хөгжлийн яам [«Bogdhan» railway project]. URL: https://mrtd.gov.mn/p/76 (accessed: 20.10.2023). На монг. яз.
11. Бидний Тухай // Монголын төмөр зам ТӨХК [About us]. URL: https://www.mtz.mn/pages/about-us (accessed: 23.10.2023). На монг. яз.
12. Монголд зочлох жил – 2023 // Соёлын яам [The Year of visiting Mongolia – 2023]. URL: https://moc.gov.mn/news/Welcome2Mongolia (accessed: 20.10.2023). На монг. яз.
13. Монгол, Орос, Хятад гурван улсыг холбосон төмөр замын төв коридорыг шинэчлэх, ТЭЗҮ-ийг эхлүүлэхээр тохиролцов // ikon.mn [It was agreed to renew the central railway corridor connecting Mongolia, Russia and China and to start the feasibility study] URL: https://ikon.mn/n/2o54 (accessed: 20.10.2023). На монг. яз.
14. Монгол, Орос, Хятадын Төрийн тэргүүн нар уулзав // Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Тамгын газар [The heads of state of Mongolia, Russia and China met] URL: https://president.mn/24745/ (accessed: 23.10.2023). На монг. яз.

15. Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Х. Баттулга Монгол Улс, ОХУ, БНХАУ-ын төрийн тэргүүн нарын дөрөв дэх удаагийн дээд хэмжээний уулзалтад оролцож үг хэллээ // Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Тамгын газар [The President of Mongolia H. Battulga gave a speech at the fourth summit meeting of the heads of state of Mongolia, Russia and China]. URL: https://president.mn/4238/ (accessed: 23.10.2023). На монг. яз.
16. Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал // Монгол Улсын Гадаад Харилцааны Яам [Concept of national security]. URL: https://mfa.gov.mn/trade/61525 (accessed: 23.10.2023). На монг. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кушхов Борис Хабижевич – аспирант, лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Kushkhov Boris Kh. – postgraduate, Research Assistant of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 17.11.2023.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 11.01.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 17.11.2023.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 11.01.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 341.322(540+549.1)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-253-269

ПРИРОДА ГИБРИДНЫХ ВОЙН НА ПРИМЕРЕ КАШМИРСКОГО ВОПРОСА

Софья Владимировна Мельникова
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
sophiazavodnik@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5797-041X

Аннотация. Статья посвящена изучению природы гибридных войн. Автор определяет гибридный конфликт как совокупность враждебных действий одного актора против другого актора через использование различных военных и невоенных средств, отражающее стремление первого осуществить силовое давление на второго, избежав при этом прямого силового столкновения и сопутствующих ему репутационных и финансовых издержек.
В рамках данного исследования изучаются такие вопросы как сущность и причины крайней продолжительности гибридных войн на примере индо-пакистанского конфликта вокруг кашмирских территорий. Конфликтные отношения Дели и Исламабада имеют продолжительную историю и на разных этапах развития системы международных отношений имели различные формы и специфические характеристики; в рамках статьи предпринимается попытка проследить, как меняется конфликт, какие стадии он проходит, как и при каких обстоятельствах прямое военное столкновение уступило место гибридной войне между Индией и Пакистаном и какие факторы определяют его трудноразрешимость.

Ключевые слова: гибридная война, Индия, Пакистан, кашмирский конфликт, конфликты нового типа

Для цитирования: Мельникова С. В. Природа гибридных войн на примере Кашмирского вопроса. *Восточная аналитика.* 2024;14(1):253-269. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-253-269

Original article. Politics studies

THE NATURE OF THE HYBRID WARFARE: THE CASE OF KASHMIR

Sofya Melnikova
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
sophiazavodnik@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5797-041X

Abstract. The article is devoted to the study of the nature of hybrid wars. The author defines a hybrid conflict as a set of hostile actions of one actor against another actor through the use of various military and non-military means, reflecting the desire of the first to exert force pressure on the second, while avoiding a direct force collision and the associated reputational and financial costs.
Within the framework of this study, such issues as the essence and causes of the extreme duration of hybrid wars are studied on the example of the Indo-Pakistani conflict over Kashmiri territories. The conflict relations between Delhi and Islamabad have a long history and at different stages of the development of the system of international relations had different forms and

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Мельникова С. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

specific characteristics and the article attempts to trace how and under what circumstances a direct military clash gave way to a hybrid war between India and Pakistan.

Keywords: hybrid warfare, India, Pakistan, Kashmir conflict, conflicts of new types

For citation: Melnikova S. V. The Nature of the Hybrid Warfare: the Case of Kashmir. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):253-269. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-253-269

Введение

Гибридная война как совокупность враждебных действий одного актора против другого актора через использование различных военных и невоенных средств сегодня получила широкое распространение. По сути, она представляет собой стремление одного актора осуществить силовое давление на другого, избежав при этом прямого силового столкновения и сопутствующих ему репутационных и финансовых издержек. Изучение сущности гибридной войны, причин и следствий ее повсеместного распространения дает исследователю возможность понять специфические особенности современной системы международных отношений, а также выявить причины неразрешимости застарелых конфликтов. Изучение этого теоретического аспекта возможно через историческую призму, в качестве которой в рамках данного исследования используется индо-пакистанское противостояние.

Потенциал гибридных войн в Азии не исчерпывается противостоянием Индии и Пакистана. Высокая конфликтогенность среды в сочетании с рядом факторов, таких как отсутствие всеобъемлющего режима безопасности, высокие уровни бедности и безграмотности, этническое и религиозное разнообразие, сложное колониальное прошлое многих стран предопределяют уязвимость азиатского региона к появлению гибридных конфликтов. Более того, с развитием новых технологий методы ведения гибридной войны становятся все более изощренными и требуют все более жестких ответов.

Рациональность выбора именно индо-пакистанской гибридной войны для исследования обозначенных теоретических положений подкреплена рядом сущностных характеристик этого конфликта. В частности, важен тот факт, что индо-пакистанские конфликтные отношения имеют очень продолжительную историю и на разных этапах развития системы международных отношении имели различные формы и специфические характеристики, при этом каждый новый этап базировался на предыдущих. Данный аспект позволяет проследить, как и при каких обстоятельствах прямое военное столкновение уступило место гибридной войне между Индией и Пакистаном. Более того, гибридное противо-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Melnikova S. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

стояние именно этих стран интересно в силу того, что они обе являются ядерными державами.

Причиной, определяющей высокую актуальность изучения гибридных конфликтов, помимо прочего является присущая им чрезвычайная продолжительность и трудноразрешимость. Как правило, гибридные конфликты тянутся десятилетиями, так как представляют собой самовоспроизводящиеся циклы эскалаций и стабилизации, которые приводят к очередным человеческим жертвам и экономическим кризисам, но не переводят конфликт на новую стадию.

Разрешение конфликта возможно только в случае, если он «созрел» в достаточной степени или достиг определенной стадии. Подразумевается точка, в которой стороны начинают осознавать, что статус-кво приносит им неприемлемые издержки, компенсировать которые они не в состоянии, а также появляется ощущение возможности достижения соглашения на относительно удовлетворительных условиях для обеих сторон. Особенность гибридных конфликтов в том, что в них эта точка практически недостижима.

Выбор гибридной подрывной деятельности создает аморфный ландшафт безопасности, обычно называемый «серой зоной», где границы войны и мира размыты, а поля сражений четко не очерчены [Almäng 2019, p. 192]. Образованная серая зона является признаком усложнения современной среды безопасности [Mattsson 2017, p. 72]. Гибридные методы давления способны не только снизить оборонную способность государства в военном плане, но и дестабилизировать общество, снизить способность государственных органов власти адекватно и эффективно отвечать на внутренние вызовы [Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016]. При этом государство остается жизнеспособным, критическая точка не достигается.

Цикличность – это неотъемлемый атрибут гибридных войн. Чем продолжительней конфликтная ситуация, тем меньше политической воли к мирному решению. Более того, политическая система государства на протяжении многих лет участия в таком конфликте адаптируется к контексту гибридной войны. Власть учится получать выгоды от наличия стабильной (в некоторой степени даже предсказуемой) угрозы безопасности, так как это делает ее политические позиции более крепкими, а возможности более широкими. Электорат также все меньше склонен поддерживать мирный вектор.

В обществе, которое на протяжении десятилетий существует в подобных условиях, формируется толерантность к хронической нестабильности, неблагополучности и неопределенности, характерных для гибридных войн, повышается популярность политических «ястребов»

и агрессивного популизма. Этому сопутствует стабильное формирование «образа врага», демонизация и дегуманизация противника, что рождает определенный культурный код неприятия «другого».

Примечательно, что агрессивная внешнеполитическая активность в рамках гибридного конфликта негативно влияет не только на атакуемую сторону, но и на атакующую. Современные исследования демонстрируют, что в странах, вовлеченных в гибридные войны, в долгосрочной перспективе наблюдается усугубление поляризации в обществе, рост межгрупповой напряженности и формирование чувства разочарования во власти [Pindják 2014]. Все указанные обстоятельства возникновения или течения гибридных войн присутствуют в индо-пакистанских отношениях.

Истоки индо-пакистанских гибридных отношений

Кашмирский спор стал одним из самых продолжительных конфликтов в новой и новейшей истории. Истоки конфликта в некоторой степени предопределили сложность его разрешения. Принято считать, что раздел Британской Индии в 1947 г. является точкой начала кашмирского конфликта, однако, нельзя не отметить, что противоречия возникли и усиливались еще в XIX в. Поражение, которое потерпели сикхи от британцев в Первой англо-сикхской войне (1845–1846 гг.), привело к тому, что часть территорий Сикхского государства перешла Британской Ост-Индской кампании, после чего британцы продали Кашмир индусу-махарадже из соседнего района Джамму.

В начале XX в. мусульманское население Кашмира требовало независимости, и это требование вскоре вылилось в масштабное движение, дестабилизирующее регион [Шаумян 2023]. После того, как беспорядки на внутриполитической почве в стране достигли тревожного уровня, правительство Великобритании приняло решение ускорить процесс раздела колонии. Так в 1947 г. Индия и Пакистан обрели независимость, однако основы конфликта были уже заложены, а линии разлома сформированы [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян 2003].

Важным дополнением является то, что проблема статуса множества независимых или полунезависимых индийских княжеств стала одной из самых сложных в процессе раздела колонии. Закон о независимости Индии 1947 г., или план Маунтбэттена не регулировал их судьбу. Судьба Кашмира не была ясна, пока вооруженный отряд пакистанских пуштунов не занял существенную часть Кашмира, провозгласив создание временного правительства «Азад Кашмир». В этой ситуации стоявший во главе Кашмира Хари Сингх принял решение о том, что Кашмир должен быть присоединен к Индии, и после того, как вице-король Индии лорд Маунтбэт-

тен заявил о признании Акта и самого факта присоединения Кашмира к Индии, в Кашмир был направлен индийский воинский контингент. Индийские войска оказали сопротивление пакистанским «добровольцам» и военным, остановив их продвижение по территории княжества.

В будущем разное видение мира и вопроса о принадлежности Кашмира стало причиной целого ряда индо-пакистанских войн 1947–1948, 1965 и 1999 гг., а также десятков конфликтных ситуаций, повлекших за собой человеческие жертвы и рост напряженности в регионе [Мелехина 2008].

Практически все военные столкновения Индии и Пакистана до 1970-х гг. можно рассматривать как классические, и с определенной долей условности можно говорить о том, что после 1970-х гг. военное, экономическое и политическое давление Индии в регионе сделало политику гибридной войны единственно возможной для Исламабада [Yadav 2019, p. 131]. Другими словами, это не столько выбор Пакистана, сколько его обреченность на гибридную войну.

Если в рамках современной гибридной войны между Индией и Пакистаном политика Нью-Дели в большей степени ответная (несмотря на всю ее жесткость), то в прошлом Индия не раз сама использовала инструменты гибридной войны против Пакистана. Конкретные исторические эпизоды ярко демонстрируют, как элементы гибридной политики одного государства приводят к симметричным ответам. Например, накануне индо-пакистанской войны 1971 г., в период острого внутриполитического кризиса в Пакистане, Индия проводила активную политику по поддержке сепаратистских настроений в Восточном Пакистане. Участникам освободительной борьбы в будущем государстве Бангладеш оказывалась всесторонняя военная и финансовая поддержка со стороны индийских властей. Начало военных действий часто связывают с активной артиллеристской поддержкой, которую Индия начала оказывать Восточному Пакистану.

Разгоревшаяся индо-пакистанская война закончилась для Пакистана поражением и отторжением восточных территорий, что стало одним из звеньев цепи событий, ограничивших спектр инструментов влияния Пакистана на Индию. Баланс сил сместился в сторону Индии, и прямое военное столкновение привело бы к разгромному поражению Пакистана. Осознание невозможности военной победы вместе с нерешенностью мнимых или реальных пакистанских проблем безопасности, которые не разрешила и состоявшаяся в 1972 г. встреча в верхах в Симле[1],

[1] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 90. 1972. О переговорах премьер-министра Индии Индиры Ганди с президентом Пакистана Бхутто в Симле. Оп. 34. П. 76. Д. 13. Л. 209.

привели к хронической гибридной войне и к закреплению нездорового режима индо-пакистанских отношений [Никитина 2008, с. 52].

Другим важным для исследования результатом войны 1971 г. стало обострение стремления Пакистана создать собственное ядерное оружие [Володин, Шукла 2018, с. 40–55]. В контексте изучения причин и природы гибридной войны между Индией и Пакистаном получение доступа этих стран к ядерному оружию является одним из важнейших факторов. Именно осознание акторами вероятности взаимного гарантированного уничтожения в случае открытого противостояния привело к тому, что их инструменты силового влияния на соперника стали существенно ограничены. Это подтолкнуло Пакистан к использованию непрямых методов давления на Индию.

Не менее важными для укрепления в индо-пакистанских отношениях режима гибридной войны являются особенности развития внутриполитической системы Индии. Именно в 1970-х гг. в Индии усилились авторитарные тенденции, которые с течением времени продолжали укрепляться. Более того, они наложились на укрепление лидерских амбиций Индии в регионе. Окончание холодной войны изменило устройство мира и заставило ключевых региональных игроков переосмыслить свое положение в международно-политической системе. Внешнеполитическая стратегия Индии, которая долгое время была основана на игре на противоречиях между СССР и США, потеряла свою актуальность и сменилась на другую. Теперь индийские амбиции возросли если не до сверхдержавных, то до безусловной убежденности в том, что Индия для обеспечения своей национальной безопасности должна гарантировать себе роль регионального лидера и лишить своих соседей любой возможности оспорить ее. Это не могло не восприниматься Пакистаном как попытки Индии подорвать его позиции в регионе и не могло не вызывать агрессивный ответ.

Причины продолжительности индо-пакистанского гибридного конфликта

Порочный круг такой войны существует благодаря взаимным действиям сторон, и на современном этапе деятельность по поддержанию войны Индии заключается как раз в том, *как* она позиционирует себя в регионе и как реагирует на действия Пакистана, а также в том, какую политику Нью-Дели проводит на спорных кашмирских территориях.

Лидерские амбиции Индии в регионе, четкая и даже агрессивная их декларация для пакистанского руководства и общества выглядит как угроза и провоцирует Пакистан продолжать гибридные действия против Индии.

Сегодняшний премьер-министр Н. Моди прямо говорит о готовности Индии возглавить мировой порядок. Он часто подчеркивает, что «любая страна имеет право расширять свое присутствие и влияние на международной арене», и что стремление Индии расширять свои возможности в мире – это стремление к всеобщему человеческому благу [Sharma 2020, p. 192]. Другими словами, глобалистский дискурс становится неотъемлемой частью политической жизни Индии. Предположительно именно такой взгляд на мирополитическую реальность или особый тип мышления как политических элит, так и общества обеспечивает чрезвычайную продолжительность гибридных войн. Если их возникновение определяется историческим, политическим, культурным и экономическим основаниями, то неразрешимость, помимо всего прочего, есть следствие империалистского, милитаризированного мышления властей и общества.

Исключительная продолжительность гибридных войн также объясняется их цикличностью. На протяжении десятилетий циклы эскалации идут по одинаковому сценарию – деятельность кашмирских фундаменталистов и сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном, и осуществляемые ими террористические акции приводят к тому, что индийское руководство широко применяет карательные меры в подконтрольных частях Кашмира, а также иногда осуществляет точечные авиаудары по территории Пакистана, объясняя это том, что там находятся лагеря боевиков. После этого Пакистан как внутри, так и на различных международных площадках говорит об индийской агрессии и о беспрецедентном нарушении прав кашмирцев индийским руководством [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян 2003, с. 183].

По такому сценарию протекали события и 1990-х, и 2000-х гг. В рамках недавнего эпизода эскалации в 2019 г. после подрыва индийской армейской колонны в Джамму и Кашмире последовал жесткий ответ Индии и упразднение особого статуса для бывшего штата Джамму и Кашмир. Более того, в Индии прошли протесты, участники которых призывали привлечь виновных к ответственности, а индийские власти обещали дать максимально жесткий ответ на действия Пакистана, вину которого не подвергали сомнению. Затем ВВС Индии нанесли массированный удар по находящемуся на пакистанской территории лагерю «Армии Мухаммеда».

При этом данные акции, которые в большей степени являются действиями демонстративными, никак не влияют на динамику конфликта. Вероятнее всего, к обозначенному и другим похожим терактам причастны радикальные группы, связанные с Пакистаном, но не непосредственно пакистанские власти. Благоприятно на разрешении индо-

пакистанской конфликтной ситуации сказалось бы совместное расследование с привлечением международных экспертов. В то время как отзыв дипломатов и ответные военные акции только замыкают один конфликтный цикл и начинают новый.

Адаптация внутриполитической системы и эксплуатация внешней угрозы как причина продолжительности гибридных войн также типичны для Индии. Жесткая риторика, взаимные обвинения, отсутствие доверия между странами являются неотъемлемыми атрибутами гибридных войн. В целом в 2014 г. с приходом Н. Моди к власти происходит укрепление вектора Индии на обеспечение международной изоляции Пакистана. Антипакистанская риторика представляет собой регулярные обвинения пакистанских властей в терроризме, нарушении международного права и дестабилизации региона. При этом вопросом остается, направлена ли подобная риторика исключительно вовне. Представляется, что она в значительной степени нацелена на усиление внутриполитических позиций конкретных политических игроков.

Накануне всеобщих выборов в Индии в 2019 г. Бхаратия Джаната Парти (БДП) представила свою предвыборную программу (Sankalp Patra). Абсолютная нетерпимость к терроризму в увязке с национальной безопасностью и укреплением вооруженных сил Индии были обозначены национальным приоритетом. Уже п. 1 программы – «Нация прежде всего» – демонстрировал, что на протяжении своего второго срока в качестве премьер-министра Моди будет более агрессивным, решительным и жестким. Такая основа программного документа БДП нашла позитивный отклик у значительной части индийского электората и, как следствие, обеспечила БДП убедительную победу на выборах 2019 г. [Ahmed 2020, p. 44–53].

Продолжение падение ВВП и ряда неудач экономической и социальной политики правительства компенсируются жесткой риторикой авторитарного лидера. По сути, существование «агрессивного, спонсирующего терроризм» Пакистана как экзистенциальной угрозы должно заставить широкую общественность закрыть глаза на другие проблемы. Несмотря на обеспокоенность индийской интеллигенции тем, что современная Индия отходит от секуляризма и встала на путь религиозной и культурной нетерпимости, большинство населения, существующее в пространстве, создаваемом индийскими СМИ, продолжает поддерживать Н. Моди и его правительство [Куприянов, Макаревич 2021, с. 81].

Важно отметить, что обеспечение широкой поддержки в достаточной степени агрессивного авторитарного популизма требует создания или утрирования внешней угрозы. Во всяком случае, это наиболее про-

стой способ консолидировать общество вокруг власти, так как он базируется на природной психологической особенности человека примыкать к «сильному Своему» при наличии «Чужого». Это направление политического движения особенно эффективно, когда страна на протяжении многих лет находится в конфликтных отношениях с соседним государством.

Дихотомия «мы/они» или «свой/чужой» как политическая и идеологическая установка имеет глубочайшие исторические корни. Изучение политики и истории человеческих обществ невозможно в отрыве от детерминанта «мы – они», так как это важнейшие нерациональные категории сознания, имеющих проявления в действиях [Поршнев 1979, с. 21–25]. Ее изучение требует масштабного погружения в истоки государственности, а возможно и формирования первобытных обществ [Маслаков 2015]. Различение по этому принципу можно считать одним из первичных и самых примитивных способов самоидентификации социальной группы, а также способов определения источника опасности [Козырев 2008, с. 34–35].

Гибридные конфликты как чрезвычайно продолжительные приводят к формированию особой социальной психологии, носители которой видят войну как нормальное состояние, как неотъемлемую часть жизни. Более того, такая психология вместе с результатами социально-политической мысли и государственной пропаганды приводит к перерождению этно-региональных или территориальных конфликтов в конфликт как самоцель или конфликт как способ самоидентификации («мы не они»), что повышает популярность жесткого милитаристского дискурса [Типология конфликтов… 2013, с. 134].

Деградация изначальных целей конфликта приводит к выдвижению на первый план целей политико-идеологического происхождения, например, цели компенсировать общественно-психологические комплексы – мнимые или реальные исторические поражения, или утвердить некую социально-историческую роль собственного государства или народа, восстановить историческую справедливость и др. За десятки лет именно преобладание идеологического контекста приводит к тому, что через государственную пропаганду, а также сквозь феномен исторической памяти создается настолько детализированный и реалистичный образ врага, что мирное сосуществование с «другим» народом, или государством-«врагом» и мирное разрешение перестает быть допустимым вариантом окончания конфликтной ситуации.

Это рождает историческую «цикличность» – затянувшийся конфликт приводит к усилению влияния принципа общественной самоидентификации «свой/чужой», проявляющемуся в активном формиро-

вании образа врага, которое, в свою очередь, приводит к еще большему затягиванию конфликта.

Индо-пакистанский конфликт начал развиваться вместе с появлением государств-участников на карте мира – речь идет об обретении Индией и Пакистаном независимости от Британской империи – и длится на протяжении всего их существования. Именно поэтому кашмирская проблема служит для индусов постоянным источником политического и идеологического дискурса, влияющего на личную идентичность, коллективную память и социальные убеждения, а пакистанцы стали народом, формирующим образа врага в индийском обществе.

Это обуславливает чрезвычайную популярность антипакистанской риторики Моди, а также «политики жестких ответов». Однако в долгосрочной перспективе это приводит к тому, что приоритетной остается только «политика безопасности», в то время как другие направления развития Индии остаются в тени.

Приоритизация политики безопасности также приводит к затягиванию конфликта с Пакистаном. Этот аспект отлично объясняется в рамках теории секьюритизации, которая особенно ярко проявляется в контексте гибридной войны. «Секьюритизация» в международных отношениях является процессом определения государством угроз национальной безопасности на основе субъективных, а не объективных оценок проблем безопасности. Государства, которые склонны воспринимать определенные проблемы национальной безопасности как экзистенциональную угрозу, «секьюритизируют» эти секторы, принимая серьезные, порой избыточные меры по обеспечению их безопасности, часто в нарушение правовых процедур и демократического процесса [Kilroy 2022, p. 49]. В случае Индии ярким примером секъюритизации проблем безопасности является ужесточение контроля над индийской частью Кашмира.

Как уже отмечалось, современный международно-правовой режим несмотря на то, что он сегодня подвергается размыванию, не предусматривает использования силовых методов для реализации своих целей. Индия, как любая другая страна в аналогичных обстоятельствах, вынуждена действовать в границах серой зоны, что подразумевает расхождение между декларативными формулировками позиций и подходов и реальными действиями. Индийские власти не признают Кашмир спорной территорией или территорией, удерживаемой военным путем. При этом объективные данные говорят о том, что Кашмир не интегрирован в индийское политическое и культурное пространство, а до сих пор представляет собой сложную протестную территорию, для удерживания которой в составе Индии центральные власти вынуждены использовать значительный силовой ресурс.

Силовой аппарат Индии в Джамму и Кашмире и Ладакхе насчитывает более полумиллиона военнослужащих, вооруженных формирований и сотрудников Центральной резервной полиции (Central Reserve Police Force), а также значительный контингент регулярных сил полиции. Соотношение военнослужащих и гражданского населения делает регион самым милитаризованным местом в мире [Dushinski, Hoffman 2011, p. 52].

Представляется важным отметить, что в случае Кашмира атмосфера поддержания национальной безопасности, которая формируется через государственное насилие и принуждение, вступает в прямое противоречие с функцией государства по обеспечению прав и благосостояния граждан. На союзных территориях Джаму и Кашмир и Ладакх управление происходит, в частности, с помощью чрезвычайных правовых мер и соответствующей судебной практики. Правовые основы силовой государственной политики устанавливаются специальным чрезвычайным законодательством, связанным с безопасностью, в первую очередь, «Законом о неспокойных районах»[2], «Законом об особых полномочиях Вооруженных сил»[3] и «Законом об общественной безопасности»[4], которые предоставляют сотрудникам сил безопасности неограниченные полномочия для проведения специальных операций.

Эти акты узаконили насилие в долине, санкционируя применение против населения неограниченной силы. Через «Закон об особых полномочиях Вооруженных сил» всем представителям сил безопасности предоставляется право стрелять на поражение на основании простого подозрения, если это необходимо для «поддержания общественного порядка». Закон также гарантирует иммунитет от судебного преследования, устанавливая, что судебное дело не может быть возбуждено против военнослужащего без разрешения центрального правительства, – положение, которое на практике не оставляет гражданскому населению никаких механизмов для защиты своих прав [Dushinski, Hoffman 2011, p. 41].

Отдельным вопросом является практическое отсутствие свободного доступа к информации в Кашмире. Ограничения свободы СМИ являются давно используемой и хорошо освоенной мерой, к которой прибегает правительство Индии в периоды социальной и политической нестабильности в регионе, поддерживаемой Пакистаном. На этом фоне возрастает роль пропаганды и дезинформации населения, как внутри Индии, так и на кашмирских территориях, контролируемых Нью-Дели. В серой зоне

[2] The Disturbed Areas (Special Courts) Act, 1976.

[3] The Armed Forces (Special Powers) Act, 1958

[4] The Jammu and Kashmir Public Safety Act, 1978.

гибридных войн национальная безопасность всегда увязывается с чрезвычайным государственным контролем, в рамках которого свободные СМИ и плюрализм мнений просто невозможны. Однако парадокс такой ситуации в том, что жесткий контроль СМИ и активизация работы пропагандистского аппарата в долгосрочной перспективе приводит к ухудшению ситуации и отражает далеко не силу, а слабость власти и отсутствие у нее иных инструментов влияния, кроме силовых.

Уже в конце 1980-х гг. регион стал свидетелем сильнейшего сопротивления индийскому правительству, которое переросло в вооруженное восстание. Предшествовало этому формирование, а затем постепенное развитие кашмирского исламского радикализма, которое не могло не обострить ситуацию в регионе. Первая религиозно-радикальная партии появилась в Кашмире еще в 1962 г., но вот резкому усилению и ускорению исламизации национального кашмирского движения способствовали события 1970-х годов, такие как, например, военный переворот в Пакистане в 1977 г., исламская революция в Иране в 1979 г. и другие события, происходящие тогда в исламском мире. В декабре 1989 г. началось одно из самых масштабных восстаний в Кашмире, результатом которого стало применение индийскими властями самых жестких мер для восстановления спокойствия в регионе [Белокреницкий 2003].

Следствием или попыткой решения вопроса (помимо силового подавления протестов) стала практика информационной блокады, когда правительство вводит ограничения СМИ и интернета для обеспечения более жесткого контроля в регионе. На современном этапе, особенно после отмены статуса автономии Джамму и Кашмира 5 августа 2019 г., работа независимых СМИ в регионе стала практически невозможна. Практика повсеместного задержания журналистов, закрытия редакций получила еще большее распространение с введением в 2020 г. «Закона о новой политике в отношении СМИ», который на официальном уровне утверждает цензуру в СМИ в Джамму и Кашмире и Ладакхе.

Забастовки и мирные демонстрации против жестких действий индийских служб безопасности, последствия введения государством комендантского часа, который иногда длится несколько дней, не находят отражения в индийских СМИ. Это, как и сами факты нарушения прав человека, не может не снижать лояльность местного населения к индийскому правительству. Индийские СМИ, освещающие проблемы Кашмира, как правило, склонны обвинять в случающихся беспорядках исключительно Пакистан [Nazakat 2012, p. 71]. Однако несмотря на известные факты пакистанской поддержки повстанцев и его политики разжигания сепаратистских настроений в Кашмирской долине, Индия

несет свою долю ответственности за политический и гуманитарный кризис в Кашмире.

Еще одним фактором, определяющим невозможность разрешения кашмирской проблемы в ближайшей перспективе, является оформление националистических настроений и религиозной нетерпимости в индийском обществе. Идеологическая модель БДП имеет решающее значение для понимания матрицы мышления как индийских лидеров, так и общества, так как общественное большинство поддерживает этот политический вектор. БДП является партией индийского национализма, что создает дискурс, формирующий современные нарративы во внешней политике Индии, который в конечном счете находит отражение в индийской политике в отношении Пакистана.

Важно отметить тесную связь БДП с организацией «Раштрия Сваямсевак Сангх»[5], а также их общее следование принципам политической идеологии «хиндутвы», как правой формы индийского национализма. Происхождение идеологии «хиндутвы» имеет глубокие исторические корни и имеет отношение к изначальной конструкции индуистской идентичности. Она ограничивает «органичные» индийские религии индуизмом, сикхизмом, буддизмом, айявари и джайнизмом, считая другие религии, а также некоторые политические течения чужеродными для индийской культуры. Главной же целью приверженцев этой идеологии является рост благосостояния нации индусов, веками угнетаемых и преследуемых [Sharma 2020, p. 45].

В контексте данного исследования абстракция «хиндутвы» как любой политической идеологии не представляется важной, в то время как практические её проявления, в частности в индо-пакистанских отношениях, кажутся вполне ощутимыми и значимыми. Отмена ст. 370 конституции Индии, а также ст. 35а, которые были гарантами широкой автономии региона, разделение штат на две «союзные территории»: Джамму и Кашмир и Ладакх носит явно дискриминационный характер для проживающего на этих территориях мусульманского большинства. Параллельно с этими изменениями БДП принимает изменения в закон о гражданстве Индии, в соответствии с которыми нелегальные мигранты – индуисты, сикхи, буддисты, джайны, парсы и христиане – имеют право на ускоренное получение индийского гражданства. При этом мусульманам такого права не предоставляется[6].

---

[5] Организация «Раштрия Сваямсевак Сангх» представляет собой индусскую военизированную националистическую организация правого толка.

[6] The Citizenship (Amendment) Bill, 2019. URL: https://prsindia.org/billtrack/the-citizenship-amendment-bill-2019#:~: text=The%202019%20Bill%20seeks%20to, provisions%20related%20to%20OCI%20 cardholders (accessed: 02.02.2023).

Внутренняя политическая повестка Индии воспринимается Пакистаном как враждебная. В частности, такие ее проявления, как приверженность индийского руководства агрессивному национализму, которая проявляется в создании дискриминационной правовой базы по отношению к мусульманам, в частности к кашмирцам, а также тот факт, что в современной Индии решение реальных и мнимых проблем государственной безопасности является наиболее популярной темой внутри политического популистского дискурса.

Заключение

В то время как традиционная война – это продолжение предшествующих событий, логично вытекающее из явно оформившихся противоречий, в котором стороны имеют свои четко осознаваемые цели, оформление гибридного пространства вытекает из сложного контекста, выйти из которого возможно лишь после полной деконструкции этого контекста. Действия внутри данного аморфного фронта не способны разрешить проблему, а только усугубляют ее, минимизируя и без того ничтожные возможности для примирения.

Данный тезис хорошо иллюстрируют действия Индии в рамках индо-пакистанского конфликта. Конфликтные циклы внутри гибридной индо-пакистанской войны не приводят проблему к той точке, в которой стороны были бы готовы на конструктивные мирные переговоры.

Установление режима гибридной войны в индо-пакистанских отношениях обусловлено историческими причинами. Так, полноценная гибридная война между Индией и Пакистаном стала реальностью в тот момент, когда Пакистан оказался в условиях, когда добиться своих целей он не мог ни прямым силовым путем, ни традиционным дипломатическим.

Исключительная продолжительность гибридной войны между Индией и Пакистаном может быть объяснена целым рядом факторов. Особое место в затягивании гибридных войн занимают глобалистские и милитаристские настроения политических элит и общества. Лидерские глобалистские амбиции в Индии, корни которых появились после окончания холодной войны, на современном этапе оформились и стали объективной политической реальностью, особенно с приходом к власти Н. Моди. На современном этапе «усилия» Индии по поддержанию гибридной войны базируются на авторитарном популизме и индийском национализме современной политической системы Индии.

Антипакистанская риторика является частью политического образа современной индийской власти. С одной стороны, она провоцирует Пакистан продолжать свою агрессивную политику в отношении Индии

(как бы оправдывая актуальность вопросов безопасности), а с другой – обеспечивает поддержку индийского руководства среди широких слоев населения.

Такая политика сопряжена, с одной стороны, с высоким уровнем дегуманизации и демонизации пакистанцев в глазах индийского общества – т. е. с формированием образа врага. Это удлиняет циклы межгрупповых конфликтов через неприятие обществом идеи переговоров, коллективную агрессию и одобрение массовых жертв среди гражданского населения «страны-врага». Другими словами, отрицание политических прав оппонента, его демонизация и дегуманизация – все это подрывает его легитимность, служит оправданием жестокости по отношению к нему, а также исключает его из системы общечеловеческих норм и ценностей. Это создает порочный круг, в котором восприятие аутгруппы настолько искажено, что возможности для мирного разрешения конфликта сводятся практически к нулю.

С другой стороны, политика индийского руководства сопровождается ужесточением государственного контроля, особенно на кашмирских территориях. Политически декларируемая приверженность борьбе с терроризмом и стремление обеспечить лидерство Индии приводит к принятию дискриминационных законов, повсеместному нарушению прав человека на союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх и несимметричному применению силы против гражданского населения. Это не может не вызывать негативную реакцию Пакистана, поддерживающего борьбу кашмирцев за независимость, что обеспечивает новый виток гибридной войны.

Литература / References

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. [Belokrenitskiy V. Y., Moskalenko V. N., Shaumyan T. L. 2003. South Asia in the World Politics. M. 368 p. (In Rus.)].
2. Белокреницкий В. Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии. Ближний Восток и современность. М., 2003. С. 3–11. [Belokrenitskiy V. Y., Muslim Radical Movement, Kashmir Crisis and Geopolitical Situation in the Central Asia. Middle East and Todays World. 2003. Moscow. P. 3–11. (In Rus.)].
3. Володин А. Г., Шукла В. Ядерное противостояние» в Южной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 6. С. 40–55. [Volodin A. G., Shukla V. 2018. The "Nuclear Confrontation" in South Asia // Outlines of global transformations: politics, economics, law. № 11 (6). Pp. 40–55 (In Rus.)].
4. Кашин В. П. Нарендра Моди. Лидер современной Индии. М: Икар. 2020. [Kashin V. P. 2020. Narendra Modi. Leader of Modern India. Moscow. (In Rus.)].

5. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1 (285). С. 31–39. [Kozyrev G. I. 2008. «Enemy» and «Enemy Image» in Social and Political Relations // Sociological Research. № 1 (285). Pp. 31–39 (In Rus.)].
6. Куприянов А. В., Макаревич А. В. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Journal of International Analytics. 2021. № 12 (2). С. 74–92. [Kupriyanov A. V., Makarevich G. G. 2021. India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place // Journal of International Analytics. № 12 (2). Pp. 74–92 (In Rus.)].
7. Маслаков С. И. Формирование «образа врага» как средство манипулятивного воздействия на социальные группы. Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления // Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. А. Зубок. 2015. [Maslakov S. I. 2015. Development of the "enemy image" as a manipulation means of influence of social groups. Risks in a changing social reality: the problem of management. Materials of the international scientific and practical conference. (Ed. Y. A. Zubok) (In Rus.)].
8. Мелехина Н. В. Пути и перспективы решения Кашмирской проблемы // Восток (Oriens). 2008. № 3. С. 82–94. [Melekhina N. V. 2008. The Ways and Prospects of solving the Kashmir Problem // Vostok (Oriens). № 3. Pp. 82–94. (In Rus.)]
9. Никитина М. В. Индо-Пакистанская конференция в Симле в 1972 году // Via in tempore. Серия: История. Политология. 2008. № 10 (50). С. 51–56. [Nikitina S. I. 2008. Indo-Pakistan Conferense in Simla in 1972 // Via in tempore. History. Political Science. Vol. 8. № 10 (50). Pp. 51–56 (In Rus.)].
10. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. М.: Наука, 1979. [Porshnev B. F. 1979. Social Psychology and History. Moscow. (In Rus.)].
11. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке / под. ред. И. Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2013. [2013. Typology of conflicts: "new wars" and the situation in the Middle East. (Ed. I. Y. Kobrinskaya). Moscow. Pp. 8–9 (In Rus.)].
12. Шаумян Т. Л. Кашмирская проблема: международно-правовой аспект // Вестник Института Востоковедения РАН. 2023. № 4(26). С. 250–264. [Shaumyan T. L. 2023. The Kashmir Problem: International Legal Perspective // Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. № 4 (26). P. 250–264 (In Rus.)].
13. Almäng J. 2019. War, vagueness and hybrid war // Defence Studies. № 19 (2). Pp. 189–204.
14. Ahmed R. Q. 2020. Hindu Nationalism, Modi Factor and the Ideology Matrix in Contemporary India // Margalla Papers. № 24 (1). Pp. 44–53.
15. Duschinski H., Hoffman B. 2011. Everyday violence, institutional denial and struggles for justice in Kashmir // Institute of Race Relations. Vol. 52 (4). Pp. 44–70.
16. Kilroy Jr.R.J. Securitization. 2022. In Handbook of Security Science. (Ed. A. J. Masys). Springer Nature Switzerland.
17. Mattsson P. A. 2017. Russian military thinking – A new generation of warfare // Journal on Baltic Security. № 1 (1). Pp. 61–70.

18. Nazakat S. 2012. Indian Media Coverage of Kashmir. When Stories Clash with National Interest // Asia Pacific Media Educator. № 22 (1). Pp. 69–74.
19. Poornima B. 2022. Cyber Threats and Nuclear Security in India // Journal of Asian Security and International Affairs. № 9 (2). Pp. 183–206.
20. Reichborn-Kjennerud E., Cullen P. 2016. What is hybrid warfare? Oslo: Norwegian Institute of International Affairs.
21. Sharma A. 2020. On the Difference Between Hinduism and Hindutva // Asian Philosophies and Religions. Association for Asian Studies. Vol. 25 (1). Pp. 43–47.
22. Yadav K. S. 2019. Hybrid warfare challenges to the armed forces: Realities and the way ahead // CLAWS. № 12(2). Pp. 122–141.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Pindják P. 2014. Deterring hybrid warfare: A chance for NATO and the EU to work together. NATO Review. https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/11/18/ deterring-hybrid-warfare-a-chance-for-nato-and-the-eu-to-work-together/index.html (accessed: 09.10.2022).
2. The Citizenship (Amendment) Bill, 2019. URL: https://prsindia.org/billtrack/the-citizenship-amendment-bill-2019#:~: text=The%202019%20Bill%20seeks%20to, provisions%20related%20to%20OCI%20 cardholders (accessed: 02.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельникова Софья Владимировна – канд. ист. наук, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Melnikova Sofya V. – PhD (Hist.), Research Fellow, Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 08.02.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 19.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 08.02.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 19.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 332.1(620)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-270-279

ЕГИПЕТ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Александр Оскарович Филоник

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
fao44@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7455-0361

Аннотация. В статье рассматривается ситуация в Египте после Арабской весны, события которой отразились как на экономике, так и на массовом сознании и появились в политике новой власти, рассчитывающей стабилизировать обстановку путем улучшения макроэкономических показателей и условий жизни беднейших слоев. В статье анализируется ситуация в этой области, выделяются положительные и слабые стороны нового курса, который зависит от внешних источников финансирования, настойчиво продавливающих идею либерализации египетской экономики. В то же время власть опирается и на национальные возможности в пределах, которые позволяют маневрировать внутренними ресурсами и в той или иной степени компенсировать социальные и иные дисбалансы, в том числе за счет строительства масштабной производственной и городской инфраструктуры, что не всеми расценивается как действенная мера. Особое внимание уделено среднему классу и перспективам его превращения в полноценный инструмент наращивания промышленной мощи страны. В рамках темы поднимается проблема «ловушки среднего класса», неспособного в своем нынешнем виде действовать в интересах всего общества, равно как и «ловушка бедности», из которой не может вырваться треть населения. В этом случае важна роль государства как мобилизующей силы, которая жестко нацелена на реализацию «Стратегии. Египет 2030», на развитие производительных сил и вовлечение в процесс народных масс, что может консолидировать экономику и предотвратить ее застревание в тупиках инвестиционных дефицитов и бюджетных неурядиц.

Ключевые слова: Египет, Арабская весна, экономическая дееспособность, кризис, либерализация, модернизация, средний класс, ловушка, социальная стабильность, «Стратегия. Египет 2030»

Для цитирования: Филоник А. О. Египет на перепутье. *Восточная аналитика*. 2024; 14(1):270-279. https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-270-279

Original article. Politics studies

EGYPT AT THE CROSSROADS

Alexander Filonik

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
fao44@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7455-0361

Abstract. The article examines the situation in Egypt after the Arab Spring, the events of which affected both the economy and mass consciousness and were reflected in the policies of the new government, which hoped to stabilize the situation by improving macroeconomic indicators and the living conditions of the poorest strata. The article analyzes the situation in this

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Filonik A. O., 2024
© Eastern Analytics, 2024

area, highlighting the positive and weak sides of the new deal, which depends on external sources of financing that persistently push forward the idea of liberalizing the Egyptian economy. At the same time, the government also relies on national capabilities within the limits that allow it to maneuver internal resources and, to one degree or another, compensate for social and other imbalances, including through the construction of large-scale industrial and urban infrastructure, which is not regarded by everyone as an effective measure. Particular attention is paid to the middle class and the prospects for its transformation into a full-fledged instrument for increasing the industrial power of the country. The topic raises the problem of the "middle class trap," which in its current form is unable to act in the interests of the entire society, as well as the "poverty trap," from which a third of the population cannot escape. In this case, the role of the state is important as a mobilizing force that is strictly aimed at implementing the "Strategy. Egypt 2030," to develop the productive forces and involve the masses in the process, which can consolidate the economy and prevent it from getting stuck in the impasses of investment deficits and budgetary turmoil.

Keywords: Egypt, Arab Spring, economic viability, crisis, liberalization, modernization, middle class, trap, social stability, Strategy. "Vision 2030"

For citation: Filonik A. O. Egypt at the Crossroads. *Eastern Analytics*. 2024;14(1):270-279. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227–5568-2024-01-270-279

Египет уже не может оставаться в качестве просто самой большой страны арабского региона с экономикой, которая не отвечает современному уровню развития глобальных производительных сил и имеет общество, сознание которого все еще заметно тяготеет к ценностным представлениям, уходящим в глубокую старину. Естественно, не следует понимать так, что египтяне остаются в стороне от современной жизни во всех ее проявлениях, тем более если принять во внимание, какой путь прошла страна с середины прошлого века до настоящего момента в экономическом и политическом отношениях. Сдвиги за десятилетия произошли значительные. Но обретая материальные очертания, они все же распространяются на немалую часть нации косвенно, оставляя лакуны, нечувствительные к изменявшимся трендам и исподволь накапливали негативный настрой в народе, большая часть которого и сейчас находится в зоне крайне низких показателей уровня жизни.

Резко дифференцированные условия существования разных страт населения практически не сглаживались, особенно проявляясь на фоне колоссального его прироста и хронического дефицита средств жизнеобеспечения, даже несмотря на приемлемые показатели макроэкономического порядка, которые если и сказывались на состоянии бедных слоев, то к ощутимым улучшениям не приводили.

Недовольство копилось не только под влиянием условий жизни, но и провоцировалось политической нестабильностью, растущей социальной напряженностью, коррупцией, начиная с низших ступеней власти,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Филоник А. О., 2024
© Восточная аналитика, 2024

что также нагнетало протестные настроения. В новом веке сдерживаемое негодование и игнорирование нужд значительной части населения приблизились к апогею. Итогом прорвавшегося возмущения стал мощный социальный январский взрыв как выброс стихийного негодования миллионных толп, которые выступили против тревожных явлений в политической жизни, безразличия властей к крайней бедности населения и множества других обстоятельств, отражавших претензии социума к правящим в Египте силам.

Народный бунт, в той или иной мере исчерпавший энергию улицы, в итоге привел к появлению на экономической и политической сцене в качестве ведущего игрока египетскую армию и сумел подкорректировать политику власти в направлении, более соответствующем внутренним и внешним интересам страны и населения в целом. А этот момент важен для национального самосознания, поскольку Египет как большое государство всегда ощущал свою роль в арабском мире и до поры был крупнейшей политической величиной и религиозным авторитетом для всей мусульманской общины. Его место и поныне остается заметным не только в региональной среде, но и в мировом сообществе.

Важно то, что и сейчас внутренние и внешние обстоятельства диктуют Египту правила поведения для сохранения в силе этих «макрофакторов» его нынешнего существования и проведения мер, которые должны поддерживать принятый курс на модернизацию хозяйственного пространства и обновление египетского общества сообразно с современными экономическими и политическими императивами.

Между тем чередующиеся негативные явления экономического ряда и сложности, обусловленные присутствием объективных природных обстоятельств, вынуждают национальное хозяйство постоянно функционировать в режиме испытания на прочность, что вызывает периодические сбои и провалы в рабочем ритме воспроизводственного организма страны. Накопление нештатных ситуаций в разных отраслях ведет к расстройству не только производственных процессов, но и угрожает обострением социальных проблем, то есть подрываются сразу два вектора, имеющие первоочередное значение для консолидирования хозяйственных отраслей и положительного мотивирования населения.

В результате государство оказывается в ситуации, когда не может на всех направлениях одновременно обеспечивать ровное поступательное и создающее эффект наката движение, что с многих точек зрения могло бы способствовать более быстрой генерации успехов на основных направлениях роста. Такая тактика доступна при сопутствующих условиях лишь ограниченному кругу мировых товаропроизводителей. Египет же находится в неизмеримо более сложном положении, что не позво-

ляет даже отдаленно маневрировать резервами и мобилизовать ресурсы по стандартам продвинутых государств. Но в то же время он не относится к периферии развивающегося мира, обладая статусом государства среднего уровня развития. Этот момент предполагает, что Египет имеет некий запас прочности и возможность в определенных пределах сопротивляться кризисным явлениям, вызванным протестами времен «Арабской весны», а ныне последствиями недавнего Ковидного кризиса, украинскими событиями (поставки продовольствия), дефицитом финансовых ресурсов. В результате в стране перманентно сохраняется напряженность в экономике и в социальной сфере, причиной чего являются остающиеся непреодоленными проблемы в сочетании с возникающими новыми, что сдерживает движение по рейтинговым шкалам. К тому же Египет стабильно остается в «ловушке среднего уровня», в которой застряли до 75% мирового населения и более 60% его бедного спектра, включая большинство населения арабского региона и Африки[1].

Арабский автор замечает, что такие страны ограничены в получении дешевых кредитов в собственной валюте, а внешнее кредитование обрекает их на потери от изменчивого обменного курса, к тому же иностранные займы на льготных условиях не всегда доступны по разным соображениям, нередко политическим. Заимствования по таким каналам не являются абсолютной гарантией защиты от колебаний конъюнктуры и далеко не во всех случаях могут оградить реципиента от рыночных конвульсий.

Египту же при благоприятных обстоятельствах удается поддерживать более-менее устойчивую экономическую дееспособность. Но до определенного предела, нередко балансируя на грани сваливания в глубокий кризис или удерживаясь на краю за счет внешних источников накопления в виде различных международных фондов развития и других учреждений, экономии валюты, пожарной мобилизации внутренних ресурсов, частных инвестиций, потенциала внешней торговли. На таком фоне дополнительной подушкой безопасности могла бы стать модель развития, опирающаяся на усовершенствованную систему институционального обустройства национальных механизмов хозяйствования за счет укрепления среднего бизнеса и расширения среднего класса. Но такой вариант на текущем этапе и в чем-то на перспективу можно, кажется, рассматривать более в предположительном аспекте, поскольку сегодняшняя египетская экономика пока опирается на госсектор в наиболее трудоемких и затратных отраслях, а частный капитал

[1] Mahmoud Mohieldin. Caught in the middle // Ahram Online. 25.01.2023. URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/484847/Opinion/Caught-in-the-middle.aspx (accessed: 20.2.2024).

более ориентирован на обслуживающие структуры, не столь капиталоемкие, но зато осваиваемые быстрее.

Возможно, такая практика под лозунгами продвигаемой западными институтами либерализации претерпит изменения, оправдывая расчеты внешних доноров помощи на то, что средний капитал сможет, ориентируясь на преимущества рыночной экономики, склониться к участию в национальных экономических проектах, отказавшись от быстрых спекулятивных операций ради перехода на путь прямого долгосрочного участия в строительстве реальной экономики. Но такой игнорирующий частные интересы процесс едва ли в ограниченные сроки обретет масштабность. Ведь обыденному сознанию среднего бизнеса придется преодолевать серьезные трудности, связанные с отказом от деляческой психологи, весьма мотивированной и отнюдь не стремящейся рассматривать частные активы в качестве инструмента подпитки экономического роста государства.

Очевидно, средний класс Египта в том виде, в каком есть, в большинстве не готов рассматривать свое участие в предприятиях промышленного уровня в качестве первостепенной задачи. У него, видимо, есть понимание того, что, поступая подобным образом, он лишь усугубит последствия, вызванные «ловушкой среднего класса», которая выводит на две проблемы, связанные, с одной стороны, с ловушкой, в которой оказываются страны со средним уровнем дохода, а с другой – в которую попадают средние классы в этих странах. К ним можно «подверстать» и третью в виде предприятий среднего размера. В сравнении с ними крупные компании пользуются льготным режимом со стороны банков и финансовых рынков, тогда как предприятия меньшего калибра получают поддержку от местных или иностранных доноров. Это означает, что предприятия среднего размера во многих развивающихся странах не имеют таких форм поддержки, к которым можно было бы прибегнуть во время кризиса. У них нет ресурсов и возможностей, доступных крупным компаниям, они не рассчитывают на внимание к себе со стороны доноров, которые даже в обычных ситуациях не замечают малых предприятий. Эти последние трактуются как «забытая середина», и этот образ символизирует страны, компании или людей, которые «отнесены к зоне "нигде" на основе той или иной системы ранжирования»[2].

Хотя условия выделения разных видов помощи напрямую связываются с либерализацией национальной экономики, в том числе и с расширением сферы частного предпринимательства, источники финансирования последнего, тем более в его «приземленной» форме, менее

[2] Mahmoud Mohieldin. Caught in the middle.

щедры и не вызывают сомнения в том, что с их помощью можно размыть такое характерное для стран догоняющего развития явление, как «ловушка среднего уровня» или «среднего дохода», т. е. материализовать реальность, которая разрушит это «проклятие» очень большой группы стран, добивающихся развития, но не получающих стимулов для роста и вынужденных существовать в условиях пробуксовывающей экономики.

Тем не менее, даже если допустить присутствие на экономическом пространстве некоего количества мотивированных, но менее форматных бизнес-структур-«государственников» с устоявшейся доходностью, все равно остаются сомнения в том, насколько они перспективны с точки зрения их готовности сформировать дееспособный «подкаст» масштабного бизнеса и мутировать в самостоятельный сегмент национального предпринимательства, а не работать, как бы подыгрывая действующему крупному капиталу или выполняя вспомогательные функции под его зонтиком, либо просто довольствуясь некоей близостью к нему ради возможности «светить отраженным светом».

Все же поле для маневрирования среднего капитала так или иначе доступно, но в пределах его дееспособности и умения выживать в турбулентной среде с перегрузкой работающего воспроизводственного организма. Реальная ситуация клонится к тому, что средний капитал оказывается ближе к своего рода «мертвой зоне», поскольку Египет в силу объективных причин не может оперативно стимулировать процесс укрепления средней предпринимательской прослойки и добиваться более-менее приемлемого расширения среднего класса как такового из-за проблем, сгенерированных экономическими, социальными, рыночными, инвестиционными и другими причинами. Между тем только выравнивание экономического пространства и нивелирование физических и моральных барьеров в сумме могут дать возможность капиталу свободнее оперировать в среднем сегменте и реально удерживаться на отвоеванных позициях.

То есть момент этот важен тем, что колебания конъюнктуры, разбалансирование экономики, неосторожное политическое маневрирование могут нарушать равновесие интересов продуктивного бизнеса, который в ответ на колебания обстановки может снижать или даже сворачивать деятельность. Египетское правительство, в общем, стремится более-менее бережно выстраивать отношения с этой категорией субъектов хозяйственной деятельности, понимая, что для среднего класса, в какой бы среде он ни функционировал, необходим достаточно устойчивый доход, обеспечивающий постоянное потребление широкого круга дорогостоящих товаров и продуктов. И египетское руководство вполне

осознает тот факт, что средний класс следует рассматривать как основу социальной стабильности и деловых традиций в обществе и видит в нем инструмент экономической и социальной мобильности, необходимой для прогресса страны.

Однако несмотря на понимание этой истины государство не может в необходимых масштабах концентрироваться на этом срезе экономической активности, если речь не идет о высокотехнологичных стартапах, потребности которых государством поддерживаются. Но в целом, несмотря на вынужденную избирательность в выборе объектов для поддержки, государство стремится создавать в обществе ощущение атмосферы подъема. Оно сосредоточивается на обладающих визуальной притягательностью крупных инфраструктурных проектах, символизирующих вершины современного прогресса – от атомной энергетики до новейших систем коммуникации и от высокотехнологичных средств производства до последних достижений инновационной сферы, чтобы демонстрировать успехи и в то же время развивать в стране внутренний спрос и активизировать выходы на внешний рынок.

В силу понятных причин и несмотря на инициативы и маневрирование, Египет продолжает существовать в условиях «ловушки среднего уровня», обеспечивая определенный уровень стабильности, но не имея достаточных сил и средств для дальнейшего продвижение вперед. Это с одной стороны. С другой – такое же по результату сдерживающее влияние Египет испытывает от попадания в «ловушку бедности». Это ситуация, где главенствует устойчивая тенденция, определяемая масштабами бедности и нищеты, которые охватывают ныне не меньше трети населения и объективно не могут быть минимизированы по причине хронического отсутствия у обездоленных слоев возможностей для обретения лучшего качества жизни своими силами и нехватки необходимых ресурсов у государства, чтобы прорвать «блокаду»[3].

Эти явления носят системный характер, то есть, формируют реальность, которая демонстрирует жесткую определенность встающих перед Египтом перспектив, особенно, если учесть отмечавшийся выше эффект сложения двух явлений – в виде «ловушки» для государства и «ловушки» для среднего класса в этом государстве.

Существование такого бинарного явления в экономической и социальной среде, видимо, и в дальнейшем будет определять канву развития египетского национального хозяйства и роль крупного капитала. Средний бизнес в производственном сегменте будет, скорее всего, раз-

[3] Mahmoud Mohieldin. Caught in the middle.

виваться в своей нише естественным образом, т. е. постепенно мутируя и медленно выделяясь в отдельный анклав, но едва ли в ныне господствующих обстоятельствах сможет расширить зону своего присутствия в национальной системе производительных сил и стать одной из опор экономической и социальной пирамиды. Для этого должны сложиться объективные условия как внутреннего, так и внешнего порядка, которые могли бы реально обеспечить дееспособность среднего класса в условиях сложной финансовой и инвестиционной динамики, лишь косвенно способствующей улучшению позиций среднего предпринимательства. Его судьба прямо зависит от общего состояния экономики и социума и способности государства мобилизовывать и рационально распределять ресурсы, что в настоящем чаще сводится к латанию дыр в бюджете.

При таком положении дел сегодняшняя экономика Египта и в целом, и в отдельных нишах, несмотря на все усилия для ее подъема, едва ли может самоорганизоваться и эффективно действовать в отрыве от внешних источников накопления, которые поддерживают дееспособность национальных воспроизводственных механизмов, но одновременно продвигают свое понимание будущего Египта, постоянно подталкивая его к согласию на сжатие госсектора.

Египетское руководство многое ставит на стратегическую программу развития «Египет 2030», которая должна за оставшееся время максимально возможно изменить путем модернизации «начинку» несущих производств, закрепить современный технологический уклад и подтянуть страну до фазы устойчивого роста. Оно стремится за оставшееся время создать задел для более широкой модернизации хозяйства и общества, добиваясь целостности и гармонии функциональных механизмов производительных сил.

Государство исходит из понимания того, что только упорядоченная и растущая экономика может дать стимул для мобилизации внутренних усилий, физического и морального потенциала, которым располагает нация, относя сюда в том числе и среднюю буржуазию, которая своей высшей стратой явно способна при соответствующих условиях расширить зону действия в нетипичных для нее отраслях и двигаться дальше за пределы нынешних ограничений и ловушек.

На этом фоне, несмотря на очевидные трудности, открывая новые перспективы и объявляя о дальнейших инициативах, государство демонстрирует уверенность в осуществимости поставленных задач и стремится привлечь к процессу обновления как можно большее число сторонников выведения Египта в число стран, успешно прошедших этап глубокого реформирования.

Однако в этих посылах есть элемент противоречия между намерениями и возможностями их осуществления, что учитывается общественным мнением, также мутирующим в сторону более глубокого осмысления происходящих в Египте процессов. «Бодряческое» видение недалекого будущего египетской экономики в условиях нынешней практики едва ли может вселять массовый оптимизм по многим основаниям, которые имеются как в самой экономике, так и в социальной сфере, где есть место пережиточным представлениям, неприятие радикальных новшеств, недовольство текущей обстановкой, боязнь будущего, которое может оказаться хуже настоящего.

Тем более, что Египет так или иначе но постоянно лихорадит под воздействием обстоятельств, вызванных поисками решений по неотложным экономическим и социальным вопросам, что вносит дополнительную напряженность в разные слои общества, заметно разобщенного по показателям грамотности и общей культуры, политическим симпатиям. Нависающая угроза деградации окружающей среды и пугающая идея глобального потепления, дефицит земельных ресурсов и водных резервов, быстро растущее население, бедность, нищета и безработица вместе с целым блоком других проблем разного происхождения также будоражат общественное мнение. Скрытое недовольство подогревается отсутствием быстрых результатов, что сеет сомнения если не во всем обществе, то, во всяком случае, в заметной части его, особенно относительно, как считается, увлечения властей фундаментальными проектами, что рождает опасения по поводу наступления лучшего будущего.

Тем не менее, государство довольно последовательно продвигает концепцию поэлементного становления нового технологического уклада вместе с совершенствованием базисных технологий, что должно будет иметь продолжение и за пределами «Стратегии. Видения 2030». Все это на фоне мало благоприятствующей текущей обстановки, оттенки которой могут варьироваться в широких пределах, но не настолько, видимо, разрушительных в глазах египетских военных, имеющих волю поддерживать поступательность развития национальной экономики, организовывать новые производства, генерировать импульсы на будущее, создавая стране образ крупного конкурентоспособного и многофункционального центра в арабском регионе. Однако следует учитывать, что Египет пока не прошел точку невозврата в движении к этой цели и несет в себе множество иррациональных рудиментов, которые могут угрожать стабилизации экономики и социума непредвиденными коллизиями или вообще застопорить страну на перекрестке, образованном противоречиями между ростом, который не набрал силу, и развитием, которое не обрело объемных форм.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Mahmoud Mohieldin. Caught in the middle // Ahram Online. 25.01.2023. URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/484847/Opinion/Caught-in-the-middle.aspx (accessed: 20.2.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Филоник Александр Оскарович – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Filonik Alexander O. – PhD (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 19.03.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 19.03.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 29.03.24. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: https://analitika.ivran.ru

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: https://wwprint.ru

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 29.03.24. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: https://analitika.ivran.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: https://wwprint.ru